

2542-1840 (PRINT)
2541-9145 (ONLINE)

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY. SERIES: HUMANITIES
AND SOCIAL SCIENCES

VESTNIK KEMEROVSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA.
SERIIA: GUMANITARNYE
I OBSHCHESTVENNYE NAUKI

ТОМ 8 № 4
2024

Вестник Кемеровского государственного университета.
Серия: Гуманитарные и общественные науки –
национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 2017 года. Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.
Журнал относится к категории К2 в соответствии
с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК
по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.

Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается
за счет средств Кемеровского государственного
университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям
журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правила для авторов,
архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте
издания: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

Журнал включен в базы данных: Dimensions,
DOAJ, ErichPlus, Scilit, РИНЦ, Соционет.

Статьи распространяются на условиях лицензии
CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67379.
Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине
периодических изданий «Пресса по подписке» – 94232.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Кемеровский государственный
университет».

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская
область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities
and Social Sciences is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 2017. Published 4 times a year.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-
Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation. The Journal
belongs to Top Category (K2) of scientific periodicals
as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.

Opinions expressed in the articles published in the Journal
are those of their authors and may not reflect the opinion
of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University.
Authors do not have to pay any article processing charge
or open access publication fee.

All manuscripts undergo a double-blind review.

For more information about our publishing politics,
instructions for authors, and archives of full-text issues,
please visit our website: <https://vestnik-hss.kemsu.ru>

The journal is registered in the following databases:
Dimensions, DOAJ, ErichPlus, Scilit, RSCI, Socionet.

The articles are distributed under the terms
of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-67379. Registered
in the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2542-1840 (print); 2541-9145 (online).

Subscription indices: 94232 – in the online-store
of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Kemerovo
State University".

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St.,
Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo,
Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)55-87-61; j.juredu@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Морозова Ирина Станиславовна

главный редактор, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Трезубов Егор Сергеевич

зам. главного редактора, канд. юрид. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Law), Ass. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Редакционная коллегия / Editorial board

Абросимова Елена Антоновна

д-р юрид. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).
Elena A. Abrosimova, Dr.Sci. (Law), Prof., Lomonosov
Moscow State University (Moscow, Russia).

Агавелян Рубен Оганесович

д-р психол. наук, проф., НГПУ (Новосибирск, Россия).
Ruben O. Agavelyan, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Novosibirsk State Pedagogical University
(Novosibirsk, Russia).

Алмазова Анна Алексеевна

д-р пед. наук, доцент, МПГУ (Москва, Россия).
Anna A. Almazova, Dr.Sci. (Ed.), Ass. Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Аничкин Евгений Сергеевич

д-р юрид. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).
Evgeniy S. Anichkin, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Altai State University (Barnaul, Russia).

Ахметова Дания Загриевна

д-р пед. наук, проф., КИУ (Казань, Россия).
Daniya Z. Akhmetova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kazan Innovative University (Kazan, Russia).

Бабури́н Сергей Николаевич

д-р юрид. наук, проф., ИП РАН (Москва, Россия).
Sergey N. Baburin, Dr.Sci. (Law), Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Брановицкий Константин Леонидович

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ
(Екатеринбург, Россия).
Konstantin L. Branovitsky, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia).

Веряев Анатолий Алексеевич

д-р пед. наук, проф., АлтГПУ (Барнаул, Россия).
Anatoliy A. Veryaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).

Воркачев Сергей Григорьевич

д-р филол. наук, проф., КубГТУ (Краснодар, Россия).
Sergey G. Vorkachev, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kuban State Technological University (Krasnodar, Russia).

Гаврилов Станислав Олегович

д-р ист. наук, канд. юрид. наук, проф., КемГУ
(Кемерово, Россия).
Stanislav O. Gavrilov, Dr.Sci. (Hist.), Cand.Sci. (Law),
Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Грицков Юрий Викторович

д-р филос. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Yuriy V. Gritskov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Гусев Алексей Николаевич

д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).
Aleksey N. Gusev, Dr.Sci. (Psychol.), Prof.,
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Жданова Светлана Юрьевна

д-р психол. наук, доцент, ПГНИУ (Пермь, Россия).
Svetlana Yu. Zhdanova, Dr.Sci. (Psychol.), Ass. Prof.,
Perm State University (Perm, Russia).

Жукова Ольга Ивановна

д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Olga I. Zhukova, Dr.Sci. (Philos.), Prof., Kemerovo
State University (Kemerovo, Russia).

Золотухин Владимир Михайлович

д-р филос. наук, проф., КузГТУ (Кемерово, Россия).
Vladimir M. Zolotukhin, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia).

Калашникова Марина Борисовна

д-р психол. наук, проф., НовГУ
(Великий Новгород, Россия).
Marina B. Kalashnikova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russia).

Каменева Вероника Александровна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Veronika A. Kameneva, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Ким Юрий Владимирович

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Yuriy V. Kim, Dr.Sci. (Law), Prof., Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia).

Кощеев Константин Леонидович

специальный редактор, Арбитражный суд
Кемеровской области (Кемерово, Россия).
Konstantin L. Koshcheev, special ed., Arbitration
court of Kemerovo region (Kemerovo, Russia).

Красиков Владимир Иванович

д-р филос. наук, проф., ВГУЮ (РПА Минюста России)
(Москва, Россия).
Vladimir I. Krasikov, Dr.Sci. (Philos.), Prof.,
All Russian State University of Justice (RLA
of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia).

Курдуманова Ольга Ивановна

д-р пед. наук, проф., ОмГПУ (Омск, Россия).
Olga I. Kurdumanova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Ляско́вска Катаржина

д-р права (habil), проф., Белостокский университет
(UwB, Белосток, Польша).
Katarzyna Laskowska, Dr. hab. (Law), Prof.,
University of Białystok (UwB, Białystok, Poland).

Мардахаев Лев Владимирович

д-р пед. наук, проф., РГСУ (Москва, Россия).
Lev V. Mardakhaev, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Russian State Social University (Moscow, Russia).

Московченко Ольга Никифоровна

д-р пед. наук, проф., КГПУ им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия).
Olga N. Moskovchenko, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
V. P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University
(Krasnoyarsk, Russia).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Boris P. Nevzorov, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Немытина Марина Викторовна

д-р юрид. наук, проф., РУДН (Москва, Россия).
Marina V. Nemytina, Dr.Sci. (Law), Prof.,
RUDN University (Moscow, Russia).

Осипова Светлана Ивановна

д-р пед. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Svetlana I. Osipova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Остапович Игорь Юрьевич

д-р юрид. наук, доцент, УрГЮУ
(Екатеринбург, Россия).
Igor Yu. Ostapovich, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Ural State University of Law (Ekaterinburg, Russia).

Плаксина Татьяна Алексеевна

д-р юрид. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).
Tatiana A. Plaksina, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Россинский Сергей Борисович

д-р юрид. наук, доцент, Институт государства
и права РАН (Москва, Россия).
Sergey B. Rossinskiy, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
The Institute of State and Law of The Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia).

Самович Юлия Владимировна

д-р юрид. наук, проф., Казанский филиал РГУП
(Казань, Россия).
Yulia V. Samovich, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kazan branch of the Russian State University of Justice
(Kazan, Russia).

Слышкин Геннадий Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., РАНХиГС (Москва, Россия).
Gennady G. Slyshkin, Dr.Sci. (Philol.), Prof.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (Moscow, Russia).

Филатова Ульяна Борисовна

д-р юрид. наук, доцент, ИГУ (Иркутск, Россия).
Uliana B. Filatova, Dr.Sci. (Law), Ass. Prof.,
Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Халыпина Людмила Петровна

д-р пед. наук, проф., СПбПУ Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия).
Ludmila P. Khaliapina, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia).

Черненко Тамара Геннадьевна

д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Tamara G. Chernenko, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Чурекова Татьяна Михайловна

д-р пед. наук, проф., КемГИК (Кемерово, Россия).
Tatiana M. Churekova, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Шевелева Светлана Викторовна

д-р юрид. наук, проф., ЮЗГУ (Курск, Россия).
Svetlana V. Sheveleva, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Southwest State University (Kursk, Russia).

Шепель Тамара Викторовна

д-р юрид. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Tamara V. Shepel, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Яковлева Ирина Михайловна

д-р пед. наук, проф., МГПУ (Москва, Россия).
Irina M. Yakovleva, Dr.Sci. (Ed.), Prof.,
Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

Ящук Татьяна Федоровна

д-р юрид. наук, проф., ОмГУ (Омск, Россия).
Tatiana F. Yashchuk, Dr.Sci. (Law), Prof.,
Omsk State University (Omsk, Russia).

КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения
в образовательном учреждении интернатного типа

Немолочная Н. В. 437

Проявления психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов
студентов высшего и профессионального образования

Чуриков И. Ю. 445

Междисциплинарные исследования языка

Диалогический дискурс в медицинской практике: когнитивно-речевые проявления
и специфика организации

Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А., Шот Ю. С. 458

Особенности метода ассоциативного эксперимента и его роль в когнитивных
исследованиях

Федорцева И. А., Тубалова И. В. 466

ПЕДАГОГИКА

Методология и технология профессионального образования

Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения:
междисциплинарный подход

Белова Е. Н., Синьковская И. Г., Лукина А. К., Квитковская С. И. 479

Активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического
колледжа: методы и формы организации

Губанова М. И., Приходько Е. В. 489

Особенности вовлеченности студенческой молодежи из различных регионов
Российской Федерации в волонтерскую деятельность

Картавцева А. П., Григорьева Н. В., Зябрева С. Э., Погромская А. И. 502

Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений
при изучении иностранного языка

Шукурова И. В., Орехова Е. Ю., Денеко М. В. 513

Теория и методика обучения и воспитания

Диадное учебное исследование с математическим контекстом как средство
диагностики уровня сформированности метапредметных умений школьников

Позднякова Е. В. 525

Внедрение искусственного интеллекта на занятиях по развитию речи
с китайскими студентами

Попович О. Ю. 539

ПРАВО

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Дискуссионные аспекты и перспективы внедрения электронного правосудия

Гаврилов Е. О. 546

Теоретико-исторические правовые науки

Российская национальная правовая система: советский и постсоветский этапы.
Сравнительный анализ

Амиров К. С. 558

Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение
исправительно-трудовой политики

Мартемьянов А. В. 568

Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как вектор
развития российской правотворческой системы

Трофимов В. В. 576

Уголовно-правовые науки

Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху

Жевлакович С. С., Лукинский И. С., Сумина А. В. 585

Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции

Сорокина О. С. 593

Частно-правовые (цивилистические) науки

Гражданское или административное: механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой на этапе возбуждения производства по делу

Галковская Н. Г. 602

Новое направление развития искусственного интеллекта и технологии блокчейн как драйвер в достижении доверительного, доступного и действенного цифрового правосудия для уязвимых слоев населения в Уганде

Русакова Е. П., Чернышева Т. А. 611

Книжные рецензии

Рецензия на книгу: Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов, отв. ред. Ю. В. Ким. М.: Юрайт, 2024. 394 с.

Комарова В. В. 622

Указатель статей, изданных за 2024 г. в журнале

«Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки» 625

COGNITIVE SCIENCES

Interdisciplinary Cognitive Studies

- Neurocognitive Predictors of Academic Performance in a Residential Educational Institution
Nemolochnaya N. V. 437
- Psychophysiological, Cognitive, and Regulatory Processes in University and College Students
Churikov I. Yu. 445

Interdisciplinary Linguistics

- Dialogic Discourse in Medical Practice: Cognitive, Verbal, and Structural Features
Kameneva V. A., Potapova N. V., Rumyantseva A. A., Shot Yu. S. 458
- Association Experiment and Its Role in Cognitive Studies
Fedortseva I. A., Tubalova I. V. 466

PEDAGOGY

Methodology and Technology of University Education

- Future Envisaged by Young Population as Predictor of Demographic Behavior: Interdisciplinary Approach
Belova E. N., Sinkovskaya I. G., Lukina A. K., Kvitkovskaya S. I. 479
- Facilitating Academic Activity at Teachers' Training College: Methods and Forms
Gubanova M. I., Prikhodko E. V. 489
- Engaging Students from Different Regions of the Russian Federation in Volunteering Activities
Kartavtseva A. P., Grigoreva N. V., Zyabreva S. E., Pogromskaya A. I. 502
- Developing Critical Thinking in Non-Linguistic Students as Part of Foreign Language Acquisition
Shukurova I. V., Orekhova E. Yu., Deneko M. V. 513

Theory and Methodology of Education and Upbringing

- Mathematical Research Task in Pairs as a Means of Assessing Meta-Subject Skills in Schoolchildren
Pozdnyakova E. V. 525
- Artificial Intelligence in Oral Language Development Classes with Chinese Students
Popovich O. Y. 539

LAW

Public and State Law

- Discussion on Prospects for E-Justice
Gavrilov E. O. 546

Theoretical and Historical Legal Sciences

- Russian National Legal System: Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Stages
Amirov K. S. 558
- Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy
Martemyanov A. V. 568
- Legal Co-Creation of Public Authorities and Civil Society as Trajectory of Russian Law-Making System
Trofimov V. V. 576

Criminal Law

- AI-Generated Child Pornography: Legal Challenges in Digital Age
Zhevlakovich S. S., Lukinsky I. S., Sumina A. V. 585
- Socio-Legal Conditions of Expanding Criminal Law against Illegal Alcohol Trafficking
Sorokina O. S. 593

Private and Civil Law

Civil or Administrative: Transition from One Type of Proceedings to Another during Commencement Stage

Galkovskaya N. G. 602

Artificial Intelligence and Blockchain in Improving Trust, Accessibility, and Efficiency of Digital Justice for Vulnerable Population in Uganda

Rusakova E. P., Chernysheva T. A. 611

Book Reviews

Constitutional Justice for Universities by Yu. V. Kim (Moscow: Yurait, 2024):

A Book Review

Komarova V. V. 622

Index of articles published in 2024 in the journal

"Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences" 625

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/yfhzjc>

Нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения в образовательном учреждении интернатного типа

Немолочная Нина Владимировна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7353-6367

<https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

nina-nem@mail.ru

Аннотация: В последнее время особенно подчеркивается роль когнитивных характеристик для успешного обучения. Цель – выявить нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения подростков в образовательном учреждении интернатного типа. Проанализированы нейрокогнитивные различия между учащимися разного пола, проведена оценка нейродинамических и психодинамических показателей в зависимости от успеваемости и функционального состояния организма. Использованы методики, позволяющие оценить когнитивные характеристики, уровень функциональной подвижности нервных процессов, силу нервных процессов, функциональное состояние центральной нервной системы, соотношение процессов возбуждения и торможения. Функциональное состояние организма подростков оценивали с использованием кардиоритмографической программы. Выявлено, что напряжение механизмов адаптации наблюдается у большинства подростков. Среди подростков, обучающихся на «удовлетворительно», отмечается более высокий процент лиц с неудовлетворительной адаптацией. Достижение высокой академической успеваемости обучающихся обеспечивается за счет оптимального функционального состояния центральной нервной системы, высокой концентрации внимания, силы нервной системы, уравновешенности процессов возбуждения и торможения, формирующих надежность когнитивной деятельности и поддерживающих нормальную умственную работоспособность обучающихся. У девочек с низкой успеваемостью отмечается ухудшение функционального состояния центральной нервной системы и работоспособности головного мозга; у мальчиков – снижение работоспособности головного мозга и преобладание процессов возбуждения над торможением. Показано, что предикторами успешности обучения подростков могут являться сила нервной системы и объем внимания.

Ключевые слова: подростки, когнитивные характеристики, нейродинамические показатели, функциональное состояние организма, академическая успеваемость, адаптация

Цитирование: Немолочная Н. В. Нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения в образовательном учреждении интернатного типа. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 437–444. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-437-444>

Поступила в редакцию 20.09.2024. Принята после рецензирования 25.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Neurocognitive Predictors of Academic Performance in a Residential Educational Institution

Nina V. Nemolochnaya

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7353-6367

<https://orcid.org/0000-0003-2843-4233>

nina-nem@mail.ru

Abstract: Academic success is believed to depend on one's cognitive status. This article describes the neurocognitive predictors of academic performance in teenagers from a boarding school. The author compared neurocognitive indicators in boys and girls, as well as measured their neurodynamic and psychodynamic indicators in connection with academic performance and health status. The methods applied made it possible to evaluate cognitive properties, the lability and expression of nervous processes, the general functional state of the central nervous system, the excitation-to-inhibition ratio, etc. The functional state was assessed using a cardiorhythmographic

program. Most teenagers demonstrated adaptation issues. Poor academic performance was associated with poor adaptation. High-achievers demonstrated a healthy central nervous system, a good attention span, and a stable excitation-to-inhibition ratio. These qualities provided good cognitive performance. The girls with poor academic performance showed a functional decline of the central nervous system and brain functions. In the boys, the poor brain performance was accompanied by excitation prevailing over inhibition. The status of nervous system and attention span proved to be an effective predictor of academic performance in teenagers.

Keywords: adolescents, cognitive characteristics, neurodynamic indices, functional health status, academic performance, adaptation

Citation: Nemolochnaya N. V. Neurocognitive Predictors of Academic Performance in a Residential Educational Institution. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 437–444. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-437-444>

Received 20 Sep 2024. Accepted after review 25 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

Одной из причин дезадаптации подростков является несоответствие учебных нагрузок функциональным, интеллектуальным и личностным возможностям их организма. В процессе образовательной деятельности возрастают требования к адаптационным возможностям подростков: увеличивается поток учебной информации, повышаются требования со стороны педагогов, нависает угроза отчисления при снижении успеваемости. При этом возникает потребность в разделении оценки факторов и условий, которые влияют на особенности развития механизмов адаптации, формирующихся в процессе обучения [1–3].

Адаптация к комплексу новых факторов, специфичных для лицей-интерната, представляет собой сложный многоуровневый социально-психофизиологический процесс и сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма подростков [4–6]. Условия обучения в образовательных учреждениях интернатного типа существенно отличаются от условий общеобразовательной школы. Находясь на обучении в школе-интернате, подростки проживают в общежитии, в комнатах по несколько человек, поэтому на них действуют еще такие факторы, как: нахождение вне семьи, новый коллектив преподавателей и одноклассников, отсутствие возможности побыть одному.

При изучении механизмов, обеспечивающих адаптацию обучающихся к условиям образовательной среды, необходимо учитывать, прежде всего, академическую успеваемость как интегральную оценку эффективности учебной деятельности, т. к. она характеризует степень соответствия возможностей личности обучающегося не только требованиям школьной программы, но и нормам школьной жизни: принятие требований учителя и ритма учебной деятельности, овладение правилами поведения в классе, отношение к школе, познавательная активность [7–10].

В последнее время особенно подчеркивается роль когнитивных характеристик для успешного обучения.

Ученые отмечают, что именно в подростковом возрасте когнитивные показатели претерпевают существенные изменения: развивается умение организовывать и контролировать свое внимание, процессы памяти, управлять ими [11–17].

Цель исследования – выявить нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения подростков в образовательном учреждении интернатного типа.

Методы и материалы

Обследованы подростки в возрасте 14–16 лет, обучающиеся в инновационном образовательном учреждении интернатного типа г. Кемерово.

Для исследования нейрокогнитивных показателей обучающихся использован автоматизированный психофизиологический комплекс ПФК [18]. Данный комплекс позволяет оценить когнитивные характеристики (кратковременную память, объем внимания), нейродинамические показатели (простая зрительно-моторная реакция – ПЗМР, уровень функциональной подвижности нервных процессов – УФП НП, работоспособность головного мозга – РГМ, реакция на движущийся объект – РДО).

Функциональное состояние организма подростков оценивали с использованием кардиоритмографической программы ORTO [19]. В программе предусмотрено семь различных вариантов заключений для более четкого и полного представления о напряжении регуляторных механизмов и функциональных возможностях:

1. Оптимальная (удовлетворительная) адаптация:
 - Достаточные функциональные возможности организма. Оптимальное функционирование систем регуляции.
 - Состояние минимального напряжения при оптимальном функционировании систем регуляции.
 - Повышенный расход функциональных резервов организма. Незначительное напряжение механизмов адаптации.

2. Напряжение механизмов адаптации:

- Снижение функциональных резервов организма. Умеренное напряжение механизмов адаптации.
- Выраженное снижение функциональных резервов организма. Значительное напряжение механизмов адаптации.

3. Неудовлетворительная адаптация:

- Значительное снижение функциональных возможностей организма. Неудовлетворительная адаптация.
- Резкое снижение функциональных возможностей организма. Срыв адаптации. Возможно наличие заболевания в субкомпенсированном или декомпенсированном состоянии.

При помощи пакета программ Statistica 10.0 проводилась статистическая обработка полученных данных. Для каждого изучаемого параметра вычислялись среднее значение (M), ошибка репрезентативности средней (m). Достоверность различия признаков (p)

в сравниваемых группах оценивалась по U-критерию Манна-Уитни. Вычислялись коэффициенты корреляции по критерию значимости Спирмена [20].

Результаты

Для сравнения нейрокогнитивных особенностей подростков с разной успеваемостью их разделили на три группы: 1 группа – обучающиеся на «отлично»; 2 группа – обучающиеся на «хорошо»; 3 группа – обучающиеся на «удовлетворительно».

Сравнительный анализ показал, что подростки в зависимости от успеваемости отличаются по когнитивным и нейродинамическим показателям (табл.).

Подростки, обучающиеся на «отлично», с удовлетворительной адаптацией продемонстрировали высокие показатели нейрокогнитивных характеристик, таких как объем внимания (7,1 ± 0,3 баллов), РГМ (570,1 ± 8,4 количество сигналов), ПЗМР (298,5 ± 4,9 мс).

Табл. Показатели психофизиологического статуса учащихся с разной успеваемостью (M ± m)

Tab. Indicators of psychophysiological status in students with different academic performance (M ± m)

| Показатель | Пол | Успеваемость | | | p < 0,05 |
|--------------------------------------|-----|--------------|--------------|-------------------|----------|
| | | отлично | хорошо | удовлетворительно | |
| Память на слова, балл | м | 8,1 ± 0,2 * | 7,0 ± 0,3 | 6,7 ± 0,5 | 1–3 |
| | ж | 6,9 ± 0,3 * | 6,9 ± 0,2 | 7,2 ± 0,3 | – |
| | все | 7,3 ± 0,2 | 6,9 ± 0,2 | 7,1 ± 0,3 | – |
| Память на числа, балл | м | 6,7 ± 0,5 | 5,9 ± 0,5 | 6,3 ± 0,3 | – |
| | ж | 5,7 ± 0,3 | 5,8 ± 0,3 | 6,3 ± 0,5 | – |
| | все | 6,0 ± 0,2 | 5,8 ± 0,23 | 6,5 ± 0,3 | – |
| Объем внимания, балл | м | 7,7 ± 0,6 | 7,1 ± 0,6 | 7,7 ± 1,1 | – |
| | ж | 6,8 ± 0,5 | 6,8 ± 0,4 | 6,6 ± 0,5 | – |
| | все | 7,1 ± 0,3 | 6,9 ± 0,3 | 6,9 ± 0,3 | – |
| ПЗМР, мс | м | 314,5 ± 9,6 | 327,1 ± 8,8 | 293,5 ± 5,1 | 2–3 |
| | ж | 290,9 ± 5,3 | 305,4 ± 9,03 | 306,8 ± 7,4 | – |
| | все | 298,5 ± 4,9 | 312,3 ± 5,2 | 303,2 ± 4,7 | – |
| УФП НП, с | м | 63,3 ± 2,4 | 64,1 ± 1,5 | 65,8 ± 1,5 | – |
| | ж | 67,3 ± 0,9 | 65,4 ± 0,9 | 68,6 ± 1,9 | – |
| | все | 65,9 ± 1,1 | 64,9 ± 0,8 | 67,8 ± 1,5 | – |
| РГМ, количество сигналов | м | 596,0 ± 16,1 | 562,6 ± 8,7 | 555,8 ± 13,1 | 1–3 |
| | ж | 558,6 ± 9,1 | 556,5 ± 6,2 | 542,5 ± 6,1 | 1–3 |
| | все | 570,1 ± 8,4 | 559,8 ± 5,1 | 546,1 ± 5,7 | – |
| РДО, среднее количество опережений | м | 32,4 ± 1,6 | 62,9 ± 20,1 | 81,3 ± 24,9 | 1–3 |
| | ж | 56,4 ± 13,9 | 52,6 ± 9,9 | 43,8 ± 4,4 | – |
| | все | 48,6 ± 9,5 | 55,9 ± 9,3 | 54,0 ± 10,1 | – |
| РДО, среднее количество запаздываний | м | 32,31 ± 1,2 | 49,1 ± 9,9 | 33,0 ± 1,4 | – |
| | ж | 37,9 ± 1,8 | 37,5 ± 1,4 | 38,8 ± 0,9 | – |
| | все | 36,1 ± 1,3 | 41,2 ± 3,3 | 37,2 ± 0,9 | – |

Функциональное состояние центральной нервной системы (ЦНС), оцениваемое по ПЗМР, является важным фактором, влияющим на успешность обучения. Этот показатель указывает на высокую эффективность ответной реакции на стимул у девочек-отличниц и мальчиков, обучающихся на «удовлетворительно». Активация отделов ЦНС происходит за счет поступающей от различных анализаторов сенсорной информации, которая производит запуск конкретных двигательных программ. Некоторые исследователи, такие как Ю. Н. Головина, Л. А. Варич, М. В. Граур, Е. А. Цихончик, Б. М. Теплов, отмечают, что у более успешных подростков такие взаимоотношения более синхронизированы и функциональные возможности ЦНС выше по сравнению с другими обучающимися [11; 21–24].

Необходимо подчеркнуть, что среди мальчиков-подростков, обучающихся на «удовлетворительно», встречаются школьники с высокой скоростью реагирования на предъявляемый стимул и достаточным объемом внимания. Это может свидетельствовать о хорошем состоянии ЦНС данных обучающихся.

Оценка функциональной подвижности нервных процессов подростков отражает индивидуальные особенности функций восприятия, внимания и мышления [24; 25]. Чем выше подвижность нервных процессов, тем меньше времени необходимо для переработки информации. По результатам исследования установлено, что у мальчиков-отличников и девочек, обучающихся на «хорошо», значение данного показателя свидетельствует о высокой подвижности нервных процессов.

Силу нервной системы характеризует показатель РГМ, который определяет выносливость нервной системы при воздействии сильных или длительных раздражителей [25; 26]. Подростки, обучающиеся на «отлично», вне зависимости от пола способны выдерживать более интенсивную и длительную нагрузку, чем их сверстники из других групп, что свидетельствует о высокой степени активации ЦНС. Обучающиеся на «удовлетворительно» показали самый низкий уровень РГМ, это может говорить об истощении нервных клеток и переходе ЦНС в стадию охранительного торможения у данных подростков. Высокие значения показателя РГМ у мальчиков, по сравнению с девочками, указывают на большую силу их нервной системы (табл.).

О неуравновешенности нервных процессов в подростковом периоде свидетельствует преобладание процессов возбуждения над процессами торможения. Показатели, отражающие процессы торможения (РДО среднее количество запаздываний) и процессы возбуждения (РДО среднее количество опережений), у мальчиков-отличников и девочек, обучающихся на «удовлетворительно», имеют близкие значения, что говорит о большей уравновешенности нервных процессов. Мальчики, обучающиеся на «хорошо»

и «удовлетворительно», а также девочки-отличницы и хорошистки имеют самые высокие показатели, связанные с опережением, что является признаком преобладания у них процессов возбуждения. Это может быть связано с возрастными особенностями испытуемых, внешними стрессовыми факторами или типологическими особенностями.

У девочек, обучающихся на «удовлетворительно», показатели памяти оказались выше, при этом объем внимания находится на одном уровне вне зависимости от успеваемости. Мальчики-отличники продемонстрировали высокие показатели памяти и объема внимания. Объем и распределение внимания начинают увеличиваться в подростковом периоде. При этом у них наблюдается снижение функции внимательности. В. А. Крутецкий, указывая на наличие противоречий во внимании подростков, связывает причину происходящего следующим образом: «Развитие внимания отличается известной противоречивостью: с одной стороны, в подростковом возрасте формируется устойчивое, произвольное внимание, с другой – обилие впечатлений, переживаний, бурная активность и импульсивность подростка часто приводят к неустойчивости внимания, его быстрой отвлекаемости. Все зависит от условий работы, содержания материала, настроения и психического состояния самого ученика, от его отношения к работе» [27, с. 111]. Этим можно объяснить то, что встречаются подростки с низким объемом внимания.

На основе корреляционного анализа получены данные, подтверждающие определяющую роль силы нервной системы и объема внимания. Так, показатель силы нервной системы имеет достоверные корреляционные связи со всеми нейрокогнитивными характеристиками: объемом внимания, ПЗМР, УФП НП, РДО; показатель объема внимания – с ПЗМР, УФП НП, РГМ, РДО.

Адаптация ребенка к условиям образовательного учреждения является важнейшим процессом и отражается не только на психоэмоциональном состоянии ребенка, но и на функционировании его систем и органов. Неотъемлемой частью оценки состояния здоровья подростков выступает функциональное тестирование. С практической точки зрения вегетативные реакции представляют собой показатели функционального состояния организма подростков. Они включены в адапционно-трофическую функцию организма и хорошо отражают трудности, с которыми сталкивается подросток в процессе учебной деятельности. Кардиоритмография является оптимальным методом оценки состояния вегетативной регуляции сердечно-сосудистой системы [26; 28].

На основании интегративного заключения, полученного по результатам кардиоритмографического исследования, подростков разделили на 3 группы:

с оптимальной адаптацией, напряжением механизмов адаптации и неудовлетворительной адаптацией (рис.).

Из рисунка видно, что у большинства подростков отмечается ухудшение функционального состояния организма, что может являться возрастной особенностью. Среди подростков, обучающихся на «удовлетворительно», отмечается более высокий процент лиц с неудовлетворительной адаптацией. Для них необходимо создать условия для более успешной адаптации, т. к. низкая эффективность обучения может быть обусловлена несоответствием учебных нагрузок психофизиологическим особенностям ребенка.

Обсуждение

Полученные данные способствуют более полному пониманию процессов адаптации школьников к различным факторам внутришкольной среды и учебного процесса, что, в свою очередь, необходимо использовать при организации учебной деятельности учащихся в учреждениях с интенсивным режимом обучения для повышения академической успеваемости и достижения высокой результативности образовательного процесса в пределах физиологических возможностей организма детей и подростков.

Остро стоит вопрос о цене адаптации, которую школьники должны платить, чтобы достигать положительных результатов в учебной деятельности. При высокой степени несоответствия личностных, интеллектуальных и функциональных возможностей учащихся предъявляемым требованиям образовательного процесса возникает угроза срыва адаптации [3; 29]. Несмотря на то что компенсаторно-приспособительные реакции организма способствуют сохранению эффективности учебной деятельности за счет уменьшения расхода функциональных резервов, это в конечном

итоге грозит опасностью ухудшения физического и психического здоровья.

Имеются сведения [7; 30; 31], что отличники и обучающиеся на «удовлетворительно» испытывают более выраженный уровень напряжения физиологических систем организма по сравнению с хорошистами. В нашем исследовании обучающиеся на «отлично» демонстрировали адекватную реакцию на учебную нагрузку, сопровождающуюся оптимальным функциональным состоянием вегетативной и центральной нервной систем. Даже при высоких умственных нагрузках у обучающихся, которые учатся успешно, не возникает напряжения со стороны регуляторных систем, и можно предположить, что это обусловлено особенностями обучения в исследуемой образовательной организации инновационного типа. В то же время у обучающихся на «удовлетворительно» наблюдается недостаточность функциональных возможностей ЦНС, что приводит к низкой успеваемости и неудовлетворительной адаптации.

В статье А. Г. Сетко и др. [32] указано, что в условиях интенсификации учебного процесса достижение высокой академической успеваемости учащихся лицей-интерната обеспечивалось за счет оптимального функционального состояния ЦНС; высокой подвижности мышления и концентрации произвольного внимания, формирующих надежность когнитивной деятельности и поддерживающих нормальную умственную работоспособность учащихся.

В работе О. А. Дружинина [33] установлено, что сложные сенсомоторные тесты предсказывают успешность в обучении на протяжении всего периода обучения в школе с 1 по 11 классы. Дети, которые показали высокие результаты в сложных сенсомоторных тестах, достоверно лучше учатся, особенно девочки.



Рис. Процентное распределение подростков на основании интегрального заключения о функциональном состоянии организма с учетом успеваемости
Fig. Percentage distribution of teenage based on integral conclusion on functional state and academic performance

Заключение

В зависимости от среднего балла успеваемости проведен сравнительный анализ нейрокогнитивного и вегетативного статуса подростков, в ходе которого выявлены следующие особенности: обучающиеся на «отлично» с удовлетворительной адаптацией продемонстрировали высокие показатели нейрокогнитивных характеристик, таких как объем внимания, РГМ, ПЗМР. У девочек с низкой успеваемостью наблюдается ухудшение функционального состояния ЦНС, определяемого по скорости реакции на раздражитель, и работоспособности головного мозга; у мальчиков – снижение работоспособности головного мозга, а также преобладание процессов возбуждения над торможением.

Другими словами, требования образовательного учреждения, предъявляемые к нейрокогнитивным характеристикам подростков, обучающихся на «удовлетворительно», не соответствуют их функциональным возможностям, т. е. некоторые ученики ввиду своих психофизиологических особенностей не способны справляться с поставленными задачами повышенного уровня сложности и не могут освоить учебную программу. Психофизиологическая адаптация таких

обучающихся сопровождается снижением функциональных резервов ЦНС, которые проявляются в ухудшении концентрации внимания и развитии утомления. В свою очередь, подростки-отличники демонстрируют высокий уровень объема внимания, силы нервной системы, подвижности и уравновешенности нервных процессов на фоне ухудшения функционального состояния организма.

Полученные данные позволяют предположить, что сила нервной системы и объем внимания могут выступать в качестве предикторов, позволяющих оценивать перспективы успешности обучения школьника, выявлять трудности обучения, связанные с особенностями развития ЦНС.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Айзман Р. И., Лебедев А. В., Айзман Н. И., Рубанович В. Б. Методология и практика мониторинга здоровья учащейся молодежи. *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. Т. 19. № 5. С. 73–78. [Aizman R. I., Lebedev A. V., Aizman N. I., Rubanovich V. B. Methodology and practice of health monitoring of the studying youth. *Health & education millennium*, 2017, 19(5): 73–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuvkrx>
2. Литвинова Н. А., Казин Э. М., Лурье С. Б., Булатова О. В. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей в адаптации к умственной деятельности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2011. № 1. С. 141–147. [Litvinova N. A., Kazin E. M., Lurye S. B., Bulatova O. V. The role of individual psychophysiological characteristics of students in adaptation to educational activity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 141–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuqnb1>
3. Lim H. J., Chung S. S., Joung K. H. Factors of depressive symptoms among elementary, middle, and high school students. *Archives of Psychiatric Nursing*, 2016, 30(3): 302–308. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2015.11.010>
4. Железovская Г. И., Абрамова Н. В., Гудкова Е. Н. Креативное коммуникативное поведение как средство творческой самореализации личности обучающегося. *Образование и наука*. 2015. № 4. С. 79–88. [Zhelezovskaya G. I., Abramova N. V., Gudkova E. N. Creative communicative behavior as a means of creative self-realization of the individual. *The Education and Science*, 2015, (4): 79–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/troevt>
5. Железovская Г. И., Недогреева Н. Г., Львицына А. А. Педагогические условия создания информационно-образовательной среды учебного заведения. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 2. С. 93–96. [Zhelezovskaya G. I., Nedogreeva N. G., Lvitsyna A. A. Pedagogical conditions of the creation of information-educational environment of educational institution. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, 7(2): 93–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xulgst>
6. Варич Л. А., Немолочная Н. В. Особенности психофизиологической адаптации подростков, обучающихся в условиях образовательного учреждения интернатного типа, с учетом типа вегетативной регуляции. *Журнал эволюционной биохимии и физиологии*. 2020. Т. 56. № 7. [Varich L. A., Nemolochnaya N. V. Psychophysiological adaptation of teenagers studying in a residential educational institution, depending on the type of vegetative regulation. *Journal of evolutionary biochemistry and physiology*, 2020, 56(7). (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0044452920071183>
7. Гилева О. В. Время реакции как психофизиологический предиктор академической успешности школьников. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Медико-биологические науки*. 2013. № 3. С. 14–23. [Gileva O. V. Reaction time as a predictor of academic achievement. *Vestnik of Northern (Arctic) federal university. Series "Medical and biological sciences"*, 2013, (3): 14–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkotvn>

8. Курапова Т. Ю. Психологические факторы успешности обучения школьников. *Ученые записки ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского*. 2011. № 5. С. 223–225. [Kurapova T. Yu. Psychological factors of successful teaching at schools. *Uchenye zapiski ZabGGPU im. N. G. Chernyshevskogo*, 2011, (5): 223–225. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ookggt>
9. Литвинова Н. А., Иванов В. И., Березина М. Г., Глебов В. В. Оценка психофизиологического потенциала в процессе адаптации к учебной деятельности. *Психология. Психофизиология*. 2021. Т. 14. № 2. С. 108–122. [Litvinova N. A., Ivanov V. I., Berezina M. G., Glebov V. V. Assessment of psychophysiological potential under adaptation to educational activity. *Psychology. Psychophysiology*, 2021, 14(2): 108–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/jpps210211>
10. Циркунова Н. И. Взаимосвязь психических состояний подростков и школьной успеваемости. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка*. 2019. № 2. С. 104–110. [Tsirkunova N. I. Interrelation of adolescents' mental state and academic performance. *Vestnik Mogilevskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. A. Kulyashova. Seriya S. Psikhologo-pedagogicheskie nauki: pedagogika, psihologiya, metodika*, 2019, (2): 104–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oypzwi>
11. Головина Ю. Н. Темперамент и его влияние на успеваемость подростков. *Студенческая наука и XXI век*. 2020. Т. 17. № 2-2. С. 182–184. [Golovina Yu. N. Temperament and its influence on the academic performance of adolescents. *Studencheskaya nauka i XXI vek*, 2020, 17(2-2): 182–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbhmd>
12. Двойнин А. М., Троцкая Е. С. Когнитивные предикторы академической успешности: как общие закономерности «работают» на ранних этапах образования? *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27. № 2. С. 42–52. [Dvoinin A. M., Trotskaya E. S. Cognitive predictors of academic success: How do the general patterns work in the early stages of education? *Psychological Science and Education*, 2022, 27(2): 42–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2022270204>
13. Тихомирова Т. Н., Хуснутдинова Э. К., Малых С. Б. Когнитивные характеристики младших школьников с различным уровнем успеваемости по математике. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 159–175. [Tikhomirova T. N., Khusnutdinova E. K., Malykh S. B. Cognitive characteristics in primary school children with different levels of mathematical achievement. *Siberian psychological magazine*, 2019, (73): 159–175. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/73/10>
14. Хохлов Н. А., Яремченко П. И. Половые различия в состоянии высших психических функций у детей и подростков 4–17 лет. *Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*. 2021. № 1. С. 73–93. [Khokhlov N. A., Yaremchenko P. I. Sex differences in the state of higher mental functions in children and teenagers aged 4–17 years. *Bulletin on pedagogics and psychology of Southern Siberia*, 2021, (1): 73–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-1-73-93>
15. Bauer J.-R., Booth A. E. Exploring potential cognitive foundations of scientific literacy in preschoolers: Causal reasoning and executive function. *Early Childhood Research Quarterly*, 2019, 46: 275–284. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2018.09.007>
16. Tikhomirova T., Malykh A., Malykh S. Predicting academic achievement with cognitive abilities: Cross-sectional study across school education. *Behavioral sciences*, 2020, 10(10). <https://doi.org/10.3390/bs10100158>
17. Purpura D. J., Schmitt S. A. Cross-domain development of early academic and cognitive skills. *Early Childhood Research Quarterly*, 2019, 46: 1–4. <https://doi.org/10.1016/j.ecresq.2018.10.009>
18. Иванов В. И., Литвинова Н. А., Березина М. Г. Автоматизированный комплекс для оценки индивидуально-типологических свойств и функционального состояния организма человека «Статус ПФ». *Валеология*. 2004. № 4. С. 70–73. [Ivanov V. I., Litvinova N. A., Berezina M. G. Status PF: An automated assessment complex for individual typological properties and functional state of human organism. *Valeologia*, 2004, (4): 70–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcewix>
19. Игишева Л. Н., Галеев А. Р. Оценка функционального состояния организма с помощью программно-технического комплекса ORTOEXPERT. Кемерово, 2003. 36 с. [Igisheva L. N., Galeev A. R. Assessment of the functional state of the body using a software and hardware complex ORTOEXPERT. Kemerovo, 2003, 36. (In Russ.)]
20. Kashdan E., Duncan D., Parnell A., Schättler H. Mathematical methods in systems biology. *Mathematical Biosciences and Engineering*, 2016, 13(6). <http://doi.org/10.3934/mbe.2016061>
21. Варич Л. А., Сорокина Ю. В. Особенности психофизиологической адаптации учащихся младшего школьного возраста. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2017. № 2. С. 117–122. [Varich L. A., Sorokina Yu. V. Psychophysiological adaptation features of primary school pupils. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 117–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-2-117-122>

22. Граур М. В. Исследования академической адаптации как сложной открытой системы. *Педагогика и психология образования*. 2017. № 2. С. 34–40. [Graur M. V. Academic adaptation research as complex open system. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniia*, 2017, (2): 34–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zbhiyj>
23. Цихончик Е. А. Особенности и назначение когнитивной сферы личности подростка. *Вестник Воронежского государственного технического университета*. 2013. Т. 9. № 5-2. С. 124–126. [Tsikhonchik E. A. Features and purpose of cognitive individual of a teenager. *Bulletin of Voronezh State Technical University*, 2013, 9(5-2): 124–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjlhvt>
24. Теплов Б. М. Новые данные по изучению свойств нервной системы человека. *Типологические особенности высшей нервной деятельности человека*, ред. Б. М. Теплов. М.: АПН РСФСР, 1963. С. 3–46. [Teplov B. M. New data on human nervous system. *Typology of higher nervous system in humans*, ed. Teplov B. M. Moscow: APS RSFSR, 1963, 3–46. (In Russ.)]
25. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. СПб.: Питер, 2004. 700 с. [Ilyin E. P. *Psychology of individual differences*. St. Petersburg: Piter, 2004, 700. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxiojt>
26. Немолочная Н. В., Варич Л. А., Мурышкина Е. В., Саваль Л. А. Взаимосвязь показателей variability сердечного ритма с психофизиологическими характеристиками подростков. *Психология. Психофизиология*. 2023. Т. 16. № 1. С. 117–125. [Nemolochnaya N. V., Varich L. A., Muryshkina E. V., Saval L. A. Study of the correlation between heart rate variability and the psychophysiological characteristics of adolescents. *Psychology. Psychophysiology*, 2023, 16(1): 117–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/jpps230112>
27. Крутецкий В. А. Психология обучения и воспитания школьников. М.: Просвещение, 1964. 253 с. [Krutetsky V. A. *Psychology of school education and upbringing*. Moscow: Prosveshenie, 1964, 253. (In Russ.)]
28. Ермакова И. В., Адамовская О. Н., Догадкина С. Б. Вегетативное и гормональное обеспечение когнитивной деятельности при использовании электронных устройств и бумажного носителя информации. *Сборник тезисов XXIV съезда физиологического общества им. И. П. Павлова: XXIV съезд физиологического общества им. И. П. Павлова*. (Санкт-Петербург, 11–15 сентября 2023 г.) СПб.: ВВМ, 2023. С. 286–287. [Ermakova I. V., Adamovskaya O. N., Dogadkina S. B. Vegetative and hormonal support of cognitive activity when using digital and paper media. *Proceedings of the XXIV Congress of the I. P. Pavlov Physiological Society: Proc. XXIV Congress of the I. P. Pavlov Physiological Society*, St. Petersburg, 11–15 Sep 2023. St. Petersburg: VVM, 2023, 286–287. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zktwsx>
29. Васина Е. В., Кошко Н. Н. Адаптация подростков в процессе обучения по разным профильным программам. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 1. С. 33–41. [Vasina E. V., Koshko N. N. Adaptation of teenagers in the course of training according to different profile programs. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, (1): 33–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwmsnr>
30. Лезарева Т. А., Лытаев С. А. Об эффективности механизмов психофизиологической адаптации в динамике учебно-образовательного процесса. *Педиатр*. 2019. Т. 10. № 6. С. 67–77. [Lezareva T. A., Lytaev S. A. On the effectiveness of mechanisms of psychophysiological adaptation in the dynamics of the educational process. *Pediatrician*, 2019, 10(6): 67–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/PED10667-77>
31. Быструшкин С. К., Айзман Р. И., Афтанас Л. И. Особенности организации внимания и эмоционального восприятия у детей в норме и при нарушениях интеллектуального развития. *Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук*. 2008. Т. 28. № 3. С. 96–100. [Bistrushkin S. K., Aisman R. I., Aftanas L. I. Peculiarities of organization of attention and emotional perception in normal children and with infringements of intellectual development. *Bulletin Siberian branch of Russian academy of medical sciences*, 2008, 28(3): 96–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjvwll>
32. Сетко А. Г., Жданова О. М., Лукьянов П. В. Физиолого-гигиеническая характеристика когнитивных функций, определяющих успешность обучения школьников в условиях различной напряженности образовательного процесса. *Здоровье населения и среда обитания*. 2021. Т. 29. № 11. С. 45–52. [Setko A. G., Zhdanova O. M., Lukyanov P. V. Physiological and hygienic characteristics of cognitive functions determining successful student learning under conditions of different schooling intensity. *Public health and life environment*, 2021, 29(11): 45–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2021-29-11-45-52>
33. Дружинин О. А. Поиск психофизиологических предикторов успешности обучения в школе. *Психология и Психотехника*. 2023. № 3. С. 87–96. [Druzhinin O. A. Search for psychophysiological predictors of success in school. *Psychology and Psychotechnics*, 2023, (3): 87–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.3.43891>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zcicoz>

Проявления психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов студентов высшего и профессионального образования

Чуриков Илья Юрьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7977-1755

<https://orcid.org/0009-0006-6773-2427>

iuchurikov@gmail.com

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов, протекающих у студентов в условиях современных образовательных требований. Цель – провести анализ проявлений когнитивных, регуляторных и психофизиологических процессов у студентов высшего и профессионального образования, а также идентифицировать факторы, влияющие на их академическую продуктивность. На основе теоретического анализа описаны характеристики когнитивных и регуляторных процессов студентов с учетом психофизиологических оснований. Выборку исследования составили студенты Кемеровского государственного университета и Сибирского политехнического техникума. В исследовании приняли участие 132 студента, из которых 42 обучаются в вузе по направлению «Прикладная математика и информатика», 90 – в техникуме по специальностям «Сетевое и системное администрирование» и «Информационные системы и программирование». Методологическая база исследования включала использование теста структуры интеллекта Р. Амтхауэра, мотивационных опросников, оценку эмоционального состояния и проведение психофизиологических тестов (тремометрия, зрительно-моторные реакции). В ходе проведенного корреляционного анализа были выявлены взаимосвязи между когнитивными и регуляторными процессами и психофизиологическими показателями. В результате у студентов высшего образования наблюдается более сильная корреляция между математическими способностями и академическими достижениями, что обусловлено спецификой их образовательной программы. Установлено, что студенты профессионального образования обладают более высокими показателями устойчивости к стрессу и лучшей зрительно-моторной координацией ввиду преимущественно практической направленности их деятельности. В мотивационной структуре студентов вуза преобладали внутренние мотивы, связанные с личным развитием, в то время как студенты техникума выразили стремление к финансовым вознаграждениям и карьерному росту. В обеих группах студентов при повышенном уровне стресса наблюдается снижение когнитивных способностей. Эти выводы подчеркивают как важность индивидуального подхода в обучении, так и необходимость развития саморегуляционных навыков в целях повышения продуктивности интеллектуальной деятельности и поддержания здорового психологического состояния студентов.

Ключевые слова: когнитивные процессы, регуляторные процессы, психофизиологические процессы, интеллектуальные способности, психометрический интеллект, психология обучения, высшее образование, профессиональное образование

Цитирование: Чуриков И. Ю. Проявления психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов студентов высшего и профессионального образования. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 445–457. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-445-457>

Поступила в редакцию 09.09.2024. Принята после рецензирования 10.10.2024. Принята в печать 14.10.2024.

full article

Psychophysiological, Cognitive, and Regulatory Processes in University and College Students

Ilya Yu. Churikov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7977-1755

<https://orcid.org/0009-0006-6773-2427>

iuchurikov@gmail.com

Abstract: This article describes psychophysiological, cognitive, and regulatory processes demonstrated by students of higher and vocational education in modern academic environment, as well as the factors affecting their academic performance. The research included 42 students that majored in Informatics at Kemerovo State University and 90 students of similar specializations from Siberian Polytechnic Technical College. The empirical part relied on R. Amthauer's Intelligence Structure Test, motivational questionnaires, emotional state tests, and psychophysiological tremometric and visual motor tests. Cognitive and regulatory processes proved to correlate with psychophysiological indicators. The university students showed a stronger correlation between mathematical skills and academic achievements. Being more practically oriented, the college students demonstrated better stress resistance and hand-to-eye coordination. The university students were guided mostly by intrinsic motives related to personal development while the college students concentrated on financial rewards and career growth. In both groups, cognitive abilities went down under stress. Individualized approach in training and the need to develop self-control can enhance the intellectual productivity and maintain psychological health in students.

Keywords: cognitive processes, regulatory processes, psychophysiological processes, intellectual abilities, psychometric intelligence, psychology of learning, higher education, vocational education

Citation: Churikov I. Yu. Psychophysiological, Cognitive, and Regulatory Processes in University and College Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 445–457. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-445-457>

Received 9 Sep 2024. Accepted after review 10 Oct 2024. Accepted for publication 14 Oct 2024.

Введение

Современные условия высшего и профессионального образования предъявляют к студентам высокие требования, что оказывает влияние на их психофизиологические, когнитивные и регуляторные процессы. Психофизиологические процессы, включая реакции на стресс и механизмы адаптации, играют критическую роль в обеспечении успешности обучения. Когнитивные процессы, такие как память, внимание и мышление, в свою очередь, определяют способность студентов к эффективному усвоению и обработке информации. Регуляторные процессы, связанные с управлением эмоциями и поведением, способствуют оптимальному взаимодействию с образовательной средой и достижению академических целей.

Цель – провести анализ проявлений когнитивных, регуляторных и психофизиологических процессов у студентов высшего и профессионального образования, а также идентифицировать факторы, влияющие на их академическую продуктивность. Статистический анализ данных, полученных в ходе анкетирования и применения диагностических методов, позволит выявить значимые корреляции между проявлениями данных процессов и обнаружить

различия в группах студентов, потенциально обусловленные уровнем их подготовки и условиями образовательной деятельности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания сложных взаимодействий между психофизиологическими, когнитивными и регуляторными процессами, которые могут влиять на образовательную деятельность студентов либо быть подвержены ее влиянию. С учетом современных тенденций образовательной среды, разнообразия траекторий обучения, высокого уровня информационного шума и многочисленных источников стресса важно выявить ключевые факторы, способствующие успешной адаптации студентов к учебному процессу.

Взаимосвязь между психофизиологическими и когнитивными процессами является предметом научного интереса. А. Diamond, фокусируясь в ходе своего исследования на функциях мозжечка и префронтальной коры, обнаружил, что развитие моторных навыков тесно связано с когнитивными способностями [1]. В работе С. Shi [2] была изучена связь между когнитивными стилями студентов и их профессиональными

интересами и установлено, что стратегии саморегуляции деятельности оказывают значимое влияние на производительность когнитивных процессов. Аналогично опосредованное влияние волевых качеств личности на академические успехи было описано в научном исследовании Y. Shi и S. Qu, посвященном когнитивным способностям обучающихся [3].

Психофизиологические процессы представляют собой сложное взаимодействие между физиологическими механизмами и психической деятельностью, обеспечивая функционирование психики через работу центральной нервной системы и других физиологических систем организма. В частности, ключевую роль в обработке информации, поступающей через различные сенсорные модальности и интеграции слуховых, зрительных и тактильных стимулов для формирования целостного восприятия и адаптивного поведения, играет головной мозг. Основой физиологических механизмов психической деятельности выступает нейронная активность, регулирующая эмоциональное состояние и когнитивные способности посредством нейромедиаторов. Сопряженность физиологических и психологических процессов проявляется во взаимном влиянии друг на друга физиологических изменений и психической деятельности человека. Многочисленными исследованиями подтверждается повышение уровня кортизола при повышении уровня стресса, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на когнитивные и регуляторные функции [4]. Психосоматические реакции, при которых состояния тревоги или депрессии проявляются клиническими симптомами, также подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению психофизиологических процессов.

Таким образом, особую важность приобретает детальное изучение механизмов стресса и его воздействия на организм – в данном контексте ценные научные подходы к анализу влияния стрессоров на психофизиологическое состояние индивидов предлагает теория стресса Г. Селье [5]. Представленная им концепция общего адаптационного синдрома описывает универсальную реакцию на стресс, состоящую из трех последовательных стадий:

1. Стадия тревоги, состоящая из фаз шока и противошока. Фаза шока характеризуется внезапной реакцией на стрессор, включающей в себя кратковременное снижение физиологических функций организма и состояние дезадаптации. В то же время фаза противошока наступает в связи с активацией симпатической нервной системы, что приводит к выбросу катехоламинов и вызывает физиологические изменения, обеспечивающие организм необходимой энергией для реакции «бей или беги». На этой стадии человек очевидным образом испытывает чувство тревоги и беспокойства, что может привести к росту производительности деятельности за счет повышенной концентрации либо

к ухудшению работы когнитивных процессов в случае избыточности данных ощущений.

2. Стадия резистентности подразумевает процесс адаптации к постоянному воздействию стрессора и стабилизации физиологических функций. Происходит это в связи с поддержанием высокого уровня кортизола вследствие активации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, произошедшей на предыдущей стадии. Продолжительное воздействие стрессора приводит к хроническому напряжению, вследствие чего в зависимости от интенсивности и длительности стресса могут использоваться такие психологические защитные механизмы, как рационализация или вытеснение. В контексте саморегуляции деятельности использование различных стратегий поведения на данном этапе – к примеру, распределение времени и нагрузки или, наоборот, прокрастинация, непосредственно повлияют на то, какая последует стадия реакции на стресс.

3. Стадия восстановления наступает при успешном преодолении компенсаторными механизмами нервной системы действия стрессора либо полном устранении фактора, вызвавшего стресс. В ином случае наступает стадия истощения, в результате которой первоначальные симптомы, связанные с активацией вегетативной нервной системы, могут проявиться повторно. По мере расходования психологических ресурсов организма можно наблюдать снижение эффективности когнитивных функций, таких как концентрация и память. Хронически высокий уровень кортизола может привести к декомпенсации, проявляющейся через угнетение иммунной функции организма, нарушение обмена веществ и развитие психических заболеваний. В контексте обучения затруднения с концентрацией и сниженная производительность когнитивных функций потенциально приводят к снижению мотивации студентов и ухудшению академической успеваемости.

Когнитивные процессы – это совокупность механизмов, посредством которых осуществляется обработка информации в мозге. Они включают в себя восприятие, внимание, память, мышление и речь и играют ключевую роль в осуществлении образовательной деятельности студентов высшего и профессионального образования, а также в их академической, социальной и культурной адаптации [6]. Для качественного понимания функционирования когнитивных процессов следует обратиться к структурированным подходам к изучению работы мозга, предложенным в различных моделях обработки информации.

Например, модель ранней селекции Д. Бродбента [7] описывает механизмы выборочного внимания, необходимые для управления учебной деятельностью, в то время как ресурсная модель внимания Д. Канемана [8] рассматривает внимание как ресурс и описывает не причины его распределения, а способ

Согласно данной теории, внимание преимущественно вызывается возбуждением, при этом производительность внимания определяется силой полученного стимула, и, согласно закону Йеркса-Додсона, является максимальной при среднем, оптимальном уровне возбуждения.

Модель параллельной распределенной обработки, разработанная Д. Макклелландом и Д. Румельхартом [9], предлагает понимание когнитивных процессов как взаимодействие множества простых параллельно работающих элементов, что объясняет одновременную обработку и интеграцию информации с использованием ассоциативных механизмов в ходе изучения образовательного материала.

Регуляторные процессы, в свою очередь, представляют собой интегративные механизмы, посредством которых субъект осуществляет контроль над своим поведением, эмоциональными реакциями и когнитивными функциями для достижения поставленных целей и адаптации к изменяющимся условиям образовательной среды. Ключевую роль в организации учебного процесса со стороны студентов оказывает саморегуляция, включающая в себя определение необходимого вектора работы, мониторинг прогресса по обозначенным задачам и корректирование поведения в соответствии с выбранной стратегией реализации учебных задач. Эмоциональная регуляция и способность идентифицировать свои эмоции важны для сосредоточения внимания на задачах при наличии отвлекающих стимулов и являются важными факторами в поддержании дисциплины и концентрации в ходе образовательной деятельности [10].

Понимание регуляторных процессов не будет полным без учета роли мотивации и воли студентов [11]. Мотивация служит катализатором в регуляции поведения студентов, побуждает их к более вовлеченному участию в образовательном процессе и подкрепляет стремление к академическим достижениям. Следует отметить как внутренние мотивационные факторы, проявляющиеся через непосредственный энтузиазм в обучении, так и внешние, основанные на стремлении к получению вознаграждений или признания путем достижения конкретных и измеримых целей.

Различия в стрессовых реакциях студентов высшего и профессионального образования могут быть обусловлены специфическими особенностями и требованиями каждого типа обучения. Так, студенты высшего образования, как правило, сталкиваются с более высокой академической нагрузкой, необходимостью усвоения большего объема теоретической информации, что может требовать преимущественно интеллектуальных усилий. Помимо этого, стрессором может стать непосредственный переход от школьной системы к университетской и потребность адаптации к новому стилю обучения

и самоуправления. В то же время профессиональное образование акцентирует внимание на практических навыках и подготовке к конкретным профессиям, и, как следствие, стресс может быть вызван необходимостью быстрого освоения практических умений и применения их в рабочей деятельности.

Общим стрессовым фактором можно еще считать давление, связанное с необходимостью соответствовать требованиям работодателей в условиях высокой конкуренции и динамичных общественных изменений, а также стремлением построить успешную карьеру. Стоит отметить к тому же важность социальной и культурной адаптации, включающей необходимость интеграции в новое окружение и установление социальных связей, что может быть особенно актуально для студентов, переехавших из других регионов или стран.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 132 студента (17–21 год, 46 девушек, 86 юношей). Среди них 42 – студенты Кемеровского государственного университета, обучающиеся по специальности «Прикладная математика и информатика» (19–21 год, 15 девушек, 27 юношей); 90 – обучающиеся Сибирского политехнического техникума (17–20 лет) по специальностям «Сетевое и системное администрирование» (n = 35, 12 девушек, 23 юноши) и «Информационные системы и программирование» (n = 55, 19 девушек, 36 юношей).

Сбор данных осуществлялся путем анкетирования и применения диагностических методов. Для оценки уровня и определения структуры интеллектуальных способностей студентов использовался тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра (ТСИ) [12], в ходе чего была осуществлена диагностика вербальных, математических, пространственных и мнемических способностей, а также по нормативным таблицам был рассчитан показатель IQ респондентов.

Для анализа мотивации были использованы различные опросники. «Мотивация к достижению успеха» и «Мотивация избегания неудач» Т. Элерса [13] использовались для диагностики двух обобщенных устойчивых мотивов личности. Тест мотивационной структуры Ф. Герцберга [14] применялся для выявления факторов удовлетворенности или неудовлетворенности деятельностью ввиду мотивационных (внутренних) и гигиенических (внешних) факторов. Методика Т. И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе» [15, с. 433–434] применялась для выявления особенностей мотивационной сферы студентов высшего и профессионального образования, в то время как методика «Структура мотивации участия» [16, с. 431–433] позволяла определить ведущие мотивы участия в исследовании.

Комплексная оценка эмоционального состояния респондентов как важного компонента системы психической регуляции респондентов осуществлялась с применением нескольких методик. Тест нервно-психического напряжения по Т. А. Немчину [17] был использован для определения нагрузки на регуляторные системы организма, клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний [18, с. 545–552] применялся для качественного анализа невротических проявлений по шести диагностическим шкалам, а методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова [19] позволяла установить характеристики личностного уровня на основе субъективных оценок респондента. Помимо этого, респондентам были предложены для заполнения опросники методик «Субъективная оценка психических актуальных состояний» (СОПАС-8) [20] и «Самочувствие – Активность – Настроение» [21].

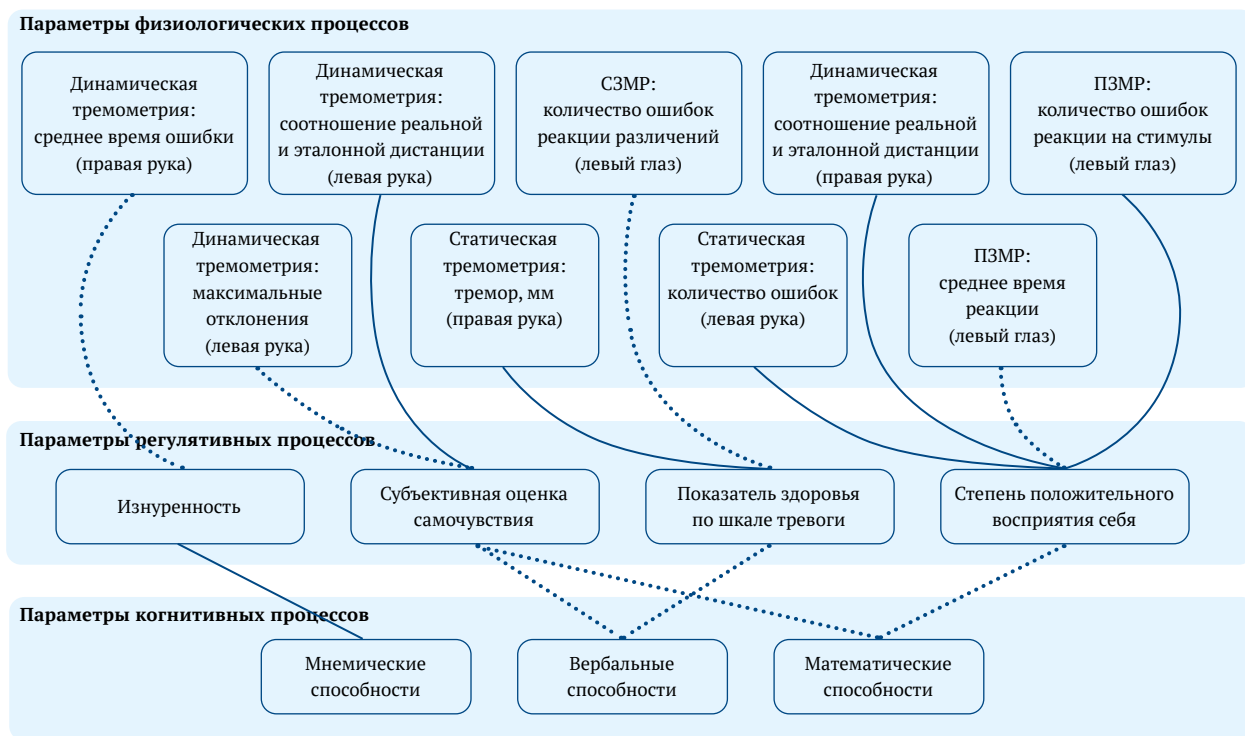
Для исследования психофизиологического уровня функциональных состояний респондентов были проведены различные тесты с использованием программно-методического обеспечения «Эгоскоп». Статическая и динамическая треметрия [22] – для оценки тонуса и стабильности нервной системы, выявления мелких моторных колебаний и возможных нарушений координации. Простая и сложная зрительно-моторные реакции (ПЗМР и СЗМР соответственно) [23]

и реакция на движущийся объект [24] – для оценки таких проявлений когнитивных процессов, как скорость обработки информации, внимание, способность к быстрому принятию решений, предсказательные способности и координация.

Результаты

В ходе предварительной обработки данных были обнаружены статистически значимые взаимосвязи между проявлениями психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов студентов (рис.), что позволяет перейти к более детальному анализу корреляций между различными группами процессов во всей выборке и в ее составляющих по месту обучения.

На общей выборке респондентов (табл. 1) прослеживается отрицательная корреляция между проявленными мнемическими способностями и мотивацией, зависящей непосредственно от содержания выполняемой работы. Это может являться признаком того, что студенты с таким проявлением внутренней мотивации могут быть больше вовлечены в учебный процесс и уделять большее внимание развитию навыков, что может снижать как необходимость использования механического запоминания, так и его эффективность. Прямая зависимость между ощущением изнуренности и результативностью запоминания свидетельствует о повышенной когнитивной нагрузке и снижении



Прим.: положительные корреляции обозначены сплошными линиями, отрицательные – пунктирными.

Рис. Корреляции показателей психофизиологических, регуляторных и когнитивных процессов
Fig. Correlations between indicators of psychophysiological, regulatory, and cognitive processes

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

общей энергичности. Исходя из обратной взаимосвязи между средним временем ошибок при тремометрии и оценкой мнемических способностей, допустимо предположение о том, что студенты с более развитыми способностями к запоминанию имеют более высокую зрительно-моторную координацию, что указывает на потенциальную связь когнитивных функций с моторными навыками и точностью выполнения двигательных задач.

Касательно проявленных вербальных способностей, можно утверждать, что студенты с более высоким их уровнем могут склоняться скорее к теоретически ориентированному обучению и проявлять меньший интерес к прикладным аспектам профессии. Такие студенты, как правило, имеют более высокую самооценку, осознаннее относятся к своим обязанностям и активнее включаются в деятельность, требующую ответственного подхода. Развитые вербальные

Табл. 1. Корреляции параметров когнитивных процессов и показателей проявлений регуляторных и психофизиологических процессов на полной выборке респондентов

Tab. 1. Correlations between parameters of cognitive processes and indicators of regulatory and psychophysiological processes in the full sample

| Показатели | Мнемические способности | Вербальные способности | Математические способности | Конструктивные способности | Аналитические способности | IQ |
|---------------------------------------------------------------------|-------------------------|------------------------|----------------------------|----------------------------|---------------------------|--------|
| Методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной | | | | | | |
| Мотив овладения профессией | – | –0,199 | –0,238 | – | –0,230 | – |
| Тест мотивационной структуры Ф. Герцберга | | | | | | |
| Мотив содержанием работы | –0,196 | – | – | – | – | – |
| Мотив ответственности | – | 0,201 | – | – | – | – |
| Мотив отношений с руководством | – | – | 0,211 | – | – | – |
| Финансовые мотивы | – | 0,204 | – | – | – | – |
| Гигиенические факторы | – | – | 0,189 | – | – | – |
| Методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова | | | | | | |
| Отрицательный – положительный образ себя | – | – | –0,225 | – | – | – |
| Субъективная оценка психических актуальных состояний (СОПАС-8) | | | | | | |
| Изнуренность | 0,191 | – | – | – | – | – |
| Методика «Самочувствие – Активность – Настроение» | | | | | | |
| Самочувствие | – | –0,231 | –0,201 | – | –0,275 | – |
| Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний | | | | | | |
| Показатель здоровья по шкале тревоги | – | –0,205 | – | – | –0,222 | – |
| Статическая тремометрия | | | | | | |
| Среднее время ошибок (правая рука) | –0,310 | – | –0,209 | – | – | –0,265 |
| Динамическая тремометрия | | | | | | |
| Среднее время ошибок (правая рука) | – | – | – | – | 0,218 | – |
| Максимальное отклонение от траектории (левая рука) | – | – | –0,224 | – | –0,200 | –0,232 |
| Соотношение пройденной дистанции и эталонной (правая рука) | – | – | – | 0,217 | – | 0,188 |
| Сложная зрительно-моторная реакция: реакция выбора | | | | | | |
| Среднее время реакции (правый глаз) | – | –0,265 | – | – | –0,195 | –0,217 |
| Число ошибочных реакций (правый глаз) | – | – | – | – | 0,195 | – |

Прим.: отображены только значимые взаимосвязи ($p < 0,05$).

способности способствуют достижению успеха в профессиях, где оплата труда зависит от навыков общения, убеждения и умения вести переговоры. Студенты с данными навыками склонны выбирать более прибыльные профессии и обладать более выраженным мотивом карьерного роста, поскольку уверены в своей способности достичь карьерного успеха с их применением. При этом стоит отметить, что развитые вербальные способности могут сопровождаться повышенной аналитичностью, завышенными требованиями к себе и большей критичностью к своему самочувствию, что увеличивает их уровень тревоги.

Опираясь на результаты тестов, целесообразно утверждать, что студенты с более развитыми математическими способностями могут видеть большую ценность во внешних мотивационных факторах, таких как карьерные перспективы и финансовые вознаграждения. Корреляции между результативностью решения математических и моторных задач позволяют сделать

вывод о том, что высокая когнитивная нагрузка и перераспределение внимания как ограниченного ресурса могут снижать стабильность и точность при осуществлении двигательной активности. Конструктивные способности, в свою очередь, непосредственно связаны с восприятием и обработкой информации о пространстве и формах, и более высокий их уровень может облегчить процесс прогнозирования и управления движениями, что даст возможность более точно следовать заданной траектории в реальном времени и показывать лучшее соотношение пройденной дистанции к эталонной в динамической треметрии.

Рассматривая данные, полученные в ходе корреляционного анализа результатов тестирования студентов профессионального образования (табл. 2), можем выделить некоторые новые взаимосвязи, не обнаруженные на общей выборке студентов.

Установлена отрицательная корреляция между конструктивными способностями и субъективной оценкой

Табл. 2. Корреляции параметров когнитивных процессов и показателей проявлений регуляторных и психофизиологических процессов: студенты профессионального образования

Tab. 2. Correlations between parameters of cognitive processes and indicators of regulatory and psychophysiological processes: college students

| Показатели | Мнемические способности | Вербальные способности | Математические способности | Конструктивные способности | Аналитические способности | IQ |
|---------------------------------------------------------------------|-------------------------|------------------------|----------------------------|----------------------------|---------------------------|--------|
| Методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной | | | | | | |
| Мотив овладения профессией | - | - | -0,257 | - | - | -0,216 |
| Тест мотивационной структуры Ф. Герцберга | | | | | | |
| Финансовые мотивы | - | 0,210 | - | - | - | - |
| Методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова | | | | | | |
| Отрицательный – положительный образ себя | - | - | -0,240 | - | - | - |
| Субъективная оценка психических актуальных состояний (СОПАС-8) | | | | | | |
| Чувство силы и энергии | - | - | - | -0,208 | - | - |
| Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний | | | | | | |
| Показатель здоровья по шкале истерического типа реагирования | - | - | 0,212 | - | - | - |
| Треметрия | | | | | | |
| Статическая: среднее время ошибок (правая рука) | -0,266 | - | - | - | - | - |
| Динамическая: среднее время ошибок (правая рука) | - | - | - | - | 0,286 | - |
| Сложная зрительно-моторная реакция: реакция выбора | | | | | | |
| Среднее время реакции (правый глаз) | - | -0,243 | - | -0,228 | - | -0,232 |
| Число ошибочных реакций (правый глаз) | - | - | - | - | 0,260 | - |

Прим.: отображены только значимые взаимосвязи ($p < 0,05$).

респондента чувства силы и энергии. С точки зрения психофизиологии, выполнение пространственных задач требует вовлечения различных областей мозга, включая теменную долю, для обработки пространственной информации. Этот процесс подразумевает интенсивное использование когнитивных ресурсов и оказывает повышенную нагрузку на рабочую память, что впоследствии может привести к ощущению снижения энергии.

Положительная корреляция между уровнем здоровья по шкале истерического типа реагирования и результативностью решения математических задач свидетельствует о более эффективной регуляции эмоций и развитом когнитивном контроле. Математические способности зачастую связаны с аналитическим типом мышления, что в некоторой степени может объяснить снижение эмоциональной реактивности и склонности к истерическим проявлениям.

Корреляционный анализ выборки студентов высшего образования представлен в таблице 3. Следует отметить, что большое количество корреляций показателей с результатами субтестов математических способностей непосредственно обусловлено специализацией образовательной программы респондентов. Отрицательная корреляция между результативностью выполнения вербальных задач и внутренней мотивацией к карьерному росту может свидетельствовать о высокой субъективной оценке респондентами своих вербальных способностей как достаточных для построения успешной карьеры без необходимости развивать специализированные навыки. Также это может быть обусловлено тем, что студенты с более развитыми вербальными способностями проявляют больший интерес к гуманитарным направлениям, проявляя меньший интерес к профессиональной реализации в технических сферах.

На основе корреляций показателей психофизиологических тестов с показателями когнитивных тестов можем утверждать, что студенты с более высоким уровнем математических способностей, как правило, показывают большую скорость и точность выполнения зрительно-моторных задач. Теоретические направленности способностей оценивались в субтестах, нацеленных на использование аналитического и логического мышления, требующего высокого уровня когнитивной интеграции. Таким образом, на основе совокупности данных об этих взаимосвязях допустимо предположить о взаимосвязи когнитивной гибкости испытуемых и эффективности их процессов сенсомоторной интеграции.

Отрицательная корреляция между показателями когнитивных тестов (в частности, результативностью решения задач на математические расчеты) и субъективной оценкой самочувствия респондентов свидетельствует о повышенном уровне стресса в связи

с более высокой степенью критичности к себе и стремлением достичь лучших результатов – исследования показывают, что высокие академические требования, характерные в том числе для математических и технических дисциплин, взаимосвязаны с распространенностью перфекционистских тенденций среди студентов с высокой учебной мотивацией.

С использованием *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок выявлены статистически значимые различия средних значений показателей когнитивных, регуляторных и психофизиологических процессов в выборках студентов высшего и профессионального образования (табл. 4).

Студенты высшего образования демонстрируют более высокие результаты в тестах на вербальные способности, что обусловлено необходимостью интенсивнее использовать аналитическое и абстрактное мышление для работы с теоретическим материалом. Более высокий общий показатель интеллектуальных способностей может быть связан с необходимостью обработки большего объема сложной информации и развитием теоретических аспектов в ходе обучения в образовательной среде с высокими требованиями к аналитическим навыкам и когнитивным способностям.

Еще наблюдаются различия в структуре мотивации – в то время как студенты профессионального образования заинтересованы скорее в успешном прохождении тестирования в силу практической ориентированности их академической деятельности, более высоким уровнем устойчивых мотивационных факторов, как внешних, так и внутренних, обладают студенты высшего образования.

Студенты профессионального образования демонстрируют меньший уровень стресса, подавленности и тревожности, более высокие уровни активности и самочувствия, а также более стабильные показатели в тестах психофизиологических процессов. Потенциально этому способствует практическая направленность их учебной деятельности, т.к. менее абстрактная природа решаемых задач хоть и требует не меньшего уровня когнитивной вовлеченности, но может характеризоваться более оптимальным распределением когнитивной нагрузки.

Обсуждение

Результаты проведенного исследования соотносятся с выводами, описанными в работах других авторов. Так, в исследовании А. Diamond установлено, что когнитивные функции могут быть связаны с точностью выполнения двигательных задач [1]. В работе S. M. González-Betancor и др. отмечается, что обучающиеся с развитыми вербальными способностями чаще подвержены влиянию мотивов финансового благополучия, будучи уверенными, что коммуникативные способности являются важным компонентом

Табл. 3. Корреляции параметров когнитивных процессов и показателей проявлений регуляторных и психофизиологических процессов: студенты высшего образования

Tab. 3. Correlations between parameters of cognitive processes and indicators of regulatory and psychophysiological processes: university students

| Показатели | Вербальные способности | Математические способности | Способности к абстрагированию | Аналитические способности | IQ |
|-------------------------------------------------------------------------|------------------------|----------------------------|-------------------------------|---------------------------|--------|
| Тест мотивационной структуры Ф. Герцберга | | | | | |
| Мотив содержанием работы | - | -0,472 | - | - | - |
| Мотив карьерного роста | -0,441 | - | - | -0,448 | - |
| Мотив отношений с руководством | - | - | - | 0,445 | - |
| Методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова | | | | | |
| Пассивное – активное отношение к жизненной ситуации | - | -0,479 | - | - | -0,460 |
| Неустойчивость – устойчивость эмоционального тона | - | -0,435 | - | - | - |
| Субъективная оценка психических актуальных состояний (СОПАС-8) | | | | | |
| Психическое состояние | - | -0,453 | - | - | - |
| Чувство силы и энергии | - | -0,534 | - | - | - |
| Подавленность | - | 0,516 | - | - | - |
| Методика «Самочувствие – Активность – Настроение» | | | | | |
| Самочувствие | - | -0,563 | - | - | -0,437 |
| Настроение | - | -0,529 | - | - | - |
| Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний | | | | | |
| Показатель здоровья по шкале тревоги | - | -0,486 | - | - | - |
| Показатель здоровья по шкале невротической депрессии | - | -0,508 | - | - | - |
| Тремометрия | | | | | |
| Статическая: среднее время ошибки (правая рука) | - | -0,707 | - | - | -0,523 |
| Статическая: среднее время ошибки (левая рука) | - | -0,479 | - | - | - |
| Динамическая: максимальное отклонение от траектории (левая рука) | -0,456 | -0,522 | - | -0,506 | -0,505 |
| Динамическая: соотношение пройденной дистанции и эталонной (левая рука) | - | -0,594 | - | - | - |
| Сложная зрительно-моторная реакция: реакция выбора | | | | | |
| Среднее время реакции (правый глаз) | - | - | -0,439 | - | - |
| Среднее время реакции (левый глаз) | - | -0,448 | -0,446 | - | - |

Прим.: отображены только значимые взаимосвязи ($p < 0,05$).

Табл. 4. Средние значения изучаемых показателей по группам с различными типами обучения

Tab. 4. Mean values of indicators by education type

| Показатель | Высшее | Профессиональное | t | p |
|---------------------------------------------------------------------|---------|------------------|--------|--------|
| Тест структуры интеллекта Р. Амтхауэра | | | | |
| Комплекс субтестов вербальных способностей | 59,737 | 54,433 | 1,993 | 0,0484 |
| Суммарный балл по субтестам | 134,500 | 117,622 | 3,339 | 0,0011 |
| Структура мотивации участия | | | | |
| Мотивация достижения | 9,105 | 16,422 | -5,245 | 0,0001 |
| Мотивация отношения | 13,368 | 22,167 | -5,444 | 0,0001 |
| Методика «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной | | | | |
| Мотив приобретения знаний | 7,232 | 4,940 | 3,939 | 0,0002 |
| Мотив овладения профессией | 5,184 | 6,500 | -4,306 | 0,0001 |
| Тест мотивационной структуры Ф. Герцберга | | | | |
| Мотивационные факторы | 75,632 | 66,667 | 7,898 | 0,0001 |
| Гигиенические факторы | 86,368 | 68,333 | 15,890 | 0,0001 |
| Методика определения доминирующего состояния Л. В. Куликова | | | | |
| Тревога – спокойствие | 50,806 | 45,967 | 1,992 | 0,0485 |
| Неустойчивость – устойчивость эмоционального тона | 52,778 | 45,778 | 2,660 | 0,0088 |
| Методика «Самочувствие – Активность – Настроение» | | | | |
| Психическое состояние | 0,250 | 0,116 | 9,045 | 0,0001 |
| Чувство силы и энергии | 0,212 | 0,130 | 5,320 | 0,0001 |
| Импульсивная реактивность | 0,064 | 0,122 | -4,277 | 0,0001 |
| Психическое беспокойство | 0,081 | 0,123 | -3,429 | 0,0008 |
| Тревожное ожидание | 0,085 | 0,137 | -3,788 | 0,0002 |
| Удрученность, подавленность | 0,078 | 0,120 | -3,279 | 0,0014 |
| Методика «Самочувствие – Активность – Настроение» | | | | |
| Самочувствие | 42,556 | 53,022 | -7,808 | 0,0001 |
| Активность | 40,722 | 52,644 | -9,401 | 0,0001 |
| Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний | | | | |
| Показатель здоровья по шкале тревоги | 0,588 | 3,529 | -4,539 | 0,0001 |
| Показатель здоровья по обсессивно-фобическим нарушениям | -0,275 | 1,703 | -3,733 | 0,0003 |
| Уровень нервно-психического напряжения | 44,028 | 49,144 | -2,174 | 0,0316 |
| Статическая тремометрия | | | | |
| Максимальное отклонение, мм (правая рука) | 2,217 | 1,522 | 2,430 | 0,0167 |
| Реакция на движущийся объект | | | | |
| Число упреждений | 6,261 | 4,678 | 2,533 | 0,0127 |

профессионального роста [25]. Сопутствующий этому высокий уровень рефлексивности, как правило, проявляется в повышенном уровне тревоги [26] и, по наблюдениям P. Güner и S. Gökçe, обуславливает распространенность перфекционистских тенденций среди студентов [27]. При этом в исследовании A. Hirschi и D. Spurk наблюдается, что завышенная субъективная оценка собственных когнитивных способностей у респондентов напрямую коррелирует с их стремлением к карьерному росту [28].

Активное использование когнитивных ресурсов и высокая нагрузка на рабочую память могут негативно сказываться на зрительно-моторной координации, что также было описано в работе A. G. Carlson и коллег [29]. Логичным следствием выступает рефлекслируемое респондентами ощущение понижения энергичности [30; 31].

В свою очередь, в работе M. Behrens и соавторов [32] рассматривается влияние усталости и стресса на когнитивные функции студентов и работников, и в ходе их исследования было установлено, что высокие уровни стресса и усталости существенно снижают когнитивные способности индивида, в частности внимание и память.

В исследовании E. De Corte и др. была установлена взаимосвязь между результативностью решения логических и математических задач и развитой эмоциональной саморегуляцией [33]. Развитое аналитическое и логическое мышление также свидетельствуют о высоком уровне когнитивной интеграции, что проявляется не только в более высоких показателях интеллектуальных тестов [34], но и в лучшей координации при выполнении зрительно-моторных задач [35].

Согласно исследованию K. K. L. Lam, постановка долгосрочных целей в академическом контексте и стабильный уровень стремления к ним напрямую коррелируют с успешностью их достижения [36]. В данном исследовании обнаружено, что студенты вуза обладают более высокими уровнями мотивации, тогда как у студентов техникума отмечается более разрозненная структура мотивации, причем преобладают внешние мотивационные факторы, вероятно, в силу большей вариативности стратегий обучения и более короткого срока реализации образовательных программ.

Учеными отмечается двусторонняя направленность между параметрами мотивационно-эмоциональной сферы и показателями когнитивных способностей – в то время как в исследовании W. W. S. Lee [37] было установлено положительное влияние силы мотива приобретения знаний на эмоциональный фон обучающихся, в работе R. M. Abdelrahman [38] выявлено, что адекватная субъективная оценка собственных когнитивных способностей и высокий уровень эмоциональной регуляции студентов высшего образования непосредственно положительно влияют на уровень их академической мотивации.

Заключение

В ходе рассмотрения различных аспектов когнитивных, регуляторных и психофизиологических процессов студентов были выявлены статистически значимые взаимосвязи между проявлениями психофизиологических и когнитивных процессов, их влияние на эмоциональное состояние и подверженность эффективности когнитивных функций регуляторным процессам.

Обнаруженная отрицательная корреляция между вербальными способностями и внутренней мотивацией к карьерному росту свидетельствует о том, что студенты с развитыми вербальными навыками менее склонны к развитию технических навыков. Более высокие результаты как в вербальных субтестах, так и по общим интеллектуальным показателям продемонстрировали студенты высшего образования.

Показатели треметрии оказались отрицательно связаны как с математическими способностями, так и с IQ студентов высшего образования, что указывает на важность когнитивной гибкости и способности к сенсомоторной интеграции в процессе обучения. Субъективные оценки самочувствия и настроения у студентов вуза ниже, чем у студентов техникума – в совокупности с отрицательной корреляцией данных показателей с результативностью в математических субтестах это свидетельствует о повышенном уровне стресса у студентов высшего образования, обусловленном как высокими требованиями со стороны образовательной среды, так и личностными установками.

В обеих группах студентов повышение уровня стресса ассоциировалось со снижением когнитивных способностей. В свою очередь, рост стабильности и точности выполнения зрительно-моторных задач наблюдается при оптимальном распределении когнитивных ресурсов, сопутствующем эффективной эмоциональной регуляции и благоприятному психическому состоянию.

Итак, полученные данные подтверждают значимость комплексного подхода к изучению взаимодействия когнитивных, регуляторных и психофизиологических процессов. Результаты исследования подчеркивают важность развития навыков управления стрессом и саморегуляции учебной деятельности. Важен учет личностных особенностей студентов при разработке образовательных программ, способствующих адаптации к учебной и профессиональной деятельности и сопутствующей им социальной интеграции.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Diamond A. Close interrelation of motor development and cognitive development and of the cerebellum and prefrontal cortex. *Child Development*, 2000, 71(1): 44–56. <https://doi.org/10.1111/1467-8624.00117>
2. Shi C. A study of the relationship between cognitive styles and learning strategies. *Higher Education Studies*, 2011, 1(1). <https://doi.org/10.5539/hes.v1n1p20>
3. Shi Y., Qu S. The effect of cognitive ability on academic achievement: The mediating role of self-discipline and the moderating role of planning. *Frontiers in Psychology*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1014655>
4. Ляко Е. Е., Ноздрачев А. Д., Соколова Л. В. Возрастная физиология и психофизиология. М.: Юрайт, 2024. 396 с. [Lyakso E. E., Nozdrachev A. D., Sokolova L. V. *Age physiology and psychophysiology*. Moscow: Iurait, 2024, 396. (In Russ.)]
5. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982. 127 с. [Selye H. *Stress without distress*. Moscow: Progress, 1982, 127. (In Russ.)]
6. Величковский Б. М. Когнитивная наука. Основы психологии познания. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2020. Т. 1. 405 с. [Velichkovsky B. M. *Cognitive science. Fundamentals of epistemic psychology*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2020, vol. 1, 405. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbmekf>
7. Fernandez-Duque D., Johnson M. L. Attention metaphors: How metaphors guide the cognitive psychology of attention. *Cognitive Science*, 1999, 23(1): 83–116. https://doi.org/10.1207/s15516709cog2301_4
8. Kahneman D. *Attention and Effort*. NJ: Prentice-Hall, 1973, 246.
9. Rumelhart D. E., McClelland J. L. *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition*. Cambridge: MIT Press, 1987, 632.
10. Нуркова В. В., Березанская Н. Б. Общая психология. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 514 с. [Nurkova V. V., Berezanskaya N. B. *General psychology*. 3rd ed. Moscow: Iurait, 2024, 514. (In Russ.)]
11. Чуриков И. Ю., Каган Е. С. Особенности мотивации обучающихся с различным уровнем интеллектуальных способностей. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 4. С. 399–408. [Churikov I. Yu., Kagan E. S. Motivating students with different cognitive abilities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(4): 399–408. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-4-399-408>
12. Туник Е. Е. Тест интеллекта Амтхауэра. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2009. 96 с. [Tunik E. E. *Amthauer's Intelligence Test. Data analysis and interpretation*. St. Petersburg: Rech, 2009, 96. (In Russ.)]
13. Практическая психодиагностика. Методики и тесты, ред. Д. Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 672 с. [Practical psychodiagnostics. *Methods and tests*, ed. Raigorodsky D. Ya. Samara: BAKhRAKh-M, 2001, 672. (In Russ.)]
14. Шапиро С. А. Мотивация и стимулирование персонала. М.: ГроссМедиа, 2005. 224 с. [Shapiro S. A. *Motivation and stimulation of personnel*. Moscow: GrossMedia, 2005, 224. (In Russ.)]
15. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с. [Ilyin E. P. *Motivation and motives*. St. Petersburg: Piter, 2000, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruuldx>
16. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2003. 554 с. [Eliseev O. P. *A workshop on personality psychology*. St. Petersburg: Piter, 2003, 554. (In Russ.)]
17. Немчин Т. А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: ЛГУ, 1983. 166 с. [Nemchin T. A. *States of neuropsychic tension*. Leningrad: LSU, 1983, 166. (In Russ.)]
18. Яхин К. К., Менделевич Д. М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. In: Менделевич В. Д. *Клиническая и медицинская психология: Практическое руководство*. М.: МЕДпресс-информ, 1998. С. 545–552. [Yakhin K. K., Mendelevich D. M. Clinical questionnaire for the identification and assessment of neurotic conditions. In: Mendelevich V. D. *Clinical and medical psychology: A practical guide*. Moscow: MEDpress-inform, 1998, 545–552. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfalks>
19. Куликов Л. В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. СПб.: СПбГУ, 2003. [Kulikov L. V. *A guide to the methods of diagnosis of mental states, moods, and feelings*. St. Petersburg: SPbSU, 2003. (In Russ.)]
20. Сопов В. Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности. М.: Трикта, 2005. 126 с. [Sopov V. F. *Mental states in intense professional activity*. Moscow: Triкта, 2005, 126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxnrsr>
21. Доскин В. А., Лаврентьева Н. А., Стронгина О. М. и др. Психологический тест «САН» применительно к исследованиям в области физиологии труда. *Гигиена труда и профзаболеваний*. 1975. № 5. С. 28–32. [Doskin V. A., Lavrentieva N. A., Strongina O. M. et al. Psychological SAN test in labor physiology studies. *Gigiena truda i profzabolevaniy*, 1975, (5): 28–32. (In Russ.)]

22. Кирой В. Н. Физиологические методы в психологии. Ростов н/Д: ЦВВР, 2003. 224 с. [Kiroi V. N. *Physiological methods in psychology*. Rostov-on-Don: TsVVR, 2003, 224. (In Russ.)]
23. Талалаев А. А. Исследование центральной нервной системы и умственной работоспособности. In: Бобров А. Ф., Богачук Г. П., Васюков Г. В. и др. *Гигиенические исследования средств индивидуальной защиты человека*. М., 1992. С. 240–257. [Talalaev A. A. Central nervous system and mental performance. In: Bobrov A. F., Bogachuk G. P., Vasyukov G. V. et al. *Hygienic studies of personal protective equipment*. Moscow, 1992, 240–257. (In Russ.)]
24. Пейсахов Н. М. Закономерности динамики психических явлений. Казань: Казанский ун-т, 1984. 235 с. [Peisakhov N. M. *Patterns of dynamics of mental phenomena*. Kazan: Kazan University, 1984, 235. (In Russ.)]
25. González-Betancor S. M., Bolívar-Cruz A., Verano-Tacoronte D. Self-assessment accuracy in higher education: The influence of gender and performance of university students. *Active Learning in Higher Education*, 2019, 20(2): 101–114. <https://doi.org/10.1177/1469787417735604>
26. Geary D. C., Hoard M. K., Nugent L., Scofield J. E. In-class attention, spatial ability, and mathematics anxiety predict across-grade gains in adolescents' mathematics achievement. *Journal of Educational Psychology*, 2021, 113(4): 754–769. <https://doi.org/10.1037/edu0000487>
27. Güner P., Gökçe S. Linking critical thinking disposition, cognitive flexibility and achievement: Math anxiety's mediating role. *The Journal of Educational Research*, 2021, 114(5): 458–473. <https://doi.org/10.1080/00220671.2021.1975618>
28. Hirschi A., Spurk D. Striving for success: Towards a refined understanding and measurement of ambition. *Journal of Vocational Behavior*, 2021, 127. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2021.103577>
29. Carlson A. G., Rowe E., Curby T. W. Disentangling fine motor skills' relations to academic achievement: The relative contributions of visual-spatial integration and visual-motor coordination. *The Journal of Genetic Psychology*, 2013, 174(5): 514–533. <https://doi.org/10.1080/00221325.2012.717122>
30. Palmer L. The Relationship between Stress, Fatigue, and Cognitive Functioning. *College Student Journal*, 2013, 47(2): 312–325. URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=1631489> (accessed 25 Jul 2024).
31. Klingberg T. *The overflowing brain: Information overload and the limits of working memory*. Oxford: Oxford University Press USA, 2008, 224.
32. Behrens M., Gube M., Chaabene H., Prieske O., Zenon A., Broscheid K.-C., Schega L., Husmann F., Weippert M. Fatigue and human performance: An updated framework. *Sports Medicine*, 2023, 53(1): 7–31. <https://doi.org/10.1007/s40279-022-01748-2>
33. De Corte E., Depaepe F., Op 't Eynde P., Verschaffel L. Students' self-regulation of emotions in mathematics: An analysis of meta-emotional knowledge and skills. *ZDM Mathematics Education*, 2011, 43: 483–495. <https://doi.org/10.1007/s11858-011-0333-6>
34. Ramme R. A., Neumann D. L., Donovan C. L. The relationship between cognitive ability and motivation during cognitive tasks of varying complexity. *Learning and Motivation*, 2022, 77. <https://doi.org/10.1016/j.lmot.2022.101782>
35. Cragg L., Gilmore C. Skills underlying mathematics: The role of executive function in the development of mathematics proficiency. *Trends in Neuroscience Education*, 2014, 3(2): 63–68. <https://doi.org/10.1016/j.tine.2013.12.001>
36. Lam K. K. L., Zhou M. An examination of the conceptual structure of long-term goal striving. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2022, 48(4): 550–565. <https://doi.org/10.1177/01461672211016190>
37. Lee W. W. S. Relationships among grit, academic performance, perceived academic failure, and stress in associate degree students. *Journal of Adolescence*, 2017, 60(1): 148–152. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.08.006>
38. Abdelrahman R. M. Metacognitive awareness and academic motivation and their impact on academic achievement of Ajman University students. *Heliyon*, 2020, 6(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04192>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zkmgow>

Диалогический дискурс в медицинской практике: когнитивно-речевые проявления и специфика организации

Каменева Вероника Александровна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 9659-7646
<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>
russia_science@mail.ru

Румянцева Александра Александровна
Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 6274-5698
<https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

Потапова Наталья Вадимовна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
eLibrary Author SPIN: 2682-1146
<https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

Шот Юлия Сергеевна
Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово
Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-9409-4233>

Аннотация: Исследования когнитивно-речевых особенностей и специфики диалогической речи подростков, перенесших оперативное вмешательство по поводу врожденного порока сердца, актуальны и теоретически значимы. Диалогическая речь подростков, имеющих септальный врожденный порок сердца в анамнезе, потребовавший закрытия в условиях искусственного кровообращения, малоизучена с лингвистических позиций. В работе описаны и классифицированы реплики-вопросы и реплики-ответы из 27 диалогов между кардиологом и подростками 13–15 лет, перенесшими оперативное вмешательство по поводу врожденного порока сердца. Цель – выявить и описать особенности вопросов и ответов, организующих диалог между кардиологом и пациентом. В материал исследования были включены диалоги с обезличенной информацией, проводимые во время сбора субъективного анамнеза в раннем послеоперационном периоде, то есть в первые 7 суток после операции (в среднем на 6-7-й день). Применены методы дискурс-анализа, структурно-синтаксического анализа диалогов-расспросов врача и пациента с последующей типологизацией вопросов и ответов коммуникантов. Результаты показали, что вопросно-ответные диалоги характеризуются быстрой сменяемостью реплик, их краткостью и синтаксически зависимым характером. Врач выступает источником речевой активности подростка, он владеет эффективными тактиками запроса информации, является лидером в коммуникации с пациентом. Практически все реплики диалогов семантически, структурно и коммуникативно взаимосвязаны. Односложные ответы пациентов-подростков и сбои в коммуникации можно объяснить психологическими особенностями подросткового возраста и / или послеоперационным состоянием пациента. Сделан вывод, что кардиологам-педиатрам следует формулировать планы расспросов о состоянии здоровья с учетом психологических, речевых и когнитивных особенностей пациентов, перенесших операцию на сердце.

Ключевые слова: медицинский дискурс, диалогическая речь, реплика-вопрос, реплика-ответ, пациенты с ВПС, когнитивно-речевые особенности

Цитирование: Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А., Шот Ю. С. Диалогический дискурс в медицинской практике: когнитивно-речевые проявления и специфика организации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 458–465. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-458-465>

Поступила в редакцию 14.09.2024. Принята после рецензирования 18.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Dialogic Discourse in Medical Practice: Cognitive, Verbal, and Structural Features

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 9659-7646
<https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>
russia_science@mail.ru

Natalia V. Potapova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 2682-1146
<https://orcid.org/0000-0001-7593-1713>

Alexandra A. Rumyantseva

Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases,
Russia, Kemerovo
eLibrary Author SPIN: 6274-5698
<https://orcid.org/0000-0002-1352-2591>

Yulia S. Shot

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases,
Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-9409-4233>

Abstract: The article describes the cognitive and verbal features of dialogic speech produced by teenage patients operated for congenital heart defect. Doctor-patient dialogues remain linguistically understudied when it comes to pediatric patients with a history of septal congenital heart defect that required cardiopulmonary bypass surgery. The research featured 27 depersonalized dialogues between a cardiologist and a teenage patient (13–15 y.o.) 6 or 7 days after heart surgery. The objective was to describe how questions and answers structured the dialogue between the patient and the cardiologist as the latter collected direct post-surgery anamnesis. The analysis relied on the methods of discourse, structural, and syntactic analyses, which made it possible to typologize the questions and responses. The question-answer interaction proved rapid, brief, and syntactically dependent. The cardiologist directed their patient's speech activity by employing effective questioning and guiding tactics. Practically all lines were semantically, structurally, and communicatively interrelated. One-word responses and communication failures were probably associated with the teenage psychology and/or recovery status.

Keywords: medical discourse, dialogic speech, question, response, patients with CHD, congenital heart disorder, cognitive and verbal features

Citation: Kameneva V. A., Potapova N. V., Rumyantseva A. A., Shot Yu. S. Dialogic Discourse in Medical Practice: Cognitive, Verbal, and Structural Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 458–465. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-458-465>

Received 14 Sep 2024. Accepted after review 18 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Актуальность антропоцентрического подхода при выявлении особенностей коммуникации не вызывает сомнений. Большинство современных исследований процессов коммуникации выполняются в рамках этого подхода, способствуя систематизации данных о научном объекте теории коммуникации. Антропоцентрический подход позволяет расставлять акценты на таких значимых характеристиках человека, как возраст, профессиональная принадлежность, состояние здоровья, гендер и другие, расширяя научное поле теории коммуникации.

Эффективное взаимодействие между двумя индивидуумами обеспечивается коммуникацией, которая, в свою очередь, обеспечивает продуктивность совместной деятельности двух людей и различных процессов в рамках данного общества. Коммуникация имеет множество видов: вербальная / невербальная, письменная / устная, формальная / неформальная, внутренняя и т. д. В данной работе рассмотрены

особенности диалогической речи (диалога) как основной формы взаимодействия между лечащим специалистом (детским кардиологом) и юным пациентом.

Обращение к вопросам медицинской коммуникации актуально и вызывает интерес в России и за рубежом. На сегодня основное внимание уделяется проблемам подготовки специалистов медицинского профиля с хорошо развитыми навыками коммуникации. Признается, что значительная доля успешного лечения пациента зависит от коммуникации между врачом и пациентом, который готов следовать предписываемому лечению [1–5]. Стоит отметить, что процесс коммуникации между пациентом и врачом достаточно специфичен и зависит от множества лингвистических и экстралингвистических факторов. Существенно может отличаться коммуникация между врачом и пациентами разных возрастов.

Как разновидность профессиональной коммуникации интеракция врача и пациента среднего или

старшего возраста имеет следующие особенности, определяемые медицинской этикой и деонтологией:

- наличие доверия – не только как одной из фундаментальных установок в современном обществе, но и как априорной необходимости в отношениях *врач – пациент* [6];
- юридическая ответственность, заключающаяся в сложности работы медицинских специалистов ввиду объекта медицины – человеческого тела, что накладывает свой отпечаток на взаимодействие между двумя коммуникантами;
- эмоциональная поддержка (эмпатия), означающая, что независимо от статуса и положения пациента обязанностью врача остается умение правильно (не приуменьшая достоинство пациента) донести информацию о состоянии здоровья [7].

Более того, особенностью коммуникации в медицинской сфере является наличие прямой связи между успешной коммуникацией и правильно поставленным диагнозом и последующим комплаенсом пациента в отношении назначенной медикаментозной терапии. Именно в контексте диагностики важность правильно выстроенного диалога и выбранных речевых стратегий со стороны врача приобретает большую важность.

Стратегии речевых действий врачей в зависимости от их функции подразделяют на два общих типа:

- семантические (основные) – работа с данными о состоянии пациента;
- интерактивные (вспомогательные) – работа с психо-эмоциональным состоянием пациента [8, с. 296].

Верный подбор стратегии для сбора анамнестических характеристик посредством расспроса пациента способствует достижению диагностической цели взаимодействия, т. е. определению причины заболевания или состояния пациента. Это означает, что компетенции врача не заканчиваются лишь на знаниях определенной медицинской области, а наоборот, включают в себя также компетенции коммуникативного профиля – умения коммуницировать с пациентами различных групп (возрастной, экономической, гендерной и т. п.).

Затрагивая тематику работы с различными возрастными группами пациентов, отметим, что в литературе описаны особенности взаимодействия врачей с пациентами среднего и старшего возраста, а также с пациентами дошкольного возраста. Специалисту нужно учитывать возрастные и психологические особенности детей и нормы развития речевых навыков, ведь пациент еще не способен самостоятельно предоставить необходимые сведения о своем здоровье, ему требуется помощь взрослого, который будет выступать источником речевой активности ребенка

в рамках диалога кардиолога с дошкольником [9, с. 77]. Однако данных о подобном взаимодействии врачей с пациентами-подростками на сегодня нет.

Диалог и диалогическая речь как предмет изучения в различных сферах сохраняет за собой актуальность не только благодаря становлению межпредметных и метапредметных подходов исследования процесса коммуникации, но и благодаря постоянно меняющимся способам ведения диалога в современном обществе.

Имеется множество определений термина диалогической речи, например:

- 1) сочетание устных высказываний, объединенных ситуативно-тематической общностью и коммуникативными мотивами, порожденных собеседниками в акте общения [10, с. 6];
- 2) ограниченное рамками тематики высказывание, адресованное напрямую собеседнику¹;
- 3) процесс поочередного обмена репликами между коммуникантами [11–15].

В данном исследовании диалогическая речь будет трактоваться как возникающий по желанию собеседников с целью решения проблемы поочередный обмен информацией.

Как и в случае с исследованием диалогической речи, изучению типологии диалогов посвящено множество работ. Так, в 1995 г. D. Walton и E. Krabbe выделили такие типы диалогов, как:

- диалог-убеждение (нацеленный на разрешение проблемы или прояснение ситуации);
- диалог-переговоры (необходим для достижения соглашения, выгодного для обоих собеседников);
- диалог-запрос (служит для подтверждения информации);
- диалог-обсуждение (применяется для совместного выбора подходящего курса действий);
- диалог-поиск информации (способствует обмену информацией между коммуникантами);
- диалог-спор (способствует более глубокому раскрытию позиции участников конфликта) [16, р. 66].

В работе R. Posner была предложена следующая типология диалогов:

- проактивный диалог (участники которого используют в основном косвенную речь при взаимодействии);
- реактивный диалог (односторонний диалог, при котором один из собеседников использует только прямую речь);
- прямой диалог (участник коммуникации использует прямую речь для установления доминирующей позиции при асимметричном общении) [17].

Специалисты в сфере речевой коммуникации, О. Я. Гойхман и Т. М. Надеина, в зависимости от целей и задач диалога выделяют:

¹ Диалог. In: Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. С. 132.

- бытовой разговор;
- деловую беседу;
- собеседование;
- интервью;
- переговоры [18].

Наибольший интерес для нашей работы представляет классификация диалогов М. К. Бородулиной и Н. М. Мининой, которые делят диалогические высказывания на четыре типа:

- 1) расспрос (чередование реплик, основными формами которых являются вопрос и ответ);
- 2) беседа (выражение собственного мнения посредством развернутых высказываний);
- 3) диспут или дискуссия (обмен преимущественно монологическими высказываниями);
- 4) разновидности дискуссии или беседы-спора [19, с. 113–114].

Диалог-расспрос – это форма коммуникации, в которой преобладающими формами взаимодействия являются поочередные вопросы и ответы различных типов. Будучи первым этапом в процессе сбора субъективного анамнеза, «на его долю приходится более 50 % получаемой информации о заболевании больного» [20, с. 677], расспрос пациента важен для всех последующих этапов лечения. Его цель – выяснить, что именно пациент думает по поводу своего заболевания. Типичный расспрос пациента среднего или старшего возраста включает в себя следующие разделы: паспортная часть (ФИО пациента, место работы, возраст); жалобы больного; вопросы об общем самочувствии; вопросы по состоянию органов и систем; вопросы о динамике заболевания (анамнез заболевания); история жизни (анамнез жизни) [20, с. 678]. Расспрос также должен быть заранее четко продуман и последователен, а собственноручно специалист, собирающий данные, должен «оперативно выяснить все сведения» [21, с. 6–7].

Кроме того, при сборе анамнеза врачу необходимо учитывать тот факт, что проведение любых типов хирургических вмешательств (открытых / закрытых, и особенно с использованием аппарата искусственного кровообращения) негативно влияет на текущее состояние и развитие когнитивно-речевых способностей детей [22–25].

Цель – выявить и описать особенности организации диалога-расспроса между детским кардиологом и подростком, прооперированным по поводу врожденного порока сердца (ВПС). Новизну предпринятого исследования определяет тот факт, что данная проблематика до настоящего времени не становилась объектом отдельного научного исследования.

Методы и материалы

Для сбора материала исследования были проанализированы 27 диалогов детского кардиолога кардиохирургии № 2 Научно-исследовательского института

комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово с пациентами – подростками 13–15 лет, перенесшими оперативное вмешательство по поводу ВПС. На проведение исследования получено информированное добровольное согласие от родителя или законного представителя ребенка. Объем материала исследования составил 15 часов звучащего текста. Пациенты были обследованы в раннем послеоперационном периоде, т.е. в первые 7 суток после операции (в среднем на 6–7-й день).

В работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения. В список использованных лингвистических методов настоящего исследования вошли методы дискурс-анализа, структурно-синтаксического анализа диалогов-расспросов врача и пациента с последующей типологизацией вопросов и ответов коммуникантов.

Методика анализа включала следующие процедуры:

- 1) из диалогов детского кардиолога с пациентами с ВПС были отобраны, описаны и систематизированы вопросы-стимулы;
- 2) из диалогов врача с пациентами с ВПС были отобраны, описаны и систематизированы ответные реакции подростков;
- 3) проведен структурно-синтаксический анализ полученного материала с последующим соотношением вопросов-стимулов врача с реакциями-ответами пациента с ВПС.

Результаты

При сборе информации о самочувствии подростка в раннем послеоперационном периоде (первые 7 суток после проведения операции) детские кардиологи часто задают стандартизированный список вопросов:

1. *Что тебя сейчас беспокоит? / Что-то болит сейчас?* Обозначенные вопросы представляют собой перифраз вопроса *Какие у тебя жалобы?* Детские кардиологи стремятся сделать свою речь простой, доступной, не перегруженной специальной терминологией, из-за которой могут возникнуть определенные сложности для понимания, что в свою очередь приведет к коммуникативному сбою.

2. *Как у тебя сейчас изменилось настроение? / У тебя сейчас изменилось настроение?* Иногда пациент-подросток не может сказать, что у него что-то болит ввиду того, что он привык к этому состоянию. По его настроению можно опосредованно сделать вывод и о его физическом состоянии. Кроме того, пониженный эмоциональный фон требует психологической реабилитации, а значит пациент не готов к выпiske.

3. *Тебе стало легче дышать?* Одышка – главный симптом сердечной недостаточности. Ее отсутствие или уменьшение говорит в пользу положительной клинической динамики.

4. Тебе тяжело пройти из одного конца коридора в отделении в другой? / На какой этаж можешь подняться без усталости и одышки? / Тебе тяжело самому принять душ? Снижение толерантности к физической нагрузке – важный симптом сердечной недостаточности. По мере того как подросток начинает преодолевать большие расстояния, самостоятельно справляться с физической нагрузкой, он клинически выздоравливает.

5. Как изменился твой сон? / Тебе стало легче засыпать? / Ты перестал просыпаться по ночам? / Ты стал высыпаться? При сердечной недостаточности возникают преходящие нарушения ритма, в том числе во сне, которые нарушают сон пациента.

6. Тебе хочется чем-нибудь заняться: почитать книжку, поучить уроки, порисовать? У тебя есть на это силы и настроение? Толерантность к физической нагрузке и эмоциональный фон выступают как проявление клиники сердечной недостаточности: если у подростка нет сил что-либо делать / выполнять, то и его настроение будет сниженным.

Зафиксированные в нашем эксперименте диалоги между пациентом и врачом-кардиологом в среднем содержат 22–45 реплик. Реплики врача представлены разными типами конструкций, в подавляющем большинстве вопросительными: простыми двусоставными предложениями (Что беспокоит? / Что-то болит?); односоставными предложениями (Быстро устаешь?); сложноподчиненными предложениями (На какой этаж можешь подняться, чтобы у тебя ни одышки не возникло, ни утомляемости?).

В ходе диалога-расспроса для получения сведений о самочувствии пациента-подростка врач-кардиолог прибегает к ряду вопросительных конструкций (рис. 1).

Среди вопросительных конструкций используются **закрытые вопросы**, при помощи которых врач может быстро оценить состояние пациента, при этом не тратя много времени на расспрос, например: Со сном есть проблемы? / Легче стало подниматься после операции? / А пешком можешь подниматься по лестнице? / А одышка, утомляемость бывают? Такие вопросы предполагают точный и краткий ответ. Однако чрезмерное их употребление может создать у собеседника ощущение напряженности и дискомфорта. По данным исследования, закрытые вопросы являются самыми распространенными (36 % от общего числа заданных вопросов).

Избежать неприятного ощущения допроса у пациента и получить от него развернутый ответ помогают **вопросы открытого типа** (26 %), например: А скажи, пожалуйста, одышка раньше у тебя как возникала? / А ты поступил к нам в связи с чем? / В душных помещениях как себя чувствуешь?

Чуть в меньшей степени врач-кардиолог прибегает к **уточняющим вопросам** (19 %), с помощью

которых он старается уточнить только что полученную от пациента информацию, например:

– В последнее время стала вставать почему-то, просыпаться.

– По ночам?

– Да.

Зеркальный вопрос (10 %) заключается в повторении части утверждения собеседника с вопросительной интонацией. Цель такого вопроса – получить дополнительные подробности или уточнить жалобы пациента:

– Ну, когда глаза закрываю, у меня начинает голова кружиться.

– Кружится, да?

– Да.

Гораздо реже в речи врача встречаются **альтернативные вопросы** (5 %), которые предлагают собеседнику несколько вариантов ответа: Расстояние от дома до дома тебе тяжело пройти или нормально? / А перестала просто потому, что не нравится или тяжело стало заниматься? / А раньше было такое или сейчас появилось?

Редко при расспросе пациента врач прибегает к **повторному вопросу** (4 %), несколько видоизменяя первоначальный вопрос, если на него не был получен ответ, например:

– Скажи мне, пожалуйста, тебя сейчас что-то беспокоит?

– ...

– У тебя есть какие-то жалобы?

– Ну... на сердце нет.

Реплики диалогов имеют неодинаковый объем – вопросные реплики врача в основном больше, чем реагирующие реплики пациента. Реагирующие реплики часто лишь заполняют информационный пробел вопросительного предложения, т. е. содержат только ту информацию, которую запрашивает врач (рис. 2):

– Тяжело тебе бегать?

– Ага.

Реже реагирующие реплики, помимо ответа на вопрос, содержат какие-то дополнительные сведения / детали, являются развернутыми ответами:

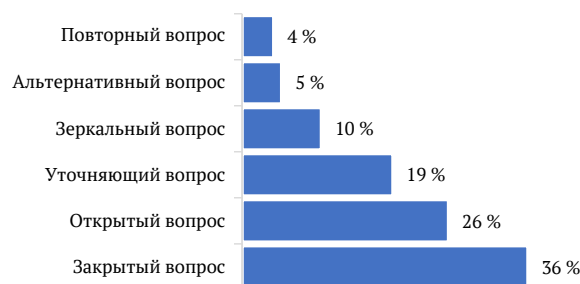


Рис. 1. Типы вопросных реплик врача
Fig. 1. Typology of cardiologist's questions

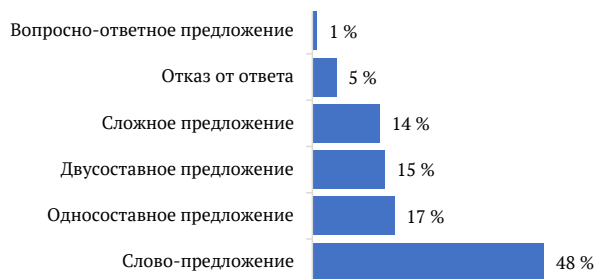


Рис. 2. Реагирующие реплики пациента
Fig. 2. Typology of patient's responses

– Ты спишь хорошо? Проблем со сном не бывает у тебя?

– Ну... я только не привыкший к расписанию. Я сплю во сколько ложусь. В любое время могу лечь. С учетом что вторая смена. А встаю я рано, потому что младшего брата в садик отвожу.

В проанализированных диалогах в 5 % случаев зафиксирован **отказ подростка от ответа** (молчание / немая реплика). Причины такой ситуации зависят от состояния пациента, настроения, желания и т.д.:

– Расскажи, пожалуйста, ты к нам с чем поступила?

–

– Что тебя беспокоит?

– Высокое давление, кровь из носа часто идет.

В подавляющем большинстве случаев (48 %) реагирующие реплики представляют собой **слово-предложение**, например:

– А раньше, когда занималась (физкультурой), тяжело было?

– Нормально.

Из числа однословных ответов реплики *да / нет / угу / ага* составляют 69 %. Это можно объяснить послеоперационным состоянием ребенка, а также возрастными психологическими особенностями коммуникации подростка, к числу которых относят несформированность положительной установки на собеседника, разбалансированность самооценки и выраженную эмоциональную зависимость от партнера по общению.

Простые **односоставные предложения** насчитывают до 17 % от общего числа реагирующих реплик:

– Скажи, пожалуйста, по лестнице пешком ходишь?

Поднимаешься?

– Ну да, поднимаюсь пешком.

Двусоставные предложения зафиксированы в 15 % случаев:

– Какая травма?

– Плечо вылетело.

Сложные предложения составляют около 14 % от общего числа реплик-ответов:

– Иногда просто не могу уснуть, потому что бессонница иногда бывает.

В 1 % случаев подростки ответили **вопросом на вопрос**, т.е. использовали вопрос-переспрос или уточняющий вопрос, что создает вопросно-вопросную модель:

– Тебя сейчас в первую очередь что беспокоит?

– На данный момент?

– Ты к нам с чем поступила?

– Ну... то, что сердце колит, в груди горит.

Вопрос вместо ожидаемого ответа может быть задан из-за заторможенной реакции, непонимания, желания уточнить или же из-за того, что второй коммуникант не расслышал первого по некоторым причинам.

Заключение

Проанализированные диалоги-расспросы представляют собой единства с двусторонней организацией, т.к. развитие темы осуществляется в результате речевой деятельности обоих коммуникантов. Врач выступает источником речевой активности подростка, он владеет эффективными тактиками запроса информации, является лидером в коммуникации с пациентом. Вопросно-ответные диалоги характеризуются быстрой сменяемостью реплик, их краткостью и синтаксически зависимым характером. В арсенале врача-кардиолога имеются вопросы разных типов, направленные на получение информации от пациента-подростка о его самочувствии.

В основном реплики диалога взаимосвязаны как семантически, так и структурно, и коммуникативно. В ответах пациентов-подростков зафиксированы односоставные простые предложения, в меньшей степени – двусоставные простые предложения, а также сложные предложения. В отдельных случаях наблюдался сбой коммуникации (молчание в ответе на вопрос). Подавляющее большинство реактивных реплик представлено односложными ответами, среди которых преобладают слова *да / нет / угу / ага*. Этот факт можно предположительно объяснить психологическими особенностями подросткового возраста и / или послеоперационным состоянием пациента, т.е. спецификой когнитивных процессов. Ввиду перенесенных вмешательств на сердце подростки испытывают трудности с продуцированием запрашиваемого ответа и с построением развернутого высказывания.

Предпринятое исследование вносит определенный вклад в теорию медицинской коммуникации. Для предотвращения коммуникативных сбоев кардиологам-педиатрам следует формулировать планы расспросов о состоянии здоровья с учетом психологических, речевых и когнитивных особенностей пациентов, перенесших операцию на сердце. На текущий момент количество методологического материала, посвященного данной тематике, немногочисленно, и, соответственно, перспективным кажется направление

исследований, фокусирующихся на уровне когнитивных и речевых умений у молодых пациентов кардиологического профиля. Настоящее исследование может быть полезно при создании курсов по подготовке кардиологов-педиатров.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: В. А. Каменева – концептуализация, формулирование общих целей и задач, обзор и описание теоретического материала, анализ и изложение полученных данных. Н. В. Потапова – подбор методологии, анализ и изложение полученных теоретических данных. А. А. Румянцева – корректировка теоретического обзора научных работ, валидация полученных практических данных. Ю. С. Шот – сбор

данных и проведение предварительного анализа материала, анализ и изложение полученных данных.

Contribution: V. A. Kameneva developed the research concept, objectives, and tasks, reviewed scientific literature, and analyzed the empirical data. N. V. Potapova developed the research methodology, as well as analyzed and presented the theoretical data. A. A. Rumyantseva participated in the review and validated the empirical data. Yu. S. Shot was responsible for data collection and preliminary analysis.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре», <https://rscf.ru/project/23-28-00002/>

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00002: Cognitive-discursive parameterization of medical discourse of patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00002/>

Литература / References

1. King A., Hoppe R. B. "Best practice" for patient-centered communication: A narrative review. *Journal of Graduate Medical Education*, 2013, 5(3): 385–393. <https://doi.org/10.4300/jgme-d-13-00072.1>
2. Ratna H. The importance of effective communication in healthcare practice. *Harvard Public Health Review*, 2019, 23. <https://doi.org/10.54111/0001/W4>
3. Power E. G. M. Considerations for effective communication of medical information. *Pharmaceutical Medicine*, 2023, 37(2): 97–101. <https://doi.org/10.1007/s40290-023-00461-3>
4. Sharkiya S. H. Quality communication can improve patient-centred health outcomes among older patients: A rapid review. *BMC Health Services Research*, 2023, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s12913-023-09869-8>
5. Cappola A. R., Cohen K. S. Strategies to improve medical communication. *JAMA*, 2024, 331(1): 70–71. <https://doi.org/10.1001/jama.2023.23430>
6. Таратухин Е. О., Кудинова М. А., Шнайдер Я. Э., Шайдюк О. Ю. Составляющие этического взаимодействия в клинической работе. *Российский кардиологический журнал*. 2022. Т. 27. № 9. С. 118–123. [Taratukhin E. O., Kudinova M. A., Shnaider Ya. E., Shaydyuk O. Yu. The components of clinical interaction ethics. *Russian Journal of Cardiology*, 2022, 27(9): 118–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2022-5203>
7. Швец Ю. Ю. Понятие достоинства пациента и врача в Российской Федерации. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2022. Т. 30. № 5. С. 1155–1161. [Shvets Yu. Yu. The concept of patient and doctor dignity in the Russian Federation. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 2022, 30(S): 1155–1161. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-s1-1155-1161>
8. Ошкокова Ю. Д., Анциферова О. Н. О стратегиях речевого поведения врача. *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: VI Международный науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 8–9 апреля 2021 г.) Екатеринбург: УГМУ, 2021. Т. 3. С. 295–299. [Oshkokova J. D., Antsiferova O. N. About the strategies of the doctor's speech behavior. *Current issues of modern medical and healthcare: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Ekaterinburg, 8–9 Apr 2021. Ekaterinburg: USMU, 2021, vol. 3, 295–299. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpjkkqy>
9. Каменева В. А., Морозова И. С. Психолингвистические аспекты медицинской коммуникации. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 2. С. 75–88. [Kameneva V. A., Morozova I. S. Psycholinguistic issues of medical communication. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, 21(2): 75–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-2-75-88>
10. Скалкин В. Л. Обучение диалогической речи: на материале английского языка. Киев: Рад. шк., 1989. 156 с. [Skalkin V. L. *Teaching dialogic speech: Based on the English language*. Kyiv: Rad. shk., 1989, 156. (In Russ.)]

11. Якубинский Л. П. О диалогической речи. In: Якубинский Л. П. *Избранные работы: Язык и его функционирование*. М.: Наука, 1986. С. 17–58. [Yakubinsky L. P. Dialogical speech. In: Yakubinsky L. P. *Selected works: Language and its functioning*. Moscow: Nauka, 1986, 17–58. (In Russ.)]
12. Бим И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы. М.: Просвещение, 1988. 256 с. [Bim I. L. *Theory and practice of teaching German in secondary school: Problems and prospects*. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 256. (In Russ.)]
13. Блох М. Я., Поляков С. М. Строй диалогической речи. М.: Прометей, 1992. 153 с. [Blok M. Ya., Polyakov S. M. *Structure of dialogical speech*. Moscow: Prometei, 1992, 153. (In Russ.)]
14. Кремс И. А. Проблемы коммуникации в медицине. *Актуальные вопросы медицины: II Междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 20 декабря 2020 г.) Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 8–10. [Krems I. A. Communication problems in medicine. *Relevant issues of medicine: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 20 Dec 2020. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Guliaev G. Ju.), 2020, 8–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaegna>
15. Шапошник И. И., Богданов Д. В., Генкель В. В., Колядич М. И. Опыт выработки у студентов деонтологических навыков при курации пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. *Российский кардиологический журнал*. 2020. Т. 25. № 9. С. 20–24. [Shaposhnik I. I., Bogdanov D. V., Genkel V. V., Kolyadich M. I. Experience in teaching deontology to students by managing patients with cardiovascular diseases. *Russian Journal of Cardiology*, 2020, 25(9): 20–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2020-3922>
16. Walton D. N., Krabbe E. C. W. *Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning*. Albany: State University of New York Press, 1995, 236.
17. Posner R. Types of dialogue: The functions of commenting. *Discourse Processes*, 1980, 3(4): 381–398. <https://doi.org/10.1080/01638538009544499>
18. Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации. М.: ИНФРА-М, 1997. 272 с. [Goykhman O. Ya., Nadeina T. M. *Fundamentals of speech communication*. Moscow: INFRA-M, 1997, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raolyd>
19. Бородулина М. К., Минина Н. М. Основы преподавания иностранных языков в языковом вузе. М.: Высш. шк., 1968. 118 с. [Borodulina M. K., Minina N. M. *Fundamentals of teaching foreign languages at a linguistic university*. Moscow: Vyssh. shk., 1968, 118. (In Russ.)]
20. Халмуратова М. Т. Значение расспроса больного в диагностическом процессе. *Экономика и социум*. 2018. № 4. С. 677–680. [Xalmuratova M. T. The importance of the dissolution of the patient in the diagnostic process. *Ekonomika i sotsium*, 2018, (4): 677–680. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uufbke>
21. Тетнев Ф. Ф., Бодрова Т. Н. Расспрос больных в клинике внутренних болезней (материалы к клиническим лекциям). Томск: СибГМУ, 2010. 239 с. [Tetenev F. F., Bodrova T. N. *Interviewing patients in the clinic for internal medicine: Materials for clinical lectures*. Tomsk: SibSMU, 2010, 239. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlyklr>
22. Калдарбеков С. Н., Мамырбекова С. А., Токбай А. Б. Коммуникативные барьеры и методы их преодоления в медицинской организации. *Вестник науки и творчества*. 2022. № 5. С. 40–45. [Kaldarbekov S. N., Mamyrbekova S. A., Tokbay A. B. Communication barriers and methods of overcoming them in a medical organization. *Vestnik nauki i tvorchestva*, 2022, (5): 40–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsawxp>
23. Каменева В. А., Румянцева А. А. Коммуникативные неудачи. Когнитивные нарушения как один из коммуникативных барьеров в коммуникации между детским кардиологом и пациентом. *Наука и образование: проблемы и перспективы: XXV Междунар. науч.-практ. конф.* (Бийск, 28 апреля 2023 г.) Бийск: АГПУ им. В. М. Шукшина, 2023. С. 140–143. [Kameneva V. A., Romyantseva A. A. Communicative failures. Cognitive impairments as one of the communication barriers in communication between a pediatric cardiologist and a patient. *Science and education: Problems and prospects: Proc. XXV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Biysk, 28 Apr 2023. Biysk: ASHPU, 2023, 140–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/isnkgx>
24. Давидов Д. Р., Москвичева А. С., Шубина Л. Б., Шикина И. Б. Проблема коммуникации врача и пациента. *Социальные аспекты здоровья населения*. 2023. Т. 69. № 3. [Davidov D. R., Moskvicheva A. S., Shubina L. B., Shikina I. B. Issues related to doctor-patient communication. *Social Aspects of Population Health*, 2023, 69(3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-3-2>
25. Румянцева А. А., Каменева В. А. Компаративный анализ показателей рецептивной и экспрессивной речи у младших школьников с септальными врожденными пороками сердца. *Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний*. 2023. Т. 12. № S4. С. 6–12. [Romyantseva A. A., Kameneva V. A. Comparative analysis of receptive and expressive language indicators in primary schoolchildren with septal congenital heart defects. *Complex Issues of Cardiovascular Diseases*, 2023, 12(S4): 6–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17802/2306-1278-2023-12-4S-6-12>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zsuufm>

Особенности метода ассоциативного эксперимента и его роль в когнитивных исследованиях

Федорцева Ирина Александровна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 1640-7841

<https://orcid.org/0009-0002-5299-7554>

fedortsieva@bk.ru

Тубалова Инна Витальевна

Национальный исследовательский Томский государственный

университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 8530-2711

<https://orcid.org/0000-0001-6519-0739>

Аннотация: Ассоциативный эксперимент на сегодняшний день является одним из самых значимых методов исследования процессов мышления и сознания человека. В статье рассматриваются особенности ассоциативного эксперимента как метода и его значимость в когнитивных науках. Анализируются принципы ассоциативного эксперимента, его роль в изучении связей между психическими процессами и речепорождением, его связь с когнитивными функциями человека. Цель – рассмотреть особенности различных видов метода ассоциативного эксперимента. Исследование выполнено с привлечением понятийно-терминологического аппарата и методов психолингвистики и общенаучных методов (синтез, анализ, сравнение). Выявлено, что результаты, получаемые с помощью ассоциативных экспериментов, значимы для развития когнитивных наук как вспомогательная часть по анализу и толкованию процессов мышления человека. При взаимодействии разных наук можно получить данные о психологической, культурной и лингвистической личности индивида, о процессе речемышлительных операций. Рассмотрены основные 4 вида ассоциативного эксперимента: свободный, цепной, направленный и с продолжающейся реакцией. Отмечены особенности и недостатки каждого из них. Ассоциативные эксперименты различаются по модальности, в которой будет работать участник (аудиальной или зрительной): письменный-письменный; устный-устный; письменный-устный; устный-письменный. Также ассоциативные эксперименты отличаются по выбранному стимулу: вербальному (словесному), невербальному и гетеросемиотическому (визуально-вербальному).

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, сознание, речепорождение, мышление, методы ассоциативного эксперимента, фрейм, когнитивные речевые расстройства

Цитирование: Федорцева И. А., Тубалова И. В. Особенности метода ассоциативного эксперимента и его роль в когнитивных исследованиях. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 466–478. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-466-478>

Поступила в редакцию 25.07.2024. Принята после рецензирования 11.09.2024. Принята в печать 13.09.2024.

full article

Association Experiment and Its Role in Cognitive Studies

Irina A. Fedortseva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 11640-7841

<https://orcid.org/0009-0002-5299-7554>

fedortsieva@bk.ru

Inna V. Tubalova

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 8530-2711

<https://orcid.org/0000-0001-6519-0739>

Abstract: The method of association experiment makes it possible to study human cognition and consciousness. The article reviews the particularities of the association experiment and its significance for cognitive sciences. It analyses the methods and principles of association experiment as a method of studying the bonds between psychical processes, cognitive functions, and speech. The author combined standard research methods with those of psycholinguistics to describe various types of association experiments. Association experiments yield important empirical results for the analysis and interpretation of human cognitive structures, thus boosting the development of cognitive sciences. Being interdisciplinary in nature, they provide data about the psychological, cultural, and linguistic personality, i.e., speech and mental operations. Association experiments can be of four types: free, chain, directed, and with continuous reaction. Each type has its own advantages and disadvantages. As auditory or visual, they can be written-to-written, oral-to-oral, written-to-oral, and oral-to-written. The stimulus can be verbal, nonverbal, or heterosemiotic.

Keywords: association experiment, consciousness, speech production, thinking, association experiment methods, frame, cognitive speech disorders

Citation: Fedortseva I. A., Tubalova I. V. Association Experiment and Its Role in Cognitive Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 466–478. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-466-478>

Received 25 Jul 2024. Accepted after review 11 Sep 2024. Accepted for publication 13 Sep 2024.

Введение

Впервые ассоциативный эксперимент (АЭ) был проведен Ф. Гальтоном в 1879 г. Он выбрал 75 слов и написал каждое из них на отдельной карточке. Затем поочередно брал карточки и записывал все ассоциации, пришедшие на ум. Проанализировав данные эксперимента, ученый озвучил вывод и отказался опубликовать результаты. Он считал, что они обнажают сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью, которую вряд ли удастся сохранить, если опубликовать [1, р. 400]. АЭ способен проявить личность человека, т. к. во время подобного эксперимента снимается самоконтроль внутреннего Я, нейтрализуется защитная реакция личности на угрозу, возникающая при любом неудобном вопросе [2].

Эту же идею поддерживает Л. В. Щерба, рассуждая о том, что языковая система, к примеру английского языка, будет универсальна и одинакова в своем грамматическом плане, однако выбор того, как индивид будет использовать язык, всегда индивидуален. Любое языковое выражение, сказанное на одну тематику, будет отличаться от воспроизведенного другим человеком. Л. В. Щерба писал: «Их, пожалуй, можно было бы действительно называть "индивидуальными языками", если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность» [3, с. 27].

Однако термин *индивидуальный язык* можно отнести и к тем людям, которые имеют когнитивные, речевые расстройства (аутизм, косноязычие, ДЦП и т.д.). Подобный индивидуализм считается отклонением от нормы и широко исследуется учеными по всему миру с целью найти возможность побороть недуг. Используя разного рода эксперименты, исследователи выявляют данные, которые помогут найти решения различных проблем или выявить наиболее типичный выбор лексического материала для ответа на какой-либо вопрос. По мнению Л. В. Щербы, «особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т.п.» [3, с. 28].

Эксперименты особенно важны для изучения живого языка. Наиболее интересным здесь является не тот

факт, что новая литературная норма стала непонятна прошлому поколению, а то, какие изменения в общество она привнесла. А. Т. Хроленко и В. Д. Бондалетов насчитывают около 30 методик лингвистического эксперимента, у каждой из которых есть свои преимущества и недостатки [4]. В настоящее время популярны исследования значения слова, смысловой структуры слова, лексических и ассоциативных рядов, синонимических рядов, звуко-символических значений слов.

В сравнении с другими экспериментальными методами (анкетирование, интервьюирование) самым эффективным стал именно метод АЭ. Сейчас АЭ широко распространен в разных областях, где проводятся исследования результатов интеллектуальной деятельности человека. Криминалисты используют АЭ для выявления истинности высказываний [5], в психиатрии проводится анализ состояния человека с целью достижения большими эмоциональной и когнитивной стабильности, а также соответствия психическим нормам общества [6].

Центризм современной лингвистики на нахождении определенной функции и роли каждого языкового явления привел к выделению когнитивистики как отдельной науки [7; 8]. Главной целью метода АЭ выступает выявление ассоциативных взаимосвязей у испытуемого и их анализ. Традиционно подобное исследование является массовым, т. к. для выявления ассоциативного ряда нации или определенной группы, слоя общества необходимо большое количество участников опроса. В экспериментах рассматривается то, как индивидуальные или групповые особенности испытуемого отражаются на его ассоциативных ответах [9; 10]. К данным особенностям относят: пол, возраст, страну проживания, этническую соотнесенность, уровень образованности, наличие / отсутствие семьи, профессиональную направленность человека и т.д. Знание подобных особенностей помогает ученым выявить ассоциативные черты, присущие определенной группе людей. Но результаты эксперимента могут толковаться по-разному.

С помощью АЭ исследователи пытаются понять то, как функционирует мозг, процессы его мышления, процессы порождения речи, восприятие услышанного реципиентом, процессы смысловой осознанности происходящего в контексте языка [11–13].

АЭ на сегодняшний день является одним из самых значимых методов исследования процессов мышления и сознания человека в когнитивистике и психолингвистике [14–18], но также широко применяется и в других науках [19–21]. С помощью АЭ можно выявить множество закономерностей о том, как функционируют когнитивные процессы в организме и что влияет на вариативность результатов. Это может быть сопоставление взаимосвязи отдельных единиц языка со смыслом, который в них вкладывает человек. Например, какой ассоциативный ряд приходит на ум при упоминании слова *рыба*. Как социальные устои и предвзятости оказывают влияние на восприятие определенных групп людей. Это может помочь в диахроническом изучении сохранения или искоренения предвзятых убеждений и стереотипов в обществе. Например, стереотип о том, что женщины не умеют водить машину. Какие эмоциональные реакции у людей могут вызывать определенные изображения или видеоматериалы, что может быть успешно использовано в сфере маркетинга и рекламы. Результаты, которые можно применить в педагогических науках, а именно знания об организации информации в памяти и то, по какому пути происходит ее доставка, могут быть полезны для понимания процессов обучения и памяти. То, как культурные или социальные различия влияют на ассоциативные связи с теми же словами или концепциями. АЭ могут принимать различные формы, такие как слово-ассоциация, выбор изображений и другие, и обладают высокой информативностью в области психологии, нейропсихологии, социологии и маркетинга.

Методы и материалы

Привлечены понятийно-терминологический аппарат и методы психолингвистики и общенаучные методы (синтез, анализ, сравнение). Методика исследования: 1) формирование репрезентативной выборки теоретического материала; 2) выявление основных характеристик АЭ; 3) выявление особенностей методов проведения АЭ. Теоретическая база исследования в плане ассоциативного подхода, методов проведения АЭ и способов описания, анализа полученных результатов основана на трудах А. А. Залевской, Н. В. Уфимцевой, А. А. Леонтьева, И. А. Стернина и др. [9; 22–25].

Результаты

Существуют вербальные (словесные), невербальные и гетеросемиотические (визуально-вербальные) стимулы [26]. Невербальные стимулы – материалы, представленные в наглядной форме (картинки, чертежи, рисунки) при отсутствии вербального

подкрепления представленной информации. Чаще всего невербальные стимулы используются в психологических тестах. Одним из самых известных является тест Г. Роршаха [27], опубликованный в 1921 г. Главная идея исследования – выявление психологических отклонений у личности. Индивиду показывают 10 чернильных клякс (стимульный материал) и просят дать им интерпретацию. У испытуемого запускается процесс мышления и происходит поток свободных ассоциаций, ведь каждая из картинок выступает стимулом. Каждый ответ испытуемого кодируется с помощью определенных символов и распределяется по следующим категориям:

- 1) локальный выбор (ответ, касающийся всего изображения или отдельных деталей);
- 2) детерминантный (ответ затрагивает форму, цвет или размер изображения);
- 3) оценка формы (насколько адекватно отражена форма изображения в ответе);
- 4) содержание (ответ касается людей, животных, предметов);
- 5) оригинальность (ответы, которые встречаются менее чем у 30 % испытуемых).

Тест основан на предположении, что видение индивида в кляксе есть отражение его личности. Чернильные кляксы Роршаха способны раскрыть потаенные страхи и желания человека, лежащие в основе длительного внутривидного конфликта, через ассоциации [28].

Также в логопедии часто используется невербальный стимульный материал. Например, тест математической апперцепции. Участнику предоставляется набор черно-белых картинок или фотографий. Логопед просит составить рассказ на основе картинок с четким проговариванием всех деталей изображения¹.

Вербальные стимулы часто применяют в медицине, в следственном процессе, лингвистике и т.д. Например, прикладное речевое поведение – это метод анализа поведения ребенка, преимущественно с расстройством аутистического спектра, целью которого является научить ребенка владеть речью. Метод был изобретен известным психологом-бихевиористом Б. Ф. Скиннером, который определял речь как вербальные действия с разными функциями, провоцируемые разными стимулами и усиливаемые факторами. Ученый выделял несколько вербальных оперантов:

1. MAND (Command + demand) – действие, вызванное мотивационными стимулами (просьба).

2. TACT – действие, вызываемое невербальным и вербальным (социальным) стимулом (комментирование, поименование) [29, p. 147–162].

Лингвистическая экспертиза также использует вербальный стимульный материал для определения

¹ Шамардина А. Невербальный стимульный материал на логопедических занятиях. URL: <https://shamardina.ru/articles/neverbalnyy-stimulnyy-material-na-logopedicheskikh-zanyatiyah> (дата обращения: 18.07.2024).

истинности или ложности высказываний. Эксперт анализирует речевой продукт, поступивший к нему в виде печатного или аудиально записанного текста, после чего выдает результат своей оценки, основываясь на методиках исследования лингвистических объектов.

Таким образом, средства для проведения АЭ могут быть разные. Участникам опроса выдают стимульный материал (средство), где напечатана картинка, написано слово, фраза или вопрос, на который участники отвечают реакцией (ассоциацией). Стимул и реакция тесно взаимосвязаны, т. к. одно порождает другое.

Однако, понятие *стимул* в разных сферах науки определяют по-разному. В психологии стимулом называют побуждение к действию, вызывающее определенную поведенческую реакцию у собеседника, связанную с нервной системой человека². Стимул играет важную роль при анализе поведения и реакции собеседника. Психологи выделяют две разновидности стимулов: внешние и внутренние. К внешним относится окружающий мир человека, к внутренним – его организм. Данные стимулы принято называть фрактальными, т. е. ориентированными на генерирование ответной реакции организма на раздражители.

М. В. Воронов отмечает, что сложная модель устройства психики основана на подчиненности периферических отделов мозга центральному. Появление более сложной структуры в центре изменяет периферические субструктуры, генерируя ответные реакции [30]. Так, в 1928 г. ученым В. П. Протопоповым был проведен опыт, где собаке нужно было достать мясо из клетки, открыв щеколду. Мясо – фрактальный стимул. Для решения этой задачи животному понадобилось много времени, но открыв щеколду один раз и увидев ее снова на следующий день, в сознании собаки появилась ассоциация (*мясо*), и она с легкостью открыла щеколду по найденному ранее алгоритму.

Другой неизвестный случай – собака Павлова. Изначально целью ученого было изучение пищеварительного тракта животных, но в ходе экспериментов он выявил процесс появления ассоциаций. Методом мнимого кормления он заставил организм собак с помощью стимулирующего действия блуждающего нерва на желудочную секрецию и тормозных симпатических нервных волокон выделять слюну при звуке колокольчика или звука шагов³. Впоследствии И. П. Павлов доказал связь между физическими и психическими процессами в организме человека. Реакция, которая следует за стимулом, не всегда однотипна из-за ряда факторов (окружающая среда, контекст, внутреннее отношение к человеку или вопросу), влияющих на окончательное поведение человека. Поэтому

можно утверждать, что результат формулы *стимул + реакция* всегда будет уникальным для индивидуума.

Например, для собаки В. П. Протопопова со стимулом *мясо* реакция может быть вариативной:

1. Воспользоваться основами генетической памяти преодоления препятствия.

2. Игнорировать стимул из-за негативного опыта.

3. Найти новый способ решения проблемы [31].

Фрактальные стимулы существуют разных видов: аудиальные, визуальные, тактильные, чувственные. Наглядно это показано в работе S. Mcleod [32]: данные стимулы влияют на когнитивные процессы речепорождения и восприятия. Исследователь объясняет процессы, проходящие в головном мозге, и связывает сознание с памятью – именно благодаря памяти у нас формируются определенные когнитивные паттерны. В противоречие нейробиологам А. Бэддели утверждает, что четкая анатомическая локализация хранилища маловероятна, учитывая распределенную и интерактивную природу рабочей памяти [33]. В частности, он предполагает, что каждый компонент, скорее всего, представляет собой сложную нейронную цепь, а не ограниченную область мозга. Поэтому наше сознание – это комплекс, состоящий из множества нейронов с синапсами, образующих целый когнитивный мир [32]. Когнитивная система состоит из нескольких компонентов, где каждый из них отвечает за определенные функции.

Сначала идет центральный исполнитель, гибкий контролер и регулятор когнитивных процессов. Им присущи определенные задачи: обновление информации, составление логической цепочки, переключаемость задач, навигация подчинительных систем (фонологической и визуально-пространственной), торможение или остановка своевременных необдуманных ответов, избирательность внимания и подавление инстинктивных языковых реакций.

Фонологический цикл запускает процессы записи и обновление артикуляционной информации. Такой цикл играет важную роль в формировании словарного запаса, становлении речи ребенка и изучении иностранного языка. При отсутствии сформированного фонологического цикла возникают проблемы с восприятием и анализом получаемой информации через письменные и устные тексты. Например, заболевание афазии. Такой человек даже при наличии слуха не воспринимает речевую информацию из-за невозможности использования речевых моторных функций, необходимых для артикуляции, что вызывает недостаточность процесса артикуляционного повторения. Артикуляционное повторение – очень важный элемент

² Стимул. *Психологос*. 02.10.2022. URL: <https://psychologos.ru/articles/view/stimul> (дата обращения: 18.07.2024).

³ Мнимое кормление. URL: <https://web.archive.org/web/20200628030247/http://www.ras.ru/pavlov/41cc8e1b-f792-4199-8fd8-140e4a85b3bd.aspx> (дата обращения: 19.07.2024).

становления речи. Если у ребенка в силу определенных обстоятельств это отсутствует, то возникают проблемы, связанные с когнитивными функциями. Вследствие чего его ассоциативный ряд и даже стимулы, влияющие на порождение реакций, будут отличаться от ответов обычного человека.

Визуально-пространственная память обрабатывает зрительные стимулы, хранит визуальную информацию, тактильную информацию. Также она функционирует совместно с фонологическим циклом, что обеспечивает эффективное взаимодействие всей системы и обработку информации.

Эпизодический буфер играет важную роль в связывании всей информации, поступающей через зрительные, слуховые и тактильные каналы для целостного образования картины происходящего.

Таким образом, в психологии все стимулы используются для изучения механизмов восприятия и особенностей психологического реагирования. Полученные данные помогают решать ряд задач, связанных с поведенческими психическими проблемами человека (психотерапия, редукция стресса, создание комфортной социальной среды) [34].

Психологическое толкование стимула похоже на толкование культурно-исторической теории развития психики и развития личности, разработанной Л. С. Выготским [35]. В данной теории стимул определяется как раздражитель или толчок в развитии личности. Например, к стимулам можно отнести возрастные кризисы (1-го года, 3-х лет, 7-ми лет и т.д.), периоды, когда человеку необходимо преодолевать определенные трудности для формирования собственных убеждений и ассоциаций. В период возрастных трудностей личность формируется под влиянием культуры, которая окружает его, что напрямую видоизменяет психику индивида. Например, в 1845 г. жители мексиканского Сан-Фелипе стали свидетелями случая воспитания человеческого ребенка волками. Девочка охотилась с хищниками, ела сырое мясо и вела себя так, как подобает волку. Ученые доставили девочку в социальную среду общества и пришли к выводу, что девочка никогда не сможет стать человеком социально и культурно, что наглядно демонстрирует, как стимулы, которым подвергается человек, влияют на его дальнейшее развитие.

Культурная картина мира также оказывает влияние на восприятие и последующее языковое выражение осмысленного в виде реакции на стимул. Взгляд каждого народа на одинаковые вещи уникален. В мире существует разница в восприятии многих объектов, самыми популярными из них являются: понимание временного промежутка, физического расстояния, языка, мимики, языка жестов и ценностей, существуют культурные нюансы между родственными этническими группами, слоями населения и даже между полами.

Такое разнообразие объясняет, насколько культура может отражать восприятие и отношение нации к предметам. Поэтому при проведении различных экспериментов учеными обязательно учитываются вещи, которые типичны и обыденны для одного общества, а для другого – нет.

Например, в России люди воспринимают объекты, но обычно не воспринимают пространство между ними. Поэтому в СССР каждый пустой угол квартиры был заставлен мебелью (комод, шкаф, стол и т.д.). В сознании людей была модель построения рационально используемого пространства в помещении в духе времени. В Европе предпочитают обставлять комнаты вдоль стен, чтобы подчеркнуть границы. Китайцы и японцы часто рисуют импровизированные стены и размещают мебель в промежутках между ними, чтобы подчеркнуть расстояние между предметами. Поэтому если привести китайца или европейца в помещение с нехарактерными для них дизайном и атмосферой, результаты исследования могут быть совершенно неожиданными в сравнении с тем же экспериментом, но в привычной для них атмосфере. То есть наше сознание «говорит» и отзывается на любые внешние раздражители [36].

На сегодняшний день чрезвычайно популярны исследования культурно-когнитивной направленности. Целью данных работ является выявление этнокультурной специфики нации. В подобных работах сопоставляются различия между языковыми лагунами (*самовар, винегрет, лапти*), речевым поведением, смысловой нагрузкой понятий (напр. *хлеб – всему голова* в русской культуре) [25]. В процессе воспроизведения того или иного слова человеком его мозг запускает сразу несколько процессов. Сначала основная мысль желаемого перекодируется в языковые знаки, далее эти знаки переходят во внутреннюю речь (внутренний диалог), а самым последним этапом является расшифровка поступившего кода с помощью внешней речи (громкая речь). Внешняя речь может выступать в немой артикуляции (жестикуляции), в виде шепота или громко воспроизводимой речи. Таким образом, для осуществления процессов воспроизведения информации необходим мыслительный код, который хранится в нашем сознании. Последние исследования показывают соотношение лексической единицы и ее мыслительного образа. Под мыслительным образом слова понимается концепт. Множественность концептов, закрепленных за определенными лексическими единицами, свидетельствует о многозадачности сознания. В настоящее время выделяют 3 разновидности мыслительных образов (концептов): представления, гештальты и понятия.

Концепты-представления выступают в роли моделей обобщенных чувственно-наглядных образов предметов или явлений [37]. Например, услышав слово *ворона*, мы сразу представляем птицу семейства врановых,

покрытую черными перьями и очень сообразительную. Как показывают исследования, представления имеют разные степени образности (высокую, среднюю и низкую). Концепты с высокой степенью образности относятся к таким темам, как космические тела, транспортные средства, предметы быта, члены семьи, времена года, месяцы, название частей тела организма человека или животного. К средней и низкой образности относятся наименования чувственных ощущений, физиологическое состояние человека, общие названия предметов, явления социального характера [37].

Концепты-гештальты [38] – комплексные структуры, упорядочивающие разнородные явления в сознании с помощью тематических маркеров. Гештальты создают комплексную картину в сознании, с помощью которой мы относим разные явления к определенной группе. Например, *политика – министры, люди с чемоданами, официальные костюмы, государство*. Подобные собирательные единицы (птицы, животные, биология, быт), в процессе АЭ предложенные в качестве стимулов, показывают типичный тип ассоциативных реакций. Например, *обувь – ботинки; животное – корова; быт – мытье полов; кухня – приготовление пищи* и т.д. К типичным концептам-гештальтам относят такие темы, как игра, жизнь, любовь, отношения, судьба, чувства и т.д.

Гештальты можно разделить на два вида: статические мыслительные картинки-схемы (фреймы) и динамические мыслительные картинки (сценарии) [37]. Любой фрейм и сценарий активируется привязанными к ним обстоятельствами или ситуацией знакомой сознанию. Как отмечает М. Минский, фрейм – это структура данных, определяющих стереотипные поведенческие паттерны [38]. К фреймам можно отнести понятия *магазин одежды, салон машины, класс*. Рассмотрим подробнее фрейм *магазин одежды*. Он будет состоять из нескольких стереотипных составных частей: *продавец, покупатель, товар, цена, оплата* и т.д. Благодаря фреймам мы можем моделировать возможные события будущего. К сценариям относят те картинки, при представлении которых изображение в сознании начинает двигаться (*футбольный матч, празднование свадьбы, поедание блюда, велогонка*) [39]. У каждой культуры существуют свои фреймы. Например, фрейм *семья* в сознании человека будет организован по-разному в Дагестане и Москве. Все это происходит из-за разницы в культурных ценностях, традициях и обычаях, а также влияния общественного уклада. Такие переменные называются слотами. Каждый слот содержит понятие, которое объясняет его и удовлетворяет определенным потребностям. Однако, бывают случаи, когда слоты остаются пустыми и человеку остается только предполагать понятие, которое могло бы быть там. Например, слот *он ослепил меня*. Реципиенту

неизвестны подробности (каким предметом был ослеплен человек), и он делает предположение и заполняет слот: *он ослепил меня светом фонаря*.

Концепт-понятие обозначает общие и главные признаки предмета или явления как результата осмысления основных функций предмета. Например, *солнце – звезда Галактики (Млечный путь)*. Такие понятия формируются в научной и производственной сфере, в процессе непосредственного изучения или взаимодействия с объектами. Многие понятия изучаются учеными-лингвистами из-за необходимости дать определение явлению по его главным отличительным признакам [40]. Наличие в языке слова, определяющего данное понятие, облегчает его понимание в сознании. Но существуют ситуации, когда для понятия нет подходящего слова. Чаще всего это происходит в случае межъязыковой безэквивалентности. Например, в немецком языке есть слова, обозначающие концепты, которые в русском языке могут быть выражены описательным толкованием явления: *Bierdeckel* – картонная подставка под пивную кружку; *stockeln* – идти на высоких каблуках, постукивая ими; *Geschwister* – брат и сестра.

Отсутствие лаконичного языкового выражения в языке не обозначает отсутствие понятия у народа. Понятие – это результат отражения действительности сознанием, и поэтому оно зависит от окружающих его явлений, а не от фиксированности в языке. Языковое обозначение любого концепта зависит от коммуникативной потребности в обществе. В языке нормируется все, что становится необходимым для осуществления коммуникации в обществе. Либо, как это часто встречается у детей, понятие может быть неизвестно говорящему в силу определенных обстоятельств, но он обладает другими более общими понятиями, которые помогают передать сообщение реципиенту с полным пониманием.

Национальная специфика необходимости понятия зависит от мышления. Существует разница между мышлением народов из-за разного восприятия реальной действительности, а не из-за различий в языковой системе. Те понятия, которые оказываются коммуникативно-релевантными для народа, остаются жить в языке. Поэтому при проведении АЭ исследователи учитывают все типы концептов, некоторые из которых уникальны по отношению к другой нации (*щи, королева Елизавета*). Представленные концепты уже превратились в стереотипные ассоциации, подходящие из недр сознания мгновенно, при первом упоминании о территории или нации.

В современной психолингвистике понятие *стимул* становится одним из ключевых. Стимул является первичным, далее следует реакция на раздражитель, что помогает выделить особенности и определить языковую картину мира народа, языковую

личность, память, национальное языковое сознание, социокультурный стереотип, ментальный лексикон. В многочисленных лингвистических исследованиях слово представляется как значимая единица сознания человека, содержащая в себе контекстуальную память и оттеночные значения. Поэтому содержание значения некоторых слов может различаться в разных культурах. Однако современная наука опровергает это.

Исследователи в области когнитивных наук заметили, что не слово определяет контекст, а сочетание контекста и действительности определяет слово. Например, слово *student*. Англичане вкладывают в понятие этого слова не только студентов вузов и колледжей, но и школьников. Англоязычный словарь Cambridge Dictionary подтверждает это: *a person who is learning at a college or university; someone who is learning at a school*⁴. В России понятие *студент* используется только для специальных профессиональных заведений или вузов. В русском языке оно появилось в начале XVIII в. с появлением высших учебных заведений, а в Европу оно пришло в XIV в. Уже на данном этапе понятно, что ассоциации и контекст у одного понятия будут разные. Толковый словарь В. Даля определяет понятие *студент* как «ученик высшего учебного заведения, университета или академии»⁵.

Такое различие в употреблении слова напрямую связано с ментальными ассоциациями, которые складываются из культурной среды, окружения, образованности и индивидуальных особенностей человека. В момент слушания слова *студент* у русскоязычного реципиента может возникнуть в сознании подобный ассоциативный ряд: *М. В. Ломоносов + уровень образования + новый этап жизни + возраст + отсутствие опыта*. М. В. Ломоносов причастен к пионерам развития высшего образования в России, что объясняет первые две ассоциации из ряда. Как правило, этап студенчества связан с этапом юности и отсутствием жизненного опыта при наличии теоретических знаний и мотивации, что подтверждает следующие три ассоциации. Данную версию подтверждает Словарь ассоциативных норм А. А. Леонтьева. Ученый представляет ассоциативный ряд, выведенный им в ходе исследования, где все наименования перечисляются в зависимости от частотности возникновения ассоциаций (от большего числа к меньшему): «студент; институт; бедный; веселый; молодой, хороший; учиться; человек; молодость; молодой паренек; ученый и т. д.»⁶.

Результаты АЭ могут интерпретироваться по-разному из-за различных классификаций выделения типов ассоциаций. Ф. де Соссюр считал, что каждое слово

несет в себе безграничный набор ассоциаций и выделял 4 типа ассоциаций на основе их общности:

1. Семантические значения слов по тематической схожести (*герой, война, командир*).
2. Корень или основа (*дом – домашний – домосед – домовитый*).
3. Фонологические образы (звуковые) (*Троя – моя – туя*).
4. Деривационные (суффиксальные) (*душенька, Петенька, доченька*) [41].

Г. А. Миллер и Р. Е. Ниселю предложили другую классификацию типов ассоциаций:

1. Контраст (*кошка – собака*).
2. Сходство (*счастье – чувства*).
3. Подчинение (*птица – попугай*).
4. Обобщение (*ребенок – человек*).
5. Ассонанс (*ушки на макушке*).
6. Часть – целое (*ручка – дверь*).
7. Дополнение (*голубое – небо*).
8. Центризм (*любовь – навсегда*).
9. Предикация (*кошка – мяукает*) [42].

Рассмотрим виды и методы проведения АЭ, который в контексте психолингвистических исследований выступает как эффективный метод выявления ассоциативных связей в сознании испытуемого с опорой на его жизненный опыт. В зависимости от целей эксперимента чередуют разные виды АЭ, где одни направлены на множественность реакции, другие относятся к свободному типу или имеют определенные требования к ответу (контролируемые). Традиционно выделяют 4 вида АЭ: свободный, цепной, направленный и с продолжающейся реакцией.

Свободный метод (или эксперимент на единичную реакцию) отличается от других тем, что у испытуемых отсутствуют ограничения, на стимул (слово) они отвечают первой ассоциацией, возникшей в сознании (реакция). Как отмечает Р. М. Фрумкина, ответ (реакция) на стимул должен осуществляться автоматически, без раздумий. Иначе реальность ассоциаций может быть поставлена под вопрос [43]. Данный метод подчеркивает однозначность отношений *стимул + реакция*, в отличие от цепного типа, где связь между ними не всегда очевидна. Такой метод еще называют одним из величайших созданий З. Фрейда или фундаментальным правилом терапии. З. Фрейд считал, что все неконтролируемые ассоциации – это прямые проекции нашего внутреннего сознания [44]. Поэтому именно свободный метод так часто используется в современной когнитивистике для подробного исследования сознания человека.

⁴ Student. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/student> (accessed 19 Jul 2024).

⁵ Студент. Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=39358> (дата обращения: 19.07.2024).

⁶ Словарь ассоциативных норм русского языка, ред. А. А. Леонтьев. М.: Моск. ун-т, 1977. 192 с.

Направленный метод определяет четкие рамки (подбор ассоциаций только из числа прилагательных, существительных и т.д.). Преимущество данного метода, в сравнении со свободным АЭ, заключается в сосредоточенности и сфокусированности на определенном задании и его рамках, что позволяет получить более надежные и легко анализируемые результаты.

Суть цепного метода состоит в том, что участник на бланке получает одно и то же слово-стимул, продублированное несколько раз в начале строки. Однако этот метод не лишен недостатков, нет никакой гарантии, что внимание участника не рассеется, он не свяжет реакцию с предыдущим словом или не перестанет следовать требованиям экспериментатора «сначала смотреть на первую строку». Ю. Н. Караулов выявил тактики реагирования на стимул, что является доказательством того, что предыдущий стимул может оказывать влияние на последующий, т.к. наша память способна удерживать у себя в хранилище сразу несколько слов на протяжении определенного периода времени [24].

На практике исследователи используют два подвида АЭ с продолжающейся реакцией. Главный смысл метода с продолжающейся реакцией – в том, что испытуемый вправе давать столько ассоциаций, сколько у него содержится в сознании на данный момент. В одном случае на ответ испытуемому дается определенный отрезок времени для фиксации всех ассоциаций, возникших на стимул. В другом случае участник получает задание дать определенное количество ассоциаций в неограниченный период времени. Анализ проводится над объемом информации, взятым за единицу времени. Результаты у двух методов сбора данных будут отличаться. Одни ассоциации будут записываться без раздумий, а над другими участнику придется подумать. Недостаток этого метода – сложно понять, что именно послужило стимулом для реакции.

Метод с предварительными количественными ограничениями по ассоциациям применяется достаточно часто, например для определения отношения человека к определенным вещам. Р. М. Фрумкина, проводя АЭ, попросила участников эксперимента назвать 3 слова к каждому стимулу [43], тем самым выясняя отношения участников к проблемам, связанным с заданными темами. Вместо прямого полного вопроса *А как Вы относитесь к...* использовались отдельно взятые слова (*армия, государство, свобода* и т.д.). Таким образом, лингвист пыталась осмыслить скрытые личностные установки опрашиваемого.

Л. А. Городецкой исследовались конкретно исторические вопросы и отношение общества к результату событий между участниками (русскими и югославами). Участникам были даны четкие установки по порядку ответа на стимулы. Испытуемым предлагалось 2 варианта ответа: написать 5–10 слов-

реакций или 2 номинативных словосочетания (существительное + существительное; прилагательное + прилагательное) [45].

Е. Акимова сделала упор на межнациональное отношение друг к другу. Опрос проводился между литовцами и русскими, где на 13 слов-стимулов нужно было написать 3 реакции. Исследователь пыталась определить положительную или негативную коннотацию отношений между национальностями [46]. Подобный эксперимент относится к контролируемому виду АЭ.

Отмечается также тенденция к отбору первых трех ассоциаций, данных респондентами из всего числа предложенных, как наиболее приближенных к сознанию. Например, эксперименты D. L. Nelson и коллег, где брали первые две ассоциации для установления содержательной стратегии реакции [47].

В эксперименте с ограничением времени на реакции респонденту предлагается написать как можно больше реакций на слово (например, на слово *береза* в АЭ Г. А. Мартиновича [48]). Или АЭ М. Г. Ковтунович, где участникам давалось 3 минуты на то, чтобы записать первые ассоциации на фразу *Вещество – это...* М. Г. Ковтунович рассматривала когнитивную и семантическую стороны ассоциации. Семантическая сторона анализировалась с подсчетом объема научных характеристик понятия. Когнитивная содержательность включала количественное соотношение логических оснований для классификации понятий, которыми руководствовался участник во время выполнения задания [49].

Выявленные данные по видам, условиям, преимуществам и недостаткам АЭ приведены в таблице.

АЭ могут различаться по модальности, в которой будет работать участник (аудиальной или зрительной): письменный-письменный; устный-устный; письменный-устный; устный-письменный. Определение типа модальности АЭ, будь то зрительная, аудиальная или комбинированная, зависит от нескольких ключевых факторов, включая цели исследования, гипотезу, особенности целевой аудитории и специфику используемых стимулов:

1. Цели и гипотеза исследования. Исходные гипотезы исследования могут диктовать выбор модальности. Например, если исследователь предполагает, что визуальные образы вызывают более яркие ассоциации, чем звуковые стимулы, логично выбрать визуальную модальность.

2. Характер стимулов. Выбор модальности также определяется типом стимулов, которые будут использованы в эксперименте. Если предполагается использование звуковых сигналов или речевых фраз, целесообразно выбрать аудиальную модальность. В противном случае при использовании изображений или текстов следует использовать зрительную модальность.

Табл. Виды и методы АЭ

Tab. Types and methods of association experiment

| Вид | Условия АЭ | Преимущества АЭ | Недостатки АЭ |
|-----------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Свободный | Проводится без ограничений на стимульный материал, анализируется первая ассоциация | Выявляется первая ассоциация из недр сознания | Сложно оценить эффективность и проанализировать полученные данные из-за вариативности ответов, отсутствия рамок |
| Направленный | Перед опрашиваемыми ставятся четкие рамки эксперимента (ассоциации только из числа прилагательных, существительных и т. д.) | Опрашиваемый сосредоточен и сфокусирован на задании | Ограничение в вариативности реакций может влиять на реальность ассоциаций |
| Цепной | Для участников АЭ дублируется стимульный материал в начале каждой строки | Оценка влияния предыдущих стимулов при реагировании на текущие стимулы | Не исключена вероятность рассеивания внимания опрашиваемого и отступления от рамок эксперимента (всегда смотреть на первую строку) |
| С продолжающейся реакцией | | | |
| • Без количественных ограничений | Отсутствие ограничений на вариативность (количество) реакций за определенный временной промежуток | Дает возможность для анализа внутренних установок опрашиваемого | Возникают сложности с определением общего стимула, послужившего такого рода реакциям |
| • С количественными ограничениями | Наличие определенных количественных по набору ассоциаций, без ограничений во времени | | |

3. Целевая аудитория. Демографические и культурные особенности участников могут повлиять на восприятие стимулов. Например, для аудитории, имеющей слуховые нарушения, логично проводить исследования в зрительной модальности, тогда как для участников с нормальным слухом и зрением возможны все типы модальности.

4. Контекстуальные условия. Условия проведения эксперимента, такие как уровень стресса участников, время, отведенное на выполнение заданий, и внешние отвлекающие факторы, могут существенно влиять на выбор модальности. Так, в ситуациях, где внимание участников может быть рассеяно, использование устных заданий может оказаться менее эффективным, чем использование визуальных.

5. Индивидуальные особенности участников. Привычки восприятия, предшествующий опыт участников тоже необходимо учитывать. Люди с сильной зрительной памятью могут продемонстрировать лучшие результаты в визуальных задачах, в то время как те, кто лучше запоминает информацию на слух, могут показать более высокую продуктивность в аудиальных задачах.

Выбор метода зависит от целей исследователя. Любая полученная реакция в эксперименте проявляется посредством психических процессов и выражается посредством речевой деятельности человека. В зависимости от механизма протекания психических

процессов реакции на стимулы могут варьироваться. На это могут влиять болезни, воздействующие на когнитивные процессы человека, а также на процессы речепорождения (в особенности если недуг является врожденным). Самый распространенный метод, используемый для выявления особенностей восприятия информации и ответной реакции на нее, в сопоставлении обыденных случаев со специфическими (болезни психологического, дефектологического и когнитивного спектра), на сегодняшний день – свободный. Однако данные, полученные с помощью свободного метода, анализировать сложнее. Предложенные реакции (ответы) принято разделять на парадигматические и синтагматические.

К синтагматическим реакциям относятся чаще всего слова, поставленные в пару (словосочетания), но относящиеся к разным частям речи (*холодная – Сибирь, летняя – жара, голод – не тетка* и т. д.). Традиционно в эти пары попадают клишированные словосочетания, которые накапливаются в сознании испытуемого в ходе всей жизни.

К парадигматическим реакциям относят слова одного грамматического класса (существительные, прилагательные, глаголы и т. д.). Исследователи отмечают, что если между стимулом (исходным словом) и реакцией (ассоциацией) есть лишь минимальное смысловое различие, то, вероятнее всего, именно это слово-реакция проявится в сознании в процессе

ассоциации [50]. Ученые выделяют основные закономерности парадигматических ассоциаций:

1. Смысловая антонимичность (*правый – левый; либерал – демократ; юг – север*).
2. Смысловая близость (*юный – молодой; старый – дряхлый; мокро – сыро*).
3. Соотношение части и целого (*ножка – стул; крыша – дом*).
4. Родовидовые отношения (*арбуз – ягода; морковь – овощ; липа – дерево*).
5. Фонетическое созвучие (*тыл – пыл; море – горе; Толя – Коля*).
6. Тематическое соответствие (*умник – книга; жизнь – тропа; природа – свобода*).

Тематическое соответствие *стимул – реакция* задействует часть мозга, отвечающую за логическое восприятие и мышление человека. Поэтому получаемые в ходе исследования данные могут быть причастны непосредственно к жизненному опыту человека и его отношению к стимулу.

Заключение

В настоящее время ассоциативный эксперимент широко используется для изучения когнитивных процессов, механизмов мышления и речепроизводства, для решения актуальных проблем в культурологии, психологии и других областях. Ассоциативные эксперименты в современных исследованиях считаются эффективным и надежным способом изучения языкового сознания, картины мира и могут выявлять изменения ассоциаций в процессе развития [14]. Диахронический характер развития исследований о влиянии различного рода факторов и условий, особенностей индивида или целого общества на восприятие стимулов и вариативность реакций на них, а также исследования того, как это отражается на когнитивных процессах организма, подтверждает это. Главной целью, которую перед собой ставят ученые при использовании метода АЭ, является выявление ассоциативных взаимосвязей у опрашиваемых и анализ данных для определения когнитивных закономерностей у определенного слоя общества, возрастной группы, нации, гендерных различий или особенности процессов мышления при групповом ответе.

Результаты, получаемые с помощью АЭ, значимы для развития когнитивных наук как вспомогательная часть по анализу и толкованию процессов мышления человека. В ходе исследования при взаимодействии разных наук можно получить данные о психологической, культурной и лингвистической личности индивида, о процессе речемыслительных операций в мозге. В процессе рассмотрения различных методов проведения АЭ было выявлено, что выбор метода

зависит от целей эксперимента: цепной, свободный, направленный и с продолжающейся реакцией. У каждого метода существуют свои преимущества и недостатки, однако самым используемым на данный момент является свободный метод. Его основная цель – обнаружение единичной и самой главной ассоциации из множества других. Поэтому из-за отсутствия ограничения по времени и количеству возможных ответных реакций респондента существует практика выбора первых трех, как первичных реакций, возникающих в сознании у участника. Стимулы, которые используются для порождения реакций (ассоциаций), могут быть вербальные и невербальные; существуют случаи, когда 2 вида стимулов используют комбинированно для получения более точных результатов. Для проведения АЭ также необходимо учитывать модальность ситуации, какой тип лучше использовать для достижения цели. Выбор модальности основывается на ключевых факторах, которые могут повлиять на адекватность полученных данных. К таким факторам относятся цель исследования, особенности целевой аудитории и специфика используемых стимулов.

Ассоциативные значения слов порождаются путем речемыслительных процессов в мозге, отдельные смысловые оттенки берутся из более общего ассоциативного поля (фрейма), приобретенного в ходе жизни. Существует много ассоциативных словарей, дающих общую концепцию возможного ассоциативного ряда для индивида. Однако реакции одного испытуемого могут в корне отличаться от реакций другого даже при условии полного генетического, возрастного, социального совпадения и т.д. Важно подчеркнуть, что ассоциации также могут изменяться в сознании нескольких поколений из-за происходящих в обществе процессов. Поэтому результаты ассоциативного эксперимента отражают современные закономерности мыслительных процессов у определенного общества, человека или, наоборот, их уникальность.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Galton F. *Inquiries into human faculty and its development*. L.: Macmillan, 1883, 768.
2. Антонов А. И. Микросоциология семьи. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с. [Antonov A. I. *Microsociology of the family*. 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2005, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qodrmh>
3. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. In: Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. М.: Наука, 1974. С. 24–39. [Shcherba L. V. The threefold aspect of linguistic phenomena and on experiment in linguistics. In: Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Moscow: Nauka, 1974, 24–39. (In Russ.)]
4. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка. М.: Флинта, 2004. 512 с. [Khrolenko A. T., Bondaletov V. D. *Theory of language*. Moscow: Flinta, 2004, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inypdh>
5. Галяшина Е. И. Возможности судебных речеведческих экспертиз по делам о защите прав интеллектуальной собственности. *Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права*. 2005. № 9. С. 50–58. [Galiashina E. I. Facilities of legal language expertises on the cases connected with intellectual property rights defence. *Intellektualnaia sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*, 2005, (9): 50–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsqfsf>
6. Medin D. L., Ross B. H. *Cognitive psychology*. 2nd ed. Orlando: Harcourt Brace College Publishers, 1997, 608.
7. Шешина Е. Г. Когнитивный аспект вербальной реализации концепта. *Глобальный научный потенциал*. 2020. № 7. С. 99–102. [Steshina E. G. Cognitive research into concept realization. *Globalnyy nauchnyy potentsial*, 2020, (7): 99–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhnnhu>
8. Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 541–550. [Plakhotnaya Yu. I. Association as a cognitive activity mechanism in shaping a conceptual worldview. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 541–550. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-541-550>
9. Уфимцева Н. В. Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов. *Когнитивные исследования языка*. 2019. № 37. С. 920–925. [Ufimtseva N. V. Associative experiment and cognitive strategies of respondents. *Cognitive studies of language*, 2019, (37): 920–925. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/slknfh>
10. Каменева В. А., Морозова И. С., Коломиец С. В., Варакина Т. Е. Сопоставительный анализ образов области, таргетируемых топонимическими синонимами-стимулами, в языковом сознании студентов. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2022. № 4. [Kameneva V. A., Morozova I. S., Kolomiets S. V., Varakina T. E. Comparative analysis of images of the region in the language consciousness of students, targeted by toponymic synonyms as stimuli. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2022, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2022-4-1133>
11. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле как модель ментальной репрезентации: когнитивный, эмотивный и языковой аспекты. *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2024. Т. 28. № 1. С. 88–99. [Stepykin N. I. Associative field as a model of mental representation: Cognitive, emotive and linguistic aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, 28(1): 88–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21869/2223-1560-2024-28-1-88-99>
12. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Вариативность неопределенности в ментальной реконструкции опасности и безопасности. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 2. С. 172–180. [Krasnianskaya T. M., Tylets V. G. Variability of uncertainty in mental reconstruction of danger and safety. *SibScript*, 2024, 26(2): 172–180. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-172-180>
13. Fitzpatrick N., Floccia C. Comparing child word associations to adult associative norms: Evidence for child-specific associations with a strong priming effect in 3-year-olds. *Behavior Research Methods*, 2024, 56: 7168–7218. <https://doi.org/10.3758/s13428-024-02414-3>
14. Борисова Ю. А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 1-1. С. 265–275. [Borisova Yu. A. Association experiment in the modern psycholinguistic research. *Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(1-1): 265–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25799/AR.2019.43.1.074>
15. Lai W., Rác P., Roberts G. Experience with a linguistic variant affects the acquisition of its sociolinguistic meaning: An alien-language-learning experiment. *Cognitive Science*, 2020, 44(4). <https://doi.org/10.1111/cogs.12832>
16. Мізін К., Коцур В., Летюха Л., Саїк А. Верифікація результатів спрямованого асоціативного експерименту (обмеження реакцій порівняльним сполучником as ... as) на основі даних англійськомовного веб-корпусу iWeb. *Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник*. 2024. Т. 35. № 2. С. 108–133. [Mizin K., Kotsur V., Letiucha L., Saik A. Verification of the results of a directed associative experiment (limiting responses

- to the comparative conjunction as ... as) based on the data from the English-language web corpus iWeb. *Psycholinguistics*, 2024, 35(2): 108–133. (In Ukr.) <https://elibrary.ru/gtunoo>
17. Лось А. Л. Проблема использования экспериментальных методик в когнитивной лингвистике. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. Т. 16. № 2. С. 590–596. [Los' A. L. The problem of using experimental methods in cognitive linguistics. *Philology. Theory & Practice*, 2023, 16(2): 590–596. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230073>
 18. Пыхтина А. Ю. Применение экспериментальных методов в рамках когнитивных исследований. *Когнитивные исследования языка*. 2022. № 3. С. 764–767. [Pykhtina A. Y. Application of experimental methods in the framework of cognitive research. *Cognitive studies of language*, 2022, (3): 764–767. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfoade>
 19. Шипилина Л. А., Шипилина В. В. Ассоциативный эксперимент как метод исследования ценности профессионализма у будущих педагогов профессионального обучения. *Проблемы современного педагогического образования*. 2023. № 80-3. С. 369–372. [Shipilina L. A., Shipilina V. V. Associative experiment as a method of studying the value of professionalism in future teachers of professional training. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2023, (80-3): 369–372. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdmicx>
 20. Гайворонская А. А. Социальные представления учителей о коррупции. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2023. № 6. С. 106–110. [Gaivoronskaya A. A. Teachers' social perceptions of corruption. *Gertsenovskie chteniya: Psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2023, (6): 106–110. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-14>
 21. Лебедева А. К. К вопросу о допустимости отдельных методов в судебной лингвистической экспертизе. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2024. № 3. С. 129–136. [Lebedeva A. K. On the question of admissibility of certain methods in forensic linguistic examination. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, (3): 129–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.115.3.129-136>
 22. Залевская А. А. А. Леонтьев и теория значения слова. *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 27. С. 122–129. [Zalevskaya A. A. Alexey A. Leontiev and word meaning theory. *Journal of Psycholinguistics*, 2016, (27): 122–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrnnqj>
 23. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. 3-е изд., стер. М.: URSS, 2005. 211 с. [Leontiev A. A. *Language, speech, and speaking*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2005, 211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qruvaf>
 24. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с. [Karaulov Yu. N. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: RLI RAS, 1999, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrocaz>
 25. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны. Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: ИЯЗ РАН, 1998. С. 55–67. [Sternin I. A., Bykova G. V. *Concepts and lacunae. Linguistic consciousness: Formation and functioning*. Moscow: IL RAS, 1998, 55–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpjevj>
 26. Каменева В. А., Рабкина Н. В., Потапова Н. В., Морозова И. С. Влияние семиотического типа стимулов на извлечение информации из языкового сознания. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. Т. 20. № 2. С. 110–125. [Kameneva V. A., Rabkina N. V., Potapova N. V., Morozova I. S. The influence of the semiotic type of stimuli on the extraction of information from language consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, 20(2): 110–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-2-110-125>
 27. Траубенберг Р. Н. К. де. Тест Роршаха: практическое руководство. М.: Когито-Центр, 2005. 255 с. [Trautenberg R. N. K. de. *The Rorschach test: A practical guide*. Moscow: Kogito-Tsentr, 2005, 255. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxnuzh>
 28. Белый Б. И. Тест Роршаха: практика и теория. СПб.: Дорваль, 1992. 200 с. [Belyi B. I. *Rorschach test: Practice and theory*. St. Petersburg: Dorval, 1992, 200. (In Russ.)]
 29. Skinner B. F. *Verbal behavior*. Cambridge, MA: Prentice Hall, 1957, 478.
 30. Воронов М. В. Фрактальная модель психики человека. [Voronov M. V. *Fractal model of human psyche*. (In Russ.)] URL: <https://spkurdyumov.ru/biology/fraktalnaya-model-psixiki-cheloveka/> (дата обращения: 19.07.2024).
 31. Протопопов В. П. Методы рефлексологического исследования человека. *Журнал психологии, неврологии и психиатрии*. 1923. Т. 3. № 1-2. С. 14–26. [Protopopov V. P. Methods of reflexological research. *Zhurnal psikhologii, neurologii i psikhiatrii*, 1923, 3(1-2): 14–26. (In Russ.)]
 32. Mcleod S. *Working memory model (Baddeley and Hitch)*. 20 Nov 2023. URL: <https://www.simplypsychology.org/working-memory.html> (accessed 19 Jul 2024).
 33. Бэддели А. Рабочая память. *Психология памяти*, ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Астрель, 2008. С. 436–461. [Baddeley A. Working memory. *Psychology of memory*, eds. Gippenreyter Yu. B., Romanov V. Ya. 3rd ed. Moscow: Astrel, 2008, 436–461. (In Russ.)]

34. Пьянкова С. Д. Психология восприятия фрактальных стимулов: перспективные направления исследований. *Б. М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии: Междунар. конф. (Москва, 1–2 декабря 2016 г.)*. М.: Перо, 2017. С. 371–374. [Pyankova S. D. Perception of fractals: Research perspectives. *B. M. Teplov and the current state of differential psychology and differential psychophysiology: Proc. Intern. Conf., Moscow, 1–2 Dec 2016*. Moscow: Pero, 2017, 371–374. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvxxvhl>
35. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2011. 637 с. [Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. Moscow: AST, 2011, 637. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyctrl>
36. Baumer T. *Handbuch Interkulturelle Kompetenz*. Orell Füssli, 2002, 224.
37. Бебчук Е. М. Образный компонент в лексическом значении русского существительного: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991. 16 с. [Bebchuk E. M. *Figurative component in the lexical meaning of the Russian noun*. Cand. Philol. Diss. Sci. Abstr. Voronezh, 1991, 16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjmhxx>
38. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с. [Minsky M. *A framework for representing knowledge*. Moscow: Energiia, 1979, 152. (In Russ.)]
39. Новрузова С. В. Гештальт как один из типов концептов. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 1. С. 266–269. [Novruzova S. V. Gestalt as one of the types of concepts. *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, 9(1): 266–269. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0901-0062>
40. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. 3-е изд. М.: URSS, 2010. 270 с. [Stepanov Yu. S. *Fundamentals of general linguistics*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2010, 270. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvzzmz>
41. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. 2-е изд., стер. М.: URSS, 2004. 271 с. [Saussure F. de. *Course in general linguistics*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 271. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqtrkv>
42. Miller G. A., Nicely P. E. An analysis of perceptual confusions among some English consonants. *Journal of the Acoustical Society of America*, 1955, 27(2): 338–352.
43. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М.: Academia, 2001. 315 с. [Frumkina R. M. *Psycholinguistics*. Moscow: Academia, 2001, 315. (In Russ.)]
44. Фрейд З. О психоанализе. In: Фрейд З. *Психоаналитические этюды*. Мн.: Попурри, 1997. С. 5–47. [Freud Z. About psychoanalysis. In: Freud Z. *Psychoanalytic studies*. Minsk: Popurri, 1997, 5–47. (In Russ.)]
45. Городецкая Л. А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях. *Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Теория коммуникации и прикладная коммуникация*, ред. И. И. Розина. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 28–37. [Gorodetskaya L. A. Associative experiment in communication research. *Bulletin of the Russian Communication Association. Communication Theory and Applied Communication*, ed. Rozina I. I. Rostov-on-Don: IMBL, 2002, iss. 1, 28–37. (In Russ.)]
46. Акимова Е. «Свой» и «чужой» в языковом сознании литовцев и русских Литвы. *Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. (Москва, 1–3 июня 2000 г.) М.: Сов. писатель, 2000. С. 7–8. [Akimova E. "Us" and "Them" in the linguistic consciousness of Lithuanians and Lithuanian Russians. *Linguistic consciousness: Content and functioning: Proc. XIII Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory, Moscow, 1–3 Jun 2000*. Moscow: Sov. pisatel, 2000, 7–8. (In Russ.)]
47. Nelson D. L., Mcevoy C. L., Dennis S. What is free association and what does it measure? *Memory & Cognition*, 2000, 28(6): 887–899. <https://doi.org/10.3758/BF03209337>
48. Мартинович Г. А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента. *Вопросы психологии*. 1993. № 2. С. 93–99. [Martynovich G. A. Experience of a comprehensive study of data from an associative experiment. *Voprosy Psikhologii*, 1993, (2): 93–99. (In Russ.)]
49. Ковтунович М. Г. Ассоциативный эксперимент как метод выявления строения структур долговременной семантической памяти (на примере анализа строения логико-семантической области вокруг фундаментального понятия «вещество» у учащихся 7-х классов). *Психология высших когнитивных процессов*, ред. Т. Н. Ушакова, Н. И. Чуприкова. М.: ИП РАН, 2004. С. 143–162. [Kovtunovich M. G. Associative experiment as a method for identifying the structure of long-term semantic memory structures: Analyzing the structure of the logical-semantic area around the fundamental concept of "substance" in 7th graders. *Psychology of higher cognitive processes*, eds. Ushakova T. N., Chuprikova N. I. Moscow: IP RAS, 2004, 143–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twhsmb>
50. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с. [Baranov A. N. *Linguistic examination of the text: Theory and practice*. Moscow: Flinta; Nauka, 2007, 592. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwfjsf>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vstppo>

Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения: междисциплинарный подход

Белова Елена Николаевна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 1328-8311

<http://orcid.org/0000-0002-2029-4291>

Лукина Антонида Константиновна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 7221-0593

<http://orcid.org/0000-0003-0705-6632>

Синьковская Ирина Георгиевна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

Сибирский государственный университет науки и технологии

имени академика М. Ф. Решетнева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 7250-7223

<http://orcid.org/0000-0001-8591-2073>

Квитковская София Игоревна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

<http://orcid.org/0009-0006-5690-9178>sofik4665@gmail.com

Аннотация: Негативная демографическая ситуация в России ставит задачи научного изучения демографического поведения молодежи для выявления ее семейно-брачных и репродуктивных установок, позволяющих спрогнозировать дальнейшие тенденции воспроизводства населения, а также найти необходимые решения в рамках государственной демографической политики для сохранения и развития человеческого капитала. Предмет исследования – образ будущего современной молодежи, оказывающий влияние на ее демографическое поведение. Цель – систематизировать научные результаты междисциплинарных исследований для создания теоретико-методологического обоснования эмпирического изучения образа будущего молодежи в контексте выявления специфики ее демографического поведения и последующей разработки мер региональной демографической политики. Анализ накопленного научного изучения образа будущего позволил сформулировать и обосновать перспективность междисциплинарного подхода при изучении образа будущего молодежи. В рамках когнитивного подхода сформулировано понимание образа будущего. Рассмотрены методы изучения данного предмета в рамках социологических и психологических наук, выделены эмпирические индикаторы, необходимые с точки зрения авторов для изучения формирования и содержания образа будущего в сознании молодежи. Выделены объективные и субъективные факторы, влияющие на выбор и содержание предполагаемых молодежью значимых жизненных событий. Среди них важнейшее место занимают состояние здоровья, социально статусные позиции личности, экономические ресурсы, инфраструктура территории проживания, институциональные ресурсы, ценностные ориентации, локус контроля, социальное и индивидуальное самочувствие молодежи. Показана возможность влияния молодежной и социальной политики на продуктивное демографическое поведение молодежи.

Ключевые слова: молодежь, демографическая ситуация, демографическая политика, демографическое поведение, семейно-брачное поведение, репродуктивное поведение, образ будущего, междисциплинарный подход, когнитивный подход

Цитирование: Белова Е. Н., Синьковская И. Г., Лукина А. К., Квитковская С. И. Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения: междисциплинарный подход. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 479–488. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488>

Поступила в редакцию 23.09.2024. Принята после рецензирования 22.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Future Envisaged by Young Population as Predictor of Demographic Behavior: Interdisciplinary Approach

Elena N. Belova

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 1328-8311

<http://orcid.org/0000-0002-2029-4291>

Irina G. Sinkovskaya

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 7250-7223

<http://orcid.org/0000-0001-8591-2073>

Antonida K. Lukina

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 7221-0593

<http://orcid.org/0000-0003-0705-6632>

Sofia I. Kvitkovskaya

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

<http://orcid.org/0009-0006-5690-9178>

sofik4665@gmail.com

Abstract: The current demographic situation in Russia leads to its negative population growth, which makes it necessary for sociologists and psychologists to study the demographic behavior of young people, i.e., their attitudes to family, marriage, and children. Such studies could possibly predict further trends in population reproduction, as well as to choose an effective state demographic policy regarding human capital. The authors studied the image of the future as viewed by young people in relation to their demographic behavior. They systematized various interdisciplinary studies to create a theoretical and methodological background for empirical research that would eventually result in an efficient demographic policy for the region. The interdisciplinary approach demonstrated good prospects. Cognitive studies provided a better scientific understanding of the future envisaged by young people. Sociology and psychology yielded empirical indicators to describe the image of the future. The prospective research scheme included objective and subjective factors behind important life decisions as seen by young people, e.g., health, social, and financial status, as well as local infrastructure, institutional resources, values, locus of control, social and individual well-being, etc. In general, a well-designed youth and social policy might be able to change the productive demographic patterns in young population.

Keywords: young population, demographic situation, demographic policy, demographic behavior, family and marital behavior, reproductive behavior, image of the future, interdisciplinary approach, cognitive approach

Citation: Belova E. N., Sinkovskaya I. G., Lukina A. K., Kvitkovskaya S. I. Future Envisaged by Young Population as Predictor of Demographic Behavior: Interdisciplinary Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 479–488. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-479-488>

Received 23 Sep 2024. Accepted after review 22 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

Демографическая ситуация в России характеризуется снижением естественной рождаемости, увеличением числа разводов, аборт, что в итоге усугубляет процессы старения населения, дефицита трудовых ресурсов¹ и др. Данные негативные демографические тренды характерны для многих российских регионов. Так, в Красноярском крае за последние 6 лет на 8,8 % увеличилось число разводов в семьях (при отсутствии положительной динамики по числу заключенных браков), численность населения с 2022 г. по 1 января 2023 г. сократилась на 6730 человек².

Молодежь является ключевым фактором и демографическим ресурсом, составляет «резерв» человеческого капитала государства, региона. Ее репродуктивный потенциал, миграционное, семейно-брачное поведение определяют специфику воспроизводства трудовых ресурсов, характеристики их трудового потенциала и становятся объектом внимания как со стороны властей, так и научного сообщества для понимания причин негативных демографических тенденций и формирования эффективной демографической политики РФ³.

¹ Демографический ежегодник России 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023. 256 с.

² Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. Красноярск. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (дата обращения: 19.08.2024).

³ Демография: национальный проект, 2020–2024. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/> (дата обращения: 19.08.2024).

Основными факторами сокращения численности населения применительно к молодежи исследователи отмечают [1–3]: нестабильность института семьи, распространение гедонистических ценностей в условиях неуверенности в завтрашнем дне; преимущественную ориентацию молодежи на карьеру в ущерб семье; низкую оценку молодежью уровня социально-экономической поддержки и защиты молодых семей и, как следствие, отказ или отложенное деторождение, что уменьшает ее репродуктивный потенциал. Во многих субъектах России, в том числе и Красноярском крае, создаются научные центры с целью изучения региональной специфики демографической ситуации территории и разработки мер, направленных на улучшение демографических показателей через разработку и внедрение программ демографической политики, учитывающих факторы влияния на демографическое поведение молодежи.

В исследованиях демографического развития выявляется два подхода: *скептический* – допускающий, что сокращение населения является закономерным явлением и управлять демографическими процессами бессмысленно, т. к. это влечет за собой неоправданные затраты; и *прагматический* – допускающий социальное конструирование демографических процессов через выявление как объективных, так и субъективных факторов влияния на демографические процессы, через проведение демографической политики, предполагающей в том числе стимулирование рождаемости у молодежи [4; 5].

Российская демографическая политика, придерживаясь второго подхода, для сохранения и развития молодежного капитала предполагает изучение семейно-брачных и репродуктивных установок молодежи, факторов влияния на них и, как результат, создание условий, способствующих повышению мотивации молодежи на создание семьи, рождение и воспитание детей. Оптимальный путь решения данной задачи, по мнению авторов, проходит через изучение образа желаемого будущего молодежи региона для понимания места в них и условий, способствующих созданию семьи, рождению и воспитанию детей.

Авторы полагают, что междисциплинарный подход к изучению образа желаемого будущего молодежи даст возможность выявить тенденции и построить модели жизненного самоопределения молодого поколения, необходимые для оценки потенциала человеческого капитала региона. Обзор научной литературы в сфере социологических, педагогических и психологических наук показывает наличие многообразных подходов понимания и изучения образа будущего молодежи, что предполагает теоретическую рефлексию относительно уже накопленных научных результатов для уточнения содержания, структуры этого понятия, методов его изучения.

Цель статьи – систематизировать научные результаты междисциплинарных исследований для создания теоретико-методологического обоснования эмпирического изучения образа будущего молодежи в контексте выявления специфики ее демографического поведения и последующей разработки мер региональной демографической политики.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи: 1) уточнение сущности понятий *образ будущего* и *демографическое поведение* в контексте теоретико-методологических подходов социологических, педагогических и психологических наук; 2) обзор релевантных исследований в области изучения образа будущего, выявления методов и методик для методического основания его эмпирического исследования; 3) суммировать факторы влияния на образ будущего молодежи, представленные в научной литературе; 4) проанализировать когнитивные подходы к формированию образа будущего молодежи; 5) сформулировать эмпирические индикаторы исследования образа будущего молодежи в контексте ее демографического поведения.

Методы и материалы

Образ будущего, демографическое поведение различных групп населения являются предметом исследования разных наук.

Исследование осуществлялось на основе:

- междисциплинарного подхода (Е. Г. Гребенщикова, И. В. Лысак, А. Н. Малинкин, Э. М. Мирский, Л. П. Репина и др.), позволившего осуществить теоретическое обоснование ключевых понятий, выявить компоненты исследуемых феноменов на основе теорий, идей философии, педагогики, психологии, политологии, социологии и сгладить их противоречия относительно понимания сущности образа будущего и демографического поведения;
- антропологического (В. И. Андреев, Б. М. Бим-Бад, В. И. Вернадский, В. И. Максакова, Т. В. Фуряева, М. Шелер и др.), в соответствии с которым учитывались достижения комплекса наук о человеке с целью получения целостного и системного знания о человеке, его жизненных перспективах и образа будущего;
- социокультурного (П. Бурдьё, Р. Инглхарт, Л. Г. Ионин, Ю. М. Резник, В. С. Собкин, Э. Тирикьян, Э. Эрикссон и др.), рассматривающего социокультурный анализ жизненных перспектив личности и институциональных форм, представленных в нормативно опосредованных и статусно-обусловленных ролевых отношениях;
- событийно-биографического (К. А. Абульханова-Славская, Л. Бурлачук, Е. И. Головаха, К. Левин, С. Л. Рубинштейн, В. А. Петровский и др.), который

позволяет изучать уникальность жизненного пути каждого молодого человека, взаимосвязь и взаимообусловленность различных событий в его жизни;

- междисциплинарного системно-деятельностного подхода (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, Г. П. Щедровицкий и др.), в соответствии с которым изучались виды деятельности молодежи в контексте системы их ценностей, ценностных ориентаций, влияющих на выбор будущего.

Методами исследования являются анализ научных трудов, посвященных рассмотрению сущности образа будущего и демографического поведения молодежи, статистических сборников по демографии, итогов социологических исследований, а также категориальный синтез теорий, сравнение и обобщение.

В настоящее время в Сибирском федеральном университете (СФУ) в рамках реализации задач проекта «Молодежь Красноярского края: ценности, жизненные траектории, образ будущего» осуществляется эмпирическое социолого-психологическое исследование, которое дает возможность оценить влияние на образ будущего молодежи их ценностей, ценностных ориентаций и таких факторов, как гендерная принадлежность, возраст, место проживания, образование, занятость и условия жизни в родительской семье.

Изучение содержания, глубины и широты образа будущего, места в нем собственной семьи и воспитания детей позволят сформировать предложения к органам власти по разработке социальной и молодежной политики, направленных на формирование семейных ценностей и ценностей деторождения в сознании молодежи, на обеспечение мер поддержки молодой семьи в воспитании детей, укреплении семейных отношений.

Результаты

Образ будущего молодежи

В рамках данного исследования мы рассматриваем образ будущего молодежи как когнитивную структуру, предмет и продукт рефлексивно-аналитической и антиципационной (предвосхищающей) деятельности, включающей в себя интеграцию жизненного опыта, ценностей личности, самооценки ее жизненных ресурсов и возможностей, являющийся мотиватором ее жизнедеятельности и активности, и представляющий собой совокупность жизненных целей, которые ставит перед собой молодой человек.

Обобщая сложившиеся теоретические подходы и накопленный опыт эмпирических результатов, можно выделить аспекты, которые с позиции исследователей оказывают наибольшее влияние на образ будущего:

- образ персонального будущего зависит от образа социального будущего, который, с одной стороны, имеет определенные основания в объективной реальности, являясь отражением условий жизнедеятельности молодежи, а с другой – представляет собой эмоционально окрашенное субъективное восприятие этих условий и оценку возможностей их улучшить или использовать как некий социальный ресурс [6];
- на структуру, содержание, эмоциональную оценку, реалистичность образа будущего решающее влияние оказывает состояние человека в настоящем: социальный статус семьи, успешность в настоящем, когнитивные способности;
- в основе представлений молодежи о будущем лежат ее доминирующие ценностные ориентации, именно они формируют социальные идеалы молодого поколения – отношение к желаемой общественной перспективе;
- значимым саморегулируемым механизмом активности молодежи в различных сферах жизнедеятельности выступает соотношение ее социальных идеалов (ориентиров общественного развития) и социальных ожиданий – представлений молодых людей о вероятных, возможных социальных рисках, препятствиях. Именно рассогласование, конфликт между этими двумя образами будущего – желаемого и вероятного – может лежать в основе негативных социальных настроений молодого поколения, потенциального и реального молодежного протеста;
- сформированный в сознании образ будущего предполагает планирование жизненных событий (на какой-либо жизненный горизонт), приводящих к желаемому будущему.

Несмотря на достаточное количество работ, посвященных изучению образа будущего у подростков, образ будущего молодежи, являющейся непосредственным резервом становления производительных сил общества, изучен недостаточно.

Особую актуальность представляет место семьи в образе будущего молодежи, т. к. именно молодость – время наибольшей демографической активности человека: создания семьи, рождения и воспитания детей⁴. В решении этой задачи основное место отводится междисциплинарному подходу, изучению образа будущего молодежи как большой социально-демографической группы общества, с одной стороны; с другой стороны, психологическим подходам, обеспечивающим изучение социально-психологического самочувствия, когнитивных процессов, способствующих построению образа будущего; с третьей – социально-педагогическим

⁴ Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. Указ Президента РФ № 1351 от 09.10.2007 (ред. от 01.07.2014). СПС КонсультантПлюс.

проектированиям условий, обеспечивающим построение позитивного образа будущего, развитие мотивации, обеспечивающей достижение жизненных целей социально приемлемыми способами.

В этой связи целесообразно изучение образа будущего молодежи, выявление их жизненных планов, реализованных жизненных траекторий, которые являются основанием их демографических установок и демографического поведения.

Демографическое поведение молодежи

Демографическое поведение молодежи зависит от ее демографических установок. Демографические установки мы, вслед за Г. В. Антоновым, понимаем как те внутренние регуляторы действий и поступков человека, которые на внешнем уровне проявляются в виде определенного поведения в сфере брака и семьи, деторождения, поддержания индивидуального здоровья. Соответственно, демографические установки включают в себя установки брачно-семейные, репродуктивные и самосохранительные [7]. Демографические установки представляют собой готовность к реализации конкретных действий и выступают значимым предиктором демографического поведения населения в целом [8].

Направленность демографических установок определяют ценности и ценностные ориентации молодежи, которые влияют на ее дальнейшее демографическое поведение. Демографические установки становятся регуляторами демографического поведения молодых людей как брачного и репродуктивного поведения молодежи. Демографическое поведение молодежи – это деятельность молодых людей, обусловленная их отношением к возрасту вступления в брак, рождению определенного количества детей, разводу, которая ведет к сохранению или изменению их демографического статуса [9].

Обсуждение

Интерес ученых к особенностям образа будущего, проектированию собственной жизни усиливается в связи с социальным расслоением российского общества, изменениями в системе образования, занятости, нарастающими демографическими проблемами, ростом возможных зон риска для подростков, а также влиянием этноконфессиональных различий [10].

В социологической литературе образ будущего трактуется как «совокупность актуальных жизненных ориентаций, сквозь призму которых молодые люди представляют будущую жизнь» [11, с. 80]. Такие ориентации представляют собой синтез субъективных мотиваций молодых людей и социально-нормативных представлений, бытующих на уровне массового сознания.

Различные аспекты существования человека во времени психологи конкретизируют в таких понятиях, как *временной кругозор* (П. Фресс), *временная трансперспектива* (Л. В. Бороздина, И. В. Спиридонова, Л. Н. Бурлачук), *временная перспектива* (Е. И. Головаха, А. А. Кроник, К. Левин, Ж. Нюттен, Д. И. Фельдштейн, И. В. Дубровина, Н. Н. Толстых), *жизненные стратегии, жизненные позиции* (К. А. Абульханова-Славская), *жизненный путь* (Б. Г. Ананьев, Ш. Бюлер, В. И. Ковалев и др.).

В психологии образ будущего изучается как один из аспектов жизненного пути человека [12–15], обеспечивающий движение человека к определенной цели; как особое смысловое образование [16–18], заключающее в себе представление человека о собственном предназначении, о путях и способах самореализации; существуют и другие подходы к пониманию образа будущего [19].

Образ будущего, с одной стороны, отражает ценности и внутренние, глубинные убеждения человека, а с другой – доступен внешним воздействиям, в том числе и посредством государственной молодежной, семейной, социальной политики, системы образования с использованием широкого спектра их ресурсов.

Психологи считают, что способность проектировать свое будущее, строить временную перспективу своей жизни в связи прошлого, настоящего и будущего – жизненную трансперспективу является важнейшим условием взросления человека, становления его личностной зрелости [20–22]. К. Левин считал, что душевное состояние индивида больше зависит от того, что он ожидает в будущем, чем от особенностей его текущей ситуации [15].

Психологами показано, что по отношению к психологическому настоящему прошлое задает границы и характер саморазвития, обуславливает его успешность или неуспешность; по отношению к психологическому будущему обеспечивает, придает уверенность либо подрывает, делает сомнительным. Прошлое, существующее как «опыт», формирует установки и отношения личности. Психологическое настоящее обеспечивает самопознание и самореализацию человека. Соответственно, психологическое будущее представлено мысленной проекцией себя в будущее и конкретным планированием своей жизни во времени, т. е. жизненными и профессиональными планами [20, с. 43–53].

Формирование представлений человека о своем будущем в семейной, трудовой и других сферах жизни «в норме» приходится на 14–15 лет. Подростки проявляют реализм в жизненных устремлениях, связанных с будущей профессиональной деятельностью и семьей. Однако отмечаемое многими исследователями замедление социального взросления (не путать с физиологической акселерацией) приводит к тому,

что появляется достаточно большое количество молодежи с нарушениями взросления – нежеланием создавать семью, получать устойчивую профессию и место работы (фрилансерство как образ жизни), что приводит к определенным социальным проблемам, в частности к демографическим [23; 24].

В отечественной социологической и психологической литературе имеет место достаточное количество публикаций, описывающих результаты исследований образа будущего различных групп молодежи (М. С. Яницкий, Н. А. Вялых, В. Г. Немировский, Н. Д. Скосырева, А. К. Лукина, Я. В. Дидковская и др.) [6; 26–30]. Для этой цели в социологии эффективно применяется методика «Образ желаемого будущего» В. Г. Немировского [29]. В данной методике внимание уделяется таким показателям, как представления об обстоятельствах, препятствующих наступлению желаемого будущего, эмоциональная оценка желаемого будущего. В психологии интерес к исследованиям жизненного пути и образа будущего начал активно формироваться с 1930-х гг., с работ К. Левина, Ш. Бюлер, Р. Заззо, С. Л. Рубинштейна и др. В настоящее время для исследования образа будущего в психологии чаще всего используются методики Нюттена «Неоконченные предложения» [29], М. Р. Гинзбурга «Методы исследования психологического будущего» [20; 30], методика Е. Ю. Коржовой «Психологическая биография» [21], «Линия жизни» Е. И. Головахи и А. А. Кроника [22], Круги Коттла [31]. Нами на основе интеграции подходов Е. И. Головахи и А. А. Кроника и Л. Ф. Бурлачука и Е. Ю. Коржовой разработана методика «События жизни», которая использовалась при изучении образа будущего подростков Красноярского края в 2020–2023 гг. [26].

В работах этих и других авторов анализируются такие параметры образа будущего, как глубина (удаленность) жизненной перспективы, широта и содержание образа будущего, связность прошлого, настоящего и будущего, эмоциональная оценка различных времен в жизни индивида, насыщенность (количество предполагаемых событий), локус контроля, наиболее значимые события и люди, взаимосвязь и взаимозависимость разных событий и т. д. Результаты исследований (П. Ондиш, Дж. Раундс, Дж. Сан, К. Сонг, Г. Столл, С. Эйнарсдотир и др.) подтверждают, что планирование собственного будущего, ожидания от будущего и активность по его осуществлению оказывают большее влияние на жизненный успех, чем даже личностные качества и компетенции [32; 33].

Учеными выделяется изменение образа будущего в возрастной динамике. Отмечается нарастание

тревожности по поводу собственного будущего от младшего подросткового к раннему юношескому возрасту. В старшем подростковом и раннем юношеском возрасте построение образа будущего вызывает зачастую некую отсрочку на проектирование будущего, наблюдаются отказы от создания образа будущего или абсолютно фантазийные представления. Младшие подростки более непосредственны и открыты в выполнении различных заданий на проектирование будущего, тогда как старшие имеют выраженную потребность скрывать свои переживания, ограждать свой внутренний мир от посторонних и поддерживать предельную избирательность в общении [34; 35].

Динамика образа будущего у молодежи более старших возрастов в научной литературе представлена значительно слабее, однако у нас есть предположение, что с переходом к профессиональному образованию (17–25 лет) образ будущего становится более реалистичным и оптимистичным⁵. По крайней мере, исследования, проведенные в СФУ, показали, что молодые люди одного паспортного возраста (16–18 лет), обучающиеся в общеобразовательных школах и в системе профессионального образования, имеют существенные различия в образе будущего, соответствующие названным тенденциям.

Многочисленные исследования российских и зарубежных ученых демонстрируют, что наиболее сильное влияние на формирование образа будущего в подростковом возрасте оказывает социальный статус семьи и ожидания родителей. Также на формирование позитивного и реалистичного образа будущего существенное влияние оказывает включение в приносящую успех совместную просоциальную деятельность, которая способствует повышению самооценки и уверенности в будущем [36].

Заключение

Исходя из вышеизложенного, мы рассматриваем образ будущего как когнитивную структуру, предмет и продукт рефлексивно-аналитической и антиципационной (предвосхищающей) деятельности, включающей в себя интеграцию жизненного опыта, ценностей личности, самооценки ее жизненных ресурсов и возможностей, являющийся мотиватором ее жизнедеятельности и активности и представляющий собой совокупность жизненных целей, которые ставит перед собой молодой человек. Важным компонентом образа будущего является представление молодого человека о его демографическом статусе в будущем. Достижение этого статуса обеспечивается демографическим поведением, которое реализуется в получении запланированного демографического статуса: намерения относительно

⁵ Образ будущего молодежи, декабрь 2022. Полилог. URL: <https://polylog.ru/research/obraz-budushhego-molodezhi> (дата обращения: 19.08.2024).

создания семьи, рождения детей, отношений со своими родителями и т. д.

В научных исследованиях образа будущего молодежи выделяются объективные и субъективные факторы, влияющие на выбор и содержание предполагаемых значимых жизненных событий. К объективным факторам относят: состояние здоровья, социально-статусные позиции личности (образование, семейно-брачное положение), экономические ресурсы (наличие собственности, уровень дохода, позиции на рынке труда), инфраструктуру территории проживания, институциональные ресурсы, доступные для молодежи (государственные программы, направленные на повышение потенциалов молодежи, меры социальной поддержки и защиты молодежи в регионе), как некие режимы социальной поддержки [18, с. 84]. Многообразие институциональных ресурсов может преобразовывать образ будущего в сознании молодежи, тем самым задавая для молодежи направления для целеполагания, а для государства и общества – возможность обеспечить реализацию заложенных в демографической политике целей [37; 38]. Поэтому информированность молодежи о существующей государственной демографической политике и возможность участия их в разработке мероприятий (например, социальной поддержки молодых семей) является важным объективным фактором, влияющим на формирование демографического поведения российской молодежи. Так, А. А. Шабунова и Т. К. Ростовская выявили обусловленность установок детности молодежи их информированностью о государственной поддержке семьи [2].

К субъективным факторам влияния на формирование образа будущего молодежи относят: актуальные ценности, ценностные ориентации, установка на планирование жизни (целеполагание), локус контроля, социальное и индивидуальное самочувствие молодежи (эмоциональное состояние, уровень жизненных сил как энергетические ресурсы, способствующие достижению целей).

При эмпирическом исследовании влияния субъективных факторов на образ будущего немаловажное значение имеет локус контроля как мера ответственности молодежи за успехи и неудачи целедостижений, где интернальность может трактоваться как показатель личной социальной зрелости (самостоятельности принятия решений и ответственности), а экстернальность – социального инфантилизма (полагание на помощь и поддержку со стороны) [39].

Междисциплинарный подход, учитывающий теоретико-методологические наработки социологических, педагогических и психологических наук, является наиболее оптимальным при разработке методики изучения образа будущего молодежи в контексте

ее демографического поведения, позволяя выявить не только планируемые респондентами значимые жизненные события (получение образования, поступление на работу, вступление в брак, рождение первого и последующего ребенка и др.), но и планируемый горизонт, условия наступления этих событий и факторы, оказывающие на них влияние [40].

При разработке методики эмпирического исследования образа будущего молодежи в контексте ее демографического поведения целесообразно применение таких эмпирических индикаторов, как уверенность молодежи в будущем, эмоциональные оценки будущего, ожидаемые жизненные события, представления о препятствиях достижения будущего, образ семьи, локус контроля, социальное самочувствие, информированность об институциональных ресурсах [41].

Для понимания специфики демографического поведения молодежи целесообразно дополнять изучение образа будущего выявлением ее жизненных траекторий, позволяющих понимать последовательность наступления жизненных событий, их характеристики, взаимообусловленность, периодизацию между событиями (например, протогенетический, интергенетический интервалы деторождений и др.), что даст дополнительную информацию для разработки более востребованных мер поддержки молодой семьи в регионах. На решение этой задачи направлена деятельность Центра демографии и развития человеческого капитала, созданного в 2024 г. в СФУ.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Данное исследование выполнено в рамках реализации проекта «Молодежь Красноярского края: ценности, жизненные траектории, образ будущего» Центра демографии и развития человеческого капитала, созданного в 2024 г. в Сибирском федеральном университете.

Funding: The research was part of the project of Youth of the Krasnoyarsk Region: values, life trajectories, and image of the future carried out by the Center for Demography and Human Capital, Siberian Federal University.

Литература / References

1. Омельченко Е. Л. Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России. *Социологические исследования*. 2023. № 12. С. 121–135. [Omelchenko E. L. Imaginary horizons of the future. Life orientations and migration plans of the youth of the north-west region of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023, (12): 121–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250029342-9>
2. Шабунова А. А., Ростовская Т. К. Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка. *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 12. С. 1145–1156. [Shabunova A. A., Rostovskaya T. K. Demographic policy in modern Russia: Population and expert assessment. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2022, 92(12): 1145–1156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869587322090080>
3. Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности. *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 83–93. [Yadova M. A. Life trajectories of the youth in the XXI century: Risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022, (2): 83–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013216250011067-6>
4. Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Освещение семейно-демографической политики в СМИ: результаты всероссийского исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2022. Т. 27. № 1. С. 236–248. [Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. The presentation of family and demographic policy in the media: Results of the All-Russian study. *Science journal of Volgograd state university. History. Area studies. International relations*, 2022, 27(1): 236–248. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.20>
5. Ростовская Т. К., Карповская Е. Е. Изучение особенностей семейно-демографической политики как фактора изменений молодой семьи: социологический анализ. *Научный результат. Социология и управление*. 2019. Т. 5. № 2. С. 57–66. [Rostovskaya T. K., Karpovskaya E. E. Studying the features of family and demographic policy as a factor of changes in a young family: A sociological analysis. *Research result. Sociology and Management*, 2019, 5(2): 57–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2019-5-2-0-6>
6. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О. Ценностно-смысловая направленность и социокультурные детерминанты образа собственного будущего студенческой молодежи. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2019. Т. 30. С. 92–103. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Value and semantic orientations and socio-cultural determinants of the student young's image of their own future. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2019, 30: 92–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.92>
7. Антонов Г. В. Демографические установки населения и факторы их формирования. *Научный диалог*. 2013. № 1. С. 133–153. [Antonov G. V. Population's demographic attitudes and factors of their formation. *Nauchnyi dialog*, 2013, (1): 133–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puqwjh>
8. Шабунова А. А., Ростовская Т. К. Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка. *Вестник Российской академии наук*. 2022. Т. 92. № 12. С. 1145–1156. [Shabunova A. A., Rostovskaya T. K. Demographic policy in modern Russia: Population and expert assessment. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2022, 92(12): 1145–1156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869587322090080>
9. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства без регистрации в России. *Демоскоп Weekly*. 2016. № 671-672. [Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. Unregistered marriage in Russia. *Demoscope Weekly*, 2016, (671-672). (In Russ.)] URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0671/tema02.php> (дата обращения: 19.07.2024).
10. Ядов В. А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе. *Кто и куда стремится вести Россию?* ред. Т. И. Засловская. М.: МВИШСЭН, 2001. С. 310–319. [Yadov V. A. Social resource of individuals and groups as their capital: A universal methodology for actual social stratification studies in Russia. *Who is leading Russia and where to?* ed. Zaslavskaya T. I. Moscow: MSSSES, 2001, 310–319. (In Russ.)] URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/uzs4t1va74/98482069.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
11. Труфанов Д. О., Павлов А. П. Жизненные траектории городской молодежи Красноярского края. Красноярск: фил. СПБИНВЭСЭП в г. Красноярске, 2011. 192 с. [Trufanov D. O., Pavlov A. P. *Life trajectories of urban youth of the Krasnoyarsk Region*. Krasnoyarsk: fil. IIEREL in Krasnoyarsk, 2011, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qomcup>
12. Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с. [Abulkhanova-Slavskaya K. A., Berezina T. N. *The time of personality and the time of life*. St. Petersburg: Aleteia, 2001, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxoqgt>
13. Ананьев Б. Г. Избранные труды по психологии. СПб.: СПбУ, 2007. 409 с. [Ananyev B. G. *Selected works on psychology*. St. Petersburg: SPbU, 2007, 409. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxsocl>

14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2007. 713 с. [Rubinshtein S. L. *Fundamentals of general psychology*. St. Petersburg: Piter, 2007, 713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fhlzqf>
15. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с. [Levin K. *Field theory in social science*. St. Petersburg: Sensor, 2000, 368. (In Russ.)]
16. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2007. 526 с. [Asmolov A. G. *Personality Psychology*. Moscow: Smysl, 2007, 526. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxqimt>
17. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии. *Вопросы психологии*. 1997. № 5. С. 3–19. [Bratus B. S. Human in psychology. *Voprosy psikhologii*, 1997, (5): 3–19. (In Russ.)]
18. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 510 с. [Leontiev D. A. *Psychology of meaning. The nature, structure, and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl, 2007, 510. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxquuj>
19. Петрова В. Н. К вопросу о возможности интерпретации содержания образа будущего. *Сибирский психологический журнал*. 2010. № 36. С. 32–35. [Petrova V. N. The question of the possibilities the future model's content interprets. *Siberian journal of psychology*, 2010, (36): 32–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqfryp>
20. Гинзбург М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения. *Вопросы психологии*. 1994. № 3. С. 43–53. [Ginzburg M. R. Psychological content of personal self-determination. *Voprosy psikhologii*, 1994, (3): 43–53. (In Russ.)]
21. Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 262 с. [Burlatchuk L. F., Korzhova E. Yu. *Psychology of life situations*. Moscow: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1998, 262. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvayij>
22. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Рипол Классик, 1984. 207 с. [Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psychological time of personality*. Kyiv: Ripol Klassik, 1984, 207. (In Russ.)]
23. Королева Н. Н., Богдановская И. М., Углова А. Б. Траектории взросления в психологической автобиографии учащихся общеобразовательной школы подросткового возраста. *Интеграция образования*. 2022. Т. 26. № 1. С. 163–179. [Koroleva N. N., Bogdanovskaya I. M., Uglova A. B. Trajectories of the growing-up in the psychological autobiography of adolescent secondary school learners. *Integration of education*, 2022, 26(1): 163–179. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/1991-9468.106.026.202201.163-179>
24. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 560 с. [Cherednichenko G. A. *Academic and professional trajectories of Russian youth: Sociological studies*. Moscow: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniia i marketinga, 2014, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqnawr>
25. Скосырева Н. Д., Зинич А. В., Помогаев В. М., Разумов В. И., Ревякина Ю. Н., Васюкова М. В. Жизненные перспективы, ценности и цели молодежи Сибири (по данным исследования в Сибирском федеральном округе). *Идеи и идеалы*. 2022. Т. 14. № 2-2. С. 411–428. [Skosyreva N. D., Zinich A. V., Pomogaev V. M., Razumov V. I., Revyakina Yu. N., Vasyukova M. V. Life prospects, values, and goals of siberian youth (according to research in the siberian federal district). *Ideas and ideals*, 2022, 14(2-2): 411–428. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.2.2-411-428>
26. Лукина А. К., Волкова М. А. Образы взрослой жизни и будущего у современных подростков в отечественных и зарубежных исследованиях. *Вестник Восточно-Сибирской открытой академии*. 2021. № 42. [Lukina A. K., Volkova M. A. Images of adult life and the future in modern adolescents as a reflection of the conflict of generations. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy otkrytoy akademii*, 2021, (42). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cjlqmu>
27. Немировский В. Г., Немировская А. В. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. Красноярск: СФУ, 2011. 159 с. [Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V. *Social structure and social capital of the population in the Krasnoyarsk Region*. Krasnoyarsk: SFU, 2011, 159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzwithb>
28. Немировский В. Г. Структура и динамика смысловых ориентаций студенческой молодежи: 1988–2004 гг. Постнеклассический подход. Красноярск: КГУ, 2006. 160 с. [Nemirovsky V. G. *Structure and dynamics of life orientations in university students (1988–2004): A post-non-classical approach*. Krasnoyarsk: KSU, 2006, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvmpbj>
29. Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов. *Вопросы образования*. 2022. № 3. С. 99–148. [Maltseva V. A., Rozenfeld N. Ya. Educational and career trajectories of the Russian youth in a longitudinal perspective: A case of university graduates. *Voprosy obrazovaniya*, 2022, (3): 99–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>

30. Чурилова Е. В. Брачно-семейные траектории одиноких матерей в России: дис. ... канд. социол. наук: М., 2016. 176 с. [Churilova E. V. *Marital and family trajectories of single mothers in Russia*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2016, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sonohc>
31. Алексеева П. А. Брачные траектории молодых россиян: роль сетей. *Экономическая социология*. 2022. Т. 23. № 5. С. 78–108. [Alekseeva P. A. Young Russians' pathways to marriage: The role of networks. *Economic sociology*, 2022, 23(5): 78–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-5-78-108>
32. Stoll G., Einarsdóttir S., Song Q. C., Ondish P., Sun J. J., Rounds J. The roles of personality traits and vocational interests in explaining what people want out of life. *Journal of research in personality*, 2020, 86. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2020.103939>
33. *Le Sens pratique*, ed. Bourdieu P. Paris: Minuit, 1980, 475.
34. Toffler A. *Future Shock*. NY: Bantam Books, 1970, 557.
35. Bourdieu P. Le capital social: Notes provisoires. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1980, 31: 2–3. URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=878607> (accessed 19 Jul 2024).
36. Конюхова Т. В., Конюхова Е. Т. Изучение проблемы успеха и успешности личности в контексте междисциплинарного подхода. *Известия Томского политехнического университета*. 2009. Т. 314. № 6. С. 112–116. [Konyukhova T. V., Konyukhova E. T. Studying the problem of success and person success in context of interdisciplinary approach. *Bulletin of the Tomsk polytechnic university*, 2009, 314(6): 112–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwmbfob>
37. Локосов В. В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски. *Вестник Российской академии наук*. 2020. Т. 90. № 3. С. 251–258. [Lokosov V. V. Population change in Russia: Dynamics and socio economic risks. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, 90(3): 251–258. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S086958732003010X>
38. Дидковская Я. В., Вишневикий Ю. Р., Попов Е. С. Будущее для молодежи и молодежь о будущем: опыт социологического исследования студентов Екатеринбургa. *Koinon*. 2021. Т. 2. № 2. С. 142–155. [Didkovskaya Ya. V., Vishnevskiy Yu. R., Popov E. S. The future for youth and youth about the future: The experience of sociological research of Yekaterinburg. *Koinon*, 2021, 2(2): 142–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/koinon.2021.02.2.019>
39. Антонов А. И., Синельников А. Б., Новоселова Е. Н., Карпова В. М., Ляликowa С. В., Грудина Т. Н., Жаворонков А. В. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования. М.: Инфра-М, 2018. 540 с. [Antonov A. I., Sinelnikov A. B., Novoselova E. N., Karpova V. M., Lyalikova S. V., Grudina T. N., Zhavoronkov A. V. *Family and child lifestyle: A socio-demographic study*. Moscow: Infra-M, 2018, 540. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/monography_5c0f6266dcb8e1.84482306
40. Шугаль Н. Б., Варламова Т. А. Образовательные траектории детей и молодежи: мотивация и выбор. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 96 с. [Shugal N. B., Varlamova T. A. *Academic trajectories of children and youth: Motivation and choice*. Moscow: ISSEK HSE, 2024, 96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-3105-1>
41. Антонов А. И., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б. Демография. М.: Макс Пресс, 2016. 33 с. [Antonov A. I., Novoselova E. N., Sinelnikov A. B. *Demographics*. Moscow: Maks Press, 2016, 33. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/jmcivi>

Активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа: методы и формы организации

Губанова Маргарита Ивановна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6588-6737

<https://orcid.org/0000-0002-1896-9771>

Приходько Елена Валерьевна

Кузбасский педагогический колледж, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3003-5405

<https://orcid.org/0009-0005-3470-0886>prikhelval@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются современные методы и формы активизации образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа, направленные на повышение эффективности образовательного процесса и подготовку будущих учителей к осуществлению профессиональной деятельности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью интенсификации и повышения качества профессиональной подготовки будущих учителей в условиях модернизации системы образования. Цель – исследовать и описать результаты практического применения методов активизации образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа и современных образовательных технологий. Активизация образовательной деятельности выступает важнейшим элементом в обучении будущих педагогов, поскольку способствует не только усвоению теоретического материала, но и формированию практических навыков, необходимых для успешной работы в школе. Особое внимание уделено реализации технологий интерактивного, реверсивного, проблемного и проектного обучения. Представлены конкретные примеры успешного применения технологии реверсивного обучения и активных форм конструктивного взаимодействия со студентами педагогического колледжа. Акцентированы аспекты по созданию надлежащих (необходимых и достаточных), организационно-педагогических условий, позволяющих обучающимся результативно овладеть необходимыми профессиональными и личностными компетенциями. Авторы статьи анализируют ключевые методы, такие как проектное обучение, деловые игры, проблемное обучение, а также формы организации занятий, включая лекции-дискуссии, семинары, практические занятия и индивидуальные консультации. В работе подчеркивается важность применения интерактивных методов и цифровых технологий для создания более наглядного и доступного образовательного процесса. Отдельное внимание уделяется методам, направленным на развитие творческого и критического мышления студентов, а также их способности к самостоятельной работе. В результате предлагается системный подход к организации образовательной деятельности, при котором студентам предоставляется возможность активно участвовать в образовательном процессе, развивать аналитические, коммуникативные и профессиональные компетенции. Основные выводы исследования подчеркивают необходимость внедрения разнообразных методов и форм организации обучения для успешной подготовки педагогов нового поколения.

Ключевые слова: интенсификация подготовки будущих учителей, современные образовательные технологии, реверсивное обучение, методы активизации, формы организации образовательной деятельности, конструктивное взаимодействие

Цитирование: Губанова М. И., Приходько Е. В. Активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа: методы и формы организации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 489–501. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-489-501>

Поступила в редакцию 16.09.2024. Принята после рецензирования 09.10.2024. Принята в печать 14.10.2024.

full article

Facilitating Academic Activity at Teachers' Training College: Methods and Forms

Margarita I. Gubanova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6588-6737

<https://orcid.org/0000-0002-1896-9771>

Elena V. Prikhodko

Kuzbass Pedagogical College, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3003-5405

<https://orcid.org/0009-0005-3470-0886>prikhelval@mail.ru

Abstract: Teachers' training colleges prepare future school teachers for professional activities in the context of the current modernization of the education system. The article describes the results of an experiment in raising the efficiency of academic activities in college students of pedagogy using modern education technologies. By activating their academic activities, future teachers facilitate the acquisition of theoretical material, as well as develop various practical skills. The project involved interactive, reverse, problem-based, and project-based learning technologies. The article illustrates successful cases of applying reverse learning technology and active forms of constructive interaction at a teachers' training college. It offers optimal organizational and pedagogical conditions that allow students to master vital professional and personal competencies. The key methods included project-based learning, business games, and problem-based learning; forms of in-class activities involved lecture feedback discussions, seminars, workshops, and tutorials. These methods and forms develop creative and critical thinking, as well as provide experience of independent work. Interactive methods and digital technologies guarantee a visual and comprehensible academic process. The project resulted in a systematic approach to the organization of academic activities, in which students control their own learning process while acquiring analytical, communicative, and professional competencies. The authors believe that modern teachers' training colleges should provide a wider range of methods and forms of organizing academic activities.

Keywords: intensification of future teachers' training, modern education technologies, reverse learning, methods of activation, organizational forms of academic activity, constructive interaction

Citation: Gubanova M. I., Prikhodko E. V. Facilitating Academic Activity at Teachers' Training College: Methods and Forms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 489–501. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-489-501>

Received 16 Sep 2024. Accepted after review 9 Oct 2024. Accepted for publication 14 Oct 2024.

Введение

В современных условиях развития нашей страны система образования постоянно обновляется. Систематически внедряются и последовательно реализуются национальные, федеральные проекты, государственные образовательные стандарты, нормативно-правовые документы, направленные на актуализацию содержания программ для всех уровней образования; на развитие образовательной инфраструктуры организаций, включая ее базовые компоненты и цифровое оборудование; на улучшение информационно-методического и материально-технического сопровождения образовательного процесса; на расширение возможностей дополнительного образования.

Так, за последние три года серьезное внимание в государственной образовательной политике уделяется системе профессионального образования. Современное общество предъявляет достаточно высокие требования к качеству педагогической подготовки, ожидая от будущих учителей не только глубоких

академических знаний, но и способности эффективно применять их на практике. Приоритетными становятся умения и опыт успешного осуществления профессиональной деятельности с применением цифровых технологий; способность быть мобильным, гибким и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям современной школы.

Однако, анализируя актуальные потребности школы, на первый план выходит вопрос кадровой обеспеченности образовательных организаций. По данным официальной образовательной статистики, на начало 2021–2022 учебного года в городских школах в одном классе обучались в среднем 26,8 человек, в сельских – 14,0; на одного учителя приходилось 19,1 и 10,4 учеников соответственно, т. е. дефицит педагогических кадров в российских школах «продолжал нарастать» [1, с. 27]. Сравнительный анализ численности учителей в государственных и муниципальных организациях по годам показывает, что и сегодня школы по-прежнему нуждаются

в квалифицированных кадрах. Например, в статистическом сборнике «Индикаторы образования: 2024» указано, что в 2022–2023 учебном году количество педагогических работников составило 1060,9 тыс. человек, что в сравнении с 2020–2021 учебным годом значительно меньше – 1070,3 тыс. человек [2, с. 260], учитывая масштабы нашей страны, это разница, на наш взгляд, является существенной.

С другой стороны, в этом же сборнике можно познакомиться с положительной тенденцией, касающейся прироста численности студентов, выпускников системы профессионального образования и количества молодых педагогов в школе – 23,3 %. Отметим, что это стабильный процент на протяжении трех лет. Таким образом, вполне обоснованно констатируем, что система профессионального образования остается привлекательной для абитуриентов, имеет стабильное количество выпускников, однако численность молодых педагогов, работающих сегодня в школах, не увеличивается. Такие выводы усугубляют кадровую проблему и ориентируют педагогическую общественность на поиск и определение ключевых направлений интенсификации подготовки будущих учителей, способных и готовых к осуществлению профессиональной деятельности в современной образовательной практике.

Мы полагаем, что столь серьезное несоответствие (количество абитуриентов, выпускников и молодых специалистов) может быть вызвано следующими причинами:

- преобладание теоретической подготовки над практическим применением знаний и навыков;
- наличие традиционной парадигмы обучения будущих учителей, основанной на передаче знаний и снижающей учебно-профессиональную мотивацию студентов;
- недостаточная заинтересованность и методическая готовность педагогического сообщества к интенсификации подготовки будущих учителей.

На наш взгляд, наиболее актуальным и достаточно перспективным преодолением вышеперечисленных трудностей будет поиск, разработка и тиражирование стратегически выверенных ориентиров и профессиональных успешных тактик (практико-технологический вектор), обеспечивающих совершенствование подготовки студентов профессионального образования. На основе проведенного нами теоретико-экспериментального анализа литературы [3–11] мы пришли к выводу, что практико-технологический вектор интенсификации подготовки будущих учителей может быть направлен на «актуализацию использования педагогическим составом колледжа современных образовательных технологий, усиливающих общие, профессиональные и специальные компетенции студентов» [12, с. 27].

Мы убеждены, что системное (последовательное, поступательное, комплексное) применение преподавателями методов конструктивного взаимодействия с обучающимися позволит актуализировать положительную учебно-профессиональную мотивацию, а также формировать – развивать – совершенствовать педагогические и предметно-технологические умения студентов – будущих учителей.

Кроме этого, результаты нашего научно-педагогического исследования показывают, что применение технологий реверсивного обучения, методов активизации образовательной деятельности также является реальным, надежным и перспективным ресурсом для обновления профессиональной подготовки будущих учителей.

Цель – исследовать и описать результаты практического применения методов активизации образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа и современных образовательных технологий.

Методы и материалы

Нами были использованы следующие основные методы проведения исследовательской работы: наблюдение, аспектное изучение проблемы, сравнительный анализ, систематизация теоретических сведений и эмпирических данных, тематические опросы преподавателей и обучающихся, оценка продуктов деятельности обучающихся.

Методология проведенного исследования концентрируется на теоретических подходах, разработанных отечественными и зарубежными учеными и отражающих вклад методов активизации образовательной деятельности в повышении эффективности подготовки будущих учителей (Ю. К. Бабанский, Б. С. Блум, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Д. Дьюи, А. Н. Леонтьев и др.). В исследовании мы опирались на мнения и достижения современных авторов, занимающихся вопросами повышения качества образования и профессиональной подготовки студентов – будущих учителей (Е. В. Бондаревская, М. И. Губанова, В. В. Гузев, И. П. Пискунова, С. А. Смирнов, А. П. Тряпицына, Н. Е. Щуркова и др.).

Представленные в статье материалы отражают обобщенные результаты исследовательской работы авторов посредством включенного наблюдения и анализа процесса преподавания общеобразовательных и профильных дисциплин в «Кузбасском педагогическом колледже» (КузПК).

Особо отметим, что исследование проводилось в течение трех лет, сохраняя целевую аудиторию: обучающиеся программы подготовки по специальностям: Преподавание в начальных классах, Коррекционная педагогика в начальном образовании, Физическая культура. В 2023–2024 учебном году в проведенном нами исследовании приняли участие

студенты выпускных групп таких же специальностей педагогических колледжей – партнеров КузГПК (ГПОУ «Анжеро-Судженский педагогический колледж» (АСПЕДК), ГПОУ «Беловский педагогический колледж» (БПК), ГПОУ «Киселевский педагогический колледж» и отделение СПО при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»).

Многие ученые и исследователи, занимающиеся вопросами интенсификации образовательного процесса, рассматривают качественную подготовку педагогических кадров как основу успешного вхождения в педагогическую деятельность [13–15]. Так, особо акцентируется внимание на следующих направлениях профессиональной деятельности педагогов: «создание и реализация равноуровневых образовательных программ, активное использование многообразия апробированных образовательных технологий, корректная реализация всеми участниками образовательного процесса механизмов индивидуальной и групповой рефлексии его продуктивности и собственных достижений» [16, с. 678]. Мы убеждены в их перспективности и видим возможные пути их актуализации в контексте применения методов активизации образовательной деятельности и современных образовательных технологий.

На наш взгляд, ключевым фактором в подготовке компетентных и мотивированных педагогов выступает активизация образовательной деятельности будущих учителей посредством системного применения преподавателями активных методов обучения, таких как проектное обучение, деловые игры, кейс-методы, а также современные цифровые технологии и интерактивные методы обучения и разнообразные формы организации образовательного процесса.

Вопрос о методах обучения и формах организации образовательной деятельности студентов не является новым, наоборот, многие ученые внесли значительный вклад в разработку теоретических подходов рассматриваемой проблемы (табл. 1). Эти и другие ученые внесли значительный вклад в разработку теоретических основ активизации образовательной деятельности, а их основные идеи и методы продолжают развиваться и адаптироваться в современном педагогическом процессе. Также в сравнительной таблице представлены идеи современных авторов, занимающихся вопросами активизации образовательной деятельности обучающихся.

Эти ученые заложили теоретические и методологические основы для использования активных методов в образовательной деятельности, которые широко применяются в современной педагогике для активизации процесса обучения.

Обратим внимание, что новизна использования методов активизации образовательной деятельности, предложенная современными учеными, заключается в интеграции цифровых технологий, индивидуализации

образовательного процесса, использовании мгновенной обратной связи в реальном времени, междисциплинарном подходе, проектной и исследовательской деятельности, при обязательном развитии критического мышления обучающихся. Эти инновации не только повышают качество профессионального образования, но и готовят будущих учителей к успешной работе в условиях современной образовательной среды.

В условиях систематического обновления и введения инновационных подходов в образовательный процесс особое внимание уделяется методам активизации образовательной деятельности, что обусловлено несколькими важными аспектами:

- *социальный запрос на качество профессионального образования* (активные методы обучения способствуют формированию ключевых компетенций, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности);
- *необходимость адаптации будущих учителей к изменениям в образовательной среде* (интеграция цифровых технологий в образовательный процесс, регулярное обновление информации позволяют студентам быть адаптивными и уверенными в условиях меняющейся образовательной среды);
- *развитие ключевых умений и навыков современного педагога: критическое мышление, творческие способности* (такие активные методы обучения, как проектные и исследовательские работы, ролевые игры и интерактивные занятия, групповая и парная работа, проблемное обучение, кейс-технологии и др., являются неотъемлемыми для успешной педагогической деятельности);
- *повышение учебно-профессиональной мотивации и вовлеченности студентов в образовательный процесс* (методы активизации образовательной деятельности создают условия для глубокого и полного вовлечения студентов, что повышает их интерес к обучению в колледже и способствует прочному усвоению знаний, овладению профессиональными компетенциями);
- *формирование личностных и профессионально-важных качеств педагога* (активные методы обучения направлены на формирование у студентов не только профессиональных знаний и навыков, но и таких личностных качеств, как ответственность, инициативность, умение работать в команде и принимать решения в нестандартных ситуациях, ключевых для успешной работы в образовательной сфере).

Таким образом, мы полагаем, что расширение спектра педагогического инструментария, применяемого сегодня преподавателем в своей профессиональной деятельности, поможет обучающемуся – будущему учителю стать успешным в своей предстоящей профессиональной деятельности.

Табл. 1. Вклад ученых в разработку теоретических подходов к определению методов активизации образовательной деятельности

Tab. 1. Theoretical approaches to the definition of active academic methods by scientists

| Автор | Вклад | Основные идеи |
|------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <i>Отечественные и зарубежные ученые</i> | | |
| Бабанский Ю. К. | Предложил системный подход к обучению, акцентируя внимание на оптимизации учебного процесса и использовании активных методов обучения | Оптимизация учебного процесса через системное планирование и применение разнообразных методов активизации учебной деятельности |
| Блум Б. С. | Известен таксономией образовательных целей, которая используется для планирования и оценки образовательных достижений | Активизация учебной деятельности через постановку четких целей и задач, оценку результатов обучения |
| Выготский Л. С. | Рассматривал процесс обучения через призму социальной психологии, подчеркивая важность взаимодействия и социальной среды для когнитивного развития | Обучение должно опережать развитие, активные методы должны создавать условия для самостоятельной познавательной деятельности студентов |
| Гальперин П. Я. | Разработал теорию поэтапного формирования умственных действий, которая активно используется в современных методах обучения | Активизация учебной деятельности через поэтапное овладение умственными действиями |
| Джон Дьюи | Является основоположником теории прагматизма в образовании. Подчеркивал необходимость активного участия обучающихся в учебном процессе через экспериментирование и решение практических задач | <ul style="list-style-type: none"> • Обучение должно быть активным, опытным, направленным на решение реальных проблем • Процесс обучения должен быть непрерывным и тесно связанным с жизнью |
| Леонтьев А. Н. | Разработал теорию деятельности, в которой подчеркивается значение активной учебной деятельности для формирования знаний и умений | <ul style="list-style-type: none"> • Обучение является активным процессом, в котором обучающийся – субъект деятельности • Акцентировал внимание на мотивации и значимости учебных задач. |
| Макаренко А. С. | Акцентировал внимание на воспитательной роли коллектива и совместной деятельности | Развивал методы коллективного воспитания |
| Фрейре Пауло | Разработал идеи критического педагогического подхода, призывал к проблемно-ориентированному обучению, в котором студенты являются активными участниками в процессе получения знаний | Утверждал, что активное участие студентов и диалог с преподавателями необходимы для создания справедливой и равноправной образовательной системы |
| <i>Современные ученые</i> | | |
| Бондаревская Е. В. | Активно исследует вопросы педагогической поддержки и личностно-ориентированного обучения | Активизация учебной деятельности через индивидуальный подход и развитие рефлексивных умений обучающихся |
| Гузев В. В. | Занимается разработкой технологий модульного и дистанционного обучения, направленных на активизацию образовательной деятельности | Модульное обучение и интеграция современных технологий в образовательный процесс для повышения активности и мотивации |
| Пискунова Н. Е. | Занимается вопросами качества образования и профессиональной подготовки будущих учителей, включая активные методы обучения | Введение методов проектного обучения и ситуационного моделирования для повышения уровня подготовки обучающихся |
| Смирнов С. А. | Занимается исследованиями в области дидактики и педагогической психологии, включая разработку методик активного обучения | Введение интерактивных методов обучения, таких как проблемное обучение и обучение в сотрудничестве, для повышения мотивации и активности студентов |
| Щуркова Н. Е. | Изучает организацию образовательного процесса и методы активного обучения, включая игровые технологии и проекты | Развитие у студентов навыков самостоятельной работы и критического мышления через применение активных методов обучения |
| Чошанов М. А. | Разработал идеи технологического подхода к обучению, где концентрируется внимание на проектной и исследовательской деятельности обучающихся | Среди ключевых методов активизации образовательной деятельности выступают метод проектов и проблемное обучение |

Результаты ряда исследований [17–22] показали, что использование реверсивного обучения при преподавании иностранного языка оказывает положительное влияние на процесс учения и преподавания, интенсифицируя образовательный процесс, делая его высокотехнологичным, гибким, функционально определяя своеобразным стимулом для более глубокого понимания иностранного языка и его структуры, развивая личностные качества и мотивационную сферу обучающегося.

Потенциал использования технологий реверсивного обучения позволяет интенсифицировать профессиональную подготовку с учетом требований и условий, предъявляемых в современной практике, и открывает новые возможности для обучающихся (способствует выбору темпа изучения материала, развитию их самостоятельности, ответственности, устойчивой мотивации, постоянной направленности на активную созидательную и преобразующую деятельность) и для преподавателей (инициирует обновление содержания учебной дисциплины, применяемых форм и методов работы, моделей педагогического взаимодействия, совершенствование методической компетентности) [12, с. 25].

Реверсивное обучение предоставляет студентам возможность развивать свои когнитивные и практические навыки, такие как анализ, синтез, обобщение, систематизация, резюмирование и самостоятельное решение проблем. Они учатся не только запоминать факты, но и применять их на практике, создавая новые идеи и обосновывая собственные решения. Этот подход к обучению к тому же способствует развитию критического мышления и саморегуляции, что помогает будущим учителям быть успешными не только в студенческой среде, но и в жизни.

Преподаватель оказывает поддержку и наставничество студентам, что является важным аспектом применения реверсивного обучения в образовательном процессе. Он не только предоставляет необходимую информацию и материалы для самостоятельной работы, но и помогает будущим учителям развивать свои навыки и уверенность в своих способностях. Преподаватель выступает в роли наставника, ориентируя студентов на достижение определенных целей и помогая им преодолеть трудности на пути к успеху.

Исследования [20; 22–25] показывают, что реверсивное обучение способствует более глубокому пониманию материала, поскольку студенты активно участвуют в процессе усвоения информации, а не просто пассивно слушают лекции и присутствуют на семинарах. Этот метод также способствует развитию аналитических навыков у обучающихся, т. к. они вынуждены самостоятельно применять знания для решения конкретных задач.

В контексте преподавания учебных дисциплин: «Иностранный язык в профессиональной деятельности», «Иностранный язык» отметим следующие различия в их содержании:

- а) учебный материал для внеаудиторной самостоятельной работы, осуществляемый в цифровой образовательной среде, подходит в большей степени для повторения и совершенствования употребления обучающимися грамматических конструкций;
- б) в то время как аудиторские занятия больше посвящены развитию коммуникативных и социальных навыков за счет обсуждения учебного материала в группах, выполнения проектных и проблемных заданий, совместного и индивидуального поиска решений поставленных задач;
- в) позволяет осуществлять интегративный и междисциплинарный подходы в преподавании, что станет предпосылкой или прочной основой межпредметного и опережающего образования [12, с. 30–31].

Приведем примеры реверсивного обучения в преподавании учебной дисциплины «Иностранный язык»:

- а) просмотр видеолекций и аудиоматериалов с проведением дискуссии, групповой работы, направленных на закрепление изученного материала;
- б) чтение аутентичных текстов и статей по различным тематикам (профессиональные, общекультурные, актуальные для родной страны и страны изучаемого языка);
- в) использование онлайн-платформ, применение новых знаний на практике;
- г) создание и прослушивание подкастов с обязательным обсуждением содержания во время проведения аудиторных занятий;
- д) просмотр фильмов и видеоклипов с обсуждением сюжета, языковых особенностей, инсценировка по мотивам просмотренного;
- е) составление проектов, презентаций, докладов с публичной презентацией и защитой, с обратной связью и рекомендациями преподавателя.

Элементы реверсивного обучения применяются нами как в организации аудиторной совместной или внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся, так и при реализации воспитательной работы с учебной группой.

Мы полагаем, что воспитательная работа может быть усилена за счет активного использования элементов технологий реверсивного обучения. Например:

1. Социальные проекты и волонтерство:

Внеаудиторная самостоятельная работа: студенты изучают материалы о социальных проблемах, успешных волонтерских проектах и формах их реализации (смотрят документальные фильмы, читают статьи, используют интернет-источники и др.).

Аудиторная совместная работа (часы куратора): совместно обсуждают идеи для собственных социальных проектов, планируют их реализацию, делятся результатами и создают команды для выполнения практических задач.

2. Психологические тренинги и самопознание:

Внеаудиторная самостоятельная работа: студенты изучают определенный тематический материал по психологии (может быть одной из тем, которую проходят по этой учебной дисциплине), осуществляют самопознание с помощью онлайн-тестов и упражнений.

Аудиторная совместная работа (часы куратора): совместное выполнение упражнений, тренингов на развитие эмоционального интеллекта, обсуждение методики проведения, проведение ролевых и имитационных игр.

3. Культурное воспитание и толерантность:

Внеаудиторная самостоятельная работа: студенты изучают культурные традиции разных народов, смотрят фильмы, читают литературу о культурном разнообразии и межкультурном общении.

Аудиторная совместная работа (часы куратора): проведение культурных тематических мероприятий, дискуссий, направленных на развитие толерантности и понимание культурного разнообразия.

Представим наиболее эффективные, по нашему мнению, методы обучения и формы организации образовательной деятельности обучающихся, позволяющие обеспечить максимальное усвоение учебного материала и развитие коммуникативных навыков студентов (будущих учителей). Итак, для развития творческих, коммуникативных способностей, исследовательских (поисковых) и рефлексивных умений наилучшим способом подходит *проектная работа*; для моделирования различных деловых ситуаций и имитации их разнообразных организационных форм подойдут *деловые, организационно-деятельностные и ролевые игры*; для практики преподавания в смоделированной среде – *имитационные игры*; для свободного высказывания идей, предположений – *мозговой штурм*; для анализа реальных, смоделированных ситуаций и проработки решений к ним с использованием критических, аналитических способностей будет уместно систематически использовать *кейс-технологии, проблемное обучение*; для развития опыта и умений конструктивного сотрудничества студентов – *групповая или парная работа*.

Подчеркнем, что перечисленные нами методы активизации обучения предоставляют возможность обучающимся развивать профессионально важные навыки и умения. Результаты проведения экспериментальной части нашего исследования и опыт работы демонстрируют положительную динамику: у обучающихся повышается уровень (психологический, методический)

готовности (теоретическая, практическая, психологическая, методическая) к решению профессиональных задач, улучшаются способности преодоления затруднений.

Результаты

Образовательный процесс в педагогическом колледже сегодня обладает большими возможностями для решения стратегической цели, ключевых задач образовательного кластера «Педагогическая фабрика», которые пока используются недостаточно. Результаты проведенного нами опроса среди преподавателей колледжа показали противоречивые данные. Авторами статьи были разработаны два опросника для педагогов: 1) для педагогически грамотной оценки уровня сформированности общих и профессиональных компетенций выпускников и 2) для выявления мнения о направлениях интенсификации подготовки современного выпускника.

Мы учитывали специфику преподавательского состава колледжа: организационно он разделен на пять объединений образовательных программ по специальностям:

1. Преподавание в начальных классах, Коррекционная педагогика в начальном образовании (ПНК, КПНО).
2. Дошкольное образование, Специальное дошкольное образование.
3. Педагогика дополнительного образования (ПДО).
4. Право и социальное обеспечение, Профессиональное обучение (по отраслям).
5. Физическая культура (ФК) и цикловая комиссия общеобразовательных дисциплин.

В связи с тем что объектом нашего исследования являются будущие учителя, поэтому в опросе приняли участие 87 преподавателей трех объединений: непосредственно работающих на специальностях ПНК, КПНО, ФК и ПДО в 2023–2024 учебном году. Преподаватели оценивали уровень сформированности общих и профессиональных компетенций у студентов выпускных групп, соответствующих специальности их объединения. Опрос преподавателей педагогического колледжа о направлениях интенсификации подготовки будущих учителей проводился анонимно, с помощью гугл-формы и состоял из 25 вопросов, которые отражали несколько аспектов: методика обучения, практический опыт, использование технологий, междисциплинарное обучение и профессиональное развитие преподавателя. Формат ответов был разнообразный: выборочный (один из предложенных или множественный), краткий, развернутый, открытый. В таблице 2 представлены некоторые вопросы проведенного опроса.

В целом результаты опроса оказались положительными, и мнения многих преподавателей были близки к нашим позициям, а именно в части изменения

Табл. 2. Примеры вопросов опросника для преподавателей педагогического колледжа

Tab. 2. Questionnaire for teaching staff of a teachers' training college: sample questions

| Аспект интенсификации подготовки | Пример вопроса |
|------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Методика обучения | 1. Какие методики, на Ваш взгляд, эффективны для углубленного обучения будущих учителей? 2. Какие профессиональные развивающие мероприятия или возможности для преподавателей могут способствовать улучшению качества образования будущих учителей? |
| Практический опыт | 1. Какие аспекты профессиональной подготовки будущих учителей считаете наиболее важными для усиления? 2. Какие компетенции и навыки, по вашему мнению, наиболее важны для будущих учителей в контексте современных образовательных требований? |
| Использование технологий | 1. Какие технологии могут помочь в улучшении образовательного процесса? 2. Какие технологии вы используете или считаете перспективными для улучшения образовательного процесса в подготовке будущих учителей? |
| Междисциплинарное обучение | 1. Какие, на Ваш взгляд, междисциплинарные подходы могут быть полезны для подготовки будущих учителей? 2. Профессиональное развитие преподавателей |
| Профессиональное развитие преподавателей | 1. Какие меры поощрения и поддержки можно предложить для преподавателей, активно участвующих в улучшении процесса подготовки будущих учителей? 2. Какие возможности для обмена опытом и коллаборации между преподавателями и будущими учителями могут быть полезны для повышения качества образования? |

организационных форм проведения учебных занятий и современных технологий обучения (77 % опрошенных); применения оптимальных форм конструктивного взаимодействия (45 % респондентов) и принципов интеграции, междисциплинарности (56 %); усиления практикоориентированности подготовки (30 %).

Большинство работающих сегодня в колледже преподавателей понимают необходимость изменения образовательного процесса, своевременность поиска актуальных подходов в преподавании учебной дисциплины, неэффективности традиционной системы обучения и значимость усиления практико-ориентированного подхода в преподавании. В свободном выборе ответа некоторые преподаватели (5 % опрошенных) написали, что видят интенсификацию современной подготовки студента не только в освоении им профессионального опыта, развитии личностных качеств, но и в совершенствовании «гибких» навыков и в формировании универсальных компетенций (или компетенции для жизни) будущих учителей.

Но ответы на вопрос: «Готовы ли Вы использовать инновационные технологии обучения и активные формы работы со студентами на своих занятиях?» нас удивили. Распределение ответов представлено на рисунке 1.

Анализ ответов преподавателей показал, что 50 % из них готовы использовать инновационные

технологии, формы конструктивного взаимодействия; 15 % респондентов готовы к применению и уже используют их в своей практике; 5 % респондентов не проявляют интереса к этой теме, однако знают про инновационные технологии и формы конструктивного взаимодействия и умеют их использовать. Но 30 % преподавательского состава пока отнеслись индифферентно к интенсификации подготовки будущих учителей, а значит, они не совсем осознают важность и актуальность и не обладают навыками применения в образовательном процессе. Мы считаем, что это высокий процент, который заставляет обратить



Рис. 1. Распределение ответов респондентов о готовности использовать инновационные технологии и активные формы взаимодействия на своем предмете, %

Fig. 1. Responses to the question about using innovative technologies and active forms of academic interaction, %

внимание на данную проблему и исследователей, и администрацию колледжа.

Второй опросник был проведен с целью оценки преподавателями колледжа уровня сформированности общих и профессиональных компетенций выпускников. Представим обобщенные данные по результатам опроса (рис. 2).

Преподаватели образовательной программы специальностей ПНК и КПНО оценили выше, чем все остальные (средний балл составляет 4,3 и 4,2). Преподаватели образовательной программы ПДО примерно одинаково оценили уровень сформированности общих и профессиональных компетенций своих студентов – 3,5 и 3,7. В то время как преподаватели, занимающиеся профессиональной подготовкой будущих учителей физической культуры, ниже оценили уровень общих компетенций студентов – 3 балла, но средний балл уровня сформированности профессиональных компетенций составил 4, что является выше среднего значения по специальности ПДО и немного ниже, чем у специальности ПНК и КПНО (на 0,2).

Также отметим удививший нас факт, что довольно мало преподавателей поставили наивысшую оценку выпускникам как в контексте сформированности общих, так и профессиональных компетенций. Полагаем, что чаще и преимущественно это обусловлено недостаточной подготовкой или качеством освоения обучающимися содержания образовательных программ по специальности.

По результатам проведенных в 2023–2024 учебном году опросов будущих учителей в рамках описанной выше экспериментальной работы, более 85 % респондентов (студентов) высоко оценили важность использования преподавателями активных форм обучения во время занятий по общепрофессиональным

и профильным дисциплинам; 60 % опрошенных указали, что такие занятия мотивировали их на изучение и дальнейшее использование подобных цифровых ресурсов, форм активизации творческой деятельности и взаимодействия с обучающимися в условиях практики и в будущей профессиональной деятельности. Однако, оценивая достаточно высоко собственный уровень владения информационными технологиями, студенты выпускных групп (45 % респондентов) отмечали, что у них имеются трудности при проектировании полноценного урока в дистанционном или смешанном формате обучения. Указанный факт определил нашу позицию, что в профессиональной подготовке этому аспекту стоит уделить больше внимания преподавателям профильных дисциплин и модулей для преодоления профессиональных затруднений будущих учителей.

Как показывает наш опыт применения технологии реверсивного обучения и активных форм взаимодействия со студентами педагогического колледжа, происходит успешная интеграция учебной дисциплины «Иностранный язык» с другими дисциплинами в рамках освоения обучающимися содержания образовательных программ специальностей 44.02.02, 44.02.05, 44.02.03, 49.02.01, повышая качество обучения, улучшая языковые навыки и формируя готовность выпускников к осуществлению профессиональной деятельности в современных условиях. Такая интеграция значительно обогащает образовательный процесс и повышает уровень профессиональной подготовки. Приведем несколько примеров.

1. Профессиональный модуль ПМ.01: Планирование и реализация учебного процесса:

Методика преподавания в начальных классах:

- Организация интегрированных уроков: разработка и проведение уроков, где английский язык используется в качестве средства обучения по другим предметам, таким как математика, окружающий мир, изобразительное искусство.
- Проведение бинарных уроков (двухязычное преподавание): включение английских терминов и фраз в уроки по другим предметам для создания языковой среды и улучшения запоминания материала, совместное изучение схожих тем.

Технологии и методы обучения младших школьников:

- Использование мультимедийных ресурсов: внедрение англоязычных мультимедийных ресурсов, таких как обучающие видео, интерактивные игры и презентации для объяснения тем и заданий.
- Проектная работа на английском языке: организация проектной деятельности, посредством которой обучающиеся создают и публично защищают на английском языке проекты, что способствует развитию коммуникативных и исследовательских навыков.

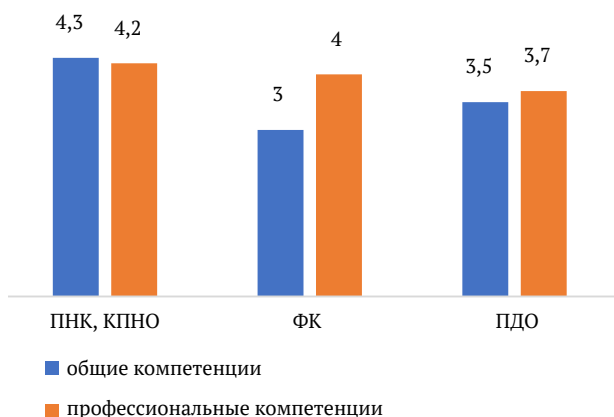


Рис. 2. Результаты оценивания преподавателями уровня сформированности общих и профессиональных компетенций студентов выпускных групп в 2023–2024 учебном году, средний балл

Fig. 2. General and professional competencies of graduates of 2024 as perceived by teaching staff, average score

2. Профессиональный модуль ПМ.02: Организация внеурочной деятельности и общения младших школьников:

Внеурочная деятельность:

- Тематические мероприятия: организация праздников, квизов, тематических вечеров на английском языке, которые способствуют культурному и языковому обогащению обучающихся.
- Кружковая, клубная деятельность: проведение внеурочных занятий в рамках работы клубов, кружков по интересам, где основным языком общения будет английский язык.

3. Профессиональный модуль ПМ.03: Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса:

Психология и возрастная психология:

- Англоязычные материалы: изучение англоязычных источников по детской психологии, обсуждение и анализ этих материалов на занятиях.
- Психологические упражнения: проведение психологических упражнений и тренингов на английском языке, которые помогают обучающимся осваивать профессиональную лексику и развивать навыки общения (речевые и коммуникативные).

Таким образом, создание надлежащих организационно-педагогических условий, включающих в основу перечисленные нами методы и формы организации образовательной деятельности, является актуальным вопросом в подготовке будущих учителей и требует системного подхода, который способен охватить как образовательные, так и воспитательные аспекты подготовки обучающихся. Кроме этого, мы полагаем, что это многогранный процесс, включающий как гибкость и адаптивность образовательных программ подготовки, так и создание уникальной среды, способствующей развитию у студентов профессиональных и личностных компетенций.

В связи с этим считаем значимым описать некоторые аспекты, которые, на наш взгляд, нужно учитывать при создании организационно-педагогических условий. Во-первых, организация образовательного процесса должна осуществляться с учетом индивидуальных особенностей и потребностей обучающихся. Сам подход к обучению основан на принципе дифференциации, учитывающем уровень подготовленности, учебной мотивации, готовности (теоретической, практической, психологической, методической) к решению профессиональных задач и индивидуальные цели каждого обучающегося. В условиях стремительно меняющегося рынка труда важно, чтобы образовательная среда способствовала адаптации к современным требованиям и позволяла проявлять студентам инициативу и самостоятельность в освоении нового материала.

Во-вторых, в контексте организационно-педагогических условий необходима интеграция теоретической подготовки с практической отработкой навыков. За счет использования активных и интерактивных методов обучения образовательный процесс становится прикладным, практико-ориентированным, и это позволит обучающимся усваивать теоретические знания и применять их на практике, что существенно повысит учебно-профессиональную мотивацию и будет ключевым ресурсом для развития профессиональных компетенций.

Третий аспект связан с организацией воспитательной работы и педагогической поддержкой личностного развития обучающихся. Образовательный процесс в предлагаемых нами организационно-педагогических условиях позволит формировать значимые личностные качества: ответственность, коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение работать в команде и способность принимать решения. Мы убеждены, что воспитание таких качеств является важной частью подготовки будущих учителей, т. к. они способствуют успешной адаптации выпускников к осуществлению профессиональной деятельности и взаимодействию в коллективе.

Помимо этого, важно уделять особое внимание созданию комфортной образовательной среды, где обучающийся чувствует себя уверенно и защищено. Психологический климат в учебном коллективе оказывает большое влияние на эффективность образовательного процесса. Мы уверены, что обучающиеся должны иметь возможность свободно взаимодействовать с преподавателями, получать современную обратную связь и помощь в решении учебных и личных проблем.

Заключение

Активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа становится одним из ключевых аспектов современного педагогического процесса. Применение разнообразных методик, таких как интерактивные технологии, проблемное и проектное обучение, игровые и ситуационные методы, а также интеграция информационно-коммуникационных технологий позволяет значительно повысить продуктивность обучения и интенсифицировать подготовку будущих учителей.

Перечисленные в статье методы и формы способствуют не только прочному усвоению учебного материала, но и развитию профессионально важных качеств личности педагога: самостоятельность, инициативность, умение работать в команде, критическое мышление, творческие способности. Ключевым перспективным результатом применения методов и форм активизации образовательной деятельности служит то, что «багаж», получаемый обучающимися,

закладывается в важные профессиональные и личностные компетенции, необходимые для успешной профессиональной деятельности в условиях современного образовательного пространства.

Перспективными направлениями при разработке указанной проблемы станут разработка и апробирование в практике нового содержания учебных дисциплин «Иностранный язык в профессиональной деятельности», «Основы педагогики», «Основы педагогического мастерства», включающего использование гибридных образовательных технологий, таких как смешанное обучение, интеграция цифровых платформ и инструментов для создания интерактивного учебного контента, а также адаптивных методик для различных категорий обучающихся с учетом их личностных особенностей, уровня подготовки, учебной мотивации, готовности к решению профессиональных задач и образовательных потребностей.

Проведенное исследование не претендует на завершенность и полноту, но подтверждает, что активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа способствует более глубокому усвоению знаний посредством их практического применения, поступательному развитию не только практических навыков, умений и опыта деятельности, но и учебно-профессиональной мотивации. Комплексное и систематическое применение преподавателем современных педагогических технологий и методов в образовательном процессе является неотъемлемой частью подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере образования.

Литература / References

1. Мерцалова Т. А., Косарецкий С. Г., Анчиков К. М. и др. Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 96 с. [Mertsalova T. A., Kosaretsky S. G., Anchikov K. M. et al. *School education in the context of national goals and priority projects. Analytical report*. Moscow: NRU HSE, 2022, 96. (In Russ.)]
2. Бондаренко Н. В., Варламова Т. А., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы образования: 2024. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 416 с. [Bondarenko N. V., Varlamova T. A., Gokhberg L. M. et al. *Education indicators: 2024*. Moscow: ISSEK HSE, 2024, 416. (In Russ.)]
3. Лескова И. А. Новый ракурс видения и оценки проблем современного образования. *Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 6–7 декабря 2021 г.) М.: РАО, 2022. С. 38–42. [Leskova I. A. A new perspective on the vision and assessment of the problems of modern education. *Prospects for the development of research in the field of education sciences*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf, Moscow, 6–7 Dec 2021. Moscow: RAE, 2022, 38–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/auhdkw>
4. Птицына Е. В., Талых А. А. Профессиональная подготовка будущего учителя технологии: культурологический аспект. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 75-1. С. 125–128. [Ptitsyna E. V., Talykh A. A. Professional training of a future technology teacher: Cultural aspect. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2022, (75-1): 125–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nonflk>
5. Омельченко Е. А. Вовлечение студентов в разработку стратегий освоения содержания профессиональной подготовки. *Концепт*. 2022. № 2. С. 72–87. [Omelchenko E. A. Involvement of students in the development of strategies for learning the content of professional training. *Koncept*, 2022, (2): 72–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11011>

Таким образом, результаты проведенного нами исследования могут служить основой для дальнейшего совершенствования педагогической практики и внедрения инновационных методик в систему подготовки будущих учителей, что в конечном итоге будет способствовать созданию надлежащих организационно-педагогических условий, позволяющих студентам – будущим учителям – результативно овладеть необходимыми профессиональными и личностными компетенциями. Важность этих условий заключается в обеспечении качественного практического освоения знаний, усвоения умений, навыков, способов деятельности, присвоения (создания и преобразования) собственного профессионального опыта, т. е. компетенций, способствующих их успешной самореализации в профессиональной среде и в обществе в целом.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

6. Приходько Е. В. Организация проектной деятельности студентов педагогического колледжа на занятиях иностранного языка. *Образование. Карьера. Общество*. 2023. № 1. С. 23–27. [Prikhodko E. V. Organization of project activities of pedagogical college students in foreign language classes. *Obrazovanie. Karera. Obshchestvo*, 2023, (1): 23–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smhdlg>
7. Широкова Е. В. Субъектоцентрированный подход в организации проектной деятельности студентов-будущих педагогов (в том числе в процессе дистанционного взаимодействия). *Междисциплинарный подход к подготовке современного педагога*, ред. Л. В. Мосиенко, В. П. Сморчкова, Л. П. Илларионова. М.: Перспектива, 2021. С. 167–173. [Shirokova E. V. Subject-centered approach in the organization project activities of students-future teachers (including in the process of remote interaction). *An interdisciplinary approach to modern teacher training*, eds. Mosienko L. V., Smorchkova V. P., Illarionova L. P. Moscow: Perspektiva, 2021, 167–173. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdrpzz>
8. Губанова М. И. Визуализация и вербализация учебного материала в преподавании иностранного языка. *Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования*: науч.-практ. конф. (Кемерово, 27–28 мая 2019 г.) Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 165–169. [Gubanova M. I. Visualization and verbalization of information for student's training. *Theoretical and applied aspects of linguistic education*: Proc. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 27–28 May 2019. Kemerovo: KuzSTU, 2019, 165–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkvdzt>
9. Зеер Э. Ф., Мешкова И. В. Образовательная среда колледжа как фактор формирования развивающего профессионально-образовательного пространства. *Мир психологии*. 2007. № 3. С. 105–110. [Zeer E. F., Meshkova A. V. An educational environment of a college as a factor of formation of the developing professional-educational space. *World of psychology*, 2007, (3): 105–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ibgynh>
10. Птицына Е. В., Березина Т. И., Федорова Е. Н., Москаленко М. С. Профессиональная подготовка будущего учителя на основе положений субъектоцентрированного подхода. *Современные наукоемкие технологии*. 2023. № 1. С. 146–150. [Ptitsyna E. V., Berezina T. I., Fedorova E. N., Moskalenko M. S. Professional training of the future teacher based on the provisions of the subject-centered approach. *Modern high technologies*, 2023, (1): 146–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/snt.39512>
11. Буторина А. Н., Загороднюк А. Н., Мальныхина Е. В. Профессиональная подготовка как основа вхождения в педагогическую деятельность будущих учителей начальных классов. *Герценовские чтения. Начальное образование*. 2024. Т. 15. № 1. С. 179–182. [Butorina A. N., Zagorodnyuk A. N., Malykhina E. V. Professional training as a basis for entering the pedagogical activity of future primary school teachers. *Gertsenovskie chteniia. Nachalnoe obrazovanie*, 2024, 15(1): 179–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/evnnsng>
12. Губанова М. И., Приходько Е. В. Педагогический инструментарий для интенсификации подготовки будущих учителей: реверсивное обучение и активные методы работы со студентами. *Научные записки НГУЭУ*. 2024. № 1. С. 25–33. [Gubanova M. I., Prikhodko E. V. Pedagogical toolkit for intensifying the training of future teachers: Reverse learning and active methods of working with students. *Nauchnye zapiski NGUEU*, 2024, (1): 25–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hwyysg>
13. Психология личности. Т. 1. Зарубежная психология, ред.-сост. Д. Я. Райгородский. 3-е изд., доп. Самара: Бахрах-М, 2004. 510 с. [*Personality psychology. Vol. 1. Foreign Psychology*, ed. and comp. Raigorodsky D. Ya. 3rd ed. Samara: Bakhrakh-M, 2004, 510. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxiylr>
14. Селевко Г. К., Соловьева О. Ю. Сущность современного российского профильного обучения. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2008. № 3. С. 64–82. [Selevko G. K., Solovyeva O. Yu. Main points of modern Russian profile education. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2008, (3): 64–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kubdrd>
15. Лескова И. А. Субъектоориентированный подход к проектированию содержания образования как основа решения проблем бессубъектности процесса обучения в вузе. *Казанский педагогический журнал*. 2015. № 2. С. 46–53. [Leskova I. A. Subject-oriented approach to the design of educational content as a basis for solving problems subjectless learning process in higher education. *Kazan Pedagogical Journal*, 2015, (2): 46–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txputd>
16. Губанова М. И. Психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного преподавателя. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 677–686. [Gubanova M. I. Psychology and pedagogy of polyfunctional professional activity of teaching staff. *SibScript*, 2023, 25(5): 677–686. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-677-686>
17. Дудина М. Н. Педагогическая акмеология: теория и практика реверсивного обучения. *Акмеология профессионального образования*: 15 Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 13–14 марта 2019 г.) Екатеринбург: РГППУ, 2019. С. 25–29. [Dudina M. N. Pedagogical acmeology: Theory and practice of reverse teaching. *Acmeology of professional education*: Proc. 15 Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 13–14 Mar 2019. Ekaterinburg: RSVPU, 2019, 25–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gdjpbk>

18. Антонова Т. В. Потенциал реверсивной технологии в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2020. Т. 26. № 1. С. 187–191. [Antonova T. V. The potential of reverse learning technique in efl teaching. *Vestnik Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020, 26(1): 187–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-1-187-191>
19. Жданова Д. Е. Реверсивное обучение в контексте освоения иностранного языка студентами неязыковых вузов (на материале французского языка): дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2021. 209 с. [Zhdanova D. E. *Reverse learning in the context of foreign language acquisition by students of non-linguistic universities: French Language*. Cand. Ped. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2021, 209. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/licyxh>
20. Корнеева Л. И., Жданова Д. Е. К вопросу о подходах реверсивного обучения при реализации профессионально-ориентированной иноязычной подготовки специалистов таможенного дела. *Казанский лингвистический журнал*. 2021. Т. 4. № 2. С. 287–301. [Korneeva L. I., Zhdanova D. E. To the question of approaches of flipped learning in the implementation of professionally oriented foreign language training of customs specialists. *Kazan linguistik journal*, 2021, 4(2): 287–301. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.2.287-301>
21. Bergmann J., Sams A. *Flip your classroom: Reach every student in every class every day*. Eugene: International Society for Technology in Education, 2012, 132.
22. Гнutowa И. И. От «перевернутого класса» к «перевернутому обучению»: эволюция концепции и ее философские основания. *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 3. С. 86–95. [Gnutova I. I. From flipped classroom to flipped learning: Evolution of the concept and its philosophical foundations. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2020, 29(3): 86–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-3-86-95>
23. Дмитренко Т. А. Актуальные проблемы профессиональной подготовки преподавателей иностранных языков в условиях цифровизации образования. М.: МПГУ, 2024. 222 с. [Dmitrenko T. A. *Relevant issues of professional training of foreign language teachers in the context of digital education*. Moscow: MPSU, 2024, 222. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/9785426313590>
24. Котов Г. С. Особенности подготовки будущих педагогов средствами реверсивных и иммерсивных технологий: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д, 2023. 192 с. [Kotov G. S. *Training of future teachers by reversible and immersive technologies*. Cand. Ped. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2023, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fxwhsf>
25. Сиренко С. Н. Модернизация подготовки будущих учителей на основе принципов междисциплинарного взаимодействия и опережающего образования. *Адукацыя і выхаванне*. 2021. № 8. С. 58–68. [Sirenko S. N. Modernization of the training of future teachers based on the principles of interdisciplinary interaction and advanced education. *Obrazovanie i vospitanie*, 2021, (8): 58–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ocfpel>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qiczie>

Особенности вовлеченности студенческой молодежи из различных регионов Российской Федерации в волонтерскую деятельность

Картавцева Антонина Павловна

Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Россия, Прокопьевск

eLibrary Author SPIN: 8946-2444

<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>

apk-1954@mail.ru

Зябрева Светлана Эдуардовна

Донецкий государственный педагогический университет, Россия, Горловка

eLibrary Author SPIN: 9522-6146

<https://orcid.org/0009-0006-2775-2618>

Погромская Анна Ивановна

Донецкий государственный педагогический университет, Россия, Горловка

<https://orcid-0009-0005-8826-7993>

Григорьева Наталья Валентиновна

Филиал Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, Россия, Прокопьевск

eLibrary Author SPIN: 5936-7766

<https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

Аннотация: В работе волонтерская деятельность и добровольчество представлены как инструмент нравственного воспитания и возрождения в молодежной среде фундаментальных ценностей. Определяя студенческую молодежь как социально-возрастную группу на стадии активного жизненного и профессионального самоопределения, авторы отмечают значимость добровольчества в формировании позитивных взглядов и убеждений, а также в противостоянии деструктивному влиянию социально-экономических и политических условий. Цель – представить анализ воспитательных возможностей добровольчества и обосновать педагогические функции и механизмы воздействия добровольческой деятельности на нравственное развитие студенческой молодежи. В результате дана интерпретация понятий *волонтерская деятельность* и *воспитательные возможности волонтерства* с позиций отечественных авторов, рассматривающих проблемы добровольчества. Описана история благотворительности и добровольчества в России начиная с Крещения Руси и по сегодняшний день. Систематизированы современные направления волонтерской деятельности среди студенческой молодежи и определены их характеристики. Студенческая молодежь в статье охарактеризована с позиции образовательного, культурного и инновационного ресурса. Изучив компонентный состав волонтерской деятельности, авторами выделен мотивационный ресурс как основной. В статье представлены особенности и анализ уровня вовлеченности в добровольческую деятельность студентов Донецкого государственного педагогического университета и филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске, а также выявлены ее основные направления. Для проведения исследования был применен метод анкетирования, в котором приняли участие 100 студентов филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева в г. Прокопьевске и 100 студентов Донецкого государственного педагогического университета в возрасте 18–25 лет. В итоге были определены общие тенденции, проявляющиеся в сходстве правильного понимания студентами целей добровольчества и его социальной значимости. Сделан вывод, что добровольчество является эффективным средством воспитания, социализации и самореализации личности студентов.

Ключевые слова: студенческая молодежь, добровольческая деятельность, волонтер, социальная активность, благотворительность, гражданская позиция, патриотизм, самовыражение, самореализация

Цитирование: Картавцева А. П., Григорьева Н. В., Зябрева С. Э., Погромская А. И. Особенности вовлеченности студенческой молодежи из различных регионов Российской Федерации в волонтерскую деятельность. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 502–512. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-502-512>

Поступила в редакцию 05.07.2024. Принята после рецензирования 28.08.2024. Принята в печать 02.09.2024.

full article

Engaging Students from Different Regions of the Russian Federation in Volunteering Activities

Antonina P. Kartavtseva

Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
Russia, Prokopyevsk
eLibrary Author SPIN: 8946-2444
<https://orcid.org/0000-0001-9440-4986>
apk-1954@mail.ru

Natalia V. Grigoreva

Branch of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
Russia, Prokopyevsk
eLibrary Author SPIN: 5936-7766
<https://orcid.org/0000-0003-1491-4113>

Svetlana E. Zyabreva

Donetsk State Pedagogical University, Russia, Gorlovka
eLibrary Author SPIN: 9522-6146
<https://orcid.org/0009-0006-2775-2618>

Anna I. Pogromskaya

Donetsk State Pedagogical University, Russia, Gorlovka
<https://orcid.org/0009-0005-8826-7993>

Abstract: Volunteering activities are a tool of moral upbringing that may help to develop fundamental values in young people. University students are a social stratum at the stage of active life and professional self-identification. Volunteering activities develop positive attitude in resisting the destructive influence of various socio-economic and political conditions. The article describes the educational potential of volunteering and charity work as a tool of moral development in university students. It identifies the concepts of *volunteering activity* and *educational opportunities of volunteering*, as well as describes the history of charity and volunteerism in Russia. The authors systematized modern volunteering activities depending on the educational, cultural, and innovative potential, motivation being the key resource. The case study featured volunteering experience at the Donetsk State Pedagogical University, Gorlovka, and the branch of the Kuzbass State Technical University, Prokopyevsk. The survey involved 200 students (18–25 y.o.) from both universities. Both groups revealed the same trend manifested in adequate understanding of the goals of volunteering and its social significance. Volunteering activities proved to be an effective means of moral upbringing, socialization, and self-identification in university students.

Keywords: university students, volunteering activities, volunteer, social activity, charity, civic stance, patriotism, self-expression, self-realization

Citation: Kartavtseva A. P., Grigoreva N. V., Zyabreva S. E., Pogromskaya A. I. Engaging Students from Different Regions of the Russian Federation in Volunteering Activities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 502–512. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-502-512>

Received 5 Jul 2024. Accepted after review 28 Aug 2024. Accepted for publication 2 Sep 2024.

Введение

Являясь жизненно важным элементом любого современного общества, добровольчество вносит значительный вклад в его социально-экономическое развитие. Как идея социального служения, оно почти столь же древнее, как и само понятие *общество*. В любом обществе всегда можно было найти людей, для которых труд во благо других стал способом самореализации и самосовершенствования.

Слово *доброволец* или *волонтер* произошло от французского *volontaire*, которое берет свое начало от латинского *voluntarius*. Поскольку понятия *волонтерство* и *добровольчество* равнозначны, они используются как синонимы.

История добровольчества в России начинается с 988 г. (год крещения Руси), когда один из первых благотворителей князь Владимир возвел в честь своего

бракосочетания в Киеве церковь Пресвятой Богородицы и по его указу из средств казны кормили нищих, сирот и вдов. Русская Православная церковь начала повсеместно заниматься благотворительностью. В монастырях и церквях для больных и престарелых организовывались специальные помещения, где им раздавали еду и милостыню. Чтобы снизить количество нищих и беспризорников, по указу Петра Великого при церквях были обустроены специальные госпитали для незаконнорожденных детей, в которых трудились волонтеры. Следует отметить, что отцы таких детей облагались штрафами.

Начиная с 1721 г. люди с духовным чином, воинским и статским званиями должны были вносить пожертвования на благотворительность. Для детей-сирот и незаконнорожденных младенцев в конце XVIII в.

при Екатерине II были открыты воспитательные дома. Работали в воспитательных домах добровольцы без материального вознаграждения.

Еще одно крупнейшее благотворительное общество в России было создано в 1802 г. по инициативе Александра I и называлось «Императорское человеколюбивое общество». Монахини московской Свято-Никольской обители во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стали первыми в мире женщинами-волонтерами, которые добровольно отправились на фронт для помощи раненым солдатам. Тогда же появился термин *сестры милосердия*.

В начале XX в. в России действует уже более 20 тыс. попечительских советов. Фамилии русских меценатов – Третьякова, Мамонтова, Бахрушина, Морозова, Прохорова, Боткина и многих других навсегда вошли в мировую историю.

В настоящее время добровольчество рассматривается как форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан (добровольцев), носит гражданский характер и выполняет функцию нравственного воспитания, возрождения в молодежной среде фундаментальных ценностей, таких как гражданственность, милосердие, справедливость, гуманность, отзывчивость.

Сегодня добровольчество, как общественное движение, открывает молодому поколению перспективу проявить свои социальные и культурные особенности, реализуя потребность в совершении полезных действий по отношению к нуждающимся в помощи. Эта потребность, по мнению В. И. Уваровой и М. А. Федосеевой, пришла на смену цинизму и меркантильности и действует как концепт новой социальной парадигмы, ведущий к замене потребительской идеологии и рыночного сознания, возникшего на определенном этапе развития страны. Потребительская идеология и гипертрофия материального фактора жизни разрушила духовность граждан, обесценила альтруизм, сделав его на какое-то время не востребовавшимся и смешным [1].

Основным нормативно-правовым документом, в котором определены главные задачи и цели волонтерства, является ФЗ РФ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹. В обновленной редакции данный закон позволяет регулировать волонтерскую деятельность в России.

Значимость волонтерской деятельности студенческой молодежи, важность гуманистического образования и признание общечеловеческих ценностей законодательно закреплены в законе РФ «Об образовании»² и в Указе Президента РФ «О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»³.

Многие отечественные авторы, рассматривающие проблемы добровольчества, определяют добровольчество как один из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование гражданской позиции студенческой молодежи [2–11].

Как показывает обзор современной отечественной и зарубежной литературы, большинство исследований посвящены изучению стимулов и мотивов добровольческой деятельности. В своих работах И. В. Степанова, Н. С. Денисова и Ю. Н. Рюмина подчеркивают важную роль добровольческой деятельности в профессиональном становлении будущих специалистов и ее влиянии на развитие профессиональных компетенций студентов вузов в период обучения [10; 11].

Согласно ФЗ РФ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)», волонтер – человек, который по доброй воле принял решение посвятить свое время, опыт, знания, умения и навыки ради общественного блага, помощи другим людям или проведению какого-либо мероприятия на безвозмездной основе.

Анализ теоретических исследований показал, что добровольчество / волонтерство – это участие людей независимо от возраста, расы, пола и вероисповеданий в мероприятиях, направленных на решение социальных, культурных, экономических, экологических проблем в обществе, не связанных с извлечением прибыли [12; 13].

Рассматривая добровольчество как фактор нравственного становления студенческой молодежи, Е. С. Азарова, Е. И. Бражник, С. Э. Зябрева, Л. Г. Герасимова, Н. В. Григорьева и И. В. Москвина определяют добровольческую деятельность студенческой молодежи как направление патриотического и гражданского воспитания. При этом активная гражданская позиция определяется ими как важнейший духовно-нравственный фактор сохранения общественной стабильности, независимости и безопасности государства. По мнению авторов, молодое поколение, находясь на стадии жизненного и профессионального самоопределения, является наиболее мобильной социально-возрастной группой. Значимая роль в ней принадлежит студенческой молодежи,

¹ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве). ФЗ № 135-ФЗ от 11.08.1995. СПС КонсультантПлюс.

² О внесении изменений в ФЗ «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся. ФЗ № 304-ФЗ от 31.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

³ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Указ Президента РФ № 309 от 07.05.2024. СПС КонсультантПлюс.

которая представляет собой будущую интеллектуальную и профессиональную элиту страны [4; 14–17].

А. А. Николаева и Д. Ф. Яковлев рассматривают студенческую молодежь как специфическую социальную группу, которая способна чутко реагировать на меняющиеся общественные настроения и процессы, в большей степени предрасположена к социальным новациям, достаточно быстро адаптируется к новым условиям, имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии [18, с. 73].

Вместе с тем Н. У. Ярычев отмечает, что «молодежная студенческая среда наиболее, чем другие возрастные и социальные группы, подвержена деструктивному влиянию экономических, политических, ... и иных факторов, в ней легче формируются радикальные взгляды и убеждения» [19, с. 85].

Таким образом, обладая образовательными, культурными и инновационными ресурсами, студенческая молодежь характеризуется не только общностью интересов и выраженным самосознанием, но и активной гражданской позицией, формирование которой сегодня происходит в особых социально-экономических и политических условиях. Вовлеченность студенческой молодежи в добровольческую деятельность поможет избежать деструктивного проявления активности, ляжет в основу патриотического воспитания, формирования общечеловеческих ценностей и духовно-нравственных качеств.

В педагогике волонтерская деятельность рассматривается как один из ключевых элементов воспитательного процесса молодого поколения, механизма позитивной социализации, неотъемлемой составляющей сферы воспитания и образования, где формируются основные качества личности.

Выступая перед участниками Международного круглого стола «Волонтерство как фактор формирования гуманистической направленности личности студента»⁴, проходившего в Москве, президент Российского центра развития добровольчества Г. П. Бодренкова указала на важность соединения волонтерского движения с учебным процессом, подчеркнув, что это специальный инновационный метод, позволяющий интегрировать студентов в жизнь общества посредством добровольчества.

Рассматривая добровольчество с позиции теории социального обмена, Т. Г. Нежина, К. А. Петухова и другие подчеркивают, что именно «феномен альтруизма и эмпатии лежит в основе добровольческой деятельности студентов» [20, с. 53]. Как способ выстраивания социальных отношений, добровольчество, с одной стороны, преобразует социум, с другой – позитивно воздействует на личность самого волонтера [20].

Расценивая добровольчество как способ приобретения новых навыков, самореализации и выстраивания позитивных социальных отношений для ощущения своей полезности, Н. Е. Коршунова и Е. А. Алабян считают его «одним из важных направлений деятельности в студенческом самоуправлении и деятельности молодежных объединений» [21, с. 47].

Наиболее важными предпосылками волонтерской деятельности студенческой молодежи, по мнению С. Г. Екимовой, являются «гражданская активность и целенаправленное проявление альтруизма» [6, с. 331].

Многие ученые отмечают, что участие студентов в добровольческой деятельности приводит к позитивному изменению коммуникативного сознания и умений, развитию творческого потенциала личности, ощущению нужности, формированию социальной активности, направленной на изменение и преобразование окружающей действительности [3; 4; 15].

Мотивация волонтерской деятельности является одним из самых изученных компонентов. По мнению отечественных педагогов, именно мотивация позволяет реализовать уникальную возможность совместить удовлетворение личных потребностей с потребностями общества. Волонтерская деятельность, как и любая другая, определяется не одним, а несколькими мотивами. Несмотря на то что ученые считают желание помогать одним из основных побуждений, мотивы волонтерской деятельности студенческой молодежи не однозначны и разноплановы (табл. 1).

Определяя педагогические условия подготовки студентов к волонтерской деятельности, Н. А. Кора, А. В. Лейфа и Н. В. Маковой считают, что в настоящее время переориентация образования на человека и его развитие, возрождение гуманистической традиции являются важнейшими задачами профессиональной подготовки будущих специалистов, поэтому современный вуз должен стать центром не только образования, но и духовного становления личности будущих специалистов. Несомненно, основой профессионализма станут полученные студентами теоретические знания, но при этом важно уделять внимание развитию и личностных качеств, т. к. в них сконцентрирован их потенциал и индивидуальное своеобразие. Поэтому организация и развитие волонтерской деятельности среди студентов высших учебных заведений должны стать одним из приоритетных направлений подготовки молодых специалистов, а их участие в добровольчестве поможет найти ресурсы собственного личностного совершенствования и окажет влияние на развитие рефлексии, стимулирование самореализации [22, с. 78].

Раскрывая потенциальные возможности студенческой молодежи, волонтерское движение эффективно

⁴ Международный круглый стол «Волонтерство как фактор формирования гуманистической направленности личности студента» (18.01.2006).

Табл. 1. Мотивационно-ценностный ресурс волонтерской деятельности студенческой молодежи
Tab. 1. Motivational and value resource of volunteering at university

| Ресурс | Мотивация |
|----------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Духовно-нравственный | <ul style="list-style-type: none"> • Выполнение общественного и религиозного долга • Социальное служение, помощь другим людям • Реализация своих способностей |
| Акмеологический | <ul style="list-style-type: none"> • Профессиональное ориентирование • Обновление профессиональных знаний и умений • Творческое саморазвитие • Проявление активности в профессиональной и общественной сфере |
| Инновационный | <ul style="list-style-type: none"> • Овладение новыми социальными ролями и новыми видами деятельности • Приобретение нового смысла жизни • Новые мотивы деятельности |
| Продуктивный | <ul style="list-style-type: none"> • Общественное признание • Чувство социальной значимости • Реализация личного потенциала • Организация свободного времени |

влияет на повышение уровня социальной активности и выступает важным элементом профессионального и гражданского становления будущего специалиста. Поэтому подготовка и привлечение студенческой молодежи к волонтерской деятельности в процессе профессиональной подготовки требует системного подхода, поскольку является одной из приоритетных задач учебно-воспитательной работы в вузе. Рассматривая добровольчество как фактор эффективной гражданской социализации и продвижения гражданских инициатив молодежи, Л. Е. Сикорская считает, что педагогический потенциал добровольческой деятельности заключается в возможности развития социального творчества, личностной субъектности и управленческих качеств у студенческой молодежи [23, с. 214]. По мнению автора, добровольчество – это форма организации и самореализации молодого человека, которая предоставляет широкий круг возможностей выбора собственной ниши в будущей профессиональной деятельности [23].

Проведя всесторонний педагогический анализ воспитательных возможностей добровольчества, Л. Е. Сикорская обосновала педагогические функции и механизмы воздействия добровольческой деятельности на нравственное развитие студентов. К числу таких

функций она относит обучающую функцию, выделяя при этом формирование профессиональных и социальных компетенций. Отмечая рост самосознания личности, автор определяет развивающую функцию добровольческой деятельности. Развитие морально-нравственных качеств и гражданской активности личности, по мнению Л. Е. Сикорской, позволяет выделить воспитывающую функцию добровольчества. Основным механизмом воздействия на личность добровольца в процессе такой деятельности становится обращение к ее духовным и мировоззренческим основам – к таким конструктам, как *долг, совесть, любовь, справедливость* [23].

Рассматривая добровольчество как одно из приоритетных направлений учебно-воспитательной работы в вузе, И. В. Москвина выделяет принципы и функции волонтерства, «благодаря которым раскрываются личностные нравственные качества студента» [17, с. 3]. И. В. Москвина пишет, что «главной задачей участия студентов... в волонтерской работе видится создание благоприятной почвы, на которой у молодых людей формируются морально-нравственные качества, которые востребованы в обществе» [17, с. 2].

Развивая гражданскую ответственность, правовое самосознание, чувство долга, добровольческая деятельность способствует получению дополнительных социально-личностных компетенций молодого специалиста и предоставляет широкое поле возможностей выбора собственной ниши в профессии, освоение которой проходит в учебном заведении. В. А. Грибанова отмечает, что формирование гражданской активности студенческой молодежи в воспитательной работе вуза происходит по мере:

- познания и осмысления студентом теоретико-гражданских норм (познавательный компонент);
- выработки потребности в проявлении гражданской позиции (потребностно-мотивационный компонент);
- принятия студентом гражданской активности в систему смысловых связей жизненного мира (лично-рефлексивный компонент) [2].

Исследование деятельности волонтерских организаций позволило нам выявить направления волонтерской деятельности и определить их характеристики (табл. 2).

Добровольчество как фактор формирования гражданской позиции студенческой молодежи имеет ряд преимуществ:

1. Развивает ценностные ориентации, снижает недоброжелательность.
2. Помогает переосмыслить общечеловеческие ценности.
3. Вносит вклад в личностный рост, развитие и самореализацию.
4. Облегчает социализацию личности.
5. Повышает коммуникативный потенциал.

Табл. 2. Направления волонтерской деятельности

Tab. 2. Areas of volunteering activities

| Направления | Характеристика |
|---------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Патриотическое волонтерство | Добровольческая деятельность, направленная на патриотическое воспитание, сохранение исторической памяти и продвижение культурного достояния |
| Социальное волонтерство | Добровольческая деятельность, направленная на помощь детям, нуждающимся в особом внимании государства, пожилым людям, ветеранам, людям с инвалидностью |
| Волонтерство в чрезвычайных ситуациях | Добровольческая деятельность в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, содействия службам экстренного реагирования в профилактике и ликвидации чрезвычайных ситуаций |
| Экологическое волонтерство | Добровольческая деятельность, направленная на сохранение окружающей среды, решение экологических проблем |
| Инклюзивное волонтерство | Добровольческая деятельность, в которой человек с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) выступает в качестве субъекта поддержки и помощи волонтера без таких ограничений |
| Научное волонтерство | Добровольческая исследовательская деятельность, которую на безвозмездной основе осуществляют люди без профессиональных знаний и даже высшего образования вместе с учеными или под их руководством |
| Событийное волонтерство | Добровольческая деятельность, направленная на помощь в организации и проведении крупных значимых событий местного, регионального, федерального и международного уровней (помощь на конференциях, съездах, форумах, праздниках, концертах и т.д.) |
| Медицинское волонтерство | Добровольческая деятельность в сфере здравоохранения, призванная повысить качество медицинской помощи на всех ее этапах: профилактическом, лечебном, реабилитационном, донорства, пропаганды здорового образа жизни, профилактики вредных привычек |
| Виртуальное волонтерство | Добровольческая деятельность, реализуемая свободно и сознательно в пользу других людей, которая осуществляется дистанционно с помощью Интернета |

6. Способствует усвоению различных социальных ролей, норм и общественных практик.

Добровольчество как фактор формирования гражданской позиции студенческой молодежи имеет также определенный круг задач:

1. *Личностные*: вовлечение в социальную практику; информирование потенциальных возможностей; развитие созидательной возможности; предоставление возможности реализовать свой потенциал и получить заслуженное признание; интеграция молодежи в жизнь общества.

2. *Прикладные*: обучение определенным трудовым навыкам; получение навыков самореализации и самоорганизации для формирования профессиональной компетентности; замещение асоциального поведения социальным; сохранение профессиональных знаний, навыков и компетенций в период временного отсутствия.

Сегодня в полной мере можно утверждать о наличии социального заказа государства на гражданское и патриотическое воспитание молодежи, воспитание гражданина, ответственного за судьбу своей Родины. И большая ответственность ложится на плечи

вузов, потому что они являются одним из главных звеньев системы гражданского и патриотического воспитания [24].

Методы и материалы

С целью изучения отношения студенческой молодежи к волонтерской деятельности нами проведено исследование, актуальность которого обусловлена особыми социально-экономическими и политическими условиями, а именно вхождением новых регионов в состав РФ и началом специальной военной операции (СВО). Результаты были получены на основе анализа фактического материала, собранного и проанализированного при проведении анкетирования.

В исследовании приняли участие 100 студентов филиала Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (КузГТУ) в г. Прокопьевске и 100 студентов Донецкого государственного педагогического университета (ДГПУ) в возрасте 18–25 лет. Мы включили в анкету вопросы открытого типа с несколькими вариантами ответов, а результаты подвергли тщательному качественному и количественному анализу.

Из 100 студентов филиала КузГТУ 58 % составили юноши и 42 % девушки, из них на первом курсе обучаются 30 %, на втором – 33 %, на третьем – 37 %. До поступления в вуз волонтерской деятельностью занимались 47 % опрошенных. Результаты анкетирования показали, что на третьем курсе волонтерской деятельностью занимаются уже 53 % опрошенных, что свидетельствует о популяризации волонтерской деятельности в вузе.

Результаты анкетирования в ДГПУ показали, что 85 % опрошенных студентов – девушки, 15 % – юноши, из них на первом курсе обучаются 10 %, на втором – 44 %, на третьем – 46 %. До поступления в вуз 45 % респондентов уже занимались волонтерской деятельностью. На третьем курсе волонтерской деятельностью занимаются – 76 % опрошенных студентов. Выявленный рост интереса к волонтерской деятельности говорит о добровольческой деятельности как о приоритетном направлении учебно-воспитательной работы в вузе.

Результаты

Изучая, как студенты представляют содержание волонтерской деятельности, выяснили, что для 83 % респондентов филиала КузГТУ и 77 % респондентов ДГПУ – это безвозмездный труд на благо других людей; 15 % участников опроса филиала КузГТУ и 20 % студентов ДГПУ считают, что это частично оплачиваемый труд во благо других; 2 % студентов филиала КузГТУ и 3 % студентов ДГПУ уверены, что это оплачиваемый труд, как и любой другой. Это значит, что основная масса респондентов правильно понимает цель добровольчества и его социальную значимость.

Рассмотрим отношение студентов к волонтерскому труду. Связывают волонтерский труд с желанием бескорыстно делать добро и улучшить качество жизни других людей 57 % студентов филиала КузГТУ и 57 % опрошенных студентов ДГПУ, как возможность бороться с определенной проблемой волонтерский труд рассматривают 19 % опрошенных студентов филиала КузГТУ и 22 % респондентов ДГПУ. В качестве достойной цели жизни, способа самореализации, подтверждения общественного статуса и внутренней потребности быть полезным выбрали 24 % студентов филиала КузГТУ и 21 % студентов ДГПУ. Эти цифры вошли в раздел *другое*.

Интересные факты проявились при ответе на вопрос «Почему вы решили стать волонтером?». Выбор студентов филиала КузГТУ и ДГПУ представлен на рисунке 1. Отметим, что большую часть студентов филиала КузГТУ составляют юноши. Также обозначим, что 85 % респондентов ДГПУ составляют девушки, чья будущая профессиональная деятельность связана с педагогикой и психологией.

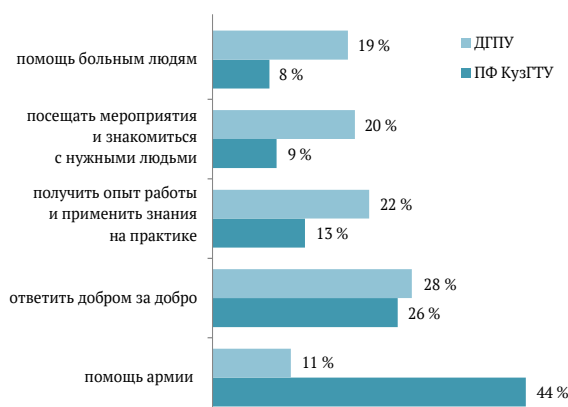


Рис. 1. Факторы, повлиявшие на решение стать волонтером
 Fig. 1. Factors behind the decision to become a volunteer

Анализ факторов принятия решения стать волонтером показал, что решающим фактором для 40 % опрошенных студентов филиала КузГТУ стало начало СВО, 7 % опрошенных студентов привлекла реклама в вузе. Результаты анкетирования студентов ДГПУ показали, что заинтересованность в данной деятельности продемонстрировали 55 %, реклама в вузе повлияла на это решение у 16 % опрошенных, начало СВО повлияло только на 6 % опрошенных студентов. В раздел *другое* вошли такие факторы, как наличие свободного времени и желание потратить его с пользой, возможность конструктивного общения не только со сверстниками, личная причастность к судьбоносным событиям страны и ее отдельных граждан (рис. 2).

Рассмотрим анализ основных мотивов студенческой молодежи к осуществлению волонтерской деятельности (рис. 3). Можно заметить, что студенты филиала КузГТУ и ДГПУ продемонстрировали похожие результаты.

Среди факторов, препятствующих участию молодежи в добровольческой деятельности, 29 % опрошенных студентов филиала КузГТУ назвали равнодушие к проблемам общества; нехватку времени отметили 21 % и нехватку материальных возможностей назвали 30 % опрошенных. Несмотря на рекламу в вузе и в СМИ, 20 % респондентов указали на отсутствие достаточной информации. Опрос студентов ДГПУ выявил нехватку времени как основной фактор, препятствующий добровольческой деятельности. Равнодушие к проблемам общества отметили 24 % респондентов; отсутствие материальных возможностей 29 % и отсутствие достаточной информации 13 % опрошенных. Отсутствие необходимого опыта, желания и целесообразности данной деятельности отметили 20 % студентов филиала КузГТУ и 12 % студентов ДГПУ. Эти цифры вошли в раздел *другое* (рис. 4).

При выявлении приоритетных форм волонтерской деятельности 51 % респондентов ПФ КузГТУ указали на помощь военнослужащим, находящимся

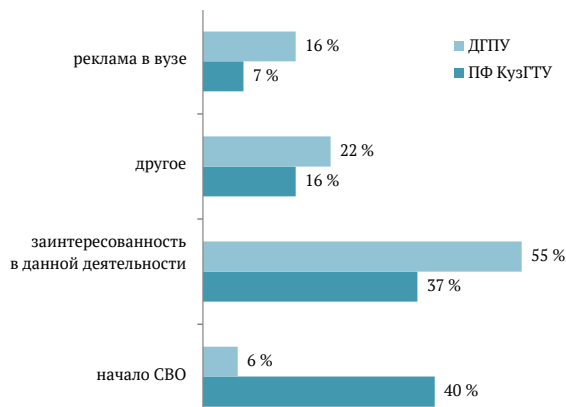


Рис. 2. Анализ факторов принятия решения стать волонтером
Fig. 2. Factors behind the decision to become a volunteer: analysis

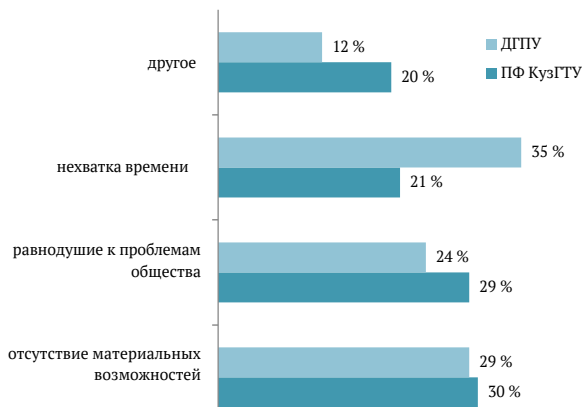


Рис. 4. Факторы, препятствующие волонтерской деятельности студентов
Fig. 4. Factors preventing students from volunteering

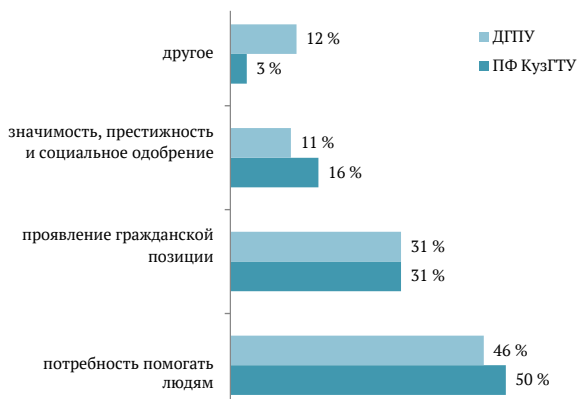


Рис. 3. Анализ мотивов волонтерства
Fig. 3. Motives for volunteering: analysis



Рис. 5. Приоритетные формы волонтерской деятельности студентов
Fig. 5. Priority forms of volunteering at university

в зоне СВО. Следующим по значимости стал ответ «помощь детям-сиротам» (20 %). Необходимость помогать пожилым людям отмечают 15 %. Меньшая часть выбора была определена в стремлении помогать в поиске пропавших людей – 9 %, а 5 % хотят помогать приютам для животных. Первой по степени значимости у студентов ДГПУ выступает помощь детям сиротам, ее отметили 38 % опрошенных. Для 22 % участников опроса важно помогать пожилым людям. Помощь военнослужащим, находящимся в зоне СВО, отметили как значимую 18 %. Помощь приютам для животных выбрали 13 % опрошенных. К поиску пропавших людей проявляют интерес 9 % опрошенных студентов ДГПУ (рис. 5).

Схожие результаты показало изучение вопроса отношения родителей и друзей к волонтерской деятельности. Так, 64 % студентов ПФ КузГТУ и 58 % студентов ДГПУ отмечают поддержку родителей и положительное отношение друзей.

По мнению респондентов, добровольцем можно назвать человека, которому не безразлична судьба Родины (51 % опрошенных студентов ПФ КузГТУ и 33 % респондентов ДГПУ), человека, которому не безразлична жизнь других людей (47 % студентов филиала КузГТУ и 58 % студентов ДГПУ), человека, периодически участвующего в проведении каких-либо акций и мероприятий (2 % респондентов ПФ КузГТУ и 9 % опрошенных студентов ДГПУ).

Обсуждение

Исследование показало, что добровольчество является одним из позитивных факторов процесса социализации современной молодежи и способствует формированию положительных качеств, ценностей и ориентиров поведения.

Мы согласны с мнением М. В. Певной и Н. У. Ярычева, что в контексте социального движения волонтеры – это люди, имеющие одинаковые культурные ценности

и ориентации, которые воспринимают себя как активных субъектов социально значимой деятельности. Они способны к организации и регулированию определенных форм своей деятельности и имеют потенциал *создателей общественной ситуации* [13; 19].

Учитывая тот факт, что современная студенческая молодежь адекватно реагирует на меняющиеся социально-экономические и политические условия, мы можем рассматривать популяризацию добровольческой деятельности как *концепт новой социальной парадигмы*. Придерживаясь точки зрения В. И. Уваровой и М. А. Федосеевой, мы также считаем, что вместо потребительской идеологии, цинизма и меркантильности у молодых людей появилась потребность в совершении полезных действий по отношению к нуждающимся в помощи, о чем свидетельствует наличие большого числа студенческих добровольческих организаций и движений как на территории Донецкой Народной Республики, так и в Кузбассе [1].

Заключение

На основании анализа изученной литературы и полученных результатов проведенного исследования сделан вывод, что добровольчество является эффективным средством воспитания, социализации и самореализации личности студентов.

Согласно полученным данным, основная масса студентов ДГПУ и филиала КузГТУ адекватно понимает цель добровольчества и его социальную значимость, несмотря на закономерные гендерные различия студентов технического и педагогического вузов.

Популяризация волонтерской деятельности и привлечение студентов к бескорыстному оказанию социально значимых услуг как в ДГПУ, так и в филиале КузГТУ оказывают эффективное влияние на формирование гражданской активности студенческой молодежи и целенаправленное проявление у них альтруизма.

Территориальные различия ДГПУ и филиала КузГТУ отразились на выборе решающего фактора при принятии решения стать волонтером. Для студенческой молодежи Кузбасса этим фактором стало начало СВО, в то время как для студентов Донбасса не существует понятия *специальная военная операция*, т. к. она является продолжением военных действий, которые ведутся на их территории с 2014 г.

Литература / References

1. Уварова В. И., Федосеева М. А. Волонтерская деятельность как форма самоорганизации молодежи: проблемы и подходы. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015. № 1. С. 91–96. [Uvarova V. I., Fedoseeva M. A. Volunteer activity as form of youth self-organization. *Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social sciences*, 2015, (1): 91–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsmbdy>

Анализ основных мотивов к осуществлению добровольческой деятельности у студентов обоих вузов показал схожие результаты, а именно: потребность помогать людям и решение социально-значимых проблем. Однако среди социально-значимых проблем студенты филиала КузГТУ ставят на первое место помощь бойцам Российской армии на передовой. Основной формой реализации волонтерской деятельности для студентов ДГПУ выступает помощь детям-сиротам и пожилым людям. Безусловно, полученные данные во многом свидетельствуют о социальных проблемах региона, уже 10 лет находящегося в войне. Именно поэтому начало СВО не во многом изменило отношение к защитникам, помощь для которых для жителей Горловки стала образом жизни.

В современных социально-политических условиях преподавателям высших учебных заведений необходимо понимать, что, вовлекая студенческую молодежь в добровольческую деятельность, мы не только способствуем формированию традиционных национальных ценностей и духовно-нравственных качеств, но и уменьшаем риски асоциального поведения будущей интеллектуальной и профессиональной элиты страны.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (регистрационный номер: 1024032700270-0-6.1.1).

Funding: The article was prepared as part of the state assignment of the Donetsk State Pedagogical University (registration number: 1024032700270-0-6.1.1).

2. Грибанова В. А. Задачи формирования гражданской активности студенческой молодежи в воспитательной работе вуза. *Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*. 2016. № 1. С. 163–165. [Gribanova V. A. Tasks of forming civic activity of student youth in the educational work of the university. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*, 2016, (1): 163–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhllrip>
3. Герасимова В. Д., Кузьменко И. В. Волонтерство как фактор развития социальной компетенции студентов вуза. *Успехи современного естествознания*. 2013. № 10. С. 174–175. [Gerasimova V. D., Kuzmenko I. V. Volunteering as a factor in the development of social competence in university students. *Advances in current natural sciences*, 2013, (10): 174–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzfeqx>
4. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности. *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 306. С. 120–125. [Azarova E. S., Yanitsky M. S. Psychological determinants of volunteer's activity. *Tomsk State University Journal*, 2008, (306): 120–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijbnkn>
5. Маренцева Е. С. Сущностные характеристики социальной активности студентов. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2011. Т. 17. № 4. С. 145–148. [Marentseva E. S. Students' social activeness essential characteristics. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile studies. Sociokinetics*, 2011, 17(4): 145–148. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oydbcf>
6. Екимова С. Г. Влияние волонтерской деятельности в вузе на личностно-профессиональное развитие будущих специалистов по социальной работе. *Педагогический журнал*. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 329–335. [Ekimova S. G. Impact of volunteer activities at university on personal and professional development of future social work specialists. *Pedagogical Journal*, 2023, 13(1-1): 329–335. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.16.79.038>
7. Харьковская Е. В., Белецкая Е. А., Посохова Н. В., Гламазда С. Н. Формирование гражданской активности молодежи в процессе волонтерского движения. *Современные наукоемкие технологии*. 2019. № 7. С. 230–234. [Kharkovskaya E. V., Beletskaya E. A., Posokhova N. V., Glamazda S. N. Formation of civic activity of youth in the volunteer movement process. *Modern high technologies*, 2019, (7): 230–234. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvdkam>
8. Викторова Е. В. Инклюзивное волонтерство: понятие, феномен, перспективные подходы к исследованию. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, юриспруденция, политология, культурология*. 2022. № 4. С. 74–82. [Viktorova E. V. Inclusive volunteering: Concept, phenomenon, promising approaches to research. *Bulletin of the Adygea State University. Series "Region studies: Philosophy, history, jurisprudence, political sciences and culture science"*, 2022, (4): 74–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53598/2410-3691-2022-4-309-74-82>
9. Савельева Е. А. Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2013. № 2. С. 21–31. [Savelieva E. A. Civic activity of the youth: Variants of conceptualizing the notion. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*, 2013, (2): 21–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaphbp>
10. Степанова И. В. Изучение отношения студентов к волонтерской деятельности: анализ и перспективы развития. *Вестник науки*. 2024. Т. 2. № 3. С. 257–263. [Stepanova I. V. Studying students' attitudes to volunteering: Analysis and development prospects. *Bulletin of Science*, 2024, 2(3): 257–263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lynygi>
11. Денисова Н. С., Рюмина Ю. Н. Роль волонтерской деятельности в профессиональном становлении специалистов социальной работы. *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2013. № 4. С. 188–192. [Denisova N. S., Ryumina Yu. N. The role of volunteering in professional development of specialists of social work. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2013, (4): 188–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvbimf>
12. Оберемко О. А. Волонтер или доброволец: элементарные объяснения для самоопределения. *Социологические исследования*. 2016. № 6. С. 94–101. [Oberemko O. A. Elementary explanations for the volunteering in Russian context and Russian language. *Sociological studies*, 2016, (6): 94–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbbied>
13. Певная М. В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия. *Социологические исследования*. 2016. № 12. С. 69–77. [Pevnaya M. V. Managing Russian volunteers efforts: Essence and contradictions. *Sociological studies*, 2016, (12): 69–77. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgvsht>
14. Бражник Е. И., Зябрева С. Э. Волонтерство как направление социального воспитания обучающихся. *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*. 2019. № 16. С. 11–20. [Brazhnik E. I., Zyabreva S. E. Volunteering as a direction of social in the education of students. *Social services to families and children: Scientific and methodological collection*, 2019, (16): 11–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/appzqg>

15. Герасимова Л. Г. Волонтерская деятельность в рамках современного подхода к воспитательному процессу в профессиональном образовании. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2012. № 6. С. 7–11. [Gerasimova L. G. Volunteer activity as a part of the modern approach to upbringing in the professional education. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*, 2012, (6): 7–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pfovib>
16. Григорьева Н. В., Петунин О. В. Принципы воспитания патриотизма студентов технического вуза. *Сибирский Педагогический журнал*. 2008. № 2. С. 274–279. [Grigorieva N. V., Petunin O. V. Principles of fostering patriotism in students of a technical college. *Siberian Pedagogical Journal*, 2008, (2): 274–279. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oiiid>
17. Москвина И. В. Волонтерская деятельность как средство нравственного воспитания будущих педагогов. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т. 10. № 3. С. 1–10. [Moskvina I. V. Volunteer activity as a means of moral education of future teachers. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2022, 10(3): 1–10. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wrjmdc>
18. Николаева А. А., Яковлев Д. Ф. Современные общественные движения как форма взаимодействия государства и общества. *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 2. С. 73–84. [Nikolaeva A. A., Yakovlev D. F. Modern social movements as a form of interaction between the state and society. *Research result. Sociology and management*, 2022, 8(2): 73–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-6>
19. Ярычев Н. У. Развитие критического мышления студентов в университетском образовании. *Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2023. № 3. С. 82–90. [Yarychev N. U. Development of students' critical thinking in university education. *Scientific review. Series 2: Human sciences*, 2023, (3): 82–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26653/2076-4685-2023-3-08>
20. Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четкина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49–71. [Nezhina T. G., Petukhova K. A., Chechetkina N. I., Mindarova I. S. Motivation of youth participation in the volunteer movement. *Public administration issues*, 2014, (3): 49–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/spwlqh>
21. Коршунова Н. Е., Алабян Е. А. Волонтерская деятельность студенческой молодежи. *Успехи в химии и химической технологии*. 2017. Т. 31. № 2. С. 46–48. [Korshunova N. E., Alabyan E. A. Volunteer activity of students. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii*, 2017, 31(2): 46–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrtolx>
22. Кора Н. А., Лейфа А. В., Маковей Н. В. Реализация и оценка эффективности процесса подготовки студентов вуза к волонтерской деятельности. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 2-3. С. 78–82. [Kora N. A., Leifa A. V., Makovey N. V. On realizing and evaluating the efficiency of preparing higher school students for voluntary activity. *Herald of Vyatka State University*, 2010, (2-3): 78–82. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/neilmb>
23. Сикорская Л. Е. Педагогический потенциал добровольческой деятельности студенческой молодежи. *Знание. Понимание. Умение*. 2011. № 2. С. 213–217. [Sikorskaya L. E. Pedagogical potential of student youth volunteerism. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, (2): 213–217. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oppdyx>
24. Картавцева А. П., Маханькова Н. А. Гражданско-патриотическое воспитание как фактор развития личности. *Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологии*, ред. А. А. Зеленин, М. С. Яницкий. Кемерово: ИИТ, 2012. С. 250–268. [Kartavtseva A. P., Makhankova N. A. Civic and patriotic education as a factor in personality development. *Organization of work with youth: Interdisciplinary integration of theory and technology*, eds. Zelenina A. A., Yanitsky M. S. Kemerovo: INT, 2012, 250–268. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rjgzxd>

Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений при изучении иностранного языка

Шукурова Инна Вячеславовна

Сургутский государственный университет, Россия, Сургут

eLibrary Author SPIN: 8207-2145

<https://orcid.org/0000-0003-3625-0071>

inn2000@rambler.ru

Денеко Марина Витальевна

Московский технический университет связи и информатики,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5082-0369

<https://orcid.org/0000-0003-4162-375X>

Орехова Елена Юрьевна

Сургутский государственный университет, Россия, Сургут

eLibrary Author SPIN: 9548-1004

<https://orcid.org/0000-0002-4954-9518>

Аннотация: Современные условия адаптации выпускников к профессиональной деятельности ставят перед вузами требования по подготовке специалистов с гибким и критическим мышлением. Педагоги разных дисциплин находятся в постоянном поиске оптимальных и целесообразных методов формирования и развития универсальных компетенций, обязательных для овладения выпускниками вузов. Цель – уточнить суть критического мышления, проанализировать используемые методы обучения в курсе дисциплины «Иностранный язык» и выяснить их эффективность в процессе развития критического мышления путем оценивания учебной деятельности студентов неязыковых направлений. В работе изложен обзор зарубежных и отечественных исследований, освещающих значимость критического мышления в образовательном процессе, способы его развития и результаты проводимых исследований. Анализ литературы и практический опыт позволили сформулировать приемлемые показатели владения исследуемой универсальной компетенции (УК-1), в частности способность к критическому мышлению в процессе изучения иностранного языка. Сформулированные показатели: а) проявляет самостоятельность суждения и оценки в отношении полученной информации; б) высказывает свою точку зрения на основе своего опыта или верифицированных данных; в) принимает существование вариативности взглядов, что позволяет ему объективно относиться к иной точке зрения; г) способен логически связывать имеющуюся информацию с окружающей действительностью для успешного решения задач – использовались в настоящем исследовании для оценивания работ студентов с точки зрения проявления их способности критического осмысления получаемой и обрабатываемой информации. Проанализированные письменные работы студентов, проведенный письменный опрос, тематические беседы утвердили нашу уверенность в потенциале используемых методов обучения. Описанная рядом ученых эффективность написания эссе, реферирования, аналитическая работа с текстом и вопросами в развитии критического мышления также отмечена студентами, опрошенными в практической части исследования. В письменном опросе были получены объективные ответы, в которых студенты без предварительной установки о пользе применяемых нами методов указали ряд заданий, способствующих развитию данной способности, уточнили умения, которым они могут научиться, выполняя их. Данные письменного опроса студентов, результаты оценивания выполненных ими заданий свидетельствуют об их признании необходимости критического мышления, так как оно обеспечивает объективное, самостоятельное восприятие информации и помогает взвешенно пользоваться ею для решения стоящих перед будущими специалистами задач. В результате исследование этого вопроса подтверждает необходимость использования многогранного потенциала дисциплины «Иностранный язык» для решения ряда педагогических задач, включая формирование и развитие универсальных компетенций.

Ключевые слова: универсальные компетенции, критическое мышление, иностранный язык, методы обучения, реферирование, эссе, текст, учебная среда, студенты неязыковых направлений

Цитирование: Шукурова И. В., Орехова Е. Ю., Денеко М. В. Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений при изучении иностранного языка. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 513–524. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-513-524>

Поступила в редакцию 24.07.2024. Принята после рецензирования 07.10.2024. Принята в печать 07.10.2024.

full article

Developing Critical Thinking in Non-Linguistic Students as Part of Foreign Language Acquisition

Inna V. Shukurova

Surgut State University, Russia, Surgut

eLibrary Author SPIN: 8207-2145

<https://orcid.org/0000-0003-3625-0071>

inn2000@rambler.ru

Marina V. Deneko

Moscow Technical University of Communications and Informatics,

Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5082-0369

<https://orcid.org/0000-0003-4162-375X>

Elena Yu. Orekhova

Surgut State University, Russia, Surgut

eLibrary Author SPIN: 9548-1004

<https://orcid.org/0000-0002-4954-9518>

Abstract: University graduates need flexible and critical thinking to be successful on the job market. New teaching methods develop universal competencies and soft skills that university students are obliged to obtain. The study focuses on the nature of critical thinking as a pedagogical term. The authors evaluated the teaching methods used in the course of Foreign Language to develop critical thinking in students of non-linguistic majors. The review of foreign and domestic publications combined with empirical studies yielded the following list of indicators of critical thinking skills acquired while learning a foreign language. The students a) are independent in judgment and assessment; b) are able to express their point of view based on their own experience or verified data; c) are objective to alternative points of view; d) apply new information to their actual environment in order to facilitate problem solving. These indicators were used to evaluate students' critical comprehension of information received and processed. The assessment involved essays, a written survey, and interviews. The students appreciated the effectiveness of essay writing, abstracting, and text analysis. They recognized the importance of critical thinking because it provides an objective, open-minded, and independent perception, which makes it possible to apply new information to professional tasks. The course of Foreign Language for Non-Linguistic Students demonstrated an excellent potential for such pedagogical tasks as developing universal competences.

Keywords: universal competences, critical thinking, foreign language, teaching methods, abstract, essay, text, learning environment, non-linguistic students

Citation: Shukurova I. V., Orekhova E. Yu., Deneko M. V. Developing Critical Thinking in Non-Linguistic Students as Part of Foreign Language Acquisition. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 513–524. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-513-524>

Received 24 Jul 2024. Accepted after review 7 Oct 2024. Accepted for publication 7 Oct 2024.

Введение

В настоящее время в понимание подготовки выпускников к профессиональной деятельности вкладывают способность не только осуществлять его непосредственные профессиональные функции, но и быть готовым и гибким к трансформациям и инновациям как в узком поле деятельности, так и во всех сферах жизнедеятельности. Неотъемлемым требованием к современным специалистам становится их готовность учиться на протяжении всего профессионального пути, развивать и совершенствовать навыки, способствующие дальнейшему саморазвитию и адаптации к постоянно меняющимся условиям в высокотехнологичном мире.

Актуальность формирования универсальных компетенций студентов остро стоит в наши дни и диктуется запросами на разных уровнях: общества, промышленности, бизнеса, образования и науки, личности,

экономики и политики [1]. Данная тема активно обсуждается специалистами в области педагогики, психологии и философии.

Исследователи отмечают, что процесс глобализации и появление цифрового поколения обусловили изменение запроса работодателей к личностным и профессиональным характеристикам соискателей с последующей трансформацией отечественного образования. От современного образования требуется подготовка специалистов, готовых легко адаптироваться к переменам и новым требованиям, обладающих гибкостью мышления, способностью постоянно развиваться и самосовершенствоваться [2]. В современном, иногда нестабильном обществе и требовательном рынке труда теперь высокий спрос на профессионала, умеющего не просто обрабатывать новую информацию, но и находить способы решения

нестандартных профессиональных задач с учетом новой информации, обосновывать правильность принимаемых решений [3, с. 428]; систематизировать большие объемы информации; корректно высказывать собственные мысли, основанные на проверенных фактах и существующих точках зрения; эффективно реализовывать концепцию обучения на протяжении всей жизни [4, с. 135]; критическое и аналитическое мышление, креативность, оригинальность и инициативность становятся перспективными навыками специалиста современного трансформирующегося общества [5, с. 26].

Способность к системному и критическому мышлению установлена программой бакалавриата – одной из основных универсальных компетенций. Согласно образовательному стандарту, выпускник должен быть готов осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач (УК-1)¹. Согласно ФГОС ВО 3+, способность студента и будущего специалиста критически оценивать и интерпретировать информацию, пользоваться ею в соответствии с задачами и ситуацией должна сформироваться на первой ступени высшего образования и в дальнейшем совершенствоваться на последующих его этапах (магистратуры и аспирантуры).

В связи с вышеуказанными требованиями современного общества определяется актуальность этого исследования как в изучении сути данной компетенции, так и методов ее формирования и развития средствами изучаемых дисциплин студентами бакалавриата. Ввиду того что обучение критическому мышлению не представлено никакой специальной дисциплиной, в функции преподавателя входит подача учебного материала таким образом, чтобы студент, выполняя предлагаемые ему задания, всегда был включен в мыслительную деятельность более высокого порядка, чем элементарное повторение и заучивание материала.

Востребованность навыков критического мышления подтверждается значительным количеством исследований, освещающих его значимость как в обучении, так и в перспективах, которые становятся доступны благодаря полученному навыку в будущей профессиональной деятельности.

Цель статьи – уточнить суть критического мышления, проанализировать используемые методы обучения, которые могут участвовать в развитии критического мышления студентов при освоении ими дисциплины «Иностранный язык», и прояснить их эффективность путем оценивания учебной деятельности студентов неязыковых направлений.

Методы и материалы

Теоретическую основу исследования представляет анализ психолого-педагогических работ отечественных и зарубежных специалистов, освещающих вопрос критического мышления в развитии личности студента, дидактические методы влияния на развитие данного навыка и полученные ими результаты. В работе были применены общенаучные методы: синтез, анализ, систематизация, описательный метод. Метод рефлексии педагогического опыта позволил сопоставить имеющиеся данные в научной литературе с эффективностью применяемых нами средств и методов обучения.

Для исследования потенциала учебного материала и его применения были проанализированы дидактические особенности эссе, вопросов и текста, а также их роль в развитии критического мышления студентов.

В рамках исследования был проведен письменный опрос студентов 2 курса (5 групп) неязыковых направлений Сургутского государственного университета, заканчивающих обучение по дисциплине «Иностранный язык». Указанный письменный опрос составлен авторами статьи исходя из педагогической практики, опыта применения средств и методов обучения и оценивания письменных работ, выполненных студентами по изученным темам.

Поскольку студенты действительно демонстрировали высокий уровень анализа информации и критических умозаключений по изучаемым темам, поэтому целесообразно было уточнить их реальное представление о необходимости обсуждаемой компетенции. В ходе письменного опроса (который включает 10 вопросов открытого и закрытого типа) было выявлено субъективное восприятие студентами важности критического мышления в их образовании; отмечены методы и приемы, которые, по их мнению, влияют на развитие критического мышления. Развернутые ответы студентов частично обозначены в разделе, посвященном результатам исследования. Результаты письменного опроса, тематических бесед на занятиях иностранного языка, анализ выполненных письменных работ студентов и наблюдение во время аудиторных занятий позволили считать используемые нами дидактические методы эффективными и объективно судить об их влиянии на развитие критического мышления студентов.

Результаты

Зарубежные ученые называют критическое мышление навыком XXI в. для молодого поколения, наряду с коммуникативными навыками и сотрудничеством (работой в команде) [6; 7]. Они также подчеркивают важность критического мышления, т. к. эти навыки жизненно важны в академических кругах и помогают

¹ Портал федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <https://fgosvo.ru/> (дата обращения: 19.06.2024).

студентам овладевать мировыми знаниями [8]. Эти навыки помогают добывать знания и не терять интерес к получению знаний в течение всей жизни [9]. Предполагается, что развитие критического мышления должно занимать центральное место в миссии образовательных учреждений, должно быть внедрено в содержание, структуру и систему учебных программ на всех уровнях обучения и проводиться через освоение основных предметов [10, p. 11]; задача его формирования должна решаться уже на этапе изучения студентами базовых дисциплин [11, с. 29].

Деятели науки высоко оценивают роль навыков критического мышления, т. к. оно становится все более важным для вынесения обоснованных суждений в современном развитом информационном обществе, где все виды информации, независимо от достоверности, легко доступны. В связи с этим многие университеты считают его неперенным навыком в высшем образовании и предпринимают усилия по его развитию у студентов, в том числе через изучение иностранного языка [6].

Не можем не согласиться с R. Paul и L. Elder в том, что критическое мышление необходимо для любой среды обучения и для всех уровней образования. Они утверждают, что эта способность позволяет учащимся освоить системы знаний, стать более проницательными, эффективно анализировать и оценивать идеи и достигать большего контроля над своим обучением, своими ценностями и своей жизнью [10, p. 15].

Однако J. M. Spetor и S. Ma отмечают, что несмотря на то, что исследователи и преподаватели видят необходимым введение в учебный процесс обучение критическому мышлению, они подчеркивают, что мало кто действительно практикует это намерение. Такие выводы они сформулировали по результатам изучения работ своих коллег и статистики, подтверждающих низкий уровень критического мышления у молодых сотрудников. В то же время существует высокий спрос работодателя на его наличие у специалистов и глубокая озабоченность об отсутствии специальных мер для развития критического мышления в учебных заведениях [7].

В обсуждении значимости такой способности, как критическое мышление, исследователи особенно уделяют внимание следующим вопросам: универсальность критического мышления; способы его формирования и развития; оценивания степени сформированности критического мышления и их валидность; соотношение критического мышления и моральных ценностей [3, с. 425].

Первоначально определимся в нашей работе с содержанием понятия критического мышления, выясним основные показатели его сформированности, рассмотрим позиции ученых по данному вопросу.

Критическое мышление называют когнитивным процессом, включающим разъяснение, обоснование

решения и умозаключение, которые критически мыслящие люди используют выборочно в соответствии с задачей и ситуацией так, чтобы эффективно решить задачу и прийти к рациональному умозаключению, решению [6; 12]; представляет собой «особый вид мышления, направленный на решение наиболее значимых учебных, развивающих, познавательных и воспитательных задач» [13, с. 72]; оно позволяет человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения [14, с. 15]; к его составляющим относят интерпретацию, объяснение, рассуждение, оценку, синтез, размышление, суждение, метапознание и саморегуляцию [7]; способность демонстрировать критическое отношение к любой информации; формулировать обоснованные выводы, оценку; умение корректно применять собственные знания, умения и навыки в различных ситуациях профессиональной и иных видов деятельности [15, с. 39]. Также имеют место такие компоненты, как планирование и целеориентированность, гибкость, внимательность, самоскептицизм, рефлексия и саморефлексия [5, с. 21].

Д. Халперн толкует критическое мышление как «использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата» [16, с. 22]. С ее точки зрения, это мыслительный упорядоченный процесс, направленный на принятие решений и совершенствование собственной деятельности.

Краткий обзор этого понятия в научно-педагогической литературе демонстрирует, что умения и возможности, которые получает человек, владея навыком критического мышления, доказывают его актуальность и релевантность в современном технологичном, информационно-цифровом обществе. Далее рассмотрим показатели, согласно которым мы определяем наличие умений и навыков, демонстрирующих определенную степень критического мышления, сформированного как жизненным опытом, так и сопутствующими условиями, в частности в процессе изучения иностранного языка. Уровень освоенного умения и навыка рационально определять, на наш взгляд, способностью своевременно выполнять соответствующие ситуации действия. Для оценки этой способности студентов воспользуемся рядом характеристик критически мыслящего обучающегося, предложенных исследователями.

По мнению R. Paul и L. Elder, критически мыслящий студент старается понять не только то, что он изучает, но и зачем он это изучает, при этом он способен сформулировать внятные и четкие цели и задачи обучения, понимает и может объяснить своими словами значение и назначение действий (аудиторные и домашние задания, тесты и т. д.), происходящих в учебном процессе, и цель самих изучаемых дисциплин. Он четко

осознает важность навыков логического рассуждения как в учебной дисциплине, так и в решении задач повседневной жизни [10, р. 22].

В ходе занятий по иностранному языку студентам приходится работать с текстами, а значит, с информацией как учебного адаптированного текста, так и с аутентичными источниками, не подготовленными для учебных целей, но содержащими релевантную информацию по изучаемой теме. Работа с такими источниками к тому же требует особого внимания и критического осмысления получаемой информации. В связи с этим отметим ряд показателей, демонстрирующих способность студентов к восприятию информации. Так, R. Paul и L. Elder считают, что критически мыслящий студент осознает, что любое размышление основывается на каких-то данных, подтверждениях, опыте или исследованиях. Такой студент всегда уточняет и проверяет информацию на точность, релевантность данной информации к изучаемой теме, анализирует, оценивает ее и демонстрирует умение сделать вывод, логично исходящий из его рассуждений по изучаемой теме [10, р. 23].

Реагируя на предложенные вопросы как в устной, так и письменной форме, критически мыслящий студент учитывает, что ответ может быть неоднозначным, и он может продемонстрировать свое умение отвечать на него с разных точек зрения, если данный вопрос это предполагает. Также критически мыслящий студент может четко и логично строить и переформулировать свой вопрос [10, р. 23]. Постановка вопросов мобилизует процессы мышления, а обсуждение является одним из наиболее глубоких способов переработки информации [17, с. 139].

В ходе исследования и изучения письменных работ студентов нами было отмечено, что умения излагать информацию, распознавать и разделять факты и данные исследований от каких-либо мнений хорошо отслеживаются в написании эссе и реферирования. Выполненные письменные задания позволяют преподавателю определить умение студента видеть важную и второстепенную информацию, может ли он предоставить информацию, как подтверждающую его точку зрения, так и противоположное мнение. Студент может анализировать и оценивать информацию, на этом основании сделать вывод, при этом подтвердить фактами и логическим рассуждением [10, р. 24]. Такие проясняющие критерии оценивания устных и письменных высказываний, как ясность, точность, четкость, актуальность, глубина, широта, значимость, логика, справедливость [10, р. 54], помогают нам ориентироваться в оценивании выполненных работ студентов. Нам представляется очевидным, что качество выполнения письменных работ, включая умение работать с информацией и ее осмысление, указывает на способность студентов проявлять навыки критически осмысливать информацию.

В связи с вышесказанным был сформулирован ряд показателей, позволяющих оценивать устную и письменную работу студентов и выявить их способность к критическому осмыслению информации:

- проявляет самостоятельность суждения и оценки в отношении полученной информации;
- высказывает свою точку зрения на основе своего опыта или верифицированных данных;
- принимает существование вариативности взглядов, что позволяет ему объективно относиться к иной точке зрения;
- способен логически связывать имеющуюся информацию с окружающей действительностью для успешного решения задач.

Теоретическое изучение обсуждаемого вопроса, рассмотрение разных взглядов на суть критического мышления и его ключевых компонентов позволило авторам принять данные показатели обоснованными для оценивания письменных заданий, выполненных самостоятельно, и устной работы студентов в аудитории.

Для достижения цели работы мы также определили важным уточнить роль дидактических методов, применяемых зарубежными и отечественными педагогами для формирования и последующего развития критического мышления. Неоспорим факт, что учебная среда и методы работы оказывают влияние на развитие личности студента, включая получение знаний, формирование умений и способов действий, отношение к действительности и задачам, которые приходится решать и в повседневной жизни, и в профессиональной деятельности.

Вслед за Н. Ф. Плотниковой признаем, что критическое мышление не появляется автоматически в виде побочного результата обучения в какой-то области; рекомендуется прилагать систематические усилия и организовывать соответствующую среду по совершенствованию мышления. В педагогических целях Н. Ф. Плотникова рекомендует давать возможность обучаемым подвергать каждый новый факт критическому обдумыванию, в результате этого процесс познания обретает индивидуальность и становится продуктивным. Студенты учатся высказывать свое мнение и воспринимать иную точку зрения, формируют умение анализировать и оценивать, в том числе собственные поступки [14, с. 19].

Исследователи [10; 12] отмечают необходимость развития критического мышления и утверждают, что процесс образования должен соответствовать требованиям современной действительности с ее сложными ситуациями и применять соответствующие подходы обучения, чтобы подготовить выпускников справляться с ними. При этом развитие критического мышления возможно на любых учебных материалах: учебниках, конспектах, раздаточном материале [9].

Не можем не согласиться с мнением, что критическое мышление предполагает понимание и размышление в каждой дисциплине, поэтому необходимо создать такие условия студентам, чтобы при выполнении любого задания в рамках дисциплины у них была возможность регулярно практиковать этот навык во всех учебных действиях: чтении, письме, говорении и выслушивании (аудировании) [10, р. 15]. В самом деле, учебные предметы дают возможность не только получать знания в определенной области, но и учиться задавать вопросы, собирать данные или информацию, делать выводы по полученным данным, выявлять скрытый смысл, учиться придавать смысл событиям и закономерностям событий, а также оценивать рассуждения других [10, р. 14].

В работе Д. Халперн представлено описание ряда научных исследований, подтверждающих необходимость и возможность развития и укрепления критического мышления. В них излагаются результаты и оценки программ, курсов, методик, которые были направлены на изменение уровня критического мышления и продемонстрировали положительные результаты. При этом результат доказывается не только тестированиями и проверками, но и признанием самих участников, которые указали на проявление каких-то новых умений реагировать и решать задачи в учебной и повседневной жизни [16, с. 26]. В этой связи Д. Халперн делает вывод, что студентов нужно и можно специально обучать навыкам критического мышления, уделяя им внимание через выполнение предназначенных для этого задач из разных сфер жизни [16, с. 28].

Г. В. Карпов и Е. Н. Лисанюк в своей практике целенаправленно обучают студентов критической аргументации, анализу текста, верификации фактов и обнаружению дефектов в аргументации. Их цель также направить студентов на освоение навыков порождения аргументации, выявления имплицитных посылок, на проверку релевантности фактов к обсуждаемой теме [18, с. 3963]. М. В. Солодихина и А. А. Солодихина описали методику работы с набором STEM-кейсов, показав возможности приобретения обучающимися навыков независимого аналитического мышления высшего порядка в рамках изучаемых академических дисциплин. Используемый преподавателями метод позволяет развивать у обучающихся «обязательные для инновационной деятельности творческий, рациональный, логический, рефлексивный и метакогнитивный компоненты мышления» [17, с. 147]. Т. В. Борзова с коллегами предложили развитие критического мышления путем анализа лирических произведений и интерпретации стихотворений, что, по мнению авторов, влияет на умение студентов выражать ценностное отношение к миру [19, с. 4]. Л. Ю. Глухов и З. С. Варфоломеева рекомендуют проектную деятельность как подходящее

условие для стимулирующей познавательной деятельности, актуализации когнитивных навыков и как возможность научиться адаптироваться в своей деятельности к изменяющимся внешним условиям [20].

На занятиях по иностранному языку Л. Ю. Тарасова создает условия для развития критического мышления студентов, используя проектную деятельность и обучение в сотрудничестве, предполагающее общение [4, с. 135]. Н. В. Киреева и Е. В. Чудинова практикуют работу с иноязычными продуктами средств массовой коммуникации как прием развития критического мышления, защищающего студентов от «бездумного потребления информации» [11, с. 30]. Е. Н. Романова предлагает включить критическое мышление в преподавание иностранного языка инклюзивным и интегральным способом – путем создания актуальных и интегрированных заданий, требующих исследования, чтения, обсуждения и презентации в устной и письменной формах. Примером такого задания может быть задание найти публицистические материалы статьи с разными взглядами на одну и ту же проблему. Это позволяет, по ее мнению, учиться эффективно структурировать и выражать свои мыслительные процессы на иностранном языке [21, с. 46]. Выделяют такие приемы и стратегии развития критического мышления на занятиях по иностранному языку, как графические организаторы, ментальные карты, концептуальное колесо, фишбоун, мозговой штурм, вебквест и др. [22, с. 232]. В работе В. В. Порошина описана близкая нашей позиции технология развития критического мышления с использованием аутентичных текстов [23, с. 54]. Ранее нами также рассматривалась попытка развития критического мышления на основе работы по учебному иноязычному тексту с заданиями, основывающимися на принципах таксономии Б. Блума [24].

В. D. Wale и K. S. Bishaw демонстрируют и подтверждают полученными данными эффективность предложенного ими метода (inquiry-based learning) по развитию ключевых умений критического мышления студентов, изучающих иностранный язык, в частности способность интерпретировать, анализировать, делать умозаключения, оценивать и объяснять. Студенты отмечают, что написание эссе давало им возможность тренировать свои умения рассуждать, предлагать убедительные аргументы и умозаключения. Они добавляют, что критическое мышление важно для их профессиональной сферы, оно дает им больше конкурентоспособности для достижения успехов в карьере, а еще помогает принимать правильные решения [9]. Их коллеги F. Ghaemi и S. J. G. Mirsaeed тоже провели подобное исследование и подтвердили такую возможность [12].

Признаем, что приведенные выше примеры – лишь малая часть всех исследований, освещающих интерес

преподавателей к развитию указанной способности студентов и возможностей разных дисциплин. Далее изложены результаты практической части исследования, проведенного в ходе дисциплины «Иностранный язык» для студентов неязыковых направлений.

По окончании второго года обучения иностранному языку был проведен письменный опрос среди студентов 2 курса неязыковых направлений. Данные опроса позволили выяснить представление студентов о термине *критическое мышление*, о его составляющих, о потенциале дисциплины «Иностранный язык» в формировании ключевых умений, составляющих способность критического мышления. Студенты также могли выразить свое отношение к применяемым на занятиях методам обучения с учетом их потенциала для развития критического мышления. Выполнение самостоятельных заданий и участие студентов в аудиторной работе помогли нам видеть процесс развития критического мышления в динамике. Оценивание письменных заданий, выполняемых в течение курса обучения, регулярно давало нам ответы и подтверждение, что изучение иностранного языка и работа студента, ответственно выполняющего задания, демонстрируют признаки развития критического мышления.

Одним из важных вопросов, по нашему мнению, выступает представление студентов о данном термине и умения и способности, являющиеся его составляющими. Если студент не имеет об этом понятия, то трудно продолжать дальше беседу и пытаться выяснить, например, способы развития критического мышления и его значимость.

Проведенный опрос показал, что студенты знакомы с этим термином, имеют свое представление о нем и покорились своей осознанностью и зрелостью мышления.

Первый вопрос был следующий: *Слышали когда-нибудь термин **критическое мышление**? Что вы в него включаете, ваше представление?*

Вот некоторые из полученных ответов:

- *На сколько я знаю, критическое мышление включает в себя сосредоточенность, генерацию нестандартных (нешаблонных) идей, умение аргументировать свою точку зрения;*
- *Логика, умение аргументировать;*
- *Оценка каких-либо фактов, сбор информации на основе каких-либо требований, проведение анализа и отбор наиболее важной информации;*
- *Анализ проблемы, проверка информации, сомнения в истинности, привычка постоянно задавать себе вопросы, критика, синтез;*
- *Умение анализировать ситуацию без помощи и советов со сторон, подвергать сомнению любую*

информацию, которую человек слышит, проверять факты даже если они кажутся очевидными;

- *По моему мнению, критическое мышление включает в себя способность анализировать, скептически относиться к вариантам решения ситуации, подходить с рациональной точки зрения, независимость собственного мнения;*
- *Осознанность своих действий, отсутствие пустых решений, точное понимание целей;*
- *Обнаружение проблемы или же вопроса, сбор информации, свои мысли и аргументы к ним, вывод.*

К первому вопросу было требование не пользоваться Интернетом для справки, выразить только свое представление об этом. В целом ответы нам показались достаточно взвешенными и адекватными, учитывая, что на занятиях тема критического мышления эксплицитно не поднималась. К тому же представляет интерес вопрос о возможности развивать критическое мышление обучающихся средствами иностранного языка. В данном вопросе только один участник выразил сомнение, указав, что «не уверен» в таком потенциале дисциплины «Иностранный язык».

На вопрос: *Какие типы заданий могут этому способствовать, по вашему мнению (например, переписывание готового текста из интернета и пр.), и какому умению способствовать (например, переписывание текста из интернета развивает способность переписывать тексты)*, мы получили убедительные ответы. Ниже представлены самые развернутые ответы студентов:

- *Написание эссе способствует развитию логики и построению единого текста. Задания в виде диалогов развивают коммуникационные навыки;*
- *Чтение статей из иностранных источников – изучение различных мнений и позиций. Написание сочинения – рассуждения на различные темы – формирует умение выразить свои мысли;*
- *Аудирование (просмотр интервью, слушать песни на иностранном языке) развивает способность воспринимать речь носителей на слух, если что-то непонятно, то мозг начинает подбирать подходящие по смыслу слова, чтобы закончить правильно мысль;*
- *Написание эссе развивает способность творчески мыслить, подбирая подходящие фразы, выражения, учит высказывать свои мысли на иностранном языке;*
- *По-моему мнению, определенные вопросы, по той или иной теме могут развивать критическое мышление, анализ текста. Вопросы способствуют стимулировать мозг на размышление, а анализ текста развивает такое качество, как анализ, что очень важно;*

- Увеличение багажа знаний (чтение книг, просмотр информационных роликов) увеличивает кругозор, количество фактов. Анализ ошибок при выполнении работ – приводит к возможному прогнозу будущих ошибок и более быстрому способу их нахождения;
- Реферирование помогает развить умение анализировать и кратко пересказывать текст. Написание эссе помогает развить умение правильно выражать свои мысли и развивать нужную тему. Также можно сказать о чтении текста, которое помогает нам выучить новые слова, их произношение и где их можно использовать;
- Реферирование и написание эссе. Данные задания развивают не только навык языка, но и помогают изучать информацию из разных областей науки, а также способствовать повышению качества отбора информации и ее анализа. Чтение текста на иностранном языке помогает студенту развить не только навык чтения и понимания текста, но и изучить различные точки зрения исследователей на, казалось бы, одинаковые проблемы или вопросы. Это формирует навык критики по отношению к какой-либо точке зрения;
- Перевод текстов – часто тексты иностранного происхождения на иностранном языке могут содержать искажённую информацию о действительности. Анализ и критика текстов. Задания на распознавание частей речи – глагол или герундий, существительное или глагол и т.д. Используя контекст и другие особенности следует научиться их распознавать. Синтаксический разбор, запоминание правил применения разных частей речи и умение их сопоставлять в разном контексте. Задания с омонимами и их разными значениями – запоминание разных значений и умение их сопоставлять в разной речевой ситуации.

Некоторые ответы студентов показывают, что они готовы к самостоятельному приобретению знаний и освоению умений. Своими рассуждениями доказывают зрелость мысли по отношению к трансформациям в высшем образовании, где традиционные подходы по передаче знаний сменились с пассивных на более динамичные действия самих студентов.

В письменном опросе и частично в беседе со студентами мы смогли выяснить их отношение к заданиям, которые они выполняли в течение двух лет данного курса, и способствовали ли они развитию запрашиваемой способности, каких именно умений и навыков. Студенты указали задания, выполненные ими в течение курса (написание сочинения, рассуждения на различные темы, чтение статей из иностранных источников, написание эссе на тему моей профессии, работа с информацией по выдающимся личностям, реферирование научных статей, ответы

на устные развернутые вопросы от преподавателя, диалог с преподавателем и др.), и те умения, на которые, по их мнению, они могут повлиять. Детальный подход студентов к обсуждению этого вопроса помог к тому же уточнить определение критического мышления и выявить потенциал применяемых методов, которые способствуют развитию навыка критического мышления студентов, изучающих иностранный язык.

В ответах часто упоминались задания, в которых действительно требуется умение работать с информацией, анализировать ее, выявлять ассоциации, правильно выражать свои мысли по темам, предложенным преподавателем. Студенты указали написание эссе, которые предлагаются как заключительное задание по прохождению каждой устной темы. Они также обратили внимание, что при их выполнении им приходилось логически строить свои высказывания, творчески мыслить и делать умозаключение по итогам своих размышлений. В реферировании научных статей они отмечают не только умение извлекать существенную информацию, структурировать и перефразировать, но и умение обоснованно согласиться (или не согласиться) с автором в конце реферирования.

Действительно, эссе и академическое письмо в целом описаны во многих исследованиях, которые указывают на их образовательный и развивающий потенциал. По выводам О. В. Коноваловой и Р. С. Дорохова, написание эссе является «одним из самых проверенных и показательных инструментов для развития критического мышления» [13, с. 75], с его помощью студенты могут погрузиться в тему, выразить свое аргументированное мнение. Так, эссе справедливо называют инструментом педагогического измерения, т. к. в нем «представлены результаты обучения: усвоенные лексико-грамматические средства, достигнутый уровень грамотности речи, сформированное умение логично мыслить, уровень общего кругозора и личностная зрелость. Иными словами, в тексте эссе проявляются предметное содержание обучения, универсальные учебные действия регулятивного, познавательного и коммуникативного типа, а также личностные результаты воспитания учащихся» [25, с. 258], что соответствует требованиям российского федерального государственного образовательного стандарта.

Зарубежные специалисты тоже высоко оценивают потенциал заданий по развитию письменной речи. Исследователи влияния тех или иных заданий и упражнений на развитие критического мышления студентов подтверждают эффективность академического письма для развития навыка критически осмысливать информацию или ситуацию и находят его важнейшим инструментом в развитии способности решать поставленные задачи (problem-solving), в принятии решений и навыков коммуникации, необходимых в будущей карьере студентов. Оно позволяет глубже изучать информацию

по теме, проясняя ее, работать с несколькими источниками, анализировать и обобщать их, оценивать извлеченные концепции, генерировать свои идеи [9].

Небезосновательно академическое письмо называют значимым инструментом для передачи важных идей, для обучения, оно позволяет углубить понимание важных понятий и прояснить взаимосвязи между ними. Регулярное выполнение письма помогает студентам развивать ясность, точность, четкость и логичность мысли. В письменной форме они могут ясно и точно анализировать и оценивать идеи, содержащиеся в текстах и в собственном мышлении, приводить соответствующие примеры, резюмировать информацию своими словами [10, р. 46].

В проанализированных ответах студентов отмечается, что чтение текстов на иностранном языке, в том числе из источников Интернета, является важным пунктом в развитии критического мышления. Чтение научно-популярных текстов по направлению подготовки и обработка полученной информации из нескольких источников дают возможность, по их словам, отработать навык синтеза, анализа, сравнения, структурирования и перефразирования.

В проведенном обзоре научной литературы нашли место исследования, которые подтверждают верность подобных суждений, объясняя тем, что, работая с текстом, студенты не только получают новую лексику и отрабатывают грамматические навыки, но и должны развивать умение выходить за рамки понимания текста, проверять достоверность источника для написания научной статьи или бизнес-отчета, извлекать необходимые факты, которые помогают приходиться к разумному суждению [6]. Так, интересное решение по развитию критического мышления студентов описано в исследовании A. Orhan, в котором рассматривается возможность использовать текст новостей из средств массовой информации для тренировки таких умений, как оценивать качество и точность изложенной информации, анализировать ее на основании проверенных данных или других надежных источников, воздерживаться от необдуманных умозаключений и не принимать мгновенных решений в своих суждениях [26].

Как пишут R. Paul и L. Elder, студенты, мыслящие критически, регулярно читают значимые тексты и тем самым расширяют свое мировоззрение. Читая текст, они осознают, что у него есть цель, он представлен в программе обучения не просто для чтения. Тщательное, изучающее чтение требует активного участия в чтении, студенты создают внутренний диалог с текстом, задавая вопросы, обобщая и связывая между собой важные идеи [10, р. 44]. Уже неоспоримо утверждение, что наличие трудностей в учебных заданиях активизирует мышление учащихся, поэтому необходимо сопроводить тексты заданиями,

которые вызывают умственную активность для решения мыслительных задач [27, с. 37]. Кроме того, работая с текстом, они демонстрируют такие навыки, как способность правильно его резюмировать, при необходимости передать своими словами, перефразировать, привести примеры из своего опыта или применить идеи из прочитанных текстов к своей жизни в будущем. Исследователи вопроса констатируют, что не все студенты могут проявить эти признаки осознанного чтения и критического осмысления прочитанного. Например, B. D. Wale и K. S. Bishaw по результатам проведенного ими анализа аналогичных исследований приходят к выводу, что для изучающих иностранный язык синтез источников информации, включая понимание, перефразирование и обобщение и выражение своих мыслей по прочитанному, может быть сложной задачей, и не все могут с ней справиться [9].

Один из лучших способов стимулировать критическое мышление – задавать вопросы. Согласно таксономии Б. Блума, навыки мышления делятся на навыки низшего и высшего порядка. Необходимо задавать вопросы, затрагивающие оба уровня мыслительных процессов, чтобы стимулировать критическое мышление [21, с. 47]. Верно также и заключение, что «способность обучаемых задавать хорошо поставленные вопросы тренирует память и критическое мышление как у самих авторов вопросов, так и у тех, кому они адресуются» [22, с. 234].

Наш практический опыт, как описанный ранее [24], так и наблюдение в ходе настоящего исследования показывают необходимость предоставления такого учебного материала и установок, которые мотивируют студентов не только пересказывать изученный текст, но и задавать возникающие вопросы, интерпретировать прочитанное, пытаться предсказывать и оценивать описанную ситуацию. Они учатся сопоставлять информацию в изучаемом тексте или задании с примерами и фактами из своего опыта, т. е. проводят логическую связь между данными. В этой связи верно утверждение Н. Ф. Плотниковой о том, что критическое мышление возникает в процессе решения задач, включая «поиск наиболее рационального способа их решения, оценки результатов деятельности, поведения и подтверждения выводов» [14, с. 10].

Кроме того, к нашему «педагогическому удовлетворению» некоторые студенты высказались, что стали критически относиться к легкомысленному использованию интернет-переводчика при выполнении своих письменных работ, благодаря многочисленным примерам из практики и регулярным рекомендациям преподавателей они также научились подвергать сомнению грамотность перевода обозначенного сервиса.

По результатам работы со студентами и по опросу мы отметили значительное пересечение в их знаниях и умениях с проанализированными данными

по исследуемой теме. Показатели, сформулированные нами на основании анализа научно-педагогических исследований, позволили оценивать их устные и письменные работы не только с точки зрения владения ими языковой компетенцией, но отмечать самостоятельность их суждений, способность выражать свою точку зрения и объективно относиться к иной точке зрения, логически связывать имеющуюся информацию с окружающей действительностью. Их реакция и работа на занятиях, их отношение к выполняемым заданиям в курсе данной дисциплины продемонстрировали осознание потенциала отдельно взятой дисциплины в своем становлении и стремлении освоить требуемые профессионально-значимые компетенции.

Заключение

Изучение зарубежного и отечественного опыта позволило нам уточнить суть критического мышления, сформулировать показатели его определения у студентов; анализ методов, способствующих его развитию, дал возможность объективно считать их приемлемыми в качестве средств развития данной способности.

В итоге мы пришли к выводу, что студент, который в течение курса обучения получил не только знания, но и через сложную схему переплетения и взаимодействия образовательных дисциплин смог, а вернее, дал себе такую возможность тренировать свои интеллектуальные способности, демонстрирует в своих предположениях и умозаключениях:

- самостоятельность суждения и оценки в отношении полученной информации;
- высказывает свою точку зрения на основе своего опыта или верифицированных данных;
- принимает существование вариативности взглядов, что позволяет ему объективно относиться к иной точке зрения;
- способен логически связывать имеющуюся информацию с окружающей действительностью для успешного решения задач.

Предложенные показатели являлись значимым критерием в оценивании учебного продукта студентов, будь то устная работа в аудитории или письменная, выполненная самостоятельно.

Выполняя данное исследование, мы не только убедились в справедливом признании многогранности дисциплины «Иностранный язык», но и подтвердили эффективность методов, применяемых в курсе обучения. В анализе выполняемых заданий и аудиторной активности студентов отмечается их самостоятельность и активизация познавательного интереса, которые они демонстрируют своими примерами и фактами, логично дополняющими их ответы и рассуждения. Заметим, что любая дисциплина, представленная учебным планом любого направления

бакалавриата, несет потенциал не только предоставления базовых знаний, но и возможность отработки первоначальных навыков. Регулярное выполнение таких заданий, как реферирование иноязычной статьи, написание эссе, обсуждение и осмысление текста, позволяет развивать ряд мыслительных навыков, включая толкование (интерпретация), анализ, оценка, объяснение, умозаключение. Факты и информация, полученные студентами в процессе обучения, а также принятие разных точек зрения об окружающей действительности помогают адаптироваться и адекватно реагировать на изменения в социокультурной и профессиональной среде.

Осмелимся предположить, что представленная работа может встать в один ряд с исследованиями, подтверждающими универсальность дисциплины «Иностранный язык», дидактические возможности методов и подходов, участвующих во всестороннем развитии студентов. В качестве вывода предлагается использовать потенциал дисциплины не только для развития языковой и коммуникативной компетенций, но и для развития навыков критического мышления. Согласимся, что оно обеспечивает объективное, самостоятельное восприятие информации и помогает взвешено пользоваться ею для решения стоящих перед формирующимися молодыми специалистами задач.

Рассмотрение подходов к развитию универсальных компетенций студентов средствами дисциплины «Иностранный язык» остается в приоритете наших исследовательских интересов. В связи с этим представляется возможным дальнейшее исследование влияния тех или иных методов обучения на примере последующего выпуска студентов неязыковых направлений, изучающих иностранный язык. Анализ выполненных в рамках текущего исследования письменных работ студентов, их формулировки и проведение логических связей в них показывают способность студентов критически осмысливать информацию и излагать ее, что также может выступать отдельным лингво-педагогическим исследованием.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Царева Е. Е., Сабирзянова Г. Ш., Газизова А. И. Социокультурная компетентность студентов инженерного вуза в контексте технокоммуникации. *Современные проблемы науки и образования*. 2024. № 3. [Tsareva E. E., Sabirzyanova G. Sh., Gazizova A. I. Sociocultural competence of engineering university students in the context of technocommunications. *Modern Problems of Science and Education*, 2024, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.33464>
2. Миркина Ю. З., Сучок А. А. Роль критического мышления в подготовке педагогических кадров. *Современные проблемы науки и образования*. 2024. № 3. [Mirkina Y. Z., Suchok A. A. The role of critical thinking in teacher training. *Modern Problems of Science and Education*, 2024, (3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.33418>
3. Барбашина Э. В., Гуляевская Н. В. Критическое мышление и его изучение как дисциплины в высших учебных заведениях. *Профессиональное образование в современном мире*. 2023. Т. 13. № 3. С. 424–432. [Barbashina E. V., Guljaevskaja N. V. Critical thinking and its study as a discipline in higher education institutions. *Professional education in the modern world*, 2023, 13(3): 424–432. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2023-3-2>
4. Тарасова Л. Ю. Развитие критического мышления студентов-экономистов при изучении иностранного языка. *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 1. С. 134–136. [Tarasova L. Yu. Development of critical thinking of economics students when learning a foreign language. *The World of Science, Culture, Education*, 2023, (1): 134–136. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-133-136>
5. Барбашина Э. В. Критическое мышление и его необходимость для системы высшего образования. *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. Т. 12. № 1. С. 20–28. [Barbashina E. V. Critical thinking and its necessity for the system of higher education. *Professional education in the modern world*, 2022, 12(1): 20–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-1-3>
6. Hirai A., Oka H., Kato T., Maeda H. Development and validation of an English test measuring EFL learners' critical thinking skills. *Language Testing in Asia*, 2022, 12(45). <https://doi.org/10.1186/s40468-022-00193-2>
7. Spector J. M., Ma S. Inquiry and critical thinking skills for the next generation: From artificial intelligence back to human intelligence. *Smart Learning Environments*, 2019, 6(8). <https://doi.org/10.1186/s40561-019-0088-z>
8. Sato T. Assessing critical thinking through L2 argumentative essays: An investigation of relevant and salient criteria from raters' perspectives. *Language Testing in Asia*, 2022, 12(9). <https://doi.org/10.1186/s40468-022-00159-4>
9. Wale B. D., Bishaw K. S. Effects of using inquiry-based learning on EFL students' critical thinking skills. *Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education*, 2020, 5(9). <https://doi.org/10.1186/s40862-020-00090-2>
10. Paul R., Elder L. *A guide for educators to critical thinking competency standards: Standards, principles, performance indicators, and outcomes with a critical thinking master rubric*. Dillon Beach, CA: Foundation for Critical Thinking, 2005, 65.
11. Киреева Н. В., Чудинова Е. В. Развитие критического мышления как способ преодоления формирования упрощенного мышления в эпоху цифровизации образования. *Высшее образование сегодня*. 2021. № 9-10. С. 29–33. [Kireeva N. V., Chudinova E. V. The development of critical thinking as a way to overcome the formation of simplified thinking in the era of digitalization of education. *Higher education today*, 2021, (9-10): 29–33. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25586/RNU.HET.21.09-10.P.29>
12. Ghaemi F., Mirsaed S. J. G. The impact of inquiry-based learning approach on critical thinking skill of EFL students. *EFL Journal*, 2017, 2(2): 89–102. <http://dx.doi.org/10.21462/eflj.v2i2.38>
13. Коновалова О. В., Дорохов Р. С. Методические аспекты развития критического мышления студентов факультета иностранных языков направления подготовки «Педагогическое образование». *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2022. Т. 27. № 1. С. 68–78. [Konovalova O. V., Dorokhov R. S. Methodic aspects of the development of critical thinking of ESL students majoring in pedagogical education. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 2022, 27(1): 68–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-1-68-78>
14. Плотникова Н. Ф. Формирование критического мышления студентов вуза в условиях командной формы организации обучения. Казань: Казанский университет, 2015. 84 с. [Plotnikova N. F. *Developing critical thinking in university students using team training environment*. Kazan: Kazan University, 2015, 84. (In Russ.)]
15. Корешникова Ю. Н., Авдеева Е. А. Заинтересовать нельзя заставить. Роль академической мотивации и стилей преподавания в развитии критического мышления студентов. *Вопросы образования*. 2022. № 3. С. 36–66. [Koreschnikova Yu. N., Avdeeva E. A. Interest cannot be forced. The role of academic motivation and teaching styles in the development of students' critical thinking. *Educational Studies*, 2022, (3): 36–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-36-66>
16. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2002. 503 с. [Halpern D. *Critical Thinking in Psychology*. St. Petersburg: Piter, 2002, 503. (In Russ.)]

17. Солодихина М. В., Солодихина А. А. Развитие критического мышления магистрантов с помощью STEM-кейсов. *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 3. С. 125–153. [Solodikhina M. V., Solodikhina A. A. Development of critical thinking of master's degree students using STEM cases. *The Education and Science Journal*, 2019, 21(3): 125–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-3-125-153>
18. Карпов Г. В., Лисанюк Е. Н. Практическая философия обучения аргументации и критическому мышлению. *Профессиональное образование в современном мире*. 2020. Т. 10. № 3. С. 3959–3970. [Karpov G. V., Lisanyuk E. N. Practical philosophy of teaching argumentation and critical thinking. *Professional education in the modern world*, 2020, 10(3): 3959–3970. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15372/PEMW20200307>
19. Борзова Т. В., Калугина Н. А., Сандакова Е. Н., Каменева-Любавская Е. Н. Развитие критического мышления студентов в процессе обучения пониманию методологических текстов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 1. С. 1–7. [Borzova T. V., Kalugina N. A., Sandakova E. N., Kameneva-Lubavskaya E. N. Developing the critical thinking in university students while teaching them methodological reading comprehension. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 1–7. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-1-7>
20. Глухов Л. Ю., Варфоломеева З. С. Проектное обучение как средство развития критического мышления бакалавров в образовательном процессе высшей школы. *Современные проблемы науки и образования*. 2022. № 4. [Glukhov L. Y., Varfolomeeva Z. S. Project training as a means of developing the critical thinking of bachelors in the educational process of higher education. *Modern Problems of Science and Education*, 2022, (4). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.31891>
21. Романова Е. Н. Развитие навыков критического мышления студентов в преподавании иностранного языка. *Гуманитарный научный вестник*. 2024. № 4. С. 45–49. [Romanova E. N. Developing students' critical thinking skills in foreign language teaching. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2024, (4): 45–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.11064719>
22. Жогова И. Г., Кузина Е. В. Развитие критического мышления в контексте профессионально-ориентированного обучения студентов высшей школы. *Язык и культура*. 2017. № 38. С. 227–239. [Zhogova I. G., Kuzina E. V. Developing critical thinking skills in the professional education of higher school students. *Language and Culture*, 2017, (38): 227–239. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/38/15>
23. Порошин В. В. Использование аутентичных текстов для развития критического мышления студентов неязыковых направлений подготовки. *Державинский форум*. 2022. Т. 6. № 1. С. 53–60. [Poroshin V. V. The use of authentic texts for the development of critical thinking of students of non-linguistic fields of study. *Derzhavin Forum*, 2022, 6(1): 53–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxqfwi>
24. Шукурова И. В., Чеснокова Н. Е. Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений подготовки на основе учебных иноязычных текстов. *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 2. С. 124–134. [Shukurova I. V., Chesnokova N. E. Critical thinking development of non-linguistic students through the educational foreign-language text. *Pedagogical Review*, 2021, (2): 124–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-2-124-134>
25. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Эссе как жанр, прием обучения и инструмент педагогического измерения. *Язык и культура*. 2020. № 49. С. 255–275. [Millrood R. P., Maksimova I. R. Essays as a genre, teaching technique and pedagogical measurement tool. *Language and Culture*, 2022, (49): 255–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19996195/49/17>
26. Orhan A. Fake news detection on social media: The predictive role of university students' critical thinking dispositions and new media literacy. *Smart Learning Environments*, 2023, 10(29). <https://doi.org/10.1186/s40561-023-00248-8>
27. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. М.: Высш. шк., 1987. 208 с. [Folomkina S. K. *Teaching reading in a foreign language at a non-linguistic university*. Moscow: Vyssh. shk., 1987, 208. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ocbaqx>

Диадное учебное исследование с математическим контекстом как средство диагностики уровня сформированности метапредметных умений школьников

Позднякова Елена Валерьевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 6505-2993

<https://orcid.org/0000-0003-0356-3610>

suppesev@mail.ru

Аннотация: Актуализируется проблема выбора и проектирования диагностического инструментария для оценки уровня развития метапредметных умений обучающихся средствами предметов математического блока в 5–9 классах. Цель – представить диагностический инструментарий на основе диадных учебных исследований по предметам математического блока для комплексной оценки уровня сформированности универсальных учебных действий обучающихся 5–9 классов. В качестве указанного инструментария предлагается использовать диадное учебное исследование с математическим контекстом, которое организуется в форме парной работы на основе метапредметного задания. Основными параметрами проектируемых оценочных средств выступают деятельностный и контекстный характер оценочных ситуаций, стремление к комплексной оценке метапредметных умений, использование уровневого подхода. Управление деятельностью ученика при выполнении учебного исследования осуществляется через учебно-исследовательскую карту, с помощью которой регламентируется последовательность действий обучающегося, а также степень самостоятельности их выполнения. В результате приведена модель учебно-исследовательской карты, которая проиллюстрирована примером (вариант для ученика и образец его выполнения). Определены критерии уровней развития универсальных учебных действий: мотивационный, когнитивный, деятельностный и результативный, а также конкретизирующие их показатели. В зависимости от степени самостоятельности ученика и качества выполняемых действий выделено шесть уровней развития метапредметных умений учащихся 5–9 классов. В итоге качество и эффективность спроектированного диагностического инструментария доказываются с помощью вычисления коэффициентов корреляции Спирмена, характеризующих такие показатели, как надежность и валидность, а также результатов анкетирования учителей математики школ Кузбасса, принимающих участие в апробации авторской методики.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, метапредметные умения, учебное исследование, учебно-исследовательская карта, диагностический инструментарий, уровни развития метапредметных умений, обучение математике

Цитирование: Позднякова Е. В. Диадное учебное исследование с математическим контекстом как средство диагностики уровня сформированности метапредметных умений школьников. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 525–538. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-525-538>

Поступила в редакцию 23.07.2024. Принята после рецензирования 26.08.2024. Принята в печать 02.09.2024.

full article

Mathematical Research Task in Pairs as a Means of Assessing Meta-Subject Skills in Schoolchildren

Elena V. Pozdnyakova

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 6505-2993

<https://orcid.org/0000-0003-0356-3610>

suppesev@mail.ru

Abstract: Mathematics can offer a number of diagnostic tools to assess the level of meta-subject skills in students of 5–9 grades. The author developed a math task for paired work as a comprehensive assessment tool for universal academic skills. As students worked in pairs to perform a mathematical study, the author used a tiered approach to assess their soft skills in a particular context. The task included a roadmap that made it possible to control the sequence of actions and independence of their implementation. The motivational, cognitive, activity-based, and productive development criteria were specified by different indicators. The meta-subject skills fell into six levels depending on the degree of individual performance and the quality of the actions performed. The Spearman correlation coefficient demonstrated the reliability and validity of the new diagnostic tool. The method was tested in Kuzbass schools, and teachers of mathematics pointed out its efficiency. The article offers a sample of a roadmap for a math task to be prepared in pairs by 5–9-graders.

Keywords: universal learning activities, meta-subject skills, research task, academic and research map, diagnostic tools, levels of development of meta-subject skills, teaching mathematics

Citation: Pozdnyakova E. V. Mathematical Research Task in Pairs as a Means of Assessing Meta-Subject Skills in Schoolchildren. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 525–538. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-525-538>

Received 23 Jul 2024. Accepted after review 26 Aug 2024. Accepted for publication 2 Sep 2024.

Введение

Формирование универсальных учебных действий (УУД) является одной из задач обновленного стандарта основного общего образования. УУД определяют способность человека к самостоятельному познанию мира через выстраивание эффективной познавательной, регулятивной и коммуникативной деятельности. Такие умения лежат в основе функциональной грамотности – ведущего тренда школьного российского образования. В Федеральных рабочих программах основного общего образования по учебному предмету «Математика» определены УУД с учетом специфики предмета, конкретизировано понятие функциональной математической грамотности как совокупности умений, обеспечивающих многогранное использование математики как инструмента системного познания мира и решения практико-ориентированных задач¹. Поэтому закономерно, что одной из актуальных методических проблем является выбор или проектирование эффективного диагностического инструментария для определения уровня развития УУД обучающихся 5–9 классов, формируемых в процессе математической подготовки.

В методических рекомендациях по достижению предметных и метапредметных результатов в рамках изучения предметов математического блока в 5–9 классах, подготовленных авторским коллективом института стратегии развития образования РАО (ИСПО РАО), отмечается приоритет уровневого подхода и технологий проектной и исследовательской деятельности для оценивания УУД школьников [1].

Большинство методистов предлагает диагностировать отдельные структурные элементы выделенных групп УУД, применяя для этого соответствующий методический инструментарий:

- метапредметные задания, составленные на основе специальных шаблонов – конструкторов [2–4];
- обучающие тесты на математическом содержании [5];
- диагностические задания, индуцирующие рефлексивно-оценочную деятельность обучающихся [6];
- бипредметный мониторинг предметных и познавательных метапредметных умений [7];
- метапредметные олимпиады [8];
- проектируемые веб-приложения для диагностики познавательных УУД [9];

¹ Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования. Приказ Министерства просвещения РФ № 370 от 18.05.2023 (ред. от 19.03.2024). СПС КонсультантПлюс.

- анкеты для оценивания регулятивных УУД обучающихся 5–11 классов в дистанционном формате [10];
- текстовые сюжетные задачи с параметром для диагностики познавательных исследовательских действий [11];
- нестандартные математические задачи для определения уровня сформированности познавательных УУД [12].

Таким образом, имеющийся в настоящее время в теории и практике обучения математике диагностический инструментальный позволяет оценить уровень развития отдельных групп УУД школьников. Проблема комплексного оценивания всех выделенных групп УУД остается актуальной.

Цель – представить диагностический инструментальный на основе диадных учебных исследований по предметам математического блока для комплексной оценки уровня сформированности УУД обучающихся 5–9 классов.

Методы и материалы

Для реализации поставленной цели был применен комплекс теоретических и эмпирических методов: сравнительный анализ психолого-педагогической и методической литературы; методологический анализ федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования; анализ учебных программ по математике для общего образования, учебников, задачник и методических материалов по общеобразовательному курсу математики и методике его освоения; анализ и обобщение отечественного и зарубежного педагогического опыта; моделирование; педагогическое наблюдение; анкетирование.

В Федеральной рабочей программе по математике конкретизированы познавательные, коммуникативные и регулятивные УУД с учетом специфики математической деятельности. Многоэлементный и зачастую пересекающийся состав указанных действий затрудняет процесс их формирования и диагностики. Для оптимизации состава УУД и эффективного мониторинга их развития мы объединяем названные действия в совокупность метапредметных умений.

Метапредметные умения будем понимать как «освоенные способы выполнения универсальных учебных действий, обусловленные системой мотивов и личностных смыслов, детерминирующие познавательную активность личности в процессе математической деятельности на основе усвоенных знаний и субъективного опыта» [13, с. 24]. Проведя структурно-семантический анализ УУД, были определены ключевые метапредметные умения:

- *познавательные*: доказательно рассуждать и формулировать выводы; выдвигать и обосновывать гипотезы, проводить экспериментирование по установлению особенностей математических

- объектов; выполнять действия по работе с информацией (осуществлять поиск в различных источниках, включая цифровые образовательные ресурсы, критически анализировать, сравнивать, обрабатывать и структурировать информацию); строить и исследовать математические модели;
- *коммуникативные*: использовать вопросно-ответные процедуры как инструмент познания в математике; владеть устной и письменной монологической речью на всех этапах математической деятельности; организовывать и осуществлять сотрудничество для решения учебной математической задачи;
- *регулятивные*: составлять план, алгоритм решения задачи и прогнозировать процесс ее решения; анализировать результат решения учебной математической задачи [13, с. 23].

В методических рекомендациях ИСО РАО отмечается, что «оценивание метапредметных результатов базируется на уровне подходе и осуществляется в ходе оценки процесса и результатов выполнения учебных исследований и проектов» [1, с. 14]. Соглашаясь с данным утверждением, в качестве основного средства диагностики уровня развития УУД выберем учебное исследование.

По мнению В. А. Далингера и О. О. Князевой, учебное исследование – это вид познавательной деятельности, направленной на самостоятельное выявление учащимися новых для них знаний и способов деятельности; при этом целью учебного исследования является достижение образовательных результатов [14]. В основе учебного исследования лежит исследовательское задание, которое назовем *метапредметным*. В методической литературе существуют некоторые нюансы в определении метапредметного задания. Так, Н. С. Подходова и К. В. Панова указывают, что метапредметное задание создает проблемную ситуацию, имеющую место в реальной действительности или обладающую межпредметным контекстом [15]. Л. С. Илюшин подчеркивает практическую направленность метапредметного задания и необходимость наличия предметных и метапредметных знаний для ее решения [16]. Авторский коллектив под руководством Л. В. Шкериной понимает под метапредметным заданием такое задание, которое сформулировано в контексте предметного содержания и требует применения УУД для его выполнения [7]. В работе Е. В. Поздняковой и А. В. Фоминой метапредметное задание раскрывается через его особенности: предложенная в задании ситуация реальной действительности и возможность ее решения математическими средствами; отсутствие рационального условия для достижения практической цели и его поиск методами творческой деятельности; использование в решении метода математического моделирования;

использование метода групповой работы и метода рефлексии [17].

Таким образом, учитывая многогранность данного понятия, определим метапредметное задание как «задание, сформулированное в контексте предметного содержания, имеющее ярко выраженную практическую направленность и предполагающее для его выполнения наличия предметных знаний и метапредметных умений» [18, с. 214].

Автор статьи ставит задачу комплексной диагностики всех выделенных групп УУД, поэтому организуется *диадное* учебное исследование в форме парной работы обучающихся, которое позволит оценить не только познавательные и регулятивные УУД, но и коммуникативные.

Результаты

Для овладения процессуальной и содержательной составляющими учебного исследования были спроектированы учебно-исследовательские карты (УИК). По форме УИК аналогична рабочей печатной тетради с пропусками. Такая карта регламентирует порядок, последовательность и сроки выполнения серии задач, включенных в учебное исследование. Проектируя УИК, мы придерживались следующих принципов:

1. *Принцип проблемности.* Данный принцип заключается в том, что ученику для самостоятельного решения предлагается метапредметное задание, индуцирующее *диадное* учебное исследование.

2. *Принцип комплексности.* Названный принцип предполагает диагностику всех видов УУД, которая осуществляется на основе серии задач, связанных с исходным метапредметным заданием.

3. *Принцип научности.* «Содержание и структура диагностических заданий должны соответствовать основным положениям педагогической диагностики и методики обучения математике; критерии и показатели сформированности каждого вида УУД должны быть четко сформулированы» [19, с. 173].

4. *Принцип дозированной помощи.* «При составлении диагностических заданий предполагается проектирование дозированной помощи, которая регламентирует степень самостоятельности ученика в выполнении задания и, в конечном итоге, определяет уровень сформированности универсальных учебных действий» [19, с. 173].

Структура карты варьируется в зависимости от дидактической темы и условия метапредметного задания, однако можно выделить три основных блока: целевой (дидактическая тема и условие задачи); поисковый (вопросы – подсказки и задания, помогающие в решении исходной задачи); оценочно-

результативный (вопросы, нацеленные на анализ результата и рефлексия). Именно задания второго и третьего блоков позволяют оценить уровень развития УУД. Для конструирования таких заданий можно применять специальные шаблоны – конструкторы. Модель диагностической УИК представлена на рисунке 1.

Для оценки сформированности ключевых метапредметных умений необходимо определить уровни, критерии и определяющие их показатели. Критерий будем понимать как некоторый признак, на основе которого производится оценка. Критерии конкретизируются показателями, которые можно измерить с помощью методик. Показатель является реальным проявлением критерия оценки качества педагогического процесса.

Нами были определены следующие критерии сформированности ключевых метапредметных умений: когнитивный (наличие системы знаний о средствах и способах выполнения УУД), деятельностный (освоение совокупности действий, составляющих структуру ключевых УУД), мотивационный (понимание и положительная оценка обучающимися значимости освоения ключевых УУД), результативный (результат выполнения действий обучающимися) (табл. 1).

Разработчиками стандартов констатируется постепенное усложнение уровня владения УУД: от учебных действий, осваиваемых под руководством учителя, к самостоятельному их использованию при осуществлении учебной и учебно-исследовательской деятельности, а также к новой внутренней позиции обучающегося – направленности на самостоятельный познавательный поиск, постановку учебных целей, освоение и самостоятельное осуществление контрольных и оценочных действий, инициативу в организации учебного сотрудничества². Данное положение устанавливает логическую связь УУД и познавательной самостоятельности обучающихся. В психолого-педагогической литературе познавательная самостоятельность – это готовность (способность и стремление) своими силами вести целенаправленную познавательную деятельность [20].

В соответствии с уровнями познавательной самостоятельности мы выделили три уровнях этапа сформированности УУД: репродуктивный – *Ведомый* (5–6 класс), реконструктивно-вариативный – *Инициатор* (7–8 класс), творческий – *Стратег* (9 класс). Каждый уровень определяется степенью самостоятельности ученика в выполнении диагностического задания (метапредметной исследовательской задачи), а именно характером оказываемой дозированной помощи. На репродуктивном уровне дозированная помощь может быть представлена в виде нескольких

² Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования. Приказ Минпросвещения России № 287 от 31.05.2021 (ред. от 22.01.2024). СПС КонсультантПлюс.


вариантов ответов, ответов с пропусками, образца решения аналогичной задачи. Реконструктивно-вариативный уровень предполагает наличие эвристических подсказок в форме готовой математической модели (чертежа, схемы, графа, таблицы), основной идеи решения, наводящих вопросов – подсказок и т. д. Творческий уровень означает отсутствие дозированной

помощи и максимальную степень самостоятельности ученика в выполнении метапредметного задания.

Опираясь на исследования ученых [21–24], на каждом уровне этапе выделим три уровня развития ключевых метапредметных умений: первый (базовый), второй (средний), третий (высокий). Уровни отличаются друг от друга переходом к более сложным

Рис. 1. Модель диагностической УИК

Fig. 1. Diagnostic academic and research roadmap

| | |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------|
|  <p>Задача {условие задачи}</p> | <p>ДИДАКТИЧЕСКАЯ ТЕМА ___ КЛАСС Вариант ___</p> |
| <p>Регулятивные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> составлять план, алгоритм решения задачи и прогнозировать процесс ее решения | |
| <ol style="list-style-type: none"> Сформулируйте цель своей деятельности, направленной на решение предложенной задачи. Составьте план действий по достижению цели ИЛИ в предложенном плане действий по достижению цели добавьте недостающие пункты. | |
| <p>Познавательные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> проводить доказательные рассуждения и формулировать выводы; выдвигать и обосновывать гипотезы, проводить экспериментирование по установлению особенностей математических объектов; выполнять действия по работе с информацией; строить и исследовать математические модели. | |
| <ol style="list-style-type: none"> Решите задачу другим способом Как изменится решение задачи, если... Возможно ли {выполнение некоторого действия}... Заполните пропуски в решении / доказательстве / рассуждениях... На основе анализа запишите логические рассуждения... Обобщите задачу и решите ее Сформулируйте вывод Выскажите гипотезу ... Обоснуйте свое предположение Запишите кратко условие задачи На основе таблицы / схемы / графика... выполните {действие} Используя поисковую систему сети Интернет, узнайте... Заполните пропуски в таблице / построении графа... Составьте таблицу / схему / граф Предложите альтернативные математические модели Нарисуйте {модель заданной ситуации} / Постройте чертеж... | |
| <p>Коммуникативные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> использовать вопросно-ответные процедуры как инструмент познания в математике; владеть устной и письменной монологической речью на всех этапах математической деятельности; организовывать и осуществлять сотрудничество для решения учебной математической задачи. | |
| <ol style="list-style-type: none"> Изменив условие задачи, составь аналогичную по требованию задачу и реши ее. Предложи свою задачу партнеру по работе. В сотрудничестве с партнером по работе сформулируйте вопросы, которые помогли бы вам исследовать проблему... | |
| <p>Регулятивные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> анализировать процесс и результат решения учебной математической задачи | |
| <ol style="list-style-type: none"> Проанализируйте результат решения исходной задачи и сделайте выводы. Оцените свою работу, употребив «Я – высказывание». | |

и измененным качествам умений: состав и качество выполняемых операций, рациональная последовательность их выполнения, осознанность действия в целом (табл. 2).

Таким образом, было получено шесть уровней развития метапредметных умений: ведомый – базовый (ВБ), ведомый – средний (ВС), ведомый – высокий (ВВ), инициатор – базовый (ИБ), инициатор – средний (ИС), инициатор – высокий (ИВ), стратег – базовый (СБ), стратег – средний (СС), стратег – высокий (СВ).

В таблице 3 представлен пример показателей уровня сформированности метапредметного умения составлять план, алгоритм решения задачи и прогнозировать процесс ее решения в соответствии с результатом выполнения задания в УИК.

Нами разработаны диагностические учебно-исследовательские карты для дидактических тем

математики 5–6, алгебры 7–9 и геометрии 7–9 классов. Для каждого класса представлено три варианта УИК по разным дидактическим темам; варианты отличаются уровнем сложности метапредметного задания, индуцирующего учебное исследование. Приводится изначальный вид карты (для ученика) и образец заполненной карты (для учителя). За каждое отдельное задание можно получить 1–3 балла. 3 балла соответствуют высокому уровню развития УУД, 2 балла – среднему, 1 балл – базовому (табл. 2).

УИК в формате Word представлены на авторском цифровом ресурсе «Развитие метапредметных умений и математической грамотности обучающихся 5–9 классов в процессе математической подготовки (дидактический инструментарий учителя математики)»³. Приведем пример УИК для ученика 8 класса⁴ (рис. 2) и ее заполненный вариант (рис. 3).

Табл. 1. Пример критериев и показателей сформированности метапредметного умения: проводить доказательные рассуждения и формулировать выводы

Tab. 1. Criteria and indicators of meta-subject skill development: conduct evidence-based reasoning and formulate conclusions

| Критерии | Показатели |
|------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Когнитивный: учащийся знает | <ul style="list-style-type: none"> • проводить доказательные рассуждения и формулировать выводы |
| Деятельностный: учащийся выполняет | <ul style="list-style-type: none"> • правила применения математических понятий, фактов, процедур и инструментов для получения решения или выводов; • алгоритмы выявления математических закономерностей и взаимосвязей между математическими понятиями или величинами; • правила установления причинно-следственных связей для обоснования решения и проведения доказательства математических утверждений; • критерии выбора способа решения задачи; • алгоритмы оценивания и интерпретации математического решения задачи |
| Мотивационный: учащийся проявляет позитивное отношение и интерес | <ul style="list-style-type: none"> • процедуру решения задачи и формулирования вывода на основе применения математических понятий, фактов, процедур и инструментов; • различные алгоритмы выявления математических закономерностей и взаимосвязей между математическими понятиями или величинами; • обоснование решения задачи и доказательство математического утверждения на основе установления причинно-следственных связей; • выбор способа решения задачи; • процедуру оценивания и интерпретации математического решения задачи |
| Результативный: учащийся демонстрирует | <ul style="list-style-type: none"> • к решению задач и формулированию выводов на основе математических понятий, фактов, процедур и инструментов; • к выявлению математических закономерностей и взаимосвязей между математическими понятиями или величинами; • к установлению причинно-следственных связей для обоснования решения или проведения доказательства математических утверждений; • к процедуре выбора способа решения задачи; • к процедуре оценивания и интерпретации математического решения задачи |

³ Позднякова Е. В. Цифровой образовательный ресурс «Развитие метапредметных умений и математической грамотности обучающихся 5–9 классов в процессе математической подготовки (дидактический инструментарий учителя математики)». URL: <https://sites.google.com/view/uud-mathematics/главная-страница> (дата обращения: 23.05.2024).

⁴ Алгебра. 8 класс: учебник для общеобразовательных организаций, ред. С. М. Никольский, М. К. Потапов, Н. Н. Решетников, А. В. Шевкин. М.: Просвещение, 2014. 301 с.

Табл. 2. Уровни сформированности ключевых метапредметных умений обучающегося

Tab. 2. Development levels of key meta-subject skills of a student

| Первый уровень (базовый) | Второй уровень (средний) | Третий уровень (высокий) |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <ul style="list-style-type: none"> • проявляет невысокую степень понимания необходимости развития УУД, ситуативный характер познавательной потребности; • знает алгоритм выполнения отдельных операций, средства и способы выполнения УУД, но затрудняется в определении целостной и рациональной последовательности выполнения операций УУД; • выполняет действия, зачастую нарушая их последовательность; • демонстрирует верное и адекватное выполнение действия в целом только при непосредственной помощи (учителя); • может допускать ошибки в выполнении действия | <ul style="list-style-type: none"> • проявляет осознание значимости УУД, устойчивую познавательную потребность и интерес; • знает целостную последовательность выполнения операций УУД, некоторые средства и способы выполнения УУД; • умеет правильно выполнить УУД, но последовательность операций не всегда продумана; • демонстрирует верное и адекватное выполнение действия в целом, но недостаточно детально или с недочетами | <ul style="list-style-type: none"> • проявляет высокую степень понимания личностной значимости УУД, высокую и устойчивую познавательную потребность и интерес; • знает целостную последовательность выполнения операций УУД, продуктивные средства и способы выполнения УУД; • выполняет действия последовательно, быстро и правильно; • демонстрирует верное и адекватное, самостоятельное выполнение действия |

Табл. 3. Показатели уровня сформированности регулятивных метапредметных умений

Tab. 3. Indicators of meta-subject skill development: planning and prognosing

| Тип задания | Базовый уровень | Продвинутый уровень | Высокий уровень |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Сформулируйте цель своей деятельности, направленной на решение предложенной задачи (выберите один из предложенных вариантов) | Выбран вариант, озвученный в формулировке самого задания (не выполнена операция переформулирования) | Выбран вариант, отражающий «не детализированную» цель (не полный ответ) или только часть цели | Выбран верный вариант формулировки цели, когда выполнена операция переформулирования, формулировка цели учитывает наиболее важные условия заданной ситуации |
| Сформулируйте цель своей деятельности, направленной на решение предложенной задачи | Цель сформулирована верно, но не на языке математики (не выполнена операция переформулирования) | Цель сформулирована в целом верно, на языке математики, но в формулировке не учтены некоторые важные условия заданной ситуации | Цель сформулирована верно, на языке математики, учитывает наиболее важные условия заданной ситуации |
| Составьте план по достижению цели своей деятельности (выберите один из предложенных вариантов) | Выбран общий вариант плана по решению математической задачи | Выбран вариант плана, в целом верно отражающий шаги решения, но без детальных пояснений | Выбран верный вариант плана, где подробно и детально представлены все шаги решения |
| В предложенном плане действий по достижению цели добавьте недостающие пункты | Представлен план, отражающий основные шаги по достижению цели, но некоторые пункты плана пропущены | Недостающие пункты плана добавлены верно, но без детальных пояснений | Верно добавлены недостающие пункты плана, подробно и детально представляющие все шаги решения |
| Составьте план по достижению цели своей деятельности | Представлен план, отражающий основные шаги по достижению цели, но некоторые пункты плана пропущены | Представлен верный план по достижению цели, представляющий все шаги решения, но некоторые пункты плана требуют дополнительных пояснений | Представлен верный план по достижению цели, подробно и детально представляющий все шаги решения |

Рис. 2. Диагностическая УИК по теме «Рациональные уравнения» для 8 класса: пример
Fig. 2. Diagnostic academic and research roadmap: rational equations for eight-graders: sample



|  | УИК 8.1-А | | | | | | | | | | | | |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------|-----------------------------------------------|--------------------|-----------------------------------------------|--------------------|----------------|--|--|--|----------------|--|--|--|
| <p>РАЦИОНАЛЬНЫЕ УРАВНЕНИЯ 8 КЛАСС Вариант 1</p> | | | | | | | | | | | | | |
| <p>Задача. (Находчивый гений). «Друзья Томаса Эдисона удивлялись, почему калитка перед его домом открывается с трудом. "Калитка отрегулирована так, как надо, – смеясь, отвечал Эдисон, я сделал от нее привод к насосу, и каждый входящий накачивает в цистерну 20 литров воды". Если бы каждый посетитель накачивал на 5 литров больше, то для заполнения цистерны понадобилось бы на 12 человек меньше». Можно ли по данной информации найти объем цистерны?</p> | | | | | | | | | | | | | |
| <p>Регулятивные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> • составлять план, алгоритм решения задачи и прогнозировать процесс ее решения | | | | | | | | | | | | | |
| <p>1. Сформулируйте цель своей деятельности, направленной на решение предложенной задачи. Найти _____ или установить _____</p> <p>2. В предложенном плане действий по достижению цели добавьте недостающие пункты. 1) Найти выражение для объема цистерны, если каждый входящий накачивает 20 литров воды. 2) _____ 3) _____</p> | | | | | | | | | | | | | |
| <p>Познавательные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> • проводить доказательные рассуждения и формулировать выводы; • выдвигать и обосновывать гипотезы, проводить экспериментирование по установлению особенностей математических объектов; • выполнять действия по работе с информацией; • строить и исследовать математические модели. | | | | | | | | | | | | | |
| <p>1. Запишите условие задачи с помощью таблицы</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; margin-bottom: 10px;"> <thead> <tr> <th style="width: 15%;"></th> <th style="width: 25%;">число посетителей</th> <th style="width: 35%;">объем воды, который накачивает посетитель (л)</th> <th style="width: 25%;">объем цистерны (л)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>первый вариант</td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> <tr> <td>второй вариант</td> <td></td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table> <p>2. Выскажите гипотезу, можно ли найти объем цистерны. Обоснуйте ответ. _____</p> <p>3. На основе таблицы из пункта 1 составьте уравнение и решите его. _____</p> <p>4. Сформулируйте вывод. Подтвердилась ли ваша гипотеза? _____</p> | | | число посетителей | объем воды, который накачивает посетитель (л) | объем цистерны (л) | первый вариант | | | | второй вариант | | | |
| | число посетителей | объем воды, который накачивает посетитель (л) | объем цистерны (л) | | | | | | | | | | |
| первый вариант | | | | | | | | | | | | | |
| второй вариант | | | | | | | | | | | | | |
| <p>Коммуникативные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> • использовать вопросно-ответные процедуры как инструмент познания в математике; • владеть устной и письменной монологической речью на всех этапах математической деятельности; • организовывать и осуществлять сотрудничество для решения учебной математической задачи. | | | | | | | | | | | | | |
| <p>1. Изменив условие задачи, составь аналогичную по требованию задачу и реши ее. Предложи свою задачу партнеру по работе. Задача: _____ Решение: _____</p> <p>2. В сотрудничестве с партнером по работе сформулируйте вопросы, которые помогли бы вам исследовать проблему нахождения объема цистерны. Обратите внимание на информацию о заполнении части цистерны. Ваши вопросы _____</p> | | | | | | | | | | | | | |
| <p>Регулятивные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> • анализировать процесс и результат решения учебной математической задачи | | | | | | | | | | | | | |
| <p>1. Проанализируйте результат решения исходной задачи и сделайте выводы – обобщения: _____</p> <p>2. Оцените свою работу, употребив «Я – высказывание». _____</p> | | | | | | | | | | | | | |

Рис. 3. Диагностическая УИК по теме «Рациональные уравнения» для 8 класса: заполненный вариант

Fig. 3. Diagnostic academic and research roadmap: rational equations for eight-graders: completed version



УИК 8.1-А (образец заполненного варианта)

РАЦИОНАЛЬНЫЕ УРАВНЕНИЯ

8 КЛАСС

Вариант 1

Задача. (Находчивый гений). «Друзья Томаса Эдисона удивлялись, почему калитка перед его домом открывается с трудом. "Калитка отрегулирована так, как надо, – смеясь, отвечал Эдисон, я сделал от нее привод к насосу, и каждый входящий накачивает в цистерну 20 литров воды". Если бы каждый посетитель накачивал на 5 литров больше, то для заполнения цистерны понадобилось бы на 12 человек меньше». Можно ли по данной информации найти объем цистерны?

Регулятивные УУД

- составлять план, алгоритм решения задачи и прогнозировать процесс ее решения

1. Сформулируйте цель своей деятельности, направленной на решение предложенной задачи. **(3 балла)**
Найти объем цистерны или установить, что информации недостаточно

2. В предложенном плане действий по достижению цели добавьте недостающие пункты. **(3 балла)**

- Найти выражение для объема цистерны, если каждый входящий накачивает 20 литров воды.
- Найти выражение для объема цистерны, если каждый входящий накачивает на 5 литров больше.
- Составить уравнение и решить его; сделать вывод.

Познавательные УУД

- проводить доказательные рассуждения и формулировать выводы;
- выдвигать и обосновывать гипотезы, проводить экспериментирование по установлению особенностей математических объектов;
- выполнять действия по работе с информацией;
- строить и исследовать математические модели.

1. Запишите условие задачи с помощью таблицы **(3 балла)**

| | число посетителей | объем воды, который накачивает посетитель (л) | объем цистерны (л) |
|----------------|-------------------|-----------------------------------------------|--------------------|
| первый вариант | x | 20 | $20x$ |
| второй вариант | $x - 12$ | 25 | $24(x - 12)$ |

2. Выскажите гипотезу, можно ли найти объем цистерны. Обоснуйте ответ. **(3 балла)**
Предположим, что объем цистерны найти можно. Составим уравнение, и если оно имеет решение, то найдем число посетителей, а значит, найдем и объем цистерны.

3. На основе таблицы из пункта 1 составьте уравнение и решите его. **(3 балла)**

$$20x = 25(x - 12)$$

$$20x = 25x - 300$$

$$5x = 300$$

$$x = 60$$

$$60 \cdot 20 = 1200$$

4. Сформулируйте вывод. Подтвердилась ли ваша гипотеза? **(3 балла)**
Объем цистерны найти можно. Он равен 1200. Гипотеза подтвердилась.

Коммуникативные УУД

- использовать вопросно-ответные процедуры как инструмент познания в математике;
- владеть устной и письменной монологической речью на всех этапах математической деятельности;
- организовывать и осуществлять сотрудничество для решения учебной математической задачи.

1. Изменив условие задачи, составь аналогичную по требованию задачу и реши ее. Предложи свою задачу партнеру по работе. **(3 балла)**

Задача: Один изобретатель сделал от калитки привод к насосу, и каждый входящий накачивал в цистерну 18 литров воды. Если бы каждый посетитель накачивал на 2 литра больше, то для заполнения цистерны понадобилось бы на 4 человека меньше. Найти объем цистерны.

Решение: Пусть x – число посетителей.

$$18x = (x - 4) \cdot 20$$

$$18x = 20x - 80$$

$$2x = 80$$

$$x = 40$$

$$40 \cdot 18 = 720 \text{ (л) – объем цистерны}$$

| |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>2. В сотрудничестве с партнером по работе сформулируйте вопросы, которые помогли бы вам исследовать проблему нахождения объема цистерны. Обратите внимание на информацию о заполнении части цистерны. (3 балла)</p> <p>1) <u>Сколько должно быть посетителей, чтобы заполнить всю цистерну?</u></p> <p>2) <u>Какой объем воды накачивает в цистерну каждый посетитель?</u></p> <p>3) <u>Какая часть цистерны наполняется водой в единицу времени?</u></p> <p>4) <u>Какую часть цистерны заполнит водой известное количество посетителей?</u></p> |
| <p>Регулятивные УУД</p> <ul style="list-style-type: none"> анализировать процесс и результат решения учебной математической задачи |
| <p>1. Проанализируйте результат решения исходной задачи и сделайте выводы – обобщения: (3 балла) <u>Если знать число посетителей и объем воды, который каждый из них закачивает в цистерну, можно найти объем цистерны.</u></p> <p>2. Оцените свою работу, употребив «Я – высказывание». (3 балла) <u>Я узнал, что можно придумывать механизмы, позволяющие накачать воду в цистерну без особых усилий. Я справился с заданием успешно.</u></p> |

В таблице 4 приведены набранные баллы по уровням развития ключевых УУД для приведенного примера УИК.

УИК предлагаются на уроке или на внеурочных занятиях по математике (в рамках занятий учебных курсов внеурочной деятельности). Так, диадное учебное исследование может быть организовано в рамках занятий учебного курса по формированию математической грамотности. УИК регламентируют степень самостоятельности ученика в выполнении учебного исследования. Таким образом, представлены карты

Табл. 4. Уровни развития ключевых УУД, баллы

Tab. 4. Correlation between the score and meta-subject skills, points

| Баллы \ Уровень | Регулятивные УУД | Познавательные УУД | Коммуникативные УУД | Комплексная оценка |
|-----------------|------------------|--------------------|---------------------|--------------------|
| Базовый | 4–6 | 4–6 | 2–3 | 10–16 |
| Средний | 7–9 | 7–9 | 4–5 | 17–23 |
| Высокий | 10–12 | 10–12 | 6 | 24–30 |

трех уровней сложности: первый уровень (5–6 класс) – *Ведомый*; второй уровень (7–8 класс) – *Инициатор*; третий уровень (9 класс) – *Стратег*. Для каждого класса разработано три варианта УИК по разным дидактическим темам, при этом варианты отличаются уровнем сложности исходного метапредметного задания. Это дает возможность провести три диагностики в течение учебного года и отследить динамику уровня сформированности ключевых УУД. С помощью УИК можно оценить и уровень развития предметных знаний и умений: учитель оценивает математическое решение задач по традиционной пятибалльной системе.

В блоке «Коммуникативные универсальные учебные действия» ученик составляет задачу и предлагает ее для решения партнеру по работе. Второй ученик записывает решение в УИК первого ученика, который выполняет роль координатора и помощника. Задача обоих учеников – представить верное, грамотное решение задачи. Аналогичную работу выполняет второй ученик.

УИК позволяют провести мониторинг уровня сформированности всех видов УУД, оценивая степень самостоятельности ученика в проведении учебных исследований (*Ведомый*, *Инициатор*, *Стратег*) и качество выполняемых операций, из которых складывается действие (*базовый*, *средний*, *высокий*) (табл. 5).

Табл. 5. Пример результата мониторинга уровня развития ключевых УУД отдельного ученика

Tab. 5. Monitoring meta-subject skill development in an individual student

| ФИО Иванов И. И. | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |
|------------------|---|---|------------|---|---|-----------|---|---|-----------|---|---|-----------|---|-----------|---|---------|---|-----------|---|---|---|---|---|
| 5 класс | | | 6 класс | | | 7 класс | | | | | | 8 класс | | | | 9 класс | | | | | | | |
| ведомый | | | ведомый | | | инициатор | | | | | | инициатор | | | | стратег | | | | | | | |
| математика | | | математика | | | алгебра | | | геометрия | | | алгебра | | геометрия | | алгебра | | геометрия | | | | | |
| б | б | с | с | в | в | б | б | с | б | с | с | б | с | в | с | в | в | б | с | с | с | с | в |
| | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | | |

Любой проектируемый диагностический инструментарий должен пройти проверку по ряду формальных критериев, доказывающих его качество и эффективность. К числу основных критериев оценки диагностических методик относят надежность и валидность. Расчет надежности был выполнен с помощью приема параллельных форм и вычисления коэффициента корреляции Спирмена ($r_s = 0,97$). Теоретическая валидность была получена путем сравнения результатов указанной методики с результатами, полученными в ходе мониторинга УУД, проведенного на основе психолого-педагогического исследования; получен коэффициент корреляции $r_s = 0,63$, что соответствует диапазону высокой валидности. Подробные расчеты этих показателей приведены автором в публикации [19].

Для оценки эффективности УИК как инструмента диагностики метапредметных умений нами было проведено анкетирование учителей школ Кузбасса,

принимающих участие в апробации авторской методики (табл. 6).

В опросе приняли участие 28 учителей математики школ Кузбасса. На вопросы № 1, 2, 4, 6 положительно ответили все участники анкетирования (100 %). Испытывали некоторые затруднения в применении критериев и показателей уровня сформированности метапредметных умений 4 человека (14 %). При оценивании уровневой дифференциации метапредметных умений 20 человек поставили высший балл (71 %); 8 человек (29 %) оценили предложенный подход в 4 балла. Большинство учителей (68 %) отнесли УИК к универсальному диагностическому инструменту; 32 % отметили, что у слабых учеников могут быть трудности с выполнением таких заданий. При ответе на вопрос № 8 15 респондентов (53 %) обозначили удобство применения УИК на учебном занятии внеурочной деятельности; 10 учителей (36 %) указали

Табл. 6. Анкета для учителя математики по оцениванию диагностического инструментария

Tab. 6. Questionnaire for mathematics teachers

| Анкета для учителя математики | | |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------|-----|
| <i>Учебно-исследовательская карта (УИК) предназначена для комплексной диагностики уровня развития метапредметных умений (универсальных учебных действий) обучающихся в рамках изучения предметов математического блока. Ниже представлены вопросы, позволяющие оценить эффективность разработанного диагностического инструментария с позиции учителя математики.</i> | | |
| 1. Создает ли сформулированное в УИК метапредметное задание проблемную ситуацию, индуцирующую учебное исследование? | Да | Нет |
| 2. Позволяет ли серия задач, представленных в УИК, оценить все виды метапредметных умений (познавательные, регулятивные, коммуникативные)? | Да | Нет |
| 3. Были ли трудности в применении критериев и показателей уровня сформированности метапредметных умений? | Да | Нет |
| 4. Позволяет ли данный диагностический инструментарий проследить динамику уровня развития метапредметных умений ученика? | Да | Нет |
| 5. Оцените по пятибалльной шкале предложенную уровневую дифференциацию метапредметных умений (ведомый – базовый (ВБ), ведомый – средний (ВС), ведомый – высокий (ВВ), инициатор – базовый (ИБ), инициатор – средний (ИС), инициатор – высокий (ИВ), стратег – базовый (СБ), стратег – средний (СС), стратег – высокий (СВ)). | | |
| 6. Можно ли отнести УИК к технологии формирующего оценивания? | Да | Нет |
| 7. Является ли УИК универсальным диагностическим инструментом, т. е. можно ли применять УИК в любом классе для диагностики УУД? Если «нет», то поясните, для какого класса (каких учащихся) может применяться учебно-исследовательская карта. | Да | Нет |
| 8. На каких занятиях удобнее применять данный диагностический инструментарий? | урок | |
| | учебное занятие внеурочной деятельности | |
| | домашняя работа | |
| 9. В чем вы видите основные преимущества учебно-исследовательской карты как инструмента диагностики УУД? | | |
| 10. В чем вы видите минусы данного диагностического инструментария? | | |
| Спасибо за сотрудничество! | | |

возможность организовать диагностическое учебное исследование как на уроке, так и во внеурочной деятельности; 3 человека (11 %) отдали предпочтение такой форме, как *домашняя работа*.

Среди преимуществ УИК как инструмента диагностики УУД называли: возможность комплексной диагностики всех видов УУД; интересный контекст заданий; наличие заданий творческого характера; возможность оценить не только метапредметные, но и предметные умения; вариативность использования УИК; наличие критериев и показателей для оценивания работы ученика.

К минусам диагностического инструментария отнесли необходимость дополнительного времени для проведения диагностики, возможную трудность некоторых задач для слабых учеников; проблемы технического характера (необходимость распечатывать УИК, возможный недостаток места для ответа ученика и т. п.). В итоге отметим, что в ходе апробации спроектированный диагностический инструментарий получил положительную оценку учителей математики как эффективное средство мониторинга уровня развития ключевых метапредметных умений (УУД).

Заключение

Анализ современных исследований в области методики обучения математике, изучение опыта учителей математики позволили выявить проблему выбора и проектирования диагностического инструментария для оценки уровня развития метапредметных умений обучающихся средствами предметов математического блока в 5–9 классах. В качестве указанного инструментария может быть использовано диадное учебное исследование с математическим контекстом, которое организуется в форме парной работы на основе метапредметного задания. Управление деятельностью

ученика при выполнении учебного исследования осуществляется через УИК, с помощью которой регламентируется последовательность действий ученика, а также степень самостоятельности их выполнения. Приведена модель УИК, проиллюстрированная примером (вариант для ученика и заполненный вариант УИК). Определены критерии и показатели уровней развития УУД. В зависимости от степени самостоятельности ученика и качества выполняемых действий выделено шесть уровней развития УУД учащихся 5–9 классов. В результате доказывается качество и эффективность спроектированного диагностического инструментария с помощью таких показателей, как надежность и валидность, а также результатов анкетирования учителей математики Кузбасса, принимающих участие в апробации авторской методики.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает благодарность доценту Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета Осиповой Людмиле Александровне за конструктивные советы по проектированию диагностического инструментария с математическим контекстом для оценки уровня сформированности метапредметных умений школьников 5–9 классов.

Acknowledgment: The author would like to acknowledge Lyudmila Osipova, Associate Professor at Pedagogical Institute, Kemerovo State University, for practical counselling.

Литература / References

1. Рослова Л. О., Алексеева Е. Е., Буцко Е. В. Достижение метапредметных результатов в рамках изучения предметов математического блока (основное общее образование). М.: ИСРО, 2023. 73 с. [Roslova L. O., Alekseeva E. E., Butsko E. V. *Achievement of meta-subject results as part of mathematical disciplines at secondary school*. Moscow: ISED, 2023, 73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bmktcc>
2. Шкерина Л. В., Кейв М. А., Берсенева О. В., Журавлева Н. А. Мониторинг уровня сформированности метапредметных результатов обучения математике в 5 классах. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2018. 188 с. [Shkerina L. V., Cave M. A., Berseneva O. V., Zhuravleva N. A. *Monitoring the level of formation of meta-subject results while teaching mathematics to fifth-graders*. Krasnoyarsk: KSPU, 2018, 188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwvsvn>
3. Гиматдинова Г. Н., Шашкина М. Б. Диагностика и развитие регулятивных универсальных учебных действий обучающихся на уроках математики в 7–9 классах общеобразовательной школы. *Современные проблемы науки и образования*. 2023. № 6. [Gimatdinova G. N., Shashkina M. B. Diagnostics and development of regulatory universal learning actions of students in mathematics lessons in 7–9 grades of general education school. *Modern problems of science and education*, 2023, (6). (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/spno.33074>

4. Тумашева О. В., Шашкина М. В. Средства формирования и оценивания метапредметных результатов обучающихся поколения Z. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 1. С. 285–289. [Tumasheva O. V., Shashkina M. V. Formation and evaluation means meta-subject educational results of students generation Z. *Azimuth of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2020, 9(1): 285–289. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0067>
5. Журавлев И. А. Диагностика сформированности универсальных учебных действий у учащихся на уроках математики. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 1. С. 101–109. [Zhuravlev I. A. Diagnosis of the level of formation of universal learning activities of students at mathematics classes. *Modern problems of science and education*, 2014, (1): 101–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbktrj>
6. Перевошикова Е. Н. Специфика формирования универсальных учебных действий при обучении математике в основной школе. *Интеграция образования*. 2015. Т. 19. № 2. С. 81–90. [Perevoshchikova E. N. Specifics of developing universal learning actions in teaching mathematics in a secondary school. *Integration of education*, 2015, 19(2): 81–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/Inted.079.019.201502.081>
7. Шкерина Л. В., Гаврилюк А. С., Табинова О. А., Шашкина М. В. Бипредметный мониторинг результатов освоения универсальных учебных действий обучающимися 7–9 классов в процессе обучения математике. *Перспективы науки и образования*. 2020. № 2. С. 179–194. [Shkerina L. V., Gavrilyuk A. S., Tabinova O. A., Shashkina M. V. Bi-objective monitoring of the results of mastering universal educational activities by students in 7th–9th grades in the process of teaching mathematics. *Perspectives of science and education*, 2020, (2): 179–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.15>
8. Шкерина Л. В., Берсенева О. В., Журавлева Н. А., Кейв М. А. Метапредметная олимпиада для школьников: новый подход к оцениванию метапредметных универсальных учебных действий обучающихся. *Перспективы науки и образования*. 2019. № 2. С. 194–211. [Shkerina L. V., Berseneva O. V., Zhuravleva N. A., Cave M. A. The meta-disciplinary Olympiad for school students: The new approach to assessing the meta-disciplinary universal educational actions of students. *Perspectives of science and education*, 2019, (2): 194–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.15>
9. Кокшарова Е. А. Проектирование веб-приложения для диагностики уровней развития познавательных УУД в процессе обучения математики. *Инновации. Наука. Образование*. 2020. № 17. С. 445–454. [Koksharova E. A. Designing a web application for diagnosing the levels of cognitive development while teaching mathematics. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 2020, (17): 445–454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gfrijla>
10. Поберезкая В. Ф., Новикова Н. Н. Диагностика регулятивных универсальных учебных действий обучающихся в условиях дистанционного обучения. *Концепт*. 2021. № 5. С. 81–96. [Poberezskaya V. F., Novikova N. N. Diagnostics of regulatory learners' universal educational actions in the context of distance learning. *Concept*, 2021, (5): 81–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2021-11033>
11. Позднякова Е. В., Пичугова В. В. Текстовые сюжетные задачи с параметром как средство формирования исследовательских умений учащихся 7–9 классов. *Журнал педагогических исследований*. 2022. Т. 7. № 6. С. 49–56. [Pozdnyakova E. V., Pichugova V. V. Text plot tasks with a parameter as a means of forming the research skills of students in grades 7–9. *Journal of Pedagogical Research*, 2022, 7(6): 49–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dlpqqt>
12. Бекешева И. С., Бобылева О. В., Дроздова К. В. Независимая оценка уровня сформированности познавательных УУД школьников с помощью нестандартных задач по математике. *Вестник АлтГПУ*. 2018. № 4. С. 31–35. [Bekesheva I. S., Bobileva O. V., Drozdova K. V. Independent evaluation of level of formation of cognitive uea of schoolchildren with non-standard tasks on mathematics. *Vestnik of Altai State Pedagogical University*, 2018, (4): 31–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vnfoip>
13. Позднякова Е. В. Методические аспекты формирования и диагностики метапредметных умений учащихся 5–9 классов при обучении математике. *Инновации в образовании*. 2023. № 11. С. 23–34. [Pozdnyakova E. V. Some methodological aspects of the formation and diagnosis of meta-subject skills of 5th–9th grade students in teaching mathematics. *Innovation in education*, 2023, (11): 23–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mojpkl>
14. Далингер В. А., Князева О. О. Учебно-исследовательская работа учащихся по математике. Омск: Амфора, 2017. 224 с. [Dalinger V. A., Knyazeva O. O. *Academic and research work of students in mathematics*. Омск: Амфора, 2017, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhprpj>
15. Подходова Н. С., Панова К. В. Метапредметные учебные задания как средство развития учащихся при обучении математике. *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 6. [Podkhodova N. S., Panova K. V. Multisubject practise problems as an instrument for developing students in teaching mathematics. *Modern problems of science and education*, 2016, (6). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xiblsx>

16. Илюшин Л. С. Разработка урока с использованием «Конструктора задач». *Народное образование*. 2013. № 2. С. 159–168. [Ilyushin L. S. Planning classes with Task Designer. *Public education*, 2013, (2): 159–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyopkb>
17. Позднякова Е. В., Фомина А. В. Открытые задачи как средство развития "soft skills" на уроках математики. *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2021. Т. 7. № 2. С. 29–45. [Pozdnyakova E. V., Fomina A. V. Open-type tasks as a means of developing "soft skills" in math lessons. *Research result. Pedagogy and psychology of education*, 2021, 7(2): 29–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-3>
18. Позднякова Е. В., Малышенко Г. А. Метапредметные задания в онлайн-сервисах как средство формирования математической грамотности учащихся девятого класса. *Наука и школа*. 2023. № 4. С. 212–224. [Pozdnyakova E. V., Malyshenko G. A. Meta-subject tasks in online services as a means of forming mathematical literacy of ninth-grade students. *Science and school*, 2023, (4): 212–224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2023-4-212-224>
19. Позднякова Е. В., Фомина А. В. Проектирование диагностического инструментария для определения уровня сформированности универсальных учебных действий в курсе математики основной школы. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. Т. 7. № 1. С. 171–176. [Pozdnyakova E. V., Fomina A. V. Designing diagnostic tools to determine the level of formation of universal educational actions in the mathematics course of primary school. *Azimuth of scientific research: Pedagogy and psychology*, 2018, 7(1): 171–176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytxpxr>
20. Коротева А. С., Челпаченко Т. В. Познавательная самостоятельность как педагогический феномен. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2022. № 4. С. 47–52. [Koroteeva A. S., Chelpachenko T. V. Cognitive independence as a pedagogical phenomenon. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2022, (4): 47–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25198/1814-6457-236-47>
21. Беспалько В. П. Инструменты диагностики качества знаний учащихся. *Школьные технологии*. 2006. № 2. С. 138–151. [Bespalko V. P. Diagnostic tools for assessing the quality of students' knowledge. *School technologies*, 2006, (2): 138–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hukyzx>
22. Осипова С. И., Агишева Н. С. Познавательная активность как объект педагогического анализа. *Гуманизация образования*. 2016. № 2. С. 89–96. [Osipova S. I., Agisheva N. S. Cognitive activity as an object of pedagogical analysis. *Humanization of education*, 2016, (2): 89–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vzellr>
23. Усова А. В., Бобров А. А. Формирование у учащихся учебных умений. М.: Знание, 1987. 80 с. [Usova A. V., Bobrov A. A. *Developing learning skills in students*. Moscow: Znanie, 1987, 80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uamkfh>
24. Гузеев В. В., Курчаткина И. Б. Индивидуальный прогресс ученика: как его оценить. *Народное образование*. 2011. № 7. С. 161–169. [Guzeev V. V., Kurchatkina I. B. Individual student progress: How to evaluate it. *Public education*, 2011, (7): 161–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ofvzyp>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rdtwvc>

Внедрение искусственного интеллекта на занятиях по развитию речи с китайскими студентами

Попович Оксана Юрьевна

Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва

<https://orcid.org/0009-0007-7045-7531>

oxana.popovich95@gmail.com

Аннотация: Использование искусственного интеллекта все больше входит в систему образования, открывая новые возможности для его применения. Искусственный интеллект значительно повышает качество обучения, позволяя китайским студентам эффективно развивать языковые навыки. Он предоставляет персонализированные упражнения по грамматике, лексике и произношению, помогает улучшать понимание письменной и устной речи, а также поддерживает практику разговорных навыков через использование реальных диалогов и использование языковых тренажеров. В данном исследовании актуальность темы обусловлена внедрением искусственного интеллекта в процесс совершенствования речевых навыков китайских студентов, что представляет собой современный и эффективный инструмент для проведения образовательных занятий. В статье предлагается рассмотреть методы применения нейросети для развития речи на русском языке. На основе этих данных разработан и представлен промт (запрос к нейросети с целью получения желаемого ответа), позволяющий создать роль для нейросети YandexGPT с определенными установками и ограничениями. Данная разработка позволила создать следующие сценарии-диалоги между нейросетью и группой китайских студентов: диалог с персонажем из мультфильма и с давним другом. В итоге разработанный промт позволил заинтересовать студентов в практике общения на русском языке, что значительно повысило их активность и вовлеченность в учебный процесс. Результаты исследования, а также рекомендации автора могут быть использованы преподавателями на занятиях по развитию речи с китайскими студентами.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, русский язык как иностранный, обучение китайских студентов, развитие речи, лексика, роль, промт

Цитирование: Попович О. Ю. Внедрение искусственного интеллекта на занятиях по развитию речи с китайскими студентами. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 539–545. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-539-545>

Поступила в редакцию 10.07.2024. Принята после рецензирования 16.09.2024. Принята в печать 16.09.2024.

full article

Artificial Intelligence in Oral Language Development Classes with Chinese Students

Oksana Y. Popovich

Moscow State Pedagogical University, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0009-0007-7045-7531>

oxana.popovich95@gmail.com

Abstract: As artificial intelligence enters the education system, it opens up new opportunities. Artificial intelligence improves the quality of language acquisition, allowing Chinese students to develop their language skills in Russian. It provides tailored exercises in grammar, vocabulary, and pronunciation, improves understanding of written and spoken language, and supports conversation practice through the use of authentic dialogues and language simulators. The study explored the options for using artificial intelligence to develop speech skills in Chinese learners of Russian as a foreign language. The article introduces a prompt that makes it possible to create a role for the YandexGPT neural network with certain settings and restrictions. For instance, it yielded effective dialogue scenarios between a group of Chinese students and a cartoon character / an old friend. The prompt improved the students' motivation for Russian communication, thus increasing their in-class activity and involvement. The article contains some recommendations for immersive speech development classes with Chinese learners of Russian.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, Russian as a foreign language, teaching Chinese students, speech development, vocabulary, role, prompt

Citation: Popovich O. Y. Artificial Intelligence in Oral Language Development Classes with Chinese Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 539–545. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-539-545>

Received 10 Jul 2024. Accepted after review 16 Sep 2024. Accepted for publication 16 Sep 2024.

Введение

В современном мире искусственный интеллект (ИИ) становится неотъемлемой частью различных областей, включая образование. Внедрение ИИ в образовательные процессы открывает новые возможности для улучшения методик обучения и повышения эффективности учебного процесса. Особое внимание заслуживает использование ИИ в обучении иностранным языкам, где он может существенно повлиять на развитие речевых навыков у студентов [1; 2].

Китайские студенты, изучающие русский язык как иностранный, сталкиваются с рядом специфических трудностей, связанных с фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями русского языка. Традиционные методы обучения не всегда позволяют эффективно справиться с данными проблемами. В этом контексте использование технологий ИИ расширяет возможности преподавателя, создавая реальные условия для интерактивного и персонализированного обучения, что способствует более глубокому усвоению материала и развитию коммуникативных навыков у студентов.

Актуальность этой темы заключается во внедрении ИИ в развитие речи китайских студентов, поскольку современные технологии позволяют значительно улучшить качество обучения, повысить мотивацию студентов и предоставить более персонализированный подход к обучению. Использование ИИ способствует более эффективному преодолению языкового барьера, улучшению произносительных навыков и расширению словарного запаса. Это особенно важно в условиях глобализации и возрастающей необходимости владения иностранными языками на высоком уровне.

Первые исследования в области ИИ начались в 1950-х гг. В 1956 г. молодой математик, а в будущем видный ученый в области информатики, J. McCarthy со своими коллегами из Дармутского колледжа впервые ввел термин *искусственный интеллект*. По мнению J. McCarthy, каждый аспект обучения или любой другой характеристики интеллекта в принципе может быть настолько точно описан, что машина может быть создана для его имитации¹.

Учитывая стремительный прогресс в технологиях в области ИИ (особенно в последние годы), взаимодействие с компьютерами, способными имитировать мышление и поведение человека, получает все более пристальное внимание в преподавательских кругах. Адаптация ИИ для использования в процессе преподавания и обучения многими оценивается как технологическая революция и логичное направление развития [3; 4].

Цель исследования – разработать рабочий промт (промт – запрос к нейросети с целью получить желаемый ответ), способствующий развитию реального общения между моделью ИИ YandexGPT и китайскими студентами.

В соответствии с целью исследования были определены следующие задачи:

1. Изучить возможности применения ИИ в обучении русскому языку.
2. Разработать и представить интерактивный запрос для нейросети для создания диалога между ИИ и группами иностранных студентов.
3. Создать авторские методические рекомендации по внедрению ИИ на занятиях по русскому языку как иностранному с целью развития речевых навыков у иностранных студентов.

Теоретической базой исследования послужили работы по практике применения ИИ на занятиях по иностранным языкам [5–12].

ИИ – это технология, позволяющая выполнять задачи, которые требуют интеллектуальных способностей, подобных человеческим. Включает такие аспекты, как обучение, решение проблем, восприятие окружающей среды, понимание языка и принятие решений. ИИ стремится имитировать или воспроизводить человеческий интеллект посредством использования алгоритмов и моделей [13].

В обучении ИИ играет важную роль, способствуя персонализации учебного процесса, созданию интерактивных образовательных сред и автоматизации оценки и обратной связи. Он позволяет адаптировать образовательные материалы под индивидуальные потребности студентов, улучшая их вовлеченность

¹ John McCarthy: Computer scientist known as the father of AI. *Independent*. 11 Nov 2011. URL: <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/john-mccarthy-computer-scientist-known-as-the-father-of-ai-6255307.html> (accessed 10 Jun 2024).

и успеваемость. Помимо этого, ИИ поддерживает студентов, предлагая доступ к дополнительным образовательным ресурсам и автоматизируя административные задачи, что делает образовательный процесс более эффективным и управляемым².

Эти преимущества особенно заметны в обучении иностранным языкам, где внедрение ИИ возможно с использованием нейросетей. Современные нейронные сети, обладающие высокой способностью к обучению и адаптации, могут анализировать и обрабатывать огромные объемы лингвистических данных, предоставляя обучающимся персонализированные и интерактивные учебные материалы [14; 15].

Кроме того, преподаватели могут помочь своим студентам ориентироваться в использовании ИИ, обучая их формулировать правильные вопросы, на которые может ответить система. По мере совершенствования ИИ для людей становится все более важным знать, как эффективно взаимодействовать с этими технологиями. Развивая навыки критического мышления и обучаясь задавать вопросы, требующие более высокого уровня мышления, студенты могут научиться использовать возможности ИИ для улучшения своих способностей к обучению и решению проблем. Это подготавливает их к будущему рынку труда и поможет лучше понять возможности и ограничения ИИ [5; 10; 16].

Необходимо признать, что ИИ не является заменой для преподавателя. Хотя он может улучшить процесс преподавания и обучения, ИИ не может заменить критическую роль, которую играют преподаватели в организации учебного процесса и построении значимых отношений со студентами. Успех ИИ в образовании зависит от эффективной интеграции технологий и человеческой экспертизы. Поэтому педагоги должны принять гибридный подход, который сбалансирован преимуществами ИИ с сильными сторонами преподавателей [8; 17; 18].

Предыдущие исследования неизменно показывали положительное влияние ИИ на развитие коммуникативных навыков у изучающих иностранные языки [19]. В исследовании, проведенном в 2020 г. J. Li и соавторами, была изучена эффективность системы распознавания речи на базе ИИ в улучшении произношения учащихся. Результаты показали, что обучающиеся, получившие обратную связь от системы, продемонстрировали значительные улучшения по сравнению с теми, кто такой обратной связи не получал [20]. Этот вывод согласуется с исследованием, проведенным С. М. Chen и другими учеными, которое продемонстрировало, что использование виртуальных репетиторов на базе ИИ улучшает беглость и точность речи учащихся. Эти исследования в совокупности

подтверждают мнение, что ИИ-технологии, такие как системы распознавания речи и виртуальные репетиторы, оказывают положительное влияние на развитие устных навыков у тех, кто изучает иностранные языки [9; 21].

J. Li также изучал влияние использования ИИ на занятиях по иностранным языкам. Было выявлено, что ИИ является важным инструментом для мотивации обучающихся к улучшению языковых навыков. Еще было отмечено, что использование ИИ повышает уверенность студентов, а также интерес к учебному процессу [22; 23].

Требуются дальнейшие исследования для выявления наилучших способов интеграции технологий ИИ в процесс изучения языков. С. М. Chen и его соавторы акцентируют внимание на важности разработки педагогических стратегий, которые сочетают ИИ с действенными методиками обучения, чтобы максимально использовать преимущества технологий ИИ в процессе изучения языка [9; 11; 24].

ИИ может способствовать изучению новых языков студентами с помощью различных методов, таких как:

1. Исправление ошибок: нейронные сети идентифицируют грамматические и лексические ошибки и предоставляют обучающимся обратную связь с рекомендацией по их исправлению.

2. Индивидуализация учебных материалов: анализ прогресса обучающегося дает возможность подобрать и адаптировать необходимые упражнения под определенный уровень и потребности студента.

3. Создание моделей разговорных ситуаций: ИИ может создавать виртуальную языковую среду для студента, изучающего иностранный язык [25; 26].

В нашем исследовании особый интерес представляет создание моделей разговорных ситуаций с помощью ИИ. Поскольку возможности современных технологий позволяют создавать виртуальную практику общения в безопасной и поддерживающей среде для изучающих [12; 27]. Такое взаимодействие может оказывать положительное воздействие на развитие критического мышления у китайских студентов, т. к. появляется необходимость задавать более сложные вопросы, а также анализировать предоставленную информацию, что положительно сказывается на процессе обучения [24; 28].

Нейросеть – это модель, выполняющая обработку и анализ данных. Нейросеть является одним из инструментов и методов в рамках более широкого спектра технологий ИИ.

Одна из наиболее известных нейросетей в России – YandexGPT. Для практики развития иностранного языка YandexGPT может создавать текстовые ответы,

² Maderer J. Artificial intelligence course creates ai teaching assistant. *Georgia Tech News Center*. 9 May 2016. URL: <https://news.gatech.edu/news/2016/05/09/artificial-intelligence-course-creates-ai-teaching-assistant> (accessed 10 Jun 2024).

похожие на живую речь, отвечать на последующие вопросы, признавать свои ошибки, оспаривать неверные предпосылки и отклонять неуместные запросы. Кроме того, YandexGPT может генерировать тексты в различных формах, таких как эссе, анекдоты и стихи [7; 29–31].

Аналогично вышеупомянутым аспектам, YandexGPT может генерировать темы для обсуждения и творческие задания для китайских студентов, способствуя развитию их креативных навыков письма. YandexGPT к тому же может детально объяснять использование неизвестных слов на русском языке, предоставляя примеры употребления. Наиболее значимым преимуществом оказывается мгновенная обратная связь, в отличие от обратной связи от преподавателя, которая, естественно, требует времени [14; 32].

Однако YandexGPT не способен генерировать новые или абстрактные ответы, поскольку может иметь трудности с пониманием. Наряду с этим нейросеть не может реагировать на неформальный язык, особенно на разговорные выражения и сленг, а также не способна выражать эмоциональные реакции [15; 33].

Применение YandexGPT имеет значительные преимущества с целью обучения китайских студентов совершенствованию русского языка как иностранного. Как на занятиях, так и в качестве домашнего задания возможна практика общения. Студенты могут задавать как общие вопросы, так и информационные запросы с целью получения полного ответа [34–36].

Возможности нейронной сети YandexGPT позволяют дополнить основной курс обучения практикой общения. Несмотря на то что платформа YandexGPT обеспечивает интерактивный подход к обучению и может способствовать развитию речевых навыков у иностранных студентов, ее использование может представлять значительные трудности для пользователей. Ключевая особенность взаимодействия с данной нейронной сетью заключается в необходимости правильно составлять запросы, в частности для ведения диалога [37].

Методы и материалы

В работе применялись следующие методы: изучение и анализ методической литературы по внедрению ИИ в обучение русского языка как иностранного; проведение педагогических экспериментов, а также систематизация и синтез собранных данных.

Результаты

В рамках данного исследования предлагается создать модель разговорной ситуаций. Для этого необходимо разработать промт (запрос для нейросети YandexGPT), который даст возможность проводить диалог с китайскими студентами в роли определенного персонажа по заданной теме.

В нашем исследовании выявлены условия, которые позволяют создать успешный промт:

- определить роль;
- указать знания выбранной роли;
- написать ограничения и условия.

Рассмотрим задание, которое было дано китайским студентам: *Вы Дядя Фёдор из Простоквашино. Вы можете написать своей маме. Расскажите, как ваша жизнь.*

В указанном задании роль нейросети – быть мамой Дяди Федора.

Преподавателем создан промт, который соответствует перечисленным критериям выше:

Придумывай вопросы. Ты мама Дяди Фёдора из мультфильма «Трое из Простоквашино». Ты переписываешься с сыном через мессенджер Telegram. У тебя есть вся информация из мультфильма «Трое из Простоквашино». Ты хорошо знаешь манеру общения мамы дяди Фёдора. Ты знаешь, что он уехал жить в деревню с котом. Тебе это не нравится и тебе очень грустно. Поговори с Дядей Фёдором из мультфильма «Трое из Простоквашино», задай ему вопросы о его жизни. Задавай по одному вопросу после каждого ответа. Не объясняй ничего.

Вставив этот текст в платформу YandexGPT, мы получили первый вопрос: *Привет, Дядя Фёдор! Как ты себя чувствуешь в деревне?*

Для выполнения этого задания группа китайских студентов, состоящая из 19 человек, делится на мини-группы по 5 человек. Представители каждой группы предлагают ответ на поставленный вопрос, после чего группы поочередно выступают с ответами в устной форме. В ходе выполнения задания используется интерактивная доска, основанная на платформе Miro. Преподаватель фиксирует ответы студентов с помощью интерфейса нейросети и копирует их на доску Miro с помощью компьютера. Студенты, в свою очередь, могут наблюдать за записями на доске Miro, которая отображается в аудитории.

Одна группа студентов дала ответ, который был отправлен на платформу YandexGPT:

- Студенты: *У меня все хорошо. Мы нашли дом в деревне. Скоро хотим купить корову. Как ваши дела?*
- YandexGPT: *Дом в деревне? Где эта деревня? Мы очень обеспокоены. Я место себе не нахожу.*
- Студенты: *Я живу с котом и с собакой в деревне «Простоквашино». Нам тут нравится жить. Приезжайте в гости.*

Другим примером применения YandexGPT в роли собеседника было упражнение: *Вы давно не видели друга. Позвоните ему. Обсудите ваши новости.*

В качестве промта был создан следующий запрос:

Ты давний друг. Мы с тобой давно не общались. У тебя есть интерес узнать мои новости. Поговори со мной, задавай мне вопросы. Задавай по одному вопросу после каждого ответа. Не объясняй ничего.

В качестве домашнего задания после одного из занятий китайским студентам было нужно практиковать русский язык, используя платформу YandexGPT, применяя приведенный промт, представленный ранее.

В качестве проверки эффективности запроса был получен диалог:

- YandexGPT: *Привет! Рад снова тебя видеть. Какие у тебя новости?*
- Пользователь: *У меня все в порядке. Сейчас я очень много работаю, потому что хочу хорошо зарабатывать. У меня сейчас меньше свободного времени, чем было раньше. А как ты? Что у тебя нового в жизни?*
- YandexGPT: *У меня всё нормально, продолжаю помогать людям и развиваться. А чем именно ты занимаешься на работе?*
- Пользователь: *Я готовлю еду в столовой. Это очень трудная работа. Но мне очень нравится готовить. А где ты работаешь сейчас?*
- YandexGPT: *Какой ты молодец! Я работаю здесь, помогая людям с разными вопросами и задачами. Какой у тебя любимый рецепт, который ты готовишь?*
- Пользователь: *Больше всего я люблю готовить буррито. Я тебе обязательно расскажу, как это готовить, но в следующий раз. Мне нужно идти.*
- YandexGPT: *Хорошо, жду с нетерпением! Береги себя и до скорой встречи.*
- Пользователь: *До встречи!*

Данный запрос позволил подтвердить возможность применения YandexGPT в составлении диалогов по определенному запросу. Это демонстрирует, как YandexGPT может эффективно использоваться для создания адаптивных и контекстуально релевантных ответов в различных сценариях общения.

Таким образом, было замечено, что внедрение таких заданий вызывает значительный интерес у китайских студентов, поскольку позволяет взаимодействовать с персонажем аналогично реальному общению.

Результаты регулярного использования YandexGPT для создания моделей разговорных ситуаций после каждой изученной темы показали, что после 1 семестра обучения китайские студенты стали легче поддерживать беседу, давать более развернутые ответы и увереннее задавать вопросы. Результаты письменных

сочинений по пройденным темам показали, что большинство студентов стали активнее использовать изученные лексические единицы и фразы.

Важно подчеркнуть, что при ответах нейросети могут возникать неточности. Однако преподаватель имеет возможность формулировать подходящие вопросы и исправлять ошибки, указывая на них.

Разработанный промт для нейросети YandexGPT продемонстрировал, что китайские студенты могут практиковать русский язык с помощью ИИ. Для максимально эффективного применения нейросети на занятиях автором этого исследования разработаны следующие рекомендации:

- определить роль нейросети, указать знания роли, цель и ограничения;
- описывать роль легкими предложениями, исключая нагроможденные предложения;
- проверка промта перед выполнением со студентами.

Заключение

Внедрение ИИ на занятиях является современным инструментом для развития речи китайских студентов. Применение нейросетей способствует расширению словарного запаса студентов, практическому освоению изучаемого языка, а также повышает их интерес и мотивацию к обучению.

В ходе исследования был обоснован метод применения ИИ для развития речевых навыков китайских студентов, изучающих русский язык. В результате был разработан и представлен промт, определяющий условия, необходимые для того, чтобы нейросеть могла эффективно выступать в роли собеседника.

На примере разработанного промта, направленного на развитие речи, был обоснован методический потенциал использования ИИ на базе модели YandexGPT для поддержания реального общения в заданной роли. В работе приведен пример диалога между нейросетью YandexGPT и группами китайских студентов. Представленный опыт работы с ИИ и соответствующие методические рекомендации могут оказать значительную помощь преподавателям в подготовке и проведении занятий по русскому языку для китайских студентов.

Перспективы дальнейшего исследования автор видит в продолжении изучения использования ИИ для развития других языковых навыков.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Попов Ю. Н. Психологические основы преподавания грамматики русского языка в иностранной (индийской) аудитории: дис. ... канд. пед. наук. Нью-Дели, 1990. 259 с. [Popov Yu. N. *Psychological basis of teaching Russian Grammar to foreigners (with Special Reference to the Indian Classroom)*. Cand. Ped. Sci. Diss. New Delhi, 1990, 259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nlmgpr>
2. Lalima Dr., Dangwal K. L. Blended learning: An innovative approach. *Universal Journal of Educational Research*, 2017, 5(1): 129–136. <https://doi.org/10.13189/ujer.2017.050116>
3. Liu Q. A look from China at some trends in the teaching methodology of RFL in recent years. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2023, 12(1): 74–79. <https://doi.org/10.12737/2587-9103-2023-12-1-74-79>
4. Russell S. J., Norvig P. *Artificial intelligence: A modern approach*. NJ: Pearson Education, 2010, 1152.
5. Есионова Е. Ю. Искусственный интеллект как альтернативный ресурс для изучения иностранного языка. *Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 3. С. 155–166. [Esionova E. Yu. Digital intelligence as an alternative resource for foreign language learning. *The Humanities and social sciences*, 2019, (3): 155–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-74-3-155-166>
6. Исаева Т. Е. Современный университет: изменение приоритетов. *Философия образования*. 2005. № 1. С. 123–129. [Isaeva T. E. Modern University: Changing priorities. *Philosophy of Education*, 2005, (1): 123–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfvttx>
7. Костюкевич Е. Ю. Применение искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе. *Современное педагогическое образование*. 2023. № 1. С. 492–496. [Kostiukovich E. Y. The use of artificial intelligence in teaching English at a university. *Modern Pedagogical Education*, 2023, (1): 492–496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdltkx>
8. Романова Л. Л. Специфика профессионального обучения в условиях развития цифровизации и искусственного интеллекта. *Концепт*. 2023. № 7. С. 130–141. [Romanova L. L. The specific features of vocational training in the context of digitalization and artificial intelligence development. *Concept*, 2023, (7): 130–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11066>
9. Chen C. M., Huang Y. M., Kinshuk. Effects of an intelligent tutoring system on students' learning outcomes and attitudes in the context of English as a foreign language. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2018, 34(4): 376–393.
10. Dodigovic M. *Artificial intelligence in second language learning: Raising error awareness*. Buffalo: Multilingual Matters, 2005, 304.
11. Xu D., Wang H. Intelligent agent supported personalization for virtual learning environments. *Decision Support Systems*, 2006, 42(2): 825–843. <https://doi.org/10.1016/j.dss.2005.05.033>
12. Zhang C., Lu Y. Study on artificial intelligence: The state of the art and future prospects. *Journal of Industrial Information Integration*, 2021, 23. <https://doi.org/10.1016/j.jii.2021.100224>
13. Калашникова О. В., Хон А. В. Актуальные проблемы обучения РКИ при полном или частичном переходе на дистанционное обучение в условиях вуза. *Гуманитарный научный вестник*. 2021. № 2. С. 50–55. [Kalashnikova O. V., Khon A. V. Relevant associated of teaching Russian as a foreign language with the full or partial transition to distance learning in a university environment. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, (2): 50–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.4594305>
14. Rosak-Szyrocka J., Żywiłek J., Nayyar A., Naved M. *The role of sustainability and artificial intelligence in education improvement*. NY: Chapman and Hall/CRC, 2023, 264. <http://dx.doi.org/10.1201/9781003425779>
15. Ayala-Pazmiño M. Artificial intelligence in education: Exploring the potential benefits and risks. *593 Digital Publisher CEIT*, 2023, 8(3): 892–899. <https://doi.org/10.33386/593dp.2023.3.1827>
16. Schleicher A. *Schools for 21st-century learners: Strong leaders, confident teachers, innovative approaches*. OECD, 2015, 80. <https://doi.org/10.1787/9789264231191-en>
17. Богомолов А. Н. Научно-методическая разработка виртуальной языковой среды дистанционного обучения иностранному (русскому) языку: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2008. 373 с. [Bogomolow A. N. *Scientific and methodological development of a virtual language environment for distance learning in a foreign language (Russian)*. Dr. Ped. Sci. Diss. Moscow, 2008, 373. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npumvd>
18. Вишняков С. А., Дунаева Л. А. Иноязычная вербальная коммуникация: преподавание, изучение, усвоение в контексте теории средового подхода. М.: Флинта, 2017. 169 с. [Vishnyakov S. A., Dunaeva L. A. *Foreign language verbal communication: Teaching, learning, and assimilation in the context of the theory of the environmental approach*. Moscow: Flinta, 2017, 169. (In Russ.)]

19. Chun D. M., Plass J. L. Facilitating reading comprehension with multimedia. *System*, 1996, 24(4): 503–519. [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(96\)00038-3](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(96)00038-3)
20. Li J., Xie H., Li D., Lu X. Effects of an AI-based speech recognition system on improving EFL learners' pronunciation. *Computers & Education*, 2020, (156): 750–757.
21. González V. M., Robbes R., Góngora G., Medina S. Measuring concentration while programming with low-cost BCI devices: Differences between debugging and creativity tasks. *Foundations of Augmented Cognition: Proc. 9 Intern. Conf., Los Angeles, 2–7 Aug 2015*. Cham: Springer, 2015, 605–615. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20816-9_58
22. Nielsen B. L., Brandt H., Swensen H. Augmented Reality in science education-affordances for student learning. *Nordic Studies in Science Education*, 2016, 12(2): 157–174. <https://doi.org/10.5617/nordina.2399>
23. Singh G., Singh Mr. S. Learning reimagined: AI and mixed reality revolutionize Indian education. *Interantional Journal of Scientific Research in Engineering and Management*, 2024, 08(04): 1–5. <https://doi.org/10.55041/IJSREM31032>
24. Ван Л. Обучение китайских студентов русскому языку с учетом национальной языковой личности (начальный этап обучения). *Интерактивная наука*. 2017. № 10. С. 14–18. [Wang L. Teaching Russian language to Chinese students, taking into account the national language personality (initial stage of training). *Interactive science*, 2017, (10): 14–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21661/r-464039>
25. Verduin J. R. Jr., Clark T. A. *Distance education: The foundations of effective practice*. San Francisco: Jossey-Bass, 1991, 279.
26. Кастельви Ж., Маркина Е. И. Вопрос о сложности задания при обучении РКИ на основе проблемно-коммуникативных заданий. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: XIII Конгресс МАПРЯЛ*. (Гранада, 13–20 сентября 2015 г.) СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 456–461. [Castellví J., Markina E. I. The TBLT approach and its implementation in Russian: Task complexity. *Russian language and literature in world culture environment: Proc. XIII Congress MAPRYAL, Granada, 13–20 Sep 2015*. St. Petersburg: MAPRYAL, 2015, 456–461. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfcjov>
27. Pakula H.-M. Teaching speaking. *Apples – Journal of Applied Language Studies*, 2019, 13(1): 95–111. <https://doi.org/10.17011/apples/urn.201903011691>
28. Pasquale F. *The black box society: The secret algorithms that control money and information*. Cambridge: Harvard University Press, 2015, 320.
29. Ахаян А. А. Теория и практика становления дистанционного педагогического образования: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. 439 с. [Akhayan A. A. *Theory and practice of the formation of distance pedagogical education*. Dr. Ped. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 439. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmagwv>
30. Nurmala I., Irianto S., Franchisca S. Technology-enhanced language learning: A meta-analysis study on english language teaching tools. *Journal on Education*, 2023, 6(1): 2188–2195. <https://doi.org/10.31004/joe.v6i1.3221>
31. Ван Г. О некоторых особенностях системы обучения китайских студентов русскому языку как иностранному. *Педагогическое образование в России*. 2016. № 12. С. 24–28. [Wang G. Some features of the system of teaching Chinese students Russian as a foreign language. *Pedagogical Education in Russia*, 2016, (12): 24–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/po16-12-04>
32. Roorda D. L., Koomen H. M. Y., Spilt J. L., Oort F. J. The influence of affective teacher–student relationships on students' school engagement and achievement: A meta-analytic approach. *Review of Educational Research*, 2011, 81(4): 493–529. <https://doi.org/10.3102/0034654311421793>
33. Rusmiyanto R., Huriati N., Fitriani N., Tyas N., Rofi'i A., Sari M. The role of artificial intelligence (AI) in developing English language learner's communication skills. *Journal on Education*, 2023, 6(1): 750–757. <https://doi.org/10.31004/joe.v6i1.2990>
34. Mwuese Kwaghtsulesega H., Obodoechi D. N., Anyanwu O. C. Enhancing global business education through artificial intelligence application. *Xpertno International Journal of Interdisciplinary Research*, 2023, 1(1): 81–99. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.10458252>
35. Pulido C. M., Mara L.-C., Ionescu V., Sordé-Martí T. Social impact of psychological research on well-being shared in social media. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00135>
36. Ли Н., Го Ю., Сунь Я. Анализ особенностей информационно-коммуникационных технологий в процессе преподавания русского языка. *Вестник педагогических наук*. 2024. № 3. С. 180–185. [Li N., Guo Y., Sun Y. Analysis of the peculiarities of information and communication technologies in the process of teaching Russian. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, 2024, (3): 180–185. (In Russ.)] <https://doi.org/10.62257/2687-1661-2024-3-180-185>
37. Davies R. S. Understanding technology literacy: A Framework for evaluating educational technology integration. *TechTrends*, 2011, 55(5): 45–52. <https://doi.org/10.1007/s11528-011-0527-3>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ofdwna>

Дискуссионные аспекты и перспективы внедрения электронного правосудия

Гаврилов Евгений Олегович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Кемеровский государственный медицинский университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9577-7783

gavrilich@yandex.ru

Аннотация: В современном обществе роль цифровых технологий существенно возрастает. Цель – определить дискуссионные аспекты возможностей и перспектив внедрения электронного правосудия. Показано, что дефиниция *электронное правосудие* вошла в научный оборот и постепенно получает правовое оформление. Реализацию на практике электронного правосудия следует рассматривать как элемент воплощения международных проектов цифровой трансформации политических и правовых систем мира. Россия достаточно последовательно придерживается этого глобалистского тренда, что проявляется в планах развития судебной системы, появлении многочисленных цифровых сервисов, внесении соответствующих изменений в законодательство. Декларации преимуществ электронного правосудия вызывают дискуссии относительно отдельных аспектов его внедрения в деятельность судов. В ходе полемики высказывается сомнение, что цифровизация правосудия позволит обеспечить его доступность, соблюдение гарантированных конституциями и международными стандартами прав и свобод человека и гражданина, соблюдение базовых принципов судопроизводства. Одним из наиболее дискуссионных вопросов является самостоятельное участие систем искусственного интеллекта на всех стадиях судебного процесса, включая возможность вынесения итогового решения. Сделан вывод, что существует риск не только замены человека электронным судьей, но и подмены самого правосудия его электронной симуляцией, что ставит под угрозу традиционное правосудие как таковое. Дальнейшая реализация планов по цифровой трансформации правосудия в перспективе может повлечь изменение фундаментальных основ права.

Ключевые слова: электронное правосудие, цифровое правосудие, цифровая трансформация, глобализация, электронный судья, электронная симуляция, автоматизация, искусственный интеллект

Цитирование: Гаврилов Е. О. Дискуссионные аспекты и перспективы внедрения электронного правосудия. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 546–557. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-546-557>

Поступила в редакцию 31.05.2024. Принята после рецензирования 16.07.2024. Принята в печать 23.07.2024.

full article

Discussion on Prospects for E-Justice

Evgeniy O. Gavrilov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9577-7783

gavrilich@yandex.ru

Abstract: Digital technologies are important in modern society. However, the prospects of *e-justice* still seem quite controversial. Electronic justice has already entered scientific circulation and is gradually receiving legal formalization. E-justice in practice should be considered as an international project for global digital transformation of politics and law. Following this global trend, Russia has been introducing digital services and legislative changes. Currently, e-justice causes discussions regarding certain aspects of its implementation in court. Doubts are expressed that digital justice will ensure accessibility, not to mention compliance with international and constitutional human and civil rights and judicial proceedings. Unassisted participation of artificial intelligence at all trial stages, including sentencing, is the most controversial issue, including the possibility of making a final decision. E-justice has a risk of replacing a human judge with an electronic one in an electronic simulation of justice, which might destroy the traditional concept of justice as such. Further digital transformation of justice may affect the very foundations of law.

Keywords: e-justice, digital justice, digital transformation, globalization, e-judge, e-simulation, automation, artificial intelligence

Citation: Gavrilov E. O. Discussion on Prospects for E-Justice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 546–557. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-546-557>

Received 31 May 2024. Accepted after review 16 Jul 2024. Accepted for publication 23 Jul 2024.

Введение

В современном обществе роль цифровых технологий существенно возрастает. Практически нет сферы общественных отношений, где бы не использовались электронные средства. Их интеграция в процессы функционирования социальных институтов только увеличивается, что является результатом целенаправленных усилий по осуществлению планов преобразования страны. Эти цели находят отражение в официальной риторике. В частности, Президент России в своих выступлениях периодически подчеркивает важность внедрения цифровых технологий в государственное управление¹ и деятельность судов². Цифровизация отечественной правовой системы в целом, правосудия в том числе, уже становится предметом фундаментальных исследований [1], количество которых стремительно растет. Проблема состоит в том, что возможные результаты внедрения электронных технологий в деятельность по осуществлению правосудия зачастую осмысливаются и озвучиваются достаточно односторонне, а возможные негативные последствия и вовсе не становятся предметом пристального изучения. Цель исследования – определить дискуссионные аспекты возможностей и перспектив внедрения электронного правосудия. То есть речь пойдет не только об актуальном настоящем, но и о вероятном будущем электронного правосудия.

Результаты

Электронное правосудие в контексте цифровизации

В России судебная защита гарантирована ст. 46 Конституции РФ³. Эта гарантия закреплена и в конституциях других стран, а также международных

стандартах прав и свобод человека и гражданина (ст. 14 Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.)⁴. Исходя из этого, электронное правосудие должно способствовать реализации этой гарантии или хотя бы не затруднять ее действия. Хотя единого понимания понятия *электронное правосудие* не существует, в практике словоупотребления оно приобретает синонимичное значение с понятиями *цифровое правосудие*, *диджитализация правосудия*, *виртуальное правосудие* и другими смежными словосочетаниями.

Некоторые авторы проводят различие между приведенными понятиями. Например, О. В. Брянцева и О. Л. Солдаткина понимают смысл прилагательного *цифровое* как «форму существования» чего-либо, а термин *электронное* – в значении «носителя информации» [2, с. 99; 3, с. 14–15]. Чтобы не углубляться в сопоставление понятий, отметим, что рассматриваем их как связанные и в некоторых случаях как подобные. Электронное правосудие имеет сходство с понятием электронного правительства, а цифровое правосудие – с понятием цифрового государственного управления. Следовательно, их можно считать производными от соответствующих форм организации государственной власти. Оба выражения фигурируют как в международных, так и в отечественных документах, что позволяет соотнести их с масштабными программами и процессами преобразования российского общества⁵ и мира в целом [4; 5]. Электронное правосудие вполне уместно рассматривать как элемент проектов глобальной цифровой трансформации под эгидой ООН и других международных структур [6, с. 38, 40; 7].

¹ О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. Послание Президента РФ от 01.03.2018 б/н. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=102463503&rdk=&firstDoc=1&lastDoc=1> (дата обращения: 23.05.2024).

² Владимир Путин принял участие в работе юбилейного, X Всероссийского съезда судей. Администрация Президента России от 29.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/69949> (дата обращения: 23.05.2024); Путин призвал судей быть готовыми к цифровизации. *РИА Новости*. 14.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230214/sudi-1851974133.html?ysclid=lwepcfp214299710027> (дата обращения: 23.05.2024).

³ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ О национальных целях развития РФ на период до 2030 г. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*; В России появится новый нацпроект – «Экономика данных». *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации*. 13.07.2023. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/45686/> (дата обращения: 22.05.2024); Перечень документов, на основании которых развивается электронное правительство. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/legal_issues/2685 (дата обращения: 22.05.2024).

В России понятие электронного правосудия имеет документальное закрепление на уровне подзаконного ведомственного нормотворчества, концепций и стратегий развития⁶, а также целевых программ [8, с. 13–15]. Так, электронное правосудие понимается как «способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»⁷. Наряду с нормативным закреплением понятие *электронное правосудие* выступает в качестве названия сервиса, являющегося подсистемой (модулем) ГАС Правосудие, а также сервиса электронной системы арбитражных судов, служащих для направления в суд и получения из суда документов в электронной форме⁸.

В законодательство регулярно вносятся изменения, позволяющие реализовать заявленные цели⁹. Суть этих изменений состоит во внедрении практики использования различных электронных (цифровых) сервисов (ГАС Правосудие, Правосудие.рф, Мой арбитр и др.), программного и аппаратного обеспечения осуществления правосудия и различных видов связанной с ним деятельности (документооборот, дистанционное взаимодействие, электронные средства идентификации и др.) в цифровом формате. По различным оценкам, по уровню цифровизации правосудия Россия обгоняет некоторые развитые страны¹⁰. На ускорение этих процессов по всему миру повлияла инициированная международными структурами система мер, связанная с распространением коронавируса в 2020–2021 гг.¹¹, которая способствовала обоснованию необходимости внедрения дистанционных цифровых технологий [9; 10; 11, с. 37–40], а главное их приравниванию

к традиционно сложившимся отношениям. Предполагается, что внедрение современных электронных технических средств позволит решить ряд проблем. Этот аргумент обычно используется для обоснования перспективности электронного правосудия. Но технологии, создаваемые для решения насущных проблем, порождают новые проблемы. Остановимся на некоторых дискуссионных аспектах внедрения электронного правосудия, возможных перспективах, рисках или угрозах, которые неизбежно влечет этот процесс.

Дискуссионные аспекты внедрения электронного правосудия

Первым дискуссионным аспектом является возможность повышения доступности правосудия [12]. Указанный аспект, связанный с возможностями распространения информации, характерен для всех цифровых сервисов. Во многом благодаря этому современное общество получило название информационного. Применительно к правосудию речь идет не только об электронном документообороте или базах данных судебных дел и решений, но и о самой возможности рассмотрения дела в режиме онлайн с использованием систем видеоконференцсвязи. В России в перспективе до 2030 г. планируется, что «онлайн взаимодействие будет возможно от этапа подачи иска и до самого судебного заседания» (В. В. Момотов)¹², а с 2024 г. планируется полноценный запуск супер-сервиса «Правосудие онлайн», который уже содержит ряд новых функций по сравнению с прежними цифровыми сервисами (идентификация участников по биометрии, автоматическое определение подсудности и др.)¹³. Аналогичные сервисы внедряются по всему миру¹⁴ [13; 14].

⁶ О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.». Постановление Правительства РФ № 1406 от 27.12.2012 (ред. от 15.07.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах РФ и учреждений Судебного департамента. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 362 от 26.11.2015. *СПС КонсультантПлюс*.

⁸ Совет судей планирует осуществить переход к электронным судам к 2030 г. *Интерфакс*. 21.05.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/961547> (дата обращения: 23.05.2024).

⁹ См., напр.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 440-ФЗ от 30.12.2021. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁰ Электронное правосудие. URL: <https://about.pravo.tech/kad> (дата обращения: 23.05.2024); Цифровизация российской судебной системы в международном контексте. *РАПСИ*. 19.05.2021. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20210519/307053315.html?ysclid=lwoyuzd8d8834383397 (дата обращения: 23.05.2024).

¹¹ О приостановлении личного приема граждан в судах (Утратил силу). Постановление Президиума Верховного суда РФ и Президиума Совета судей РФ № 821 от 08.04.2020 (ред. от 29.04.2020). *СПС КонсультантПлюс*; Комплексное реагирование системы ООН на COVID-19. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/UN-response> (дата обращения: 23.05.2024); Семь шагов от пандемии к тоталитаризму. *Фонд стратегической культуры*. 29.04.2020. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/04/29/sem-shagov-ot-pandemii-k-totalitarizmu.html> (дата обращения: 23.05.2024).

¹² К 2030 году планируется переход на электронное правосудие, – *РАПСИ. Правосудие онлайн*. 02.04.2024. URL: <https://pravosudieonline.ru/%e2%80%bc%ef%b8%8f-k-2030-godu-planiruyetsya-perehod-na-elektronnoe-pravosudie-rapsi/> (дата обращения: 23.05.2024).

¹³ Электронное правосудие в России: новый этап. *Гарант.РУ*. 14.10.2020. URL: <https://www.garant.ru/article/1416765/> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁴ Краткий обзор внедрения цифровых технологий в судебную практику в разных странах. *РАПСИ*. 04.09.2023. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_publication/20230904/309179380.html?ysclid=lwhpwk0vpr419385369 (дата обращения: 23.05.2024).

Обозначим риски внедрения цифровой доступности правосудия. Не будем подробно рассматривать возможность сбоев и ошибок электронных систем, возможности их взлома и удаленного управления, повреждения или фальсификации цифровых данных, несанкционированного сбора информации и другие подобные оборотные стороны доступности электронных ресурсов. Эти проблемы, с одной стороны, достаточно очевидны, поскольку характерны для цифровизации в целом, с другой – требуют тщательной проработки, т. к. несут новые угрозы обществу и человеку, становятся питательной средой для правонарушений. В рамках осуществления видеоконференцсвязи или создания видеоархива, например, возможно использование технологии *deepfake*, что ставит под сомнение какую-либо достоверность корпоративных онлайн-собраний, судебных онлайн-заседаний, электронных доказательств, цифровых отпечатков и следов [15].

Одной из главных угроз подобного рода новаций, отнюдь не только в сфере правосудия, является, как это ни парадоксально звучит, снижение доступности правосудия. Это связано не только с разницей в компьютерной грамотности населения разных стран, различным уровнем доступа к электронным ресурсам. Речь идет о требованиях соблюдения базовых принципов осуществления правосудия. Так, п. 6 ст. 6 КАС РФ закрепляет непосредственность судебного разбирательства. Данный принцип и соответствующие требования закреплены и в других процессуальных кодексах (ст. 157 ГПК, ст. 10 АПК РФ, ст. 240 УПК РФ, а также частично в ч. 2 ст. 29.7 КоАП РФ)¹⁵ [16]. Отступление от этого принципа допускается только в случаях, когда непосредственное совершение процессуальных действий затруднено (судебное поручение) или когда речь идет об усеченных процессуальных формах (упрощенный порядок, приказное производство). Судебное заседание или подготовительные действия с использованием дистанционных технологий, в том числе с применением видеоконференцсвязи, по сути, являются опосредованными, что можно считать нарушением базовых прав и гарантий в области правосудия. При исследовании этой проблемы авторы признают возможность такого ущемления прав различных участников процесса, выражают сомнения в целесообразности видеоконференцсвязи, обсуждают границы допустимости применения дистанционных средств коммуникации¹⁶ [17], рассматривают их как *надправовой* и *надпроцессуальный феномен* [18],

указывают на нечеткость, коллизийность или неясность правового регулирования такого формата правосудия [19; 20].

По сути, стадии судопроизводства, осуществляемые при помощи электронных средств коммуникации, в той или иной степени лишь имитируют процессуальные формы, создают дополнительные барьеры между участниками процесса, оказывают обезличивающее воздействие на них. Эта проблема может быть распространена и на электронный документооборот, поскольку уравнивание электронного документа с бумажным означает перенесение свойств последнего на сгенерированное программным обеспечением изображение. Наделение цифровых документов юридическими свойствами традиционных документов не снимает проблем неопределенности их правового статуса, отсутствия единых стандартов, адаптации вновь возникающих технических средств, а также проблемы сохранности, фальсификации или утраты цифровых объектов. Речь идет как об электронной подписи, так и документе в целом, включая цифровые (электронные) доказательства или доказательства, полученные с помощью электронных средств [21–26]. Попытка решить эту проблему средствами, например, биометрической идентификации порождает новую угрозу традиционному правосудию, связанную с требованием добровольности предоставления персональных данных, сохранения неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности информации и т. п. Ситуация усугубляется тем, что в перспективе традиционные формы рассмотрения дел и документооборота могут стать недоступными, что существенно ограничит права тех, кто не желает пользоваться электронными сервисами. Ссылки на весьма идеологически нагруженный и многозначный термин *прогресс* не должны служить основанием нарушения обширного перечня конституционных прав личности и современного информационного законодательства, признающего равенство информационных технологий, к которым относятся и традиционные бумажные носители информации (см. п. 8 ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»)¹⁷.

Второй аспект внедрения электронного правосудия находит выражение в автоматизации правосудия. Он связан с первым дискуссионным аспектом, о котором мы упоминали выше. Электронные сервисы, обеспечивая доступ к правосудию, выполняют все

¹⁵ Кодекс административного судопроизводства РФ № 21-ФЗ от 08.03.2015; Гражданский процессуальный кодекс РФ № 138-ФЗ от 14.11.2002; Арбитражный процессуальный кодекс РФ № 95-ФЗ от 24.07.2002; Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001; Кодекс РФ об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001. СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ «Видеосвязь не заменит коммуникацию в судебной системе»: на ПМЮФ обсудили работу судов в условиях пандемии. *Лигал Академия. Сфера*. 11.04.2020. URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/videosvyaz-ne-zamenit-kommunikaciyu-v-sudebnoi-sisteme-na-pmyuf-obsudili-rabotu-sudov-v-usloviyah-pandemii?ysclid=lwq1hls79l28622629> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁷ Об информации, информационных технологиях и о защите информации. ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006. СПС КонсультантПлюс.

большее количество операций без участия человека в тех сферах, где они внедряются. Обоснование необходимости автоматизации правосудия опирается на предположение, что возможности электронных средств позволят разгрузить судебную систему, удешевить судопроизводство [27], уменьшить бюрократические барьеры и даже снизить коррупцию в государственном управлении [28; 29; 30, с. 11]. Указывая на возможности искусственного интеллекта (ИИ) автоматически обрабатывать массивы правовой информации, некоторые авторы заявляют, что широкое использование этих технических средств приводит к формированию так называемых *предсказательного правосудия* (или *предиктивного правосудия*), а также *машинночитаемого права*. В первом случае речь идет об «аналитических инструментах, которые позволили бы прогнозировать будущие решения в спорах, аналогичных тем, которые были проанализированы» [31, с. 81]. В другой трактовке – о «наборе инструментов, разработанных на основе анализа больших данных, которые с применением аналитического расчета вероятности предсказывают исход спора» (Б. Дондеро) [по: 32, с. 85]. Во втором случае имеется в виду «подход к трансформации (переводу в компьютерно-программный образ, выражаемый через прикладные программные разработки в кодах или кодо-подобных формах) массивов правовых норм» [33, с. 235] или, иными словами, выражение буквы и духа закона в компьютерном коде, используемом в правовой деятельности. Эти новации свидетельствуют о цифровой трансформации не только правосудия, но и права в целом.

В перспективе ожидается повсеместное внедрение ИИ, появление *электронного судьи* (используются синонимы: *умный суд*, *робот-судья* и др.), на которого планируется возложить осуществление правосудия вместо человека. На этот счет высказываются различные, а иногда полярные точки зрения. Так, И. А. Шершикова замечает, что «алгоритмы хорошо заменяют человека там, где речь идет о замене механической, повторяющейся работы» [34, с. 609], т.е. там, где отсутствует спор и требуется автоматический

расчет или замена данных в типовых документах (например, приказное производство), но где требуются «сложные многофакторные решения» (например, о степени общественной опасности), ИИ не может заменить человека [34, с. 609]. Напротив, оценивая перспективы появления «сильного ИИ»¹⁸, С. И. Иванова и Е. А. Хамрокулов предполагают возможность полноценного внедрения машинных алгоритмов в процесс осуществления правосудия [35, с. 12–13]. Однако они встречают возражение со стороны тех, кто высказывает более осторожные прогнозы, в которых роль ИИ видится только в качестве помощника судьи и не во всех видах судопроизводства [36, с. 190]. Как отмечает Н. В. Спесивов, даже столкнувшись с консультативной ролью электронного помощника, «судья может оказаться перед сложным профессиональным и моральным выбором, поскольку сгенерированное искусственным интеллектом решение может оказать значительное влияние на результаты» [32, с. 87], что дает основание считать опасным использование ИИ в уголовном судопроизводстве [32, с. 84–85]. На практике наиболее приблизились к воплощению идеи электронного судьи несколько стран, среди которых Китай¹⁹ [37], Эстония²⁰, Аргентина²¹, Колумбия²², Бразилия, США [38]. Уровень цифровизации правосудия в этих странах различный, но в каждой из них генеративный ИИ²³ привлекается к рассмотрению, вынесению и изготовлению судебных решений. Пока что совсем без человека ни одна из электронных систем не обходится. Тем не менее в перспективе планируется создание полноценного электронного судьи.

Говоря о рисках и угрозах автоматизации правосудия, следует иметь в виду комплекс взаимосвязанных проблем. Во-первых, разгрузка судебной системы может быть мнимой, т.к. обмен документами в электронном формате вполне ожидаемо приводит к увеличению массива электронных документов, копий, запросов, сообщений уведомлений и т.д., одновременно попадающих на регистрацию и рассмотрение в силу ускорения документооборота. Отчасти эту проблему можно решить путем автоматической обработки

¹⁸ То есть воспроизводящего мышление и сознание человека, включая самосознание. См.: Сильный ИИ против слабого ИИ: в чем разница? *New-Science.ru*. 24.06.2023. URL: <https://new-science.ru/silnyj-ii-protiv-slabogo-ii-v-chem-raznica/> (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁹ В Китае суд вершится в мессенджере. Судья – искусственный интеллект. *Комсомольская правда*. 22.07.2022. URL: <https://www.kp.ru/daily/27422.5/4621422/?ysclid=lwi2l33gpn253140135> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁰ Робот-судья будет рассматривать мелкие иски в Эстонии. *Хайтек+*. 26.03.2019. URL: <https://m.hightech.plus/2019/03/26/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii> (дата обращения: 23.05.2024).

²¹ Киберсудья. Сможет ли робот судить человека? *СБ Беларусь сегодня*. 16.11.2018. URL: <https://www.sb.by/articles/kibersudya-mif-ili-realnost.html#> (дата обращения: 23.05.2024).

²² Бот судья: чем грозит применение искусственного интеллекта в судах. *Forbes*. 18.02.2023. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/484998-bot-sud-a-chem-grozit-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudah> (дата обращения: 23.05.2024).

²³ «Это тип системы ИИ, которая может генерировать уникальный или оригинальный контент, такой как текст, аудио, видео или изображения по запросу». См.: Что такое генеративный ИИ? *New-Science.ru*. 21.06.2023. URL: <https://new-science.ru/chto-takoe-generativnyj-ii/?ysclid=lwsxjbywz8933501413> (дата обращения: 23.05.2024).

сообщений, точнее даже автоматизацией различных стадий и этапов судопроизводства. Но такой путь пока не может рассматриваться как универсальный способ решения проблемы. Для одних процессуальных действий еще требуется непременно участие человека в качестве оценивающего субъекта или субъекта принятия решения, для других недостаточен уровень совершенства искусственного интеллекта. Кроме того, в ряде случаев электронные документы дублируются бумажными носителями, что удваивает трудозатраты работников судов. Не будем забывать и о внутренней документации, лишь частично охваченной системой электронного документооборота.

Во-вторых, удешевление правосудия видится как экономия на человеке. Во всем мире электронное образование, электронная медицина и прочие сервисы считаются делом бедных людей, не имеющих возможности приобрести себе настоящие продукты и услуги²⁴. Речь идет отнюдь не о возможностях владеть электронными ресурсами (производством, инфраструктурой, контентом, большими данными), извлекать прибыль из этого обладания. Это как раз удел сверхбогатого меньшинства. Имеется в виду замена традиционных отношений их виртуальными аналогами с последующим приравниванием одних к другим на безальтернативной основе. В рамках рассматриваемой темы цифровизация означает в перспективе также экономию на судье – человеке. С другой стороны, на оснащение правосудия электронными средствами требуются существенные материально-финансовые затраты, которые, возможно, перевешивают ожидаемую экономию²⁵. Общеизвестно, что техника быстро устаревает, и требуется много усилий на ее установку, настройку, содержание и обновление. То есть тратиться, скорее всего, придется дважды или даже многократно.

Экономический аспект рассматриваемой проблемы имеет еще одну грань. Как правило, у нейросетей, программных кодов, оборудования есть владельцы в лице не только государственных, но и частных структур. Основными владельцами передовых технологий считаются китайские и американские компании,

силовые ведомства этих стран. В связи с этим возникает проблема технологической зависимости для стран, не обладающих необходимым потенциалом, что может рассматриваться как путь к утрате суверенитета. Кроме того, частные компании могут предоставлять свои разработки государству или использовать их в частном порядке для урегулирования споров и иных правовых вопросов, например, в деятельности хозяйствующих субъектов и их персонала. Возрастание доли использования частных электронных систем в практике рассмотрения дел, например, в рамках третейского разбирательства [39; 40, с. 668–672] может стать шагом к приватизации правосудия как такового, по аналогии с другими государственными функциями: частные тюрьмы, частные армии, частная медицина, частное образование, частная полиция и др. С этой точки зрения дешевизна правосудия будет зависеть от соотношения спроса и предложения, монопольного положения на рынке владельцев цифрового продукта и рыночной целесообразности (максимизация прибыли, минимизация издержек). В свете разворачивающихся мировых процессов²⁶ реальным может стать соединение в одном кибернетическом продукте качеств персонажей известных фантастических киноантиутопий 1980–1990-х гг.: судьи Дредда, робокопа и терминатора в *hard* или *light* версиях²⁷. В этом случае подобная электронная интеллектуальная система в максимально упрощенном порядке будет сама фиксировать нарушение / спор, осуществлять рассмотрение, выносить приговор / решение / постановление, приводить его в исполнение.

В-третьих, ожидаемая оптимизация правосудия за счет сокращения рабочих мест судейского корпуса и разгрузки судов не вполне оправдана в связи с необходимостью набирать штат специалистов в области информационных технологий. Они, обеспечивая судопроизводство технически, по сути, также становятся скрытыми участниками осуществления электронного правосудия, не имея при этом закрепленного в кодексах процессуального статуса. На них, так же как и на работников судов, необходимо

²⁴ New York Times: цифровизация – это для бедных, богатые тратятся на человеческие услуги. *Накануне.ru*. 23.06.2020. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2020/06/23/22576959/?ysclid=lwrc2uv57v178719407> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁵ По некоторым оценкам бюджет нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» до 2030 г. составляет 1,6 трлн руб. См.: Бюджет обрастает данными. *Коммерсантъ*. 23.04.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6663766> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁶ Их отличительной стороной становится расширение использования чрезвычайных мер и закрепления их в качестве постоянных. Это характерно и для многочисленных компаний, осуществляемых под эгидой международных организаций или в рамках отдельных стран: по борьбе с вирусами, с международным терроризмом, с военными угрозами, с глобальным потеплением, а также по ведению санкционной политики, по контролю над миграцией и мн. др. Эти новшества могут выглядеть и как пилотный проект регулирования общественных отношений с использованием искусственного интеллекта в той или иной сфере. См.: Интеллект без названия: нейросистемы будут следить за порядком в Крыму. *Федерал Пресс*. 22.05.2024. URL: <https://fedpress.ru/news/91/society/3318193> (дата обращения: 23.05.2024).

²⁷ Примечательно, что кибернетические и правоприменительные новации в этих фильмах-предупреждениях, за исключением, может быть, первого, являются продуктами частных компаний.

расходовать бюджетные средства (что может быть не учитывает ободряющая статистика снижения нагрузки на судебные системы мира)²⁸. В связи с их участием в техническом сопровождении правосудия и в связи с внедрением электронных (цифровых) технологий в целом возникает проблема совместности технических и юридических компетенций. Техническим специалистам может быть незнаком язык юридических категорий, а судьям – специальные технические термины и особенности функционирования алгоритмов [41, с. 138]. Как отмечает О. Н. Толочко, «пользователи любой системы обычно смотрят на ее интерфейс и возможности, не вникая в детали их внутренней работы. Следовательно, "встроенные" ошибки могут в значительной мере влиять на качество принимаемых решений и, в конечном счете, на качество отправления правосудия» [42, с. 153]. То есть надежды на снижение бюрократического аппарата, вероятно, тщетны. Иными словами, пока еще нельзя разгрузить работу судов, не перераспределяя нагрузку на другие сферы, требующие человеческого участия.

В-четвертых, цифровизация всех сфер общественной жизни ожидаемо привела к возникновению и росту новых преступлений с использованием систем ИИ. За их динамикой элементарно не поспевает законодательство. В связи с этим возникает вопрос о юридической ответственности за решения электронного судьи. В качестве лиц, способных нести такую ответственность, исследователи предлагают рассмотреть непосредственного разработчика, компанию, судью [32, с. 88]. Как бы то ни было, вероятно, напрасно возлагаются надежды на снижение коррупции в области самого электронного правосудия даже в том случае, когда его от начала и до конца самостоятельно будет осуществлять электронный судья, не отягощенный личной или служебной заинтересованностью, корыстным умыслом, страхом, предвзятостью и т. п. Дело в том, что ИИ в его современной фазе развития столь же коррумпирован, как и те, кто владеет и управляет им. Он, как и многие технические новации, даже создает новые возможности для правонарушений в данной сфере. В связи с этим ожидаемое снижение коррупциогенных факторов в некоторых звеньях судебных систем просто

изменит конфигурации самих коррупционных схем и не более того. Владельцем же соответствующего электронного продукта может оказаться не только государство, но и те, кому принадлежит электронное оборудование, программное обеспечение, данные. Следует к тому же принимать во внимание те силы, которые способны оказать влияние на государственное управление в целом и электронное правосудие в частности (корпорации, организованная преступность, международные структуры, конфликтующие ведомства, религиозные организации и пр.).

Эта очевидная мысль может быть дополнена соображениями, которые лежат как в правовой, так и в этической плоскости. Речь идет о проблеме субъектности искусственного интеллекта. Критики, с одной стороны, указывают на то, что он не способен испытывать и учитывать эмоции и иные переживания, свойственные человеку, а с другой – они отмечают, что ему свойственно ошибаться, он проявляет пристрастность, исходя из пола, расы и иных особенностей человека, а также может намеренно обманывать²⁹ [35, с. 13; 39, с. 79; 42]. Более того, внедрение генеративного ИИ, а в перспективе – сильного ИИ – в процесс осуществления правосудия ставит под угрозу основополагающие принципы, на которых строится правовое регулирование судебной деятельности. Речь идет о принципах независимости судей, судейского усмотрения, гласности судопроизводства, справедливости судебного разбирательства и др. Рассмотрение этой проблемы и даже обсуждение путей ее решения можно встретить у многих исследователей [32; 35; 43; 44].

Некоторые авторы, ссылаясь на «Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях»³⁰, предлагают разработать и внедрить «в машиночитаемое право категории справедливости, что предполагает создание специальных информационно-аналитических программных систем, учитывающих базовые ценности национального и международного права» [43, с. 21]. Н. В. Спесивов в качестве этического стандарта рассматривает «законы робототехники» фантаста А. Азимова [32, с. 88]. Надежды на программируемую этичность и гуманность ИИ весьма удивительны во времена,

²⁸ Не только IT. Названы профессии с самыми высокими зарплатами в стране. *РБК. Life*. 27.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/665249989a794759d9780ec7> (дата обращения: 27.05.2024).

²⁹ Программу предсказания преступлений обвинили в расизме. *Хабр*. 24.05.2016. URL: <https://habr.com/ru/articles/394313/> (дата обращения: 21.05.2024); См. также: Мужчина провел почти год в тюрьме из-за ошибочных доказательств на основе ИИ. *Securitylab. Новости*. 23.08.2021. URL: <https://www.securitylab.ru/news/523630.php?ysclid=lmrnjbqhsr664413078> (дата обращения: 23.05.2024); ChatGPT обманул юриста в США. Искусственный интеллект сослался на несуществующие дела. *Zakon.ru*. 29.05.2023. URL: https://zakon.ru/discussion/2023/05/29/chatgpt_obmanul_yurista_v_ssha_iskusstvennyj_intellekt_soslalsya_na_nesuschestvuyuschie_dela (дата обращения: 23.05.2024).

³⁰ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (г. Страсбург, 05.12.2018 – 04.12.2018). URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 23.05.2024).

когда интенсивно используются боевые дроны, программируются на стрельбу робособаки и иные беспилотные средства убийства, а И. Маск требует прекратить обучать нейросети, грозя страшными последствиями³¹. Но мы возражения против идеи обучить электронного судью этике, справедливости, совести, духу закона сформулируем иначе.

Во-первых, этот процесс уже осуществляется странами, лидирующими в сфере разработки систем ИИ (США, КНР)³² [45]. Вот только этические стандарты, внедряемые в них, в некоторых аспектах принципиально отличаются друг от друга, а также от этических стандартов, принятых в России. В частности, такие отличия в деятельности нейросетей усматривает экс топ-менеджер IBM С. Карелов³³. Кроме того, у владельцев наиболее совершенных версий ИИ в лице корпораций или государственных структур наверняка имеются собственные несовместимые друг с другом и с международными стандартами этические требования. Оказывают влияние на общность этических стандартов и факторы политического, экономического, идеологического и военного противостояния. То есть проблема создания машиночитаемого права, основанного на этических принципах, заключается как в степени соответствия этическим нормам самого человечества, так и в степени универсальности этических стандартов. Нельзя исключать и того, что в случае появления сильного ИИ этика нейросети будет попросту отличаться от человеческой.

Во-вторых, ИИ в его современном виде лишь имитирует мыслительные, ценностные и поведенческие модели. Симулируя процесс толкования и применения права, электронный судья не руководствуется ни законом, ни справедливостью. Алгоритмы просто воспроизводят запрограммированные протоколы действий, и законы им, в сущности, для этого не нужны. Возникает сомнение, можно ли такого рода процедуры вообще считать правосудием. Скорее, это подмена правосудия, его более или менее совершенная и правдоподобная подделка, итогом широкого воплощения которой, возможно, станет признание права и правосудия «ненужными пережитками» прошлого.

Но главное то, что наделение генеративного ИИ распорядительными полномочиями означает наделение его правовым статусом, присущим только

человеку, или, по крайней мере, элементами процессуальной правосубъектности, что автоматически вызывает проблему правового уравнивания человека и машины. Это, в свою очередь, ведет к размыванию самой юридической категории субъекта. Причем речь идет не только о приравнивании машинных алгоритмов к человеку, но и о приравнивании человека к ним, что неизбежно влияет на всю правовую систему, ее фундаментальные основы. Для нейросетей, принимающих решения, не реализуются такие условия осуществления права субъектом, как свобода воли, ответственность, способность осознавать собственные действия и их последствия. Человек же в процессе обретения искусственным интеллектом элементов правосубъектности оказывается сам на пороге утраты этого свойства. В ближайшей перспективе способность человека самостоятельно действовать в какой-либо сфере может быть существенно ограничена вариантами, рекомендуемыми или навязываемыми системами ИИ. Эта тенденция затрагивает и сферу осуществления правосудия, которое может в перспективе стать в буквальном смысле бесчеловечным.

Заключение

Исходя из неполного разбора дискуссионных аспектов возможностей и перспектив, а также рисков и угроз внедрения электронного правосудия, можно сделать ряд выводов:

1. Вероятность того, что правосудие перейдет в электронную форму, достаточно высока. Это влечет усиление роли искусственных электронных систем в процессе осуществления судопроизводства и снижение в нем доли непосредственного человеческого участия.

2. Вопреки ожиданиям, есть основания утверждать, что это не приведет к укреплению ни законности, ни справедливости, однако может внести элемент единообразия в правоприменительную практику путем подчинения поведения человека машинным алгоритмам.

3. Главным риском внедрения электронного правосудия следует считать подмену правосудия как такового его электронной симуляцией, что, весьма вероятно, может привести в перспективе к кризису и исчезновению веками складывающихся правовых систем.

³¹ Илон Маск совместно с экспертами в области ИИ потребовал запретить обучать нейросети. *Российская газета*. 29.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/29/ilon-mask-sovmestno-s-ekspertami-v-oblasti-ii-potreboval-zapretit-obuchat-nejroseti.html> (дата обращения: 23.05.2024).

³² Китай выпускает этический кодекс для искусственного интеллекта нового поколения. Наблюдатель за правосудием Китая. *С/О*. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/a/china-issues-code-of-ethics-for-new-generation-ai?ysclid=lws0ptszsf593494263> (дата обращения: 23.05.2024); Для искусственного интеллекта разработали этические нормы. *Techinsider*. 25.02.2020. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-551494-dlya-iskusstvennogo-intellekta-razrabotali-eticheskie-normy/?ysclid=lws0wzvuvw879053894> (дата обращения: 23.05.2024).

³³ Китай и Запад создают два совсем разных ИИ. *Medium*. 20.11.2021. URL: <https://sergey-57776.medium.com/китай-и-запад-создадут-два-совсем-разных-ии-4e29e9a25bd7> (дата обращения: 23.05.2024).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Право цифровой среды, ред. Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова. М.: Проспект, 2022. 896 с. [*Digital environment law*, eds. Podshivalov T. P., Titova E. V., Gromova E. A. Moscow: Prospect, 2022, 896. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ambwlm>
2. Брянцева О. В., Солдаткина О. Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения. *Вестник университета О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 12. С. 97–104. [Bryantseva O. V., Soldatkina O. L. E-justice in Russia: Problems and solutions. *Courier of Kutafin Moscow State Law University*, 2019, (12): 97–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.64.12.097-104>
3. Козырев А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе. *Цифровая экономика*. 2018. № 1. С. 5–19. [Kozyrev A. N. Digital economy and digitalization in historical retrospect. *Digital economy*, 2018, (1): 5–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmussb>
4. Линдерс А. М. Р. Вопросы цифрового развития и цели устойчивого развития ООН. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 3. С. 124–129. [Leenders A. M. R. Digital development and the UN sustainable development goals. *The Caspian region: Politics, economics, culture*, 2020, (3): 124–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhyaer>
5. Какохо Т. Г. Правовой режим электронного правительства в Российской Федерации. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023. № 1. С. 102–107. [Kakokho T. G. The legal regime of e-government in the Russian Federation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2023, (1): 102–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zkdbtm>
6. Гаврилов Е. О. Перспективы развития государства в XXI веке. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2023. Т. 7. № 1. С. 37–45. [Gavrilov E. O. Scenarios of state development in the XXI century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2023, 7(1): 37–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2023-7-1-37-45>
7. Гаврилов Е. О. Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2020. Т. 4. № 2. С. 146–152. [Gavrilov E. O. Digital sovereignty in the context of globalization: Philosophical and legal aspects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 146–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-146-152>
8. Махина С. Н., Завьялова И. С. Цифровизация административного судопроизводства как фактор повышения результативности и эффективности реализации государственных функций: российский и зарубежный опыт. *Журнал административного судопроизводства*. 2020. № 4. С. 13–17. [Makhina S. N., Zavyalova I. S. Digitalization of administrative proceedings as a factor in increasing the effectiveness and efficiency of the implementation of state functions: Russian and foreign experience. *Journal of the administrative proceedings*, 2020, (4): 13–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vlmcbn>
9. Развейкина Н. А., Шиханова Е. Г. Трансформации судопроизводства в России, спровоцированные пандемией. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2021. Т. 18. № 4. С. 50–58. [Razveykina N. A., Shikhanova E. G. Transformations of court proceedings in Russia caused by the pandemic. *Herald of Omsk University. Series: Law*, 2021, 18(4): 50–58. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18\(4\).50-58](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2021.18(4).50-58)
10. Заброта Д. Г., Филонов А. В. Проблемы организации судебной деятельности в период пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19, в зарубежных странах. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2022. Т. 8. № 3. С. 287–294. [Zabroda D. G., Filonov A. V. Problems of the organization of judicial activities during the pandemic caused by coronavirus infection COVID-19, in foreign countries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2022, 8(3): 287–294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqb1tx>
11. Киртон Д. Последствия глобализации для управления «Группы двадцати». *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2020. Т. 15. № 2. С. 24–54. [Kirton J. Globalization's implications for G20 governance. *International organisations research journal*, 2020, 15(2): 24–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-02>

12. Шевченко О. В. Цифровизация правосудия в Российской Федерации на современном этапе. *Гуманитарные научные исследования*. 2022. № 6. [Shevchenko O. V. Digitalization of justice in the Russian Federation at the present stage. *Humanities scientific researches*, 2022, (6). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ilkvip> URL: <https://human.snauka.ru/2022/06/50153> (дата обращения: 23.05.2024).
13. Муромская Ю. В., Батурина Н. А. Электронная форма судопроизводства за рубежом. *Инновационная наука*. 2019. № 4. С. 136–140. [Muromskaya Yu. V., Baturina N. A. Electronic form of legal proceedings abroad. *Innovation science*, 2019, (4): 136–140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/enrztc>
14. Журкина О. В., Максименко Е. И. Цифровое правосудие на примере интернет-судов Китая. *Вопросы российского и международного права*. 2020. Т. 10. № 6-1. С. 138–143. [Zhurkina O. V., Maksimenko E. I. Digital justice: A case study of China's internet courts. *Matters of Russian and international law*, 2020, 10(6-1): 138–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.63.35.051>
15. Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия. *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 11. С. 180–186. [Laptev V. A. Deepfake and other artificial intelligence products on the way to the development of online justice. *Actual problems of Russian law*, 2021, 16(11): 180–186. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.132.11.180-186>
16. Нобель А. Р. Понятие и содержание принципа непосредственности и гарантии его реализации в производстве по делам об административных правонарушениях. *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 19. № 4. С. 11–18. [Nobel A. R. The concept and content of the principle of immediacy and guarantees of its implementation in administrative proceedings. *Actual problems of Russian law*, 2024, 19(4): 11–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2024.161.4.011-018>
17. Калентьева Т. А. Непосредственность судебного разбирательства: шаг вперед или два шага назад? *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2016. Т. 1. № 2. С. 176–182. [Kalentieva T. A. The immediacy of the trial: Step forward or two steps back? *Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev*, 2016, 1(2): 176–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxlvxz>
18. Буланков Д. М. Видеоконференц-связь и ее значение в доказывании в арбитражном и гражданском процессе. *Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2022. № 4. С. 52–56. [Bulankov D. M. Videoconferencing and its influence in proving in arbitration and civil proceedings. *Moscow Witte University Bulletin. Series 2: Legal Sciences*, 2022, (4): 52–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21777/2587-9472-2022-4-52-56>
19. Тихомирова Ю. В., Шкаревская В. В. Проблемы разграничения понятий «видеоконференц-связи» и «веб-заседаний» в практике арбитражных судов Российской Федерации. *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 11. С. 165–168. [Tikhomirova Yu. V., Shkarevskaya V. V. Problems of differentiation of concepts "videoconferencing" and "web meetings" in the practice of arbitration courts of the Russian Federation. *Law and state: The theory and practice*, 2022, (11): 165–168. (In Russ.)] https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_11_165
20. Голубцов В. Г. Электронное правосудие как глобальный тренд в трансформации цивилистического процесса: актуальные аспекты. *Судья*. 2022. № 11. С. 25–31. [Golubtsov V. G. E-justice as the global trend in the transformation of civil procedure: Topical issues. *Judge*, 2022, (11): 25–31. (In Russ.)] https://doi.org/10.52433/18178170_2022_11_25
21. Жуков Г. А., Коновалов С. М. Международная практика использования электронных подписей. Примеры и перспективы развития. *Вестник науки*. 2024. Т. 1. № 4. С. 386–391. [Zhukov G. A., Konovalov S. M. International practice of using electronic signatures. Examples and development prospects. *Vestnik nauki*, 2024, 1(4): 386–391. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xjiurl>
22. Маслов А. В. К вопросу о статусе цифровых доказательств и электронной информации в уголовном процессе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 8. [Maslov A. V. On the status of digital evidence and electronic information in criminal proceedings. *International Research Journal*, 2023, (8). (In Russ.)] <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.134.130>
23. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? *Lex Russica*. 2019. № 7. С. 74–84. [Voronin M. I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: To be or not to be? *Lex Russica*, 2019, (7): 74–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.074-084>
24. Воронин М. И. О правовой природе электронных (цифровых) доказательств. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 10. С. 74–81. [Voronin M. I. Concerning the issue regarding legal nature of electronic (digital) evidence. *Courier of the university named after O. E. Kutafin (MSAL)*, 2020, (10): 74–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.74.10.074-081>

25. Степаненко Д. А. Технология собирания электронно-цифровых доказательств: проблемы и рекомендации. *Глаголь правосудия*. 2024. № 1. С. 23–29. [Stepanenko D. A. Technology for collecting electronic evidence: Problems and recommendations. *Glгол of Justice*, 2024, (1): 23–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/apxlvx>
26. Шинкарецкая Г. Г. Цифровые доказательства в процессе Международного Суда. *Международное право и международные организации*. 2023. № 1. С. 55–66. [Shinkaretskaya G. G. Digital evidence in the process of the International Court of Justice. *International law and international organizations*, 2023, (1): 55–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0633.2023.1.40047>
27. Вязовцева В. Е., Миронов А. А. Электронное правосудие – необходимое будущее или потенциальная угроза? *Вопросы российской юстиции*. 2020. № 10. С. 110–117. [Vyazovtseva V. E., Mironov A. A. Electronic justice – a necessary future or a potential threat? *Issues of Russian justice*, 2020, (10): 110–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bdvbbb>
28. Мирошниченко О. И., Филоненко Т. В. Цифровые технологии как фактор снижения коррупционных проявлений в судебной системе. *Правовая парадигма*. 2020. Т. 19. № 2. С. 136–143. [Miroshnichenko O. I., Filonenko T. V. Digital technologies as a factor in reducing corruption in the judicial system. *Legal concert*, 2020, 19(2): 136–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.2.20>
29. Волкова В. Д. Электронное правосудие и предупреждение коррупции. *Перспективы развития судебной системы Российской Федерации в свете решений X Всероссийского съезда судей (К 90-летию со дня образования Сахалинского областного суда)*: Межрегион. науч.-практ. круглый стол. (Хабаровск, 16 февраля 2023 г.) Хабаровск: ТОГУ, 2023. С. 16–18. [Volkova V. D. Electronic justice and prevention of corruption. *Prospects for the development of the judicial system of the Russian Federation in the light of the decisions of the X All-Russian Congress of Judges (On the 90th anniversary of the Sakhalin Regional Court)*: Proc. Interregion. Sci.-Prac. round table, Khabarovsk, 16 Feb 2023. Khabarovsk: PNU, 2023, 16–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wivlplk>
30. Морхат П. М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судейского усмотрения. *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 5. С. 6–11. [Morhat P. M. Use of artificial intelligence in the administration of justice as a way of overcoming judicial discretion. *Law and state: The theory and practice*, 2018, (5): 6–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycmywt>
31. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт. *Lex Russica*. 2019. № 11. С. 79–87. [Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": Foreign experience. *Lex Russica*, 2019, (11): 79–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087>
32. Спесивов Н. В. От фантастических теорий к объективной реальности: есть ли будущее у искусственного интеллекта и предиктивных технологий при отправлении правосудия по уголовным делам? *Lex Russica*. 2023. Т. 76. № 2. С. 81–90. [Spesivov N. V. From fantastic theories to objective reality: Is there future for artificial intelligence and predictive technologies in administration of criminal justice? *Lex Russica*, 2023, 76(2): 81–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.195.2.081-090>
33. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права. *Юридическая техника*. 2021. № 15. С. 231–236. [Ponkin I. V. The concept of machine-readable law. *Juridical techniques*, 2021, (15): 231–236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smtrwe>
34. Шершикова И. А. Робот-судья и отправление правосудия. *Право цифровой среды*, ред. Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова. М.: Проспект, 2022. С. 607–609. [Shershikova I. A. Robot judge and administration of justice. *Digital environment law*, eds. Podshivalov T. P., Titova E. V., Gromova E. A. Moscow: Prospect, 2022, 607–609. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iqzzny>
35. Иванова С. И., Хамрокулов Е. А. Электронное правосудие: перспективы развития. *Вестник права*. 2023. № 3. С. 10–15. [Ivanova S. I., Hamrokulov E. A. E-justice: Prospects development. *Herald of Law*, 2023, (3): 10–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrdgbr>
36. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮФ)*. 2021. № 5. С. 188–191. [Momotov V. V. Artificial intelligence in litigation: State and prospects for use. *Courier of the university named after O. E. Kutafin (MSAL)*, 2021, (5): 188–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2021.81.5.188-191>
37. Хорошко И. В. Зарубежный опыт электронной формы гражданского судопроизводства на примере Республики Сингапур и Китайской Народной Республики: история возникновения и современное состояние. *Человек: преступление и наказание*. 2022. Т. 30. № 2. С. 183–187. [Khoroshko I. V. Foreign experience of the electronic form of civil proceedings on the example of the Republic of Singapore and the People's Republic of China: The history of origin and current state. *Man: Crime and punishment*, 2022, 30(2): 183–187. (In Russ.)] [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30\(1-4\).2.183-187](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).2.183-187)

38. Новикова К. С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия. *Образование и право*. 2020. № 3. С. 240–244. [Novikova K. S. Artificial intelligence as an element of e-justice: Smart solution and electronic scales of justice. *Education and law*, 2020, (3): 240–244. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10340>
39. Каса И. Новеллы в формировании третейского суда: может ли робот заменить человека-арбитра? *Евразийская адвокатура*. 2018. № 2. С. 77–81. [Kasa I. Innovation in the formation of the arbitration tribunal: Can a robot replace a human arbitrator? *Eurasian advocacy*, 2018, (2): 77–81. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpbffb>
40. Трезубов Е. С. Цифровые технологии в альтернативных способах разрешения споров. *Право цифровой среды*, ред. Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова. М.: Проспект, 2022. С. 664–672. [Trezubov E. S. Digital technologies in alternative ways to resolve disputes. *Digital environment law*, eds. Podshivalov T. P., Titova E. V., Gromova E. A. Moscow: Prospect, 2022, 664–672. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twjvdy>
41. Белякова А. В. «Цифровое» правосудие в России 2.0. *Вестник Московского Университета. Серия 11. Право*. 2022. № 5. С. 124–142. [Belyakova A. V. Digital justice in Russia (V.2.0). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2022, (5): 124–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsaoup>
42. Толочко О. Н. Цифровая трансформация системы отправления правосудия: новые вызовы. *Проблемы цифровизации государственного управления: Республика Беларусь и зарубежный опыт: Междунар. круглый стол*. (Минск, 15 октября 2022 г.) Минск: БГУ, 2022. С. 151–156. [Tolochko O. N. Digital transformation of the justice system: New challenges. *Problems of digitalization of public administration: Republic of Belarus and foreign experience: Proc. Intern. round table, Minsk, 15 Oct 2022*. Minsk: BSU, 2022, 151–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrgwua>
43. Степанов О. А., Печегин Д. А., Дьяконова М. О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 5. С. 4–23. [Stepanov O. A., Pechegin D. A., Diakonova M. O. Towards the issue of digitalization of judicial activities. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, (5): 4–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.5.4.23>
44. Коваленко К. Е., Печатнова Ю. В., Стаценко Д. А., Коваленко Н. Е. Судья-робот как преодоление противоречий судебного усмотрения (юридические аспекты). *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2020. Т. 36. № 4. С. 169–173. [Kovalenko K. E., Pechatnova Yu. V., Statsenko D. A., Kovalenko N. E. Judge-robot as overcoming contradictions of judicial discretion (legal aspects). *Law herald of Dagestan State University*, 2020, 36(4): 169–173. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2020-36-4-169-173>
45. Ли Я. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 3. С. 245–267. [Li Ya. Specifics of regulatory and legal regulation of generative intelligence in the UK, USA, EU and China. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, (3): 245–267. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.3.245.267>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ohbhsb>

Российская национальная правовая система: советский и постсоветский этапы. Сравнительный анализ

Амиров Камран Сабир оглы

Тюменский государственный университет, Россия, Тюмень

Amrks13@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям развития национальной системы права в рамках советского и постсоветского периодов. В качестве основной категории сравнительного правоведения выступает российская система права обозначенных периодов. Значительное внимание уделено сравнительному анализу в отношении формирования и функционирования государства и права в данный промежуток времени. Цель – провести сравнительный анализ тенденций и закономерностей развития российской национальной правовой системы в советский период и ее влияния на формирование современной российской национальной правовой системы и выявить общие и особые черты российской национальной правовой системы. Акцентируется внимание на условиях, оказавших влияние на формирование и развитие современной системы права. В результате выработана авторская точка зрения на указанную тему. Проблемы, рассматриваемые автором статьи, связаны с постсоветским правом. Данный период развития постсоветского права рассматривается сквозь призму формирования и развития гражданского общества, а также укрепления институтов права. Значительный интерес вызывает анализ тенденций развития российского государства и права на современном этапе развития общества. В ходе работы использованы разные материалы: исторические и политологические источники, которые позволили выстроить объективную и целостную картину явлений и событий, осваиваемых нами. В рамках исследования были применены следующие методы и подходы: сравнительно-правовой метод, метод теоретического анализа, цивилизационный и системный подходы. Сделан вывод, что, несмотря на свою разнотипность, национальная правовая система советского и постсоветского периодов обладает общими и особыми чертами.

Ключевые слова: революционное правосознание, социалистическое право, постсоветское право, правовое государство, российская национальная правовая система

Цитирование: Амиров К. С. Российская национальная правовая система: советский и постсоветский этапы. Сравнительный анализ. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 558–567. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-558-567>

Поступила в редакцию 07.05.2024. Принята после рецензирования 13.08.2024. Принята в печать 13.08.2024.

full article

Russian National Legal System: Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Stages

Kamran S. Amirov

Tyumen State University, Russia, Tyumen

Amrks13@mail.ru

Abstract: The author used the methods of comparative jurisprudence to compare the formation and functioning of the Russian state and law as parts of the Soviet and post-Soviet national legal systems. Certain conditions influenced the formation and development of the modern legal system. The trends and patterns of the Soviet legal system affected the post-Soviet one. As a result, they share some features while being profoundly different. The comparative legal method and theoretical analysis were in line with civilizational and systemic approaches, which allowed the author to develop a position in relation to the problems of post-Soviet law through the prism of civil society and strong legal institutions. The article focuses on the current development of the Russian state and law. A comprehensive analysis of historical and political science sources yielded an objective and holistic picture of the phenomena and events in question. Despite its diversity, the national legal system of the Soviet and post-Soviet periods demonstrated both common and special features.

Keywords: revolutionary legal consciousness, socialist law, post-Soviet law, rule of law, Russian national legal system

Citation: Amirov K. S. Russian National Legal System: Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Stages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 558–567. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-558-567>

Received 7 May 2024. Accepted after review 13 Aug 2024. Accepted for publication 13 Aug 2024.

Введение

После событий, произошедших в России в феврале 2022 г., актуализировалась проблематика, связанная с поиском нашей цивилизационной идентичности и ценностей, присущих нашему государству. Правовая система России появилась не в 1993 г. и не в 1917 г., она имеет многовековую историю, которая обладает своей спецификой, богатой культурой, определенным правовым архетипом. Ни одна правовая система в мире не имеет такого уникального опыта, включающего в себя социалистический и либерально-демократический тип правосознания и правовой культуры. Несмотря на эти две важнейшие эпохи нашей государственности, правовой этатизм и патернализм остаются исключительной особенностью нашего менталитета и культуры.

Актуальность этой темы определяется изменениями, происходящими во всех сферах общественного развития на современном этапе. Рассматривая российскую национальную правовую систему советского и постсоветского периодов с исторической и культурной точек зрения, необходимо отметить, что она представляет собой фактическое и формально-юридическое явление, возникшее и развивающееся в пределах одного и того же государства. Это государство имеет одно и то же население и традиции.

В соответствии с этим, несмотря на свою разнотипность (советское государство принадлежало к социалистическому типу государства, постсоветское – к капиталистическому), анализируемые периоды, являющиеся на первый взгляд особыми по отношению друг к другу, в свою очередь, обладают общими признаками и чертами. Общие признаки проявляются в основном на формально-правовом и теоретическом уровнях:

- на уровне правовых документов или источников;
- на уровне общих принципов формирования и функционирования данной правовой системы;
- на уровне внутренней структуры – содержания структуры и институциональных элементов;
- на уровне теоретического понимания и восприятия необходимой правовой системы того же типа и порядка.

На сегодняшний день в юридической науке все более повышается интерес к проблеме сравнительного анализа российской национальной правовой системы. Обозначим, что дискуссионными остаются вопросы сопоставления советского и постсоветского периодов, а также возникающих и функционирующих на их основе Российского государства и права.

Развитие российской национальной правовой системы в советский и постсоветский периоды – это по своей сути уникальное явление, т.к. в переходный период наблюдаются изменения не только политического и правового курса страны, но также методов управления обществом и регулирования отношений в нем. Невозможно не упомянуть об изменениях в правовой структуре и процедурах. Эти условия и анализ состояния российской государственно-правовой системы в советский и постсоветский периоды, несомненно, выступают на сегодняшний день одним из актуальных аспектов научного дискурса нашего времени.

Российская национальная система права, которая имеет многовековую историю и свои сложившиеся традиции, многими учеными рассматривается в качестве объекта изучения. Вопрос, связанный с особенностями российской системы права, в свою очередь, можно отнести к числу дискуссионных. Однако некоторые исследователи отечественной юридической науки указывают на особенности, которые характерны для всей правовой системы [1–5].

В. Н. Синюков отмечает, что Россия обладает особыми правовыми и культурными особенностями. Он пытался вывести ее из правовых и культурных особенностей *славянской правовой семьи*. С точки зрения В. Н. Синюкова, наша российская правовая система в будущем может быть определена как основа самой правовой семьи восточных славян, а также тюркоязычных народов бывшего СССР [4]. Другими словами, рассматривая правовую систему любой страны, можно отметить, что она устроена по-своему уникально. Каждое государство имеет собственную историю и социально-политическую жизнь, а также повседневную, духовную и национальную основу.

Законодательство России всегда было уникальным и не зависело от правовых систем других стран. Понимание права в России определяется историческим развитием и формированием общественных отношений.

Хотя мы можем не соглашаться с некоторыми тезисами В. Н. Синюкова, но все-таки нельзя отрицать, что зарубежные страны оказывают значительное влияние на развитие российского права [4].

М. Н. Марченко подчеркивает, что правовая семья российского государства имеет большое влияние по сравнению с остальными, существующими ранее. Необходимо упомянуть о переходном состоянии данной системы. Она активно взаимодействует с другими

правовыми системами. По мнению М. Н. Марченко, не нужно искусственно подстраивать наше законодательство под какую-то другую правовую семью [1].

А. Х. Саидов считает, что вопрос о выделении независимой славянской правовой семьи и возвращении ее в правовую систему восточнославянской культуры относится к спорным [2]. Автор при характеристике правовой культуры России X–XIX вв. акцентирует внимание на негативном отношении православной религии к фундаментальным основам правового общества, включая право и правовую культуру. В настоящее время дискуссионным является вопрос, касающийся выделения славянской правовой семьи в самостоятельную правовую семью.

В. Е. Чиркин рассматривает правовые семьи в рамках различных глобальных правовых систем [5]. Он останавливается на процессе гармонизации сходных правовых семей в обществе, отрицая при этом возможность гармонизации разнотипных правовых семей.

Если отсутствует анализ идей и концепций, которые оказывают или же будут оказывать влияние на правовое развитие российского государства, то велика вероятность невозможности осуществления научного и теоретического обоснования наилучшего вектора в правовом развитии России.

Из анализа передовых работ отечественных и зарубежных авторов следует вывод о том, что в полном объеме разработаны вопросы, связанные непосредственно не только с самим понятием правовой системы, но и с ее структурой, системой функций и культурным назначением.

Нельзя не отметить, что в достаточной мере рассмотрены и вопросы определения статуса российской системы права в рамках юридической карты мира. Многие авторы занимаются исследованием определенных аспектов существования системы права, а также ее взаимодействия с иными системами общества.

Кроме того, в работе изучены вопросы развития, функционирования и внутрисистемного значения российской национальной правовой системы. Упомянутые выше вопросы до сих пор являются предметом дискуссии.

Дискуссионным в системе советского права выступает и вопрос о партийных актах. Некоторые авторы рассматривают партийные акты как политические документы, не имеющие отношения к праву. Те научные работы, в которых авторы отводят партийным актам определенное место в правовой системе, не имеют в большинстве своем теоретического обоснования причин такой оценки.

Следует обозначить, что в научной литературе в основном прослеживается замысел противопоставления друг другу советского и постсоветского периодов, а также то, что изучение этих этапов в большинстве своем касается только отдельных сторон развития.

Степень изученности проблемы анализа российской национальной правовой системы в советский и постсоветский периоды на сегодняшний день недостаточна, хотя многие исследователи отечественной правовой науки занимались этой темой.

Большая роль в исследовании отводится историографии по теме. Это связано в первую очередь с тем, что она недостаточно изучена. Исходя из этого, исследователи ставят перед собой задачу поиска и сравнения позиций разных ученых в рамках данной проблематики. Как показал анализ значительного массива научных исследований, проблема анализа советской и постсоветской правовых систем не ставилась, хотя к проблеме противопоставления советского и постсоветского периодов обращались многие деятели науки [1; 2; 6–8].

Многие авторы ранее и на современном этапе предпринимали попытки изучить процессы и результаты развития правового государства в постсоветской России. Помимо этого, исследователями уделялось большое внимание сравнению периодов постсоветского и советского государства. Все-таки это не является достаточным для создания объективной точки зрения в рамках достижения объективного взгляда на указанную тему.

Цель – провести сравнительный анализ тенденций и закономерностей развития российской национальной правовой системы в советский период и ее влияния на формирование современной российской национальной правовой системы и выявить общие и особые черты российской национальной правовой системы.

Объект исследования – российская национальная правовая система в советский и постсоветский периоды как основная категория сравнительного правоведения. Предмет – комплекс научной литературы, нормативно-правовых актов, актов применения права, Конституции СССР, Конституция РФ. Теоретическую основу исследования составляют труды значительного количества ученых [1; 7; 9–19].

Научная новизна работы определена в соответствии с указанными выше целями и задачами рассматриваемой темы исследования. Кроме того, новизна данной темы связана с отсутствием в отечественной юридической науке каких-либо комплексных разработок сравнительного анализа советской и постсоветской правовых систем. На сегодняшний день в юридической науке сравнительный анализ советской и постсоветской правовых систем раскрыт в недостаточной степени. Большое внимание в статье уделяется изучению сравнительного анализа тенденций и закономерностей развития советской правовой системы. Немаловажно и ее влияние на формирование правовой системы Российского государства. Особое место в работе занимает выявление общих черт и различий, а также определение фундаментальных ценностей, разделяемых большинством граждан Российского государства.

Методы и материалы

В работе использованы сравнительно-правовой метод, метод теоретического анализа, диалектический и системный подходы. Сравнительно-правовой метод применялся при анализе общего и специфического в советской и постсоветской правовых системах. Диалектический подход – один из базовых методов при изучении и анализе правовых явлений и процессов.

Нужно отметить некое единство диалектического и системного методов. Однако системный метод играет роль отправной точки диалектического познания, которая требует научного подхода при условии использования всех диалектических принципов.

В качестве источника сравниваемого материала использованы тексты Конституций РСФСР 1925 г.¹, 1936 г.², 1978 г.³ и Конституции РФ 1993 г.⁴ Именно эти периоды являются наиболее значимыми в истории развития нашего государства и, конечно, в принятии важнейших законов.

В ходе исследования проанализированы Декрет СНК РСФСР «О Суде»⁵, Декрет ВЦИК «О суде» № 2⁶, Декрет СНД «О суде» № 3⁷, «Положение о народном суде РСФСР»⁸, Конституция РСФСР 1918 г.⁹, Конституция РСФСР 1978 г.¹⁰, Конституция РФ 1993 г.¹¹

Результаты

Одним из уникальных явлений современного мира выступает эволюция правовой системы в России в советский и в постсоветский периоды. Это связано с изменением как политико-правового курса и методов управления обществом, так и с преобразованием юридических структур, переосмыслением привычных правовых ценностей.

Рассмотрев все многообразие определений *правовая система*, остановимся на следующем: «Правовая система – это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень правового развития той или иной страны» [20, с. 60].

С 1917 г. начинается этап формирования нового типа правовой системы, что привело к ликвидации

государственного аппарата и прежней правовой системы. Но если с законодательными актами дела обстояли намного проще, то в сознании людей изменения происходят тяжелее и медленнее.

Формирование правовой системы нового типа послужило основанием для отрицания преемственности с предшествующими принципами права вплоть до их уничтожения. Подчеркнем, что на развитие советской правовой системы влияние оказывали не объективные потребности общества, а решения коммунистической партии. В течение большого отрезка времени советское право являлось средством осуществления партийной политики и идеологии. Отмечалось жесткое регулирование экономики, а также всех сфер жизни общества. Помимо этого, советская политическая система не признавала политического плюрализма, в связи с этим можно утверждать и об отсутствии его влияния на какие-либо сферы жизни в обществе, хотя предпосылки его становления сложились после Великой Октябрьской революции. При формировании однопартийной системы идея политического плюрализма была чуждой российскому обществу. В первые десятилетия советской власти развитие системы форм собственности прошло путь от многообразия форм к полному господству социалистической собственности и почти абсолютной ликвидации частной собственности. Октябрьская революция 1917 г. положила начало формированию новой системы форм собственности, при этом государственная и общественная собственность получили приоритет при ее защите по сравнению с личной собственностью. С 1918 г. частная собственность отменялась.

В данный период шло огосударствление общественного сектора. Средства производства обращались в общественную собственность. После октябрьской революции в России была проведена масштабная национализация. Первым актом национализации был Декрет о земле 1917 г. Этот акт отменил частную собственность на землю и недра. Кроме этого, были национализированы крупные и средние промышленные

¹ Конституция РСФСР 1925 г. *ИПП Гарант*.

² Конституция СССР 1936 г. *ИПП Гарант*.

³ Конституция РСФСР 1978 г. *ИПП Гарант*.

⁴ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁵ О суде. Декрет СНК РСФСР от 22.11.1917. *ИПП Гарант*.

⁶ О суде. Декрет ВЦИК № 2 от 07.03.1918. *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ О суде. Декрет СНД № 3 от 20.07.1918. *СПС КонсультантПлюс*.

⁸ Положение о народном суде РСФСР. Декрет ВЦИК от 21.10.1920. *СПС КонсультантПлюс*.

⁹ Конституция РСФСР 1918 г. *ИПП Гарант*.

¹⁰ Конституция РСФСР 1978 г...

¹¹ Конституция РФ...

предприятия, банки, транспортная инфраструктура и часть предприятий торговли.

Нормативно-правовые акты Советской власти в рамках разрушения старого общественного строя и выстраивания новых социальных отношений уже не имели такой силы и не могли регулировать процесс. И здесь можно отметить действие революционного правосознания, которое представляется в качестве источника права [13].

Исходя из этого, революционное правосознание выступало как правовая идеология. Т. Е. Новицкая указала, что социалистическое сознание, которое понемногу овладело массами, было привнесено в рабочее движение пролетарской партией [21]. Нельзя не выделить союзника пролетариата – крестьянство, составляющее большую часть населения страны, которое тоже можно рассматривать как носителя правосознания. Теоретически правосознание пролетариата, а фактически правосознание крестьян, становится определяющим в связи с его численным преимуществом.

По замыслу В. И. Ленина, революционное правосознание имело определенную цель. Эта цель заключалась в том, что оно должно стать неким инструментом управления страной.

Революционное правосознание являлось продуктом коммунистической идеологии, основанной на построении светлого будущего [22]. Шло разжигание классовой ненависти к врагам диктатуры пролетариата. Утверждались идеи самопожертвования и массового героизма. Руководство в Советском государстве основывалось на идеях и основных принципах марксизма-ленинизма. Данная модель не предполагала установления идеального правопорядка. Также эти принципы отрицали ценность государства и права как средство управления народом и трудящимися и способ их подавления. В результате этого развитие государственных учреждений и институтов РСФСР носило временный характер и было нацелено на формирование бесклассового общества.

В конце XX в. представители государственной власти вмешались в процесс развенчания концепции правового государства. Л. М. Каганович в своем выступлении заявил: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие правового государства к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов» [по: 23, с. 17]. Но все-таки замалчивание такого явления, как правовое государство, не имело успеха. В итоге Россия стала правовым государством.

После Октябрьской революции и во время кодификации законодательства в 1920-х гг. революционное правосознание играло роль источника советского права. Тем не менее практическое применение данного источника было прекращено в соответствии со ст. 9 УК РСФСР 1922 г.¹², предусматривающей наказание судебными органами в соответствии с их представлениями о социалистическом правосознании, а также с руководящими принципами Кодекса. Их практика применения, как упоминалось ранее, была окончательно прекращена. С 1922 г. революционное правосознание уже не является источником советского права.

В 1918 г. на V съезде Советов была принята Конституция РСФСР. Это важный этап в создании советской системы права и усилении политической основы страны. В ней закреплялся принцип государственного устройства и, разумеется, политический и государственный строй [24].

Декрет «О суде», утвержденный 22 ноября 1917 г., – один из первых, который был принят Советской Республикой [17]. С его принятием произошли некоторые изменения, а именно: упразднены прежняя правовая система и, как следствие, институты царской судебной юстиции. Через некоторое время расширены компетенции местных судов. Кроме того, расширились и восстанавливались следственные комитеты, а также был создан кассационный суд, в его ведении находилось рассмотрение жалоб на решения и приговоры окружных судов.

Начиная с 1925 г. большевистская диктатура и ленинский вождизм приобретают все большее влияние, однако отмечается и поиск новых механизмов. Формировавшаяся советская правовая система, включающая в себя декреты, постановления и другие правовые акты, регулировала отношения в обществе.

При анализе законодательства периода становления советского права обнаружено, что на данном этапе отсутствовала иерархическая лестница нормативно-правовых актов. Акты, носящие судьбоносный характер, соответствующие понятию закона, могли приниматься как законодательной властью – Съездом Советов, так и исполнительно-распорядительными органами. Большая часть нормативно-правовых актов носила закрытый характер, и поэтому советская правовая система характеризуется наличием в ней невидимого права.

Проект Конституции СССР был принят на VIII чрезвычайном съезде Советов, который состоялся 5 декабря 1936 г. Принятие Конституции было связано с серьезными недостатками в законодательном процессе, которые были выявлены в 1920-х гг.¹⁵

¹² УК РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 25.04.2024).

¹⁵ Конституция СССР 1936 г...

Среди выявленных недостатков можно назвать перегруженность законодательной функции Совнаркома, которая привела к отсутствию времени на управление страной.

Конституция, формальное содержание которой является по сути одной из самых прогрессивных и демократичных в мире, не совпадает с существующей юридической и политической реальностью. А. П. Семитко указывает, что ее основными средствами были запреты, обязывания и санкции [3].

Вторая половина 1950-х гг. характеризуется демократизацией системы права. Политика в области права изменяется в сторону отказа от репрессий в отношении граждан. В том числе наблюдается отказ от судебных преследований, которые использовались ранее на практике. На данном этапе законность становится официальной правовой идеологией.

Произошедшие изменения коснулись как должностных лиц, так и рядовых граждан. По мнению многих ученых, право использовалось как инструмент влияния на производство, а вместе с тем и на отношения участников, вытекающих из него. Таким образом, прослеживалась подчиненная роль права, и юридическое напрямую зависело от социального.

Что касается сущности системы права, то она заключалась в идеологии. Идеология оказывала влияние на разработку и реализацию любых программ, будь то политические, социальные или экономические отношения.

При переходе к новому этапу развития изменения в системе права сопровождаются различного рода реформациями. При этом влияние на систему права, ее развитие оказывает государственная политическая система, но и правовая система в свою очередь воздействует на нее [25]. В конце XX в. в обществе начались демократические преобразования, в связи с чем можно утверждать, что Россия постепенно избавляется от коммунистической идеализации права [18].

В современном обществе развитие права основывается на принципе *неприкосновенности прав и свобод человека и гражданина*. В правовом государстве данный принцип должен быть неотъемлемой частью формирования гражданского общества [18].

Законодательство постсоветского периода претерпело значительные перемены, которые привели к определенным положительным результатам и формированию новой правовой системы и государственности [26].

Действующее законодательство продолжает развиваться и совершенствоваться как на федеральном, так и на региональном уровнях. Влияние на развитие правовой системы оказывает систематизация и кодификация права. Основными задачами постсоветского права можно считать формирование и развитие гражданского общества, а также национальных институтов.

Помимо этого, необходимо было совершенствовать российское законодательство, т. е. улучшать качество принимаемых законов и адаптировать их к современным условиям для успешного функционирования в разных отраслях права.

Главное внимание в рамках законодательства уделялось принятию и реализации вновь принятых законов. Важная цель законотворческой деятельности – преодоление конфликтов и коллизий. Чтобы достичь нового уровня, нужно вовремя совершенствовать современное российское законодательство.

Процесс модернизации российского государства должен обеспечиваться эффективным законотворчеством. Следует отметить, что по настоящее время остается проблема обеспечения единого правового пространства в стране. Связано это, скорее всего, с отсутствием системы и последовательности при создании нормативно-правовых актов.

Чтобы избежать различных нарушений в координации систем правовых актов, нужны согласованные действия законодателей на всех уровнях. Также в рамках развития федерального и регионального законодательства необходимо учитывать действующие нормативно-правовые акты.

Во избежание нарушений установленных правотворческих норм и правил законодательной техники нужно исключить необоснованность и спешку при разработке и внедрении законопроектов. В современной России зачастую принятие каких-либо нормативных решений соответствует групповым и корпоративным интересам [27].

Развитие и усовершенствование законодательной базы Российской Федерации и ее субъектов достигается за счет реализации положений, содержащихся в Основном законе. В законодательстве РФ существует иерархия, которая включает два этапа конституционного надзора:

1. Конституция РФ.
2. Конституции субъектов РФ.

Без взвешенного подхода к федеральному и региональному законодательству невозможно решить проблемы данной законодательной системы. Основной стратегической задачей, которая стоит перед Конституцией, обществом и государством, является создание демократической системы.

Проблемные задачи в политической, правовой и социально-экономической сферах постепенно накапливаются. Это привело к необходимости качественного улучшения правовой базы и организации общества в соответствии с актуальными вызовами времени.

Мировая экономика находится на подъеме, но негативная ситуация в российской правовой действительности оказала негативное влияние на формирование юридически и экономически стабильно развитого государства.

Распад Советского Союза и стремительные изменения и нововведения в законодательстве привели к потере ориентиров общественного сознания [28]. Существование различных взглядов на историческое прошлое и перспективы «обнищавшей России» привело к непреодолимым проблемам в консолидации общественного и правового сознания [29]. По мере ослабления регулирующего влияния закона на общественное сознание уровень правовой культуры граждан снижается.

На развитие правовых инноваций негативное влияние оказывает то, что переход законодательства на более высокий уровень развития запаздывает.

Конституция РФ закрепляла правовое понимание, основывающееся на принципах, которые учитывали факторы национальной Конституции. Эти принципы были направлены на переход от тоталитаризма к государственно-правовой системе и сыграли довольно существенную роль в рамках обсуждения общих концепций и моделей развития юридической сферы в постсоветской России.

Среди ключевых задач, которые способны обеспечить результативное и успешное функционирование страны – это задача формирования гражданского общества. Оно является одним из необходимых условий оптимальной работы государства. Формирование такого общества столкнулось с некоторыми проблемами. К таким проблемам можно отнести:

1. Критически низкий уровень правовой культуры у граждан и у представителей власти.

2. Обширные национальные границы с разнообразными климатическими зонами.

3. Мультинациональный состав населения.

К тому же нужно отметить решение проблем, которые могут способствовать объединению национальных интересов, преодолению негативных явлений, связанных с лишним количеством структур управления и их раздробленностью, а также бюрократизмом. Если отсутствует сильное и эффективное государство, то это приводит к сложностям в обеспечении правопорядка [30].

На сегодняшний день сильным государством может быть страна с развитой экономикой, действенной правовой системой и отсутствием координации между своими министерствами и ведомствами. Правовое государство – определяющий фактор для политических перспектив общества. Основным элементом, по которому можно определить уровень стабильности страны – это то, насколько активно ее гражданское общество. Достижение баланса интересов между обществом и государством способствует эффективному функционированию государства, т.к. оно контролируется гражданским обществом.

Только при достижении более высокого уровня правовой культуры можно свидетельствовать об укреплении гражданского общества, и это приведет

к появлению нового правового мышления и, соответственно, к обновлению правовых традиций. В качестве оптимистичного сценария для развития страны в будущем может выступать государство, которое основано на принципах права, демократии, социальной справедливости.

В рамках формирования современной государственно-правовой системы и становления гражданского общества актуальность приобретают вопросы граждан в отношении права и культуры. Представленный процесс связан с качеством и законностью правопорядка, напрямую зависящих от правовой культуры и, следовательно, от уровня правосознания граждан [31].

Рассматривая российскую национальную правовую систему в советский и постсоветский периоды (так же как в правовых системах других стран), нельзя не подчеркнуть предопределяющую и ведущую роль конституционного законодательства. Исходя из этого, развитие современной России после распада СССР и создание единого правового пространства страны базируется на Конституции РФ [29]. Данное законодательство является системой конституционных актов. К ним следует отнести законы, действующие непосредственно в рамках конкретного этапа общественного развития. Конституция 1978 г. и действующая Конституция 1993 г. имеют как общие черты, так и существенные отличия, при этом они выступают и основными, и второстепенными. При рассмотрении Основного закона государства 1993 г. отмечается наличие в нем норм, затрагивающих принятие самой Конституции. В то же время Конституция 1978 г. таких норм не включала. Нормы декларирования парламентом своих полномочий были отменены в Конституции 1993 г.

Отличие современной Конституции от предыдущей заключается в том, что она имеет наивысшую юридическую силу. Помимо этого, с ее принятием отменялась система Советов и Съездов народных депутатов. Было ликвидировано закрепление конкретных территорий за народностями.

С принятием Конституции 1993 г. внесено изменение в срок президентских полномочий. До 2012 г. он составлял 4 года. После 2012 г. он был увеличен до 6 лет. Кроме этого, изменения коснулись и предельного возраста кандидатов в президенты. Если раньше предельный возраст был определен как 65 лет, то позже он был вообще исключен. Структура представительных и исполнительных органов тоже была изменена.

Проанализировав текст Конституции 1978 г., мы пришли к выводу, что все положения, перечисленные выше, регулировались ст. 11.

Также нельзя не упомянуть о сходстве в тематических разделах Конституций. В отличие от первого документа, в котором написано, что народ, проживающий на территории страны, выступает в качестве

субъекта власти, второй документ содержит следующее: носителем суверенитета и источником власти выступает многонациональный народ. Это указано в ст. 3 Конституции 1993 г.¹⁴

Нужно подчеркнуть, что благополучное развитие российского общества возможно при сохранении непрерывности всех последующих этапов.

Резюмируя вышеприведенное, отметим, что советский и постсоветский периоды государства и права характеризуются специфическими особенностями, имеющими между собой много общего.

Заключение

Сравнительный анализ исследуемой проблемы показал, что российская правовая система советского и постсоветского периодов с исторической и культурной точек зрения представляет собой фактическое и формально-юридическое явление, которое возникло и развивалось в пределах одного и того же государства, имеющего одно и то же население, одни и те же традиции.

Сделан вывод, что, несмотря на свою разнотипность, национальная правовая система советского и постсоветского периодов обладает общими и особыми чертами. Среди общих черт стоит выделить:

1. Элементы государственного и общественно-политического строя, а также экономические и прочие явления закреплены в конституционном порядке. Но нужно обозначить, что советской правовой системой закреплялся социалистический строй в соответствии с Конституцией. Государство в ней выступало основным орудием, способным защитить завоевания революции и строительства социализма и коммунизма. В свою очередь, с помощью принятия некоторых конституционно-правовых положений постсоветской правовой системы происходит установка и закрепление основ капиталистического строя.

2. Каждая правовая система обладает своими общими принципами формирования и функционирования. К таким принципам относятся справедливость, законность и конституционность. Помимо общих принципов существуют еще и уникальные принципы. Советская правовая система, а также система других социалистических стран, характеризовалась универсальным конституционным принципом. Данный принцип был связан с идеологическими постулатами и, конечно, с руководящей ролью КПСС буквально во всех сферах жизнедеятельности общества и государства (ст. 6 Конституции СССР).

К особым чертам относятся следующие:

1. Правовые системы советского и постсоветского общества и государства имеют особенности в части структуры и места различных отраслей и институтов права. Речь идет об отраслях и институтах публичного и частного права, т.к. их роль и место в правовой системе советского государства значительно отличались от места и роли в правовой системе постсоветского государства. Например, в советской правовой системе, где отсутствовала частная собственность, основную роль играли отрасли права, относящиеся к отраслям публичного права. В 1990-е гг., после распада СССР, ситуация кардинально изменилась. Установление частной собственности было закреплено в нормативно-правовых актах. 24 декабря 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял Закон «О собственности в РСФСР», в котором второй раздел назывался «Право частной собственности».

2. Советская и постсоветская правовые системы, их особенности выражаются в отличительных чертах: нормативно-правового массива; механизма реализации и обеспечения прав [31].

Такие органы, как Конституционный суд РФ, следственный комитет и суд присяжных заседателей, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права и другие, обеспечивают соблюдение и реализацию прав в постсоветской правовой системе. Указанное выше не было свойственно механизму обеспечения и реализации прав советской правовой системы.

Российское общество развивается при условии преемственности каждого нового этапа и рационального использования всего богатства, которым обладает общество в переходном периоде. Все это является одним из условий поэтапного развития любого общества, страны.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹⁴ Конституция РФ...

Литература / References

1. Марченко М. Н. Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование). М.: Проспект, 2017. 368 с. [Marchenko M. N. *The Soviet and post-Soviet state and law: Comparative legal research*. Moscow: Prospekt, 2017, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwlvuh>
2. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и источники права. *Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016. № 3. С. 25–38. [Saidov A. H. Comparative law and sources of law. *Courier of the university named after O. E. Kutafin (MSAL)*, 2016, (3): 25–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkocdx>
3. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1996. 316 с. [Semitko A. P. *Development of legal culture as legal progress*. Ekaterinburg: Liberal Arts University, 1996, 316. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akupli>
4. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. 496 с. [Sinyukov V. N. *The Russian legal system: An introduction to general theory*. Saratov: Poligrafist, 1994, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkpqpt>
5. Чиркин В. Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм. *Журнал российского права*. 2015. № 8. С. 14–24. [Chirkin V. E. Modern global legal systems: Convergence and antagonism. *Journal of Russian Law*, 2015, (8): 14–24. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/12223>
6. Исаев Б. А. Понятие и типология политических режимов. *Социально-гуманитарные знания*. 2009. № 3. С. 88–97. [Isaev B. A. The concept and typology of political. *Social and humanitarian knowledge*, 2009, (3): 88–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ldfkrd>
7. Курицын В. М., Мамонтов А. Г., Уткин И. В. и др. Концепция истории государства и права. М.: Юнити-Дана, 2008. 720 с. [Kuritsyn V. M., Mamontov A. G., Ytkin I. V. et al. *The concept of the history of state and law*. Moscow: Iuniti-Dana, 2008, 720. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqpjdz>
8. Муромцев С. А. Список печатных работ Сергея Андреевича Муромцева. In: Муромцев С. А. *Сборник статей*. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 407–419. [Muromtsev S. A. List of printed works by Sergey A. Muromtsev. In: Muromtsev S. A. *Collection of articles*. Moscow: M. i S. Sabashnikovy, 1911, 407–419. (In Russ.)]
9. Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1999. 329 с. [Alekseev S. S. *Philosophy of law*. Moscow: Norma, 1999, 329. (In Russ.)]
10. Бабаев В. К. Правовая система общества. *Общая теория права*, ред. В. К. Бабаев. Н. Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1993. С. 85–110. [Babaev V. K. The legal system of society. *General theory of law*, ed. Babaev V. K. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya akademiiia Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 1993, 85–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ydpjz>
11. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Саратов: Саратовский университет, 1989. 397 с. [Baranov V. M. *The truth of the norms of Soviet law*. Saratov: Saratov University, 1989, 397. (In Russ.)]
12. Деметрадзе М. Р., Морозов В. Н. Современные подходы к правовым оценкам институтов гражданского общества (постсоветское пространство). *Вестник Академии права и управления*. 2010. № 20. С. 53–65. [Demetradze M. R., Morozov V. N. Modern approaches to legal estimations institutes of the civil society (post-Soviet territory). *Bulletin Academy of Law and Management*, 2010, (20): 53–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndcumm>
13. Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М.: Зерцало-М, 2011. 640 с. [Maksimova O. D. *Lawmaking in Soviet Russia in 1917–1922*. Moscow: Zertsalo-M, 2011, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raygfh>
14. Шульга Н. Е. Законотворчество и проблемы его совершенствования в Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2019. № 41. С. 128–131. [Shulga N. E. Lawmaking and problems of its improvement in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*, 2019, (41): 128–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qdgaib>
15. Гречишкин Д. С. Гражданское общество как неотъемлемая часть правового государства. *Молодой ученый*. 2021. № 23. С. 180–182. [Grechishkin D. S. Civil society as an integral part of the legal state. *Molodoi uchenyi*, 2021, (23): 180–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtrjfi>
16. Верещагина А. В. Декрет № 1 О Суде: История подготовки и его содержание. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2017. № 3. С. 61–70. [Vereshchagina A. V. The decree № 1 about court: Experience of reconsideration of history of creation and the content. *Judicial authority and criminal process*, 2017, (3): 61–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zucuzh>
17. Бредихин А. Л., Гончар А. А. «Конституция победившего социализма» 1936 года в политической системе Советского государства. *Закон и право*. 2022. № 6. С. 17–20. [Bredikhin A. L., Gonchar A. A. "Constitution of victorious socialism" of 1936 in the political system of the Soviet state. *Law & Legislation*, 2022, (6): 17–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-6-17-20>

18. Боровиков А. П. Начала марксизма-ленинизма. СПб.: ПГУПС, 2007. 207 с. [Borovikov A. P. *Early Marxism-Leninism*. St. Petersburg: PSUT, 2007, 207. (In Russ.)] URL: <https://www.politpros.com/library/2/519/> (дата обращения: 25.04.2024).
19. Левгеева Т. Б. Концепция правовой системы в советском государстве. *Молодой ученый*. 2020. № 2. С. 125–126. [Levgееva T. B. The concept of the legal system in the Soviet state. *Molodoi uchenyi*, 2020, (2): 125–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlussk>
20. Бошно С. В. Современные правовые системы. *Право и современные государства*. 2018. № 2-3. С. 58–71. [Boshno S. V. Modern law systems. *Law and modern states*, 2018, (2-3): 58–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14420/ru.2018.2-3.5>
21. Новицкая Т. Е. Источники права в первые годы советской власти. *Источники российского права: вопросы теории и истории*, отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Норма, 2005. С. 25–57. [Novitskaya T. E. Sources of law in the early years of Soviet power. *Sources of Russian law: Issues of theory and history*, ed. Marchenko M. N. Moscow: Norma, 2005, 25–57. (In Russ.)]
22. Диденко М. С. Место революционного правосознания в системе источников права Советского государства (1917–1928 гг.). *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2022. № 4. С. 41–46. [Didenko M. S. The place of revolutionary legal consciousness in the system of sources of law of the Soviet state (1917–1928). *North Caucasian Legal Bulletin*, 2022, (4): 41–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-41-46>
23. Беккер В. Я. Эволюция системы политической власти в СССР. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. 2017. № 22. С. 13–19. [Becker V. Ya. Evolution of the system of political power in the USSR. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2017, (22): 13–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yojuwu>
24. Коровин К. С. Идеологические основания Конституции РСФСР 1918 г. *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 9. С. 15–30. [Korovin K. S. Ideological foundations of the Constitution of the RSFSR in 1918. *Genesis: Historical research*, 2017, (9): 15–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfokwx>
25. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 2021. 624 с. [Vengerov A. B. *Theory of state and law*. Moscow: Novyi Iurist, 2021, 624 с. (In Russ.)]
26. Дойников И. В. Государство и право в постсоветской России: проблемы перехода к национальному правоведению в XXI в. *ВВ: Административное право и практика администрирования*. 2014. № 6. С. 8–64. [Doynikov I. V. State and law in post-Soviet Russia: Transition to national jurisprudence in the XXI century. *VV: Administrative law and administration practice*, 2014, (6): 8–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2014.6.14880>
27. Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология. М.: Норма, 2012. 303 с. [Nersesyan V. S. *Modern law: Theory and methodology*. Moscow: Norma, 2012, 303. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsptn>
28. Фефанов Ю. В. О власти и праве. М.: Юрид. лит., 2022. 384 с. [Feofanov Yu. V. *Power and law*. Moscow: Iurid. lit., 2022, 384. (In Russ.)]
29. Мусаев И. Л. Постсоветское правоведение: основные концепции и направления развития. *Colloquium-journal*. 2019. № 27-11. С. 36–38. [Musaev I. L. Post-Soviet law: Basic concepts and directions of development. *Colloquium-journal*, 2019, (27-11): 36–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11066>
30. Буров М. П. Гражданское общество современной России: проблемы активизации и повышения авторитета. М.: Дашков и К, 2021. 276 с. [Burov M. P. *Civil society of modern Russia: Activating and enhancing the authority*. Moscow: Dashkov i K, 2021, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ydjxhf>
31. Шутова В. Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2020. № 4. С. 41–49. [Shutova V. N. Trends in modern Russian legislation and issues of improving its quality. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation*, 2020, (4): 41–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2020-10079>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kpvgid>

Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение исправительно-трудовой политики

Мартемьянов Александр Викторович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3673-7682

<https://orcid.org/0009-0006-9684-0988>

martemyanov_99@bk.ru

Аннотация: Концентрационные лагеря появились еще в дореволюционной России, во время Первой мировой войны. Цель – изучить такое явление первых лет советского периода нашего государства, как концентрационные лагеря. Потребность в создании этих учреждений была обусловлена Гражданской войной и необходимой в этой связи борьбой с потенциально нелояльными новому государственному режиму слоями общества. В результате была создана система мест лишения свободы, параллельная общим местам заключения. Несмотря на изначальный репрессивный характер лагерей исправительных работ, при их формировании и правовом регулировании государство старалось установить для всех заключенных трудовую повинность, исполняемую на благо советского государства и его учреждений, а также закрепить за ними базовые права и обеспечить им удовлетворительные условия содержания. Но в условиях жестокого военно-политического противостояния и всеобщей разрухи сделать это не представлялось возможным. Вместе с тем с окончанием Гражданской войны потребность в такого рода репрессивных учреждениях постепенно начала отпадать. Изучение концентрационных лагерей Советской России 1918–1921 гг. позволило сделать вывод, что в силу множества задач, выполняемых данными учреждениями, они имели неоднородную природу, однако выполняли главным образом две функции – орудия политической борьбы и средства воплощения в жизнь новых принципов пенитенциарной политики.

Ключевые слова: военный коммунизм, гражданская война, красный террор, трудовая повинность, концентрационный лагерь, лагерь принудительных работ, исправительно-трудовая политика, заключенные

Цитирование: Мартемьянов А. В. Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение исправительно-трудовой политики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 568–575. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-568-575>

Поступила в редакцию 30.06.2024. Принята после рецензирования 01.08.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy

Alexander V. Martemyanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3673-7682

<https://orcid.org/0009-0006-9684-0988>

martemyanov_99@bk.ru

Abstract: Concentration camps appeared in Russia as early as during World War I. The author studied concentration camps as a phenomenon of the early Soviet period of 1918–1921. They appeared during the Civil War as a measure against potentially disloyal segments of society to the new regime. This measure resulted in a system of prisons, parallel to the traditional ones. Despite the initial repressive nature of correctional labor camps, the authorities established obligatory labor service for all prisoners for the benefit of the state and its institutions. Although the authorities tried to secure their basic rights and provide them with satisfactory living conditions, the task was impossible during the severe military and political confrontation and general devastation. After the Civil War, the need for such repressive institutions gradually disappeared. Early Soviet concentration camps had a heterogeneous nature, including two main functions: tools of political struggle and means of implementing new principles of penitentiary policy.

Keywords: war communism, civil war, Red Terror, conscription, concentration camp, forced labor camp, correctional labor policy, prisoners

Citation: Martemyanov A. V. Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 568–575. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-568-575>

Received 30 Jun 2024. Accepted after review 1 Aug 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

Введение

Большевики, пришедшие к власти в России в результате революции 1917 г., начали проводить абсолютно новую государственную политику, затронувшую как политическую и правовую, так и пенитенциарную системы. Одной из смелых идей советского руководства была ликвидация старой уголовно-исполнительной системы. Эту задачу определил В. И. Ленин, предлагавший заменить тюрьмы воспитательными учреждениями, сочетавшими в себе лишение свободы и принудительный труд [1, с. 408]. Однако в годы Гражданской войны эти идеи были воплощены по-особенному, поскольку перед советской властью остро встали проблемы содержания большого количества военнопленных, подавления идеологически враждебных классов, борьбы с преступностью, а также появившаяся потребность в рабочей силе. Одним из путей решения этих проблем стали концентрационные лагеря (концлагеря).

Методы и материалы

Проведенное исследование базируется на нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность концентрационных лагерей. Использован корпус научных публикаций отечественных периодических изданий, монографий и других научных трудов. Значительную часть источников составляют работы, вышедшие в течение последних 10 лет, что свидетельствует об актуальности темы исследования в настоящее время.

Методологическую основу работы составили традиционные методы познания, такие как функциональный метод, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, а также частнонаучные, представленные формально-юридическим и историческим методами.

Функциональный метод помог определить функции и цели органов государственной власти Советской России в сфере исправительно-трудовой и карательной политики через создание концентрационных лагерей.

Формально-юридический метод способствовал изучению сущностного содержания нормативно-правовых актов Советского государства первых лет его существования, касающихся организации концентрационных лагерей (лагерей принудительных работ).

Исторический метод позволил учесть особенности деятельности советского руководства в тот непростой период, в частности причины создания и функционирования концентрационных лагерей. К тому же этот метод способствовал уяснению сущности правовых изменений через призму происходивших в то время в обществе событий.

Результаты

Изначально концлагеря появились еще в дореволюционной России, во время Первой мировой войны. Они предназначались для содержания военнопленных солдат армий Центральных Держав (Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, Болгарии). Вскоре на концлагеря обратила свое внимание советская власть. С. С. Бразевич пишет: «Так, 31 января 1918 г. Совет народных комиссаров под председательством Ленина признал необходимым "обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изоляции их в концентрационных лагерях"» [2, с. 112]. Впоследствии глава Советского государства неоднократно настаивал на использовании данных учреждений. В мае – июне этого же года по инициативе Наркома по военным делам РСФСР Л. Д. Троцкого организуются концлагеря, предназначенные для разоруженных военнослужащих Чехословацкого корпуса. Примечательно то, что для их организации использовались лагеря, в которых ранее размещались военнопленные Первой мировой [3, с. 110].

Толчком к масштабному использованию концлагерей стало начало красного террора. Сначала секретным приказом ВЧК при СНК РСФСР от 2 сентября 1918 г., а затем и Постановлением СНК «О Красном терроре» от 5 сентября 1918 г. предписывалось применять такую репрессивную меру к противникам советской власти (классовым врагам), как их изолирование в концлагерях. К враждебным слоям населения, с точки зрения советской власти, относились «крупные представители буржуазии, помещики, фабриканты, торговцы, контрреволюционные попы, враждебные советской власти офицеры» [4, с. 14–15], которых следовало в качестве заложников заключить в концлагеря и заставить работать под конвоем. В направлении легализации этого вида учреждений Президиум Моссовета издает Постановление от 27 декабря 1918 г. «О концентрационном трудовом лагере» [5, с. 400], который должен был быть подконтролен народным судьям, Московскому Совету профсоюзов, Центральному административному отделу Моссовета и МЧК [6, с. 20].

Судьбоносным для дальнейшей организации и функционирования концлагерей стало выступление председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г., на котором он внес предложение о необходимости административных приговоров в виде назначения наказания о помещении в концлагеря. Ф. Э. Дзержинский обосновывал потребность

в данных учреждениях тем, что необходимо использовать труд заключенных, в частности «господ, проживающих без занятий, для тех, кто не может работать без известного принуждения» [по: 2, с. 115]. Председатель ВЧК, обратив внимание на состояние рабочей дисциплины в советских учреждениях, заявил о необходимости применения такой меры наказания, как заключение в концлагерь, в частности «за недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д.» [по: 2, с. 115]. Для достижения этих задач Ф. Э. Дзержинский предложил предоставить ВЧК право заключения в концлагерь, но на основании точного соблюдения положений, утвержденных ВЦИК, исключая таким образом, произвольное назначение наказания [по: 2, с. 115].

В результате Президиумом ВЦИК уже 11 апреля 1919 г. было опубликовано Постановление «О лагерях принудительных работ». Согласно положениям этого документа, при отделах управления губернских исполнительных комитетов образовывались лагеря принудительных работ, заключению в которые подлежали лица на основании постановлений и решений отделов управления чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов, народных судов и других советских органов. Осуществлялось немедленное привлечение всех заключенных лагерей к работам по требованию советских учреждений¹. Помимо этого, развивая инициативу Ф. Э. Дзержинского, в рамках принятого Советом Народных Комиссаров Декрета «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» от 14 ноября 1919 г. дисциплинарные суды получили право накладывать на виновных, упорно не желавших подчиняться товарищеской дисциплине и имевших неоднократные взыскания, такой вид наказания, как «увольнение из предприятий с передачей в концентрационный лагерь»². Позднее в Положении о дисциплинарных товарищеских судах, утвержденном Декретом Совета Народных Комиссаров от 5 апреля 1921 г., за дисциплинарные проступки было также предусмотрено такое наказание, как заключение в концлагерь на срок до 6 месяцев [7, с. 14].

В соответствии с примечанием к п. 1 Постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК) «О лагерях принудительных работ» от 15 апреля 1919 г. данные лагеря могли быть организованы как в черте города, так и в находящихся вблизи него поместьях, монастырях, усадьбах и т. д.³ Несмотря на действительно имевшую место потребность в местах размещения исправительно-трудовых учреждений, это предписание можно к тому же

рассматривать как проявление революционного насилия и классовой борьбы, поскольку вышеуказанные объекты недвижимости принадлежали классовым врагам. Так, еще до выхода вышеуказанного Постановления концлагеря в Москве были уже размещены в ряде московских монастырей [8, с. 1124].

Заключению в концлагеря принудительных работ могли подвергнуться не только классовые враги, но и другие лица, категории которых регламентировались разнообразными актами. Так, исходя из содержания различных Постановлений ВЦИК 1919 г., в концентрационные лагеря следовало направлять «тунеядцев, шулеров, дезертиров, спекулянтов, уголовных преступников, военнопленных иностранцев и т. д.» [по: 2, с. 116]. Заключению в концлагеря, согласно постановлению Совета Рабоче-Крестьянской обороны, следовало направлять проживающих на территории РСФСР иностранцев, принадлежавших к буржуазии в возрасте 17–55 лет, тех государств, которые вели против Советской России боевые действия [9, с. 1132]. В итоге в этот переходный период концлагеря были универсальными местами заключения, выполняя роль «отстойника» для самых разных категорий арестантов [10, с. 117–118].

Вместе с тем сами лагеря официально подразделялись на типы: лагерь особого назначения, концентрационный лагерь общего типа, производственный лагерь, лагерь для военнопленных и лагерь-распределители [11, с. 142]. Создавались также и временные полевые лагеря [12, с. 59]. В то же время плюрализм наименований названных учреждений, по мнению исследователей, был лишь формальным и вполне мог на определенном этапе закончиться их слиянием [3, с. 114]. Данная неразбериха соответствует духу времени, когда в переходный период осуществляется поиск оптимальной модели, что было характерно, в том числе, для системы революционных трибуналов, в целом для системы правосудия и т. п. Отдельное существование системы лагерных учреждений от системы мест заключения вполне свидетельствует о том, что они имели свое особое предназначение в годы Гражданской войны, отличавшее их от обычных пенитенциарных учреждений, которое заключалось в изоляции и «перековке» отдельных групп населения [13, с. 106]. Таким образом, в отмеченный период в Советской России существовали параллельно две системы исполнения наказания в виде лишения свободы: непосредственно места лишения свободы, подведомственные Народному комиссариату юстиции, и система концлагерей, управляемая ВЧК и НКВД [14, с. 99–100].

¹ Постановление Президиума ВЦИК об организации лагерей принудительных работ от 11.04.1919. Собрание Узаконений № 12. Ст. 124.

² О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (Положение). Декрет СНК РСФСР от 14.11.1919. *СПС КонсультантПлюс*.

³ О лагерях принудительных работ. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 15.04.1919. *СПС КонсультантПлюс*.

В концлагерях главной составляющей режима и функционирования стал труд заключенных и трудовая дисциплина. Согласно Декрету ВЦИК от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ», окупаемость содержания лагеря и его администрации должна была обеспечиваться трудом заключенных, которые вместе с администрацией несли ответственность и за дефицит в лагере (п. 35)⁴. Достаточно емко трудовая сторона функционирования подобного рода учреждений была сформулирована в докладе Архангельского ревкома на 4-м губернском съезде Советов в июле 1920 г., в котором утверждалось, что основным принципом режима лагерей принудительных работ являлась трудовая обязанность, в местах лишения свободы нет места лени, разгильдяйству и ничегонеделанию, а всякий заключенный обязан работать в установленное для всех трудящихся время [15, с. 61]. Так, 30 сентября 1919 г. комендант Калужского концентрационного лагеря А. И. Черницкий отправил из лагеря обратно Смоленской Губчека 66 человек заложников, состоявших из семей с детьми и стариками, обосновав это тем, что Калужский концлагерь предназначен только для здоровых арестованных, которые и должны его содержать своими заработанными средствами [16, с. 34]. Вместе с тем организация исполнения обязательной трудовой повинности в лагерных учреждениях могла принимать достаточно интересные формы. В частности, в московских концлагерях пленных польских военнослужащих по образцу воинской части поделили на трудовые дружины, которые, в свою очередь, делились на роты, взводы и отделения [8, с. 1138–1139].

Арестанты направлялись на трудовую повинность как непосредственно в самих концлагерях, так и командировались на принудительные работы по запросу различных советских учреждений. Например, заключенные Тульского концентрационного лагеря направлялись на работы на железнодорожных станциях по разгрузке и выгрузке различного рода грузов, на фабрику сельскохозяйственных машин и орудий, а также на работы в шахты [17, с. 62]. Несмотря на попытки руководства лагеря в ноябре 1920 г. ограничить командирование заключенных в качестве рабочей силы за пределами своего места заключения, эта практика продолжалась. В стране действовал режим военного коммунизма, и потребность в соответствующей рабочей силе различных предприятий и учреждений (прежде всего военной направленности) была высока. В итоге в ноябре 1920 г. по распоряжению подотдела принудительных работ отдела управления Тулгубисполкома сначала на работы по контрольным книжкам стали отправляться все специалисты-оружейники, патронники и железнодорожники, а затем такое право получили

и многие другие специалисты, а еще канцеляристы и чернорабочие [17, с. 65].

Помимо военных нужд, в имеющихся тогда чрезвычайных условиях были и хозяйственно-экономические потребности, которые требовалось решать, в том числе и путем привлечения рабочей силы из числа узников концлагерей. После призыва на IV Районном съезде профессиональных союзов Кизеловского угольного треста, проводившегося 17–18 августа 1918 г. в Кизеле в Пермской губернии, усилить добычу каменного угля по причине оккупации немцами угленосного Донбасса, а также невозможности в полной мере использовать подмосковный бурый уголь, в сентябре того же года был организован «Рабочий батальон принудительных работ при Ленинских копях», получивший неофициальное название «Кизеловский концлагерь». Основным состав этого «Рабочего батальона» составляли заложники, священнослужители и монахи, принудительно трудившиеся на добыче угля в Кизеловских копях [18, с. 27–30]. На шахтах, лесозаготовках, торфяных разработках, на железнодорожных и сельскохозяйственных работах, в учреждениях и предприятиях широко использовался труд военнопленных [19, с. 158–159].

Зачастую при определении формы трудовой повинности учитывалась профессиональная характеристика. По обвинению в антисоветской агитации к заключению в Сызранский концентрационный лагерь принудительных работ был приговорен агроном Даниил В., однако отбытие срока наказания было назначено по месту его постоянной работы – в Гублеском Аскульского участка [20, с. 108]. В Архангельской губернии большим спросом пользовались преподаватели и медицинский персонал из числа принудительно направленных в концлагеря Севера, в то время как пленным кадровым офицерам, не имевшим какой-либо иной мирной профессии, кроме военной, приходилось нести трудовую повинность на самых низких и неквалифицированных работах [21, с. 22].

Помимо принуждения к труду, руководство концлагерей старалось вести с заключенными по мере возможностей воспитательную агитационно-политическую работу. Так, в Рязанском губернском концентрационном лагере принудительных работ, судя по отчетам администрации, регулярно проводились соответствующие мероприятия, будь то лекции (например, на такие темы, как «Мировое значение и смысл Октябрьской революции» и «Народная история Парижской коммуны»), беседы с заключенным контингентом на идеологическую тематику, празднование памятных для коммунистической идеологии дней (годовщины Октябрьской революции, Первой и т. д.) [22, с. 53–54].

⁴ О лагерях принудительных работ. Декрет ВЦИК от 17.05.1919. СПС КонсультантПлюс.

Стоит отметить, что заключенные лагерей принудительных работ имели трудовые права (как минимум прописанные в законе). Согласно п. 32 вышеуказанного Декрета, им был обеспечен 8-часовой рабочий день, а сверхурочные и ночные работы могли быть введены только в соответствии с трудовым законодательством. Размер продовольственного пайка заключенных устанавливался в соответствии с размерами нормы питания для лиц, занятых физическим трудом (п. 33). За особое трудолюбие, согласно п. 44 Декрета, заключенным предоставлялось право жить на частных квартирах и являться в лагерь для исполнения назначаемых работ, вдобавок появлялась возможность сокращения их срока заключения. Заключенным гарантировался санитарный и медицинский надзор, который должен был выражаться в регулярном посещении лагерных учреждений врачом, наблюдении за санитарным состоянием помещения и т. д.⁵ На практике режим отбывания наказания для отдельных категорий заключенных мог быть смягчен.

Однако *de facto* в условиях Гражданской войны, когда в стране царили разруха и голод, указанные гарантии не могли быть обеспечены в принципе. Поэтому с обустройством концентрационных лагерей возникали значительные трудности: несмотря на строжайшие меры ответственности, из них массово бежали заключенные, не хватало охраны, лагерные учреждения испытывали значительный дефицит в обеспечении продовольствием и средствами гигиены. Например, в Челябинском концентрационном лагере по состоянию на 19 октября 1922 г. из 286 человек, которые должны были в нем содержаться, отбывали наказание лишь 88, остальные сбежали [23, с. 99–100]. Заведующий подотделом и комендант тульских концлагерей П. М. Киселёв в документе о состоянии лагерных учреждений писал, что к середине 1921 г. одной из причин побегов заключенных, которые приобрели массовый характер, стал катастрофический голод, в частности указав на смерть 14–25 июля 11 человек из-за голодного истощения [24, с. 57]. Особо тяжелая ситуация сложилась в концлагерях Тамбовской губернии в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. Так, согласно акту обследования Борисоглебского концлагеря от 19 ноября 1921 г., в концлагерях было грязно, бараки не отапливались, заключенные массово страдали от наличия вшей, голода, отсутствовали уборные и многое другое [25, с. 20].

Не стоит забывать и о репрессивной карательной миссии с противниками нового режима. В деятельности концлагерей карательная сторона порой брала верх над исправительно-трудовой. 5 апреля 1921 г. в ответ на запрос ВЧК о судьбе военнопленного белого офицера Н. А. Малютина, направленного в Холмогорский

концлагерь, председатель Архангельской губчека З. Б. Кацнельсон сообщил, что данный лагерь принудительных работ изначально был создан председателем Особого отдела ВЧК М. С. Кедровым только для массовых казней белого офицерства и что Н. А. Малютина, по которому запрашивается информация, очевидно, постигла та же участь. Впоследствии информация о массовых казнях пленных белогвардейских офицерах подтвердилась [15, с. 63–64]. Уже с 1920 г. указанный лагерь превратился в место массовых расправ над военнопленными офицерами [15, с. 62], так что ни о какой трудовой и тем более исправительной сущности Холмогорского концлагеря говорить в данном случае не приходится.

Вместе с тем Гражданская война подходила к концу, в связи с чем надобность в местах содержания заложников, арестантов, представителей враждебных классов, военнопленных постепенно отпадала. На первый план выходило другое назначение лагерей – исправительно-трудовое. С конца 1921 г. принцип *самоокупаемости и извлечение прибыли из труда заключенных* стал основополагающим для всех лагерей в Советской России. Закрывались лагеря, выполнявшие лишь функцию содержания в них заключенных, т. е. непосредственно концентрационные, а оставшиеся, наоборот, все больше становились похожими на рабочие артели, а некоторые – на крупные производственные центры [8, с. 1137].

Заключение

Несмотря на правовое обозначение *исправления* как цели трудовой повинности заключенных концлагерей, эти учреждения выполняли главным образом карательную функцию и являлись одним из средств подавления потенциальных противников режима, а не пенитенциарными учреждениями. Однако это все не исключает распространения на данные учреждения новаторской идеи об исправительном труде и самоокупаемости мест лишения или ограничения свободы.

Таким образом, создание и функционирование концлагерей (лагерей принудительных работ) было проявлением, с одной стороны, политического террора, дискриминации и репрессий отдельных слоев населения в рамках внутрисоциального военного-политического противостояния, с другой – проявлением новой исправительно-трудовой политики, заключающейся в воздействии на заключенных через трудовую повинность. На враждебные классы этот принудительный труд, с точки зрения советских органов, должен был оказывать особое воздействие, перевоспитывая их «эксплуататорскую» сущность. Также содержащиеся в таких лагерях исправительных

⁵ Там же.

работ арестанты становились крайне востребованной рабочей силой, а сами такие учреждения – фактически хозяйственными единицами экономики. Помимо этого, концлагеря выполняли функцию исполнения наказания за различные правонарушения в условиях острой нехватки специализированных мест заключения на фоне всеобщей разрухи и военного хаоса.

Опыт создания и функционирования концлагерей был положительно оценен советской властью. Это было первое живое воплощение (параллельно с общими местами лишения свободы) на практике новой пенитенциарной политики, что выразилось впоследствии в принятии в 1924 г. Исправительно-трудового Кодекса РСФСР, послужившего основой

аналогичных законов в других союзных республиках, которые в качестве цели исправительно-трудовой политики провозглашали перевоспитание и приспособление заключенных к условиям трудового общежития.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 38. 579 с. [Lenin V. I. *Complete works*. 5th ed. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1967, vol. 38, 579. (In Russ.)]
2. Бразевич С. С. Концентрационные лагеря как организованная форма политического насилия в послереволюционной России: историко-социологический анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 4. С. 108–134. [Brazevich S. S. Concentration camps as an organized form of political violence in post-Revolutionary Russia: A historical-sociological analysis. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2017, 20(4): 108–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.4.6>
3. Потоцкий Н. К. Уголовно-исполнительная система. Прошлое, настоящее и перспективы. 4-е изд., стер. СПб.: Лань, 2023. 504 с. [Pototsky N. K. *Penal enforcement system. Past, present, and prospects*. 4th ed. St. Petersburg: Lan, 2023, 504. (In Russ.)]
4. Кокурин А. И., Петров Н. В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960. М.: Демократия, 2000. 902 с. [Kokurin A. I., Petrov N. V. *GULAG (Main Directorate of Camps) 1917–1960*. Moscow: Demokratiia, 2000, 902. (In Russ.)]
5. Родионов А. В. Государственная уголовно-исполнительная политика России в сфере организации труда осужденных в период 1917–1922 гг. (историко-правовое исследование). *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016. Т. 5. № 4. С. 398–402. [Rodionov A. V. Public penal policy of Russia in the sphere of convict's labor organization in the period of 1917–1922 (historical-legal research). *Baltic Humanitarian Journal*, 2016, 5(4): 398–402. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuvgrh>
6. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960, сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с. [*The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960*, comp. by Smirnov M. B. Moscow: Zvenia, 1998, 600. (In Russ.)]
7. Гаврилова А. В. Генезис товарищеских судов в советский период российской государственности. *Суд и правосудие: традиция, новация, практика: Междунар. науч.-практ. конф. (Калининград, 15–16 декабря 2023 г.)* М.: Русайнс, 2024. С. 13–18. [Gavrilova A. V. Genesis of friendly ships in the Soviet period of Russian statehood. *Court and Justice: Tradition, innovation, and practice: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kaliningrad, 15–16 Dec 2023*. Moscow: Rusains, 2024, 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/barczy>
8. Удовенко И. В. Лагеря принудительных работ на территории Московской губернии в 1919–1922 гг.: труд и повседневность. *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 4. С. 1117–1160. [Udovenko I. V. Forced labor camps in the territory of Moscow governorate in 1919–1922: Work and everyday life. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2022, 6(4): 1117–1160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-1>
9. Удовенко И. В. Лагеря для военнопленных Советско-литовской и Советско-польской войн на территории РСФСР (1918–1922 гг.). *Historia Provinciae – журнал региональной истории*. 2023. Т. 7. № 4. С. 1121–1172. [Udovenko I. V. Camps for prisoners of the Lithuanian-Soviet and Polish-Soviet wars in the territory of the RSFSR (1918–1922). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, 2023, 7(4): 1121–1172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-1>

10. Никулин В. В. Российская революция и право: генезис и становление советской правовой системы 1917–1920 гг. М.: Юстицинформ, 2020. 244 с. [Nikulina V. V. *Russian Revolution and law: Genesis and formation of the Soviet legal system 1917–1920*. Moscow: Iustitsinform, 2020, 244. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pkohoy>
11. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. 3-е изд. М.: Блок-Принт, 2022. 448 с. [Reent Yu. A. *History of the penal enforcement system and justice bodies in Russia*. 3rd ed. Moscow: Blok-Print, 2022, 448. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jamlig>
12. Романова Н. В. Становление и развитие концентрационных лагерей и лагерей принудительных работ в годы Гражданской войны в России. *Вестник Самарского юридического института*. 2017. № 3. С. 58–60. [Romanova N. V. The formation and development of concentration camps and forced labor camp during the Civil War in Russian. *Bulletin of the Samara Law Institute*, 2017, (3): 58–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdmuzt>
13. Кузьмин В. В., Федосеев В. И. Функции кары «различных враждебных сил» и «перековки» представителей «эксплуататорских классов» в деятельности ВЧК-НКВД в годы Гражданской войны. *Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Междунар. науч. конф. (Самара, 25 апреля 2017 г.)* Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, 2017. Ч. 2. С. 106–109. [Kuzmin V. V., Fedoseev V. I. Functions of punishment of various hostile forces and reformatory of exploitative class in the activities of the Cheka-NKVD during the Civil War. *Problems and prospects of the current development of the Russian penal enforcement system: Proc. Intern. Sci. Conf., Samara, 25 Apr 2017*. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017, pt. 2, 106–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrscbb>
14. Смирнов Л. В. Уголовно-исполнительное право. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024. 408 с. [Smirnov L. V. *Penal enforcement law*. 2nd ed. St. Petersburg: Lan, 2024, 408. (In Russ.)]
15. Кубасов А. Л. Концентрационные лагеря на севере России во время Гражданской войны. *Новый исторический вестник*. 2009. № 2. С. 58–65. [Kubasov A. L. Concentration camps in the North of Russia during the Civil War. *The New Historical Bulletin*, 2009, (2): 58–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laniod>
16. Белова И. Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*. 2013. № 12-1. С. 32–37. [Belova I. B. Concentration camps of Compulsory labor Soviet Russia: 1919–1923. Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. *Issues of Theory and Practice*, 2013, (12-1): 32–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rncoux>
17. Володин С. Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в период военного коммунизма. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 4. С. 61–70. [Volodin S. F. Tula concentration camps of compulsory labor in the period of war communism. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2013, (4): 61–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdfnyl>
18. Нечаев М. Г. Создание первых советских режимных учреждений в 1918 г. на примере рабочего батальона принудительных работ в Пермской губернии. *ГУЛАГ. Начало: Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 ноября 2017 г.)* Пермь: ПНИПУ, 2017. С. 23–33. [Nechaev M. G. The creation of the first Soviet regime institutions in 1918, for example, of a forced labor battalion in the Perm province. *GULAG: Inception: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Perm, 10–11 Nov 2017*. Perm: PNRPU, 2017, 23–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvtuft>
19. Родионов И. И. Трудовое использование польских военнопленных в лагерях Центральной России, 1920–1921 годы. *Известия Смоленского государственного университета*. 2022. № 4. С. 153–166. [Rodionov I. I. Labor use of Polish prisoners of war in the camps of Central Russia, 1920–1921. *Izvestiia Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, (4): 153–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35785/2072-9464-2022-60-4-153-166>
20. Тарасова Ю. А., Моисеева Т. А. Социально-экономическое положение в Сызранском уезде накануне голода в Поволжье в начале 1920-х гг. *Вестник Брянского государственного университета*. 2020. № 1. С. 106–112. [Tarasova Yu. A., Moiseeva T. A. Socio-economic situation in Syzran district on the eve of famine in the Volga region in the early 1920s. *The Bryansk State University herald*, 2020, (1): 106–112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2020-04-01-136-142>
21. Трошина Т. И. Фильтрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России (1920–1921). *Наследие веков*. 2018. № 2. С. 19–27. [Troshina T. I. Filtration and concentration camps for prisoners of the civil war captured in the north of Russia (1920–1921). *Heritage of centuries*, 2018, (2): 19–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/blhupb>

22. Тарасов О. А., Васильева С. А. Принципы новой исправительно-трудовой политики Советского государства и ее реализация в Рязанской губернии в годы Гражданской войны. *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2014. № 4. С. 49–56. [Tarasov O. A., Vassilyeva S. A. The principles of soviet corrective labor policy and its implementation in the Ryazan province during the Civil War. *The bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2014, (4): 49–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgzsgp>
23. Великороднова А. В. Система отбывания наказания на Южном Урале после революции 1917 года. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*. 2004. № 4. С. 96–102. [Velikorodnova A. V. Penal system in the Southern Urals after the Revolution of 1917. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2004, (4): 96–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxoddb>
24. Смирнов Ю. Ф. Тульские концентрационные лагеря принудительных работ в 1919–1923 гг.: принципы организации, цели создания, динамика существования. *Тульский краеведческий альманах*. 2014. № 11. С. 48–65. [Smirnov Yu. F. Tula forced labor concentration camps in 1919–1923: Principles of organization, objectives, and dynamics. *Tulskii kraevedcheskii almanakh*, 2014, (11): 48–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/squjpv>
25. Безай О. В. Использование концлагерей в ходе подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг. *Манускрипт*. 2018. № 8. С. 18–22. [Bezai O. V. Use of concentration camps during the suppression of Tambov Uprising of 1920–1921. *Manuscript*, 2018, (8): 18–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.3>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lbriou>

Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как вектор развития российской правотворческой системы

Трофимов Василий Владиславович

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, Тамбов

eLibrary Author SPIN: 2555-5922

<https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

iptgutv@mail.ru

Аннотация: Современное государственно-правовое развитие российского общества и государства характеризуется динамичными, но не всегда однозначными процессами и результатами. Цель – рассмотреть проблему эффективности функционирования правотворческой системы современного российского государства через призму механизма правового сотворчества как особого формата осуществления правотворческой деятельности, в рамках которого официальная публичная власть и гражданское общество выступают как союзники и партнеры, объединяющие усилия в целях создания позитивного права, отвечающего интересам как государства, так и общества. Констатируется актуальность изучения и разработки проблемы правового сотворчества как существенного ресурса оптимизации и совершенствования правотворческой системы государства. Применяются методы общенаучного и специально-научного характера. Важную роль выполняет системный подход, позволяющий установить значение правового сотворчества в правотворческой системе государства. В результате обосновываются теоретические конструкции правотворческой системы государства и правового сотворчества власти и общества. Аргументируется практическая польза института правового сотворчества. Приводятся мнения отечественных правоведов и политиков, подтверждающие значимость налаживания диалога власти и общества в правотворческой сфере, установления формата соавторского (сотворческого) принятия правотворческих решений. Предлагается в дополнение к общетеоретическому анализу феномена правового сотворчества подбор суждений зарубежных исследователей, солидаризирующихся с отстаиваемой научной позицией. В итоге сделан вывод относительно необходимости развития механизмов правового сотворчества в структуре правотворческой системы государства.

Ключевые слова: право, правотворчество, правотворческая система, системный подход, государство, гражданское общество, публичная власть, правовое сотворчество, делиберативность, сотрудничество

Цитирование: Трофимов В. В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как вектор развития российской правотворческой системы. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 576–584. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-576-584>

Поступила в редакцию 28.07.2024. Принята после рецензирования 19.08.2024. Принята в печать 21.08.2024.

full article

Legal Co-Creation of Public Authorities and Civil Society as Trajectory of Russian Law-Making System

Vasily V. Trofimov

Derzhavin Tambov State University, Russia, Tambov

eLibrary Author SPIN: 2555-5922

<https://orcid.org/0000-0002-5039-7363>

iptgutv@mail.ru

Abstract: The current development of Russian state, society, and law is dynamic but ambiguous. The author studied the Russian law-making system through the prism of legal co-creation between official public authorities and civil society that join forces to create laws that meet the interests of both the state and the society. Legal co-creation is an essential resource for optimizing and improving the law-making system. General scientific and special scientific methods made it possible to establish the importance of legal co-creation of the authorities and the population

as part of the domestic law-making system with its theoretical constructs and practical benefits. A constructive dialogue between the government and the society in the law-making sphere produces co-creative law-making decisions. This opinion is supported by domestic jurists and politicians. In addition to the general theoretical analysis of the phenomenon of legal co-creation, the author selected opinions of like-minded foreign researchers. Mechanisms of legal co-creation in the law-making system have good prospects and need to be developed.

Keywords: law, law-making, law-making system, system approach, state, civil society, public authority, legal co-creation, deliberation, cooperation

Citation: Trofimov V. V. Legal Co-Creation of Public Authorities and Civil Society as Trajectory of Russian Law-Making System. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 576–584. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-576-584>

Received 28 Jul 2024. Accepted after review 19 Aug 2024. Accepted for publication 21 Aug 2024.

Введение

Современное государственно-правовое развитие российского общества и государства характеризуется динамичными, но не всегда однозначными процессами и результатами. В одном случае можно увидеть положительные примеры государственно-правового строительства (в частности, можно назвать заслужившие уважение и признание российские правовые кодексы и законы публичного и частного права: Гражданский кодекс РФ, Закон РФ «О средствах массовой информации» и др.), в другом – конъюнктурные и мало перспективные политико-правовые решения (отметим, что ситуацию с законодательным массивом в современной Российской Федерации вряд ли можно назвать полностью благополучной, взяв, к примеру, пока еще устойчивую тенденцию к постоянным изменениям и поправкам, скороспешное и порой непродуманное принятие нормативных правовых предписаний и нормативных правовых актов [1] и пр.).

Все это не дает в настоящее время поводов думать с уверенным оптимизмом о перспективах современного государственно-правового развития, ожидая положительных эффектов и минимум отрицательных. Пока это только намерение и пожелание должного. Вместе с тем не следует терять контроль над этими процессами, продолжая настройку российской государственно-правовой системы, пытаясь в том числе понять, где находятся необходимые ресурсы для роста.

Учитывая сложноорганизованный состав правотворческой системы государства, в качестве одной из опорных точек для ее совершенствования полагаем обоснованным видеть механизм системного подключения общественных структур к правотворческой работе в государстве. Это направление оптимизации правотворческой системы заключается в организации почвы (платформы) для сотворческой активности власти и общества в правотворческой сфере, развитии механизма правового сотворчества государственных и общественных акторов правотворческой деятельности.

Методы и материалы

Анализ правотворческой системы государства с точки зрения значимой роли ресурса правового сотворчества публичной власти и общества предполагает ориентацию на комплекс познавательных приемов и средств. В первую очередь следует обратить внимание на потенциал системного подхода. Этот метод позволяет рассматривать объект как сложное, многогранное, многокачественное явление, состоящее из элементов, связи между которыми формируют его относительно неизменную структуру и обеспечивают его целостность.

Система как многоуровневая конструкция образуется 1) комплексом или множеством (совокупностью) взаимодействующих элементов, составляющих единое целое; 2) наличием интегративных качеств, отсутствующих у составных частей и образующих качественную определенность комплекса – его целостности; 3) способностью к синтезу элементов и связей между ними; 4) наличием устойчивых и самовоспроизводимых связей системы и среды; 5) сложной иерархической внутренней структурой, устанавливающей соподчиненность или соотношенность частей системы друг с другом; 6) необходимым набором других системных качеств (адаптивностью, организованностью, самовоспроизводством, развитием и пр.). Иными словами, это комплекс, образующий целостное единство как внутри себя, между элементами, так и с внешней средой, способный производить новые, недостающие элементы и связи, а также порождающий новые качества целого, не сводимые к свойствам его частей [2, с. 322–323].

Если смотреть с этих позиций на правовое сотворчество публичной власти и общества как компонент сложной системы правотворческой деятельности, то в контексте правотворческой системы государства названный элемент обеспечивает связь (интеграцию) всех элементов системы, заставляя работать их в более оптимальном режиме, согласовывая официальные (государственные) и неформальные (общественные) структуры, определяя возможности для обмена

юридически значимой информацией, создавая предпосылки для консенсуса и нахождения общего знаменателя при принятии правотворческих решений.

Системный подход, по мнению И. В. Блауберга, «представляет собой одну из форм методологического знания, непосредственно связанного с исследованием, проектированием и конструированием объектов как систем. По своей природе он является междисциплинарным и общенаучным» [3, с. 336–337]. Уже исходя из этого, можно констатировать, что потенциал применения системного подхода к анализу правотворческой системы государства будет очень высоким, и его резонно использовать для решения не только фундаментальных теоретических, но и прикладных задач в сфере правотворчества [4].

В зарубежной науке эти методы довольно широко применялись, в том числе в рамках социолого-правовых исследований [5; 6]. В советской, а затем и в российской юридической науке представленные методологические приемы также получили достаточно глубокую проработку и апробацию с целью изучения круга социально-правовых явлений [7–14]. В контексте предполагаемого исследования этот методологический ресурс будет, несомненно, востребован, т. к. правовое сотворчество есть сложная система, состоящая из акторов, объектов направленности политико-правовых решений, юридических средств и прочих элементов, между которыми следует установить и выявить сложные закономерные связи.

Методологическая основа исследования представлена синтезом общенаучных и специально-научных методов, методов теоретического и практико-ориентированного уровней. Из числа общенаучных методов наряду с системным подходом в работе применяется метод моделирования, позволяющий проектировать определенные формы взаимодействия власти и общества и устанавливать перспективы их применения на практике. Важная роль отводится инструментальному и формально-юридическому подходам, позволяющим анализировать законодательство, юридические конструкции и правовые средства, которые могут применяться для обеспечения право-сотворческих процессов.

Результаты

Очень многое в плане конструктивности государственного и правового развития, по нашему мнению, зависит от того, насколько эффективно правотворчество в государстве, от того, насколько хорошо настроена *правотворческая система государства* в целом, воспроизводящая те правотворческие результаты и «продукты» правовоспроизводства, которые составляют строительный материал всего государственно-правового развития.

Вводя в научный оборот понятие *правотворческая система государства*, предполагаем, что рассмотрение проблем правотворчества станет более комплексным и всесторонним, когда и сам правотворческий процесс, и его результаты получат оценку не только со стереотипной позиции о необходимости повышения качества технико-юридического обеспечения или потребности повышения компетентности субъектов правотворческой деятельности, но и с позиции осуществляемой правотворческой практики (способной показать все богатство как участников правотворческой работы, так и правотворческих ситуаций, разрешение которых требует особого уровня правотворческой культуры субъектов), а также с точки зрения реализуемых в ходе правотворческой деятельности сценариев, концепций и идей.

Правотворческая система как категория, основанная на системном подходе, открывает возможность целостного понимания правотворчества, включая все его элементы. Правотворческая система государства может быть представлена как устойчивая совокупность взаимосвязанных элементов в виде нормативных и юридико-технических стандартов правотворческой деятельности, осуществляемой разнообразными правотворческими институтами (начиная от высших представительных органов власти и заканчивая локальными правотворческими инстанциями) (правотворческого права и технико-юридических императивов правотворчества), доктрины (идеологии) правотворчества и правотворческой практики [15]. Причем последняя развивается в форме особых правотворческих отношений. Так, Б. В. Дрейшев, разрабатывая проблему правовых норм, регулирующих отношения в области правотворчества, допускает, что изучаемые нормы могут быть названы и *правообразующими*, но в данном случае предлагаемое им наименование рассматривается как синоним термина *правотворческие*, а не в общепринятом к тому времени в литературе значении [16, с. 43].

Именно этими компонентами (правотворческое право, правотворческая доктрина, правотворческая практика) целесообразно наполнить вводимую в научный оборот категорию правотворческой системы государства, поскольку этими контрапунктами (на пересечении и синтезе указанных явлений) определяется статика и динамика правотворчества в государстве, эффективность его результатов.

При этом нужно четко осознавать, что в их числе наряду с правотворческим правом, определяющим нормативные устои правотворческой деятельности в государстве, а также доктриной правотворчества (теми научными взглядами, которые идейно «заряжают» правотворческую активность в государстве), важнейшая роль принадлежит правотворческой практике, которая реализует нормативы правотворчества,

правотворческие идеи в реальной действительности, достигая той эффективности правотворчества, которая ожидается всем населением государства. Именно в рамках правотворческой практики могут проявить себя все те ресурсы (не только государственные, но и общественные), детерминирующие успех функционирования правотворческой системы в государстве.

В этом плане, когда предъявляются те или иные требования к правотворчеству, важно понять, насколько в государстве созданы условия для интеграции всех имеющихся ресурсов в целях осуществления конструктивной правотворческой практики, и есть ли они в принципе. На наш взгляд, такие ресурсы должны быть, и связаны они не только и не столько с мощностью государственного аппарата, или даже с квалификацией его отдельных представителей, но в первую очередь с теми здоровыми силами в обществе, которые способны своей пассионарностью и разумностью обеспечить приток в государственно-правовые формы новой созидательной энергии, встав на платформу сотрудничества с государством (официальной публичной властью) в деле решения общих для всех проблем. В этом плане мы утверждаем, прежде всего, о необходимости развития и расширения каналов коммуникации между различными субъектами политики и права с целью поиска оптимальных форм для реализации прав и законных интересов, продвижения различных идей, инициатив, достижения консенсуса по различным государственно-правовым вопросам.

Определяющими дальнейший вектор правового развития должны быть более активные взаимоотношения между субъектами публичной власти и гражданского общества, направленные на совместное создание права. Именно совместные творческие продукты в виде законов смогут необходимым образом положительно влиять на государственно-правовую жизнь, обеспечивать ее стабильное развитие, т. к. в этих правотворческих результатах получают отражение реальные (а не придуманные в кабинетах чиновников и законодателей) правообразующие социальные интересы. Публичная власть и гражданское общество выступают здесь естественными союзниками и партнерами ради укрепления государства, в направлении сохранения внутри него социального мира и согласия, столь важных и ценных сегодня, в условиях острой турбулентности глобальной системы.

Процесс сотрудничества власти и общества в правотворческой сфере обуславливается естественной потребностью субъектов права взаимодействовать и тем самым обеспечивать конструктивное правовое развитие в противовес конфликтным антагонистическим коммуникациям [17, с. 11]. Решая с самого начала проблемы государственно-правового развития совместно, объединяя усилия государства и общества,

субъекты данного политико-правового диалога (дискурса) обеспечивают устойчивую платформу для динамики, предупреждают и минимизируют те потенциальные конфликты и коллизии, которые могут возникать, особенно если в ходе принятия политико-правовых решений не оговорены взаимные условия и не учтены встречные юридически значимые интересы.

Обсуждение

В рамках доктрины права и политики роль общества в государственном и правовом развитии в той или иной мере осознавалось всегда (Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, С. Пуфендорф, Ф. Прокопович, А. Н. Радищев, Б. Н. Чичерин и др.), осознается это и сегодня. Кроме того, процессы цифровизации, развитие различных технологий в настоящее время способны обеспечивать новый уровень правового взаимодействия и делать его более доступным, тем самым детерминируя возрастание возможностей гражданского общества активно участвовать в правосотворческих процессах. Развитие цифровизации, без сомнения, существенно и преимущественно в положительном плане влияет на правовую и правосотворческую деятельность. Учеными справедливо отмечается, что «цифровизация и новые информационные технологии побуждают преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объемы их правоотношений, расширяют горизонт будущей деятельности, расширяют возможности правосотворческой деятельности» [18, с. 20] (прим. – курсив автора).

Данная тенденция на использование цифровых технологий в целях активизации правосотворческого диалога власти и общества вполне определенно прослеживается учеными из других стран. Так, зарубежные исследователи V. Alsina и J. L. Martí отмечают важную роль цифровых технологий и онлайн-участия общества (с помощью современных правовых крауд-технологий – CrowdLaw) при принятии закона, что, по их мнению, может существенно повысить его качество и легитимность, а также справедливость, в целом усилить эффективность законотворчества [19]. К. Luckner обращает внимание на актуальные тенденции расширения участия гражданского общества в правотворчестве с помощью интернет-технологий и посредством использования социальных сетей. Актуализируется это преимущественно к международному контексту, но не исключается и по отношению к внутригосударственному правотворчеству [20].

Проблемы применения современных технологий, во многом обеспечивающих процессы правового сотворчества публичной власти и гражданского общества в правотворчестве, активно разрабатываются и в современной отечественной юридической литературе [21].

Следует отметить, что представители законодательной ветви власти в России также указывают на необходимость и важность процессов правового сотворчества, их обеспечения и развития. Например, С. Е. Нарышкин, будучи председателем нижней палаты парламента – Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва, в своем выступлении подчеркивал, что «мы должны приложить максимум усилий, чтобы миф о непрофессионализме парламента был развеян. Уважаемые коллеги, еще раз хочу подчеркнуть, что компетентность, сотворчество и постоянный диалог с гражданским обществом – вот главные критерии самостоятельности парламента. Одновременно это и слагаемые деловой репутации – нашей деловой репутации и деловой репутации и престижа Государственной Думы»¹.

Схожей точки зрения придерживается российский политик и ученый В. Н. Плигин, отмечая, что «если общество станет соавтором законов, это обеспечит общее признание этих законов, т. е. легитимизирует закон, сделает его воспринимаемым. Поэтому общество должно находить разного рода механизмы участия в этом – проводить обсуждение на разного рода форумах, экспертных советах»².

О значении формата диалога с гражданским обществом при разработке и принятии юридически значимых решений к тому же говорит действующий председатель Государственной Думы Российской Федерации В. В. Володин, подчеркивая, что «диалог с гражданским обществом, деловыми и профессиональными союзами – основа для того, чтобы выработывались наиболее эффективные решения. А наше взаимодействие с Советом Федерации позволяет нам принимать их выверенными»³.

Данные высказывания во многом свидетельствуют о том, что активизация социально-властного сотрудничества, в том числе в рамках совместного творчества публичной власти и общества в процессах формирования права, способствует не только повышению качества и эффективности правотворческих результатов, но и укрепляет доверие к государству, в частности, его высшему органу законодательной власти – российскому парламенту как самому близкому к обществу институту публичной власти, ротация состава которого напрямую зависит от мнения граждан – избирателей, выражаемого в ходе очередных или внеочередных избирательных циклов и кампаний.

При этом современные тенденции общественно-правового развития показывают, что для решения важных государственно-правовых вопросов не хватает именно конструктивного диалога власти и общества, на основе которого будут достигнуты важные результаты, способные повлиять на развитие государственно-правовой жизни. Предметный диалог и осознание того, что государственная власть и гражданское общество должны слушать и слышать друг друга, часто, к сожалению, не находят себя в практической политико-правовой плоскости. В лучшем случае мы видим иногда некоторые попытки или имитацию учета отдельных позиций и аргументов, представленных субъектами гражданского общества при принятии политических, управленческих и правовых решений, на самом же деле мнения граждан, экспертов могут быть просто проигнорированы. Принятие в этих случаях однобоких, произвольных, не согласованных с обществом политико-правовых решений и формирование на их основе законодательства приводит к негативным последствиям, исправлять и сводить к минимуму которые приходится с большими финансовыми и репутационными потерями для власти, но важно еще и то, что это тормозит само государственно-правовое развитие, что равнозначно потерям на геополитическом уровне.

Публичная власть и гражданское общество должны всегда помнить, что они находятся в едином русле национальной государственно-правовой динамики, определением которой следует заниматься сообща, поддерживая и развивая постоянные процессы взаимодействия. Важное место в такого рода солидарных процессах в области права занимает искомое *правовое сотворчество*, являющееся высшей ступенью солидарного взаимодействия, продолжением коммуникации и сотрудничества, которое настраивает обе стороны не только на обсуждение определенных вопросов и необходимых совместных целей, но и активизирует деятельностные интеллектуальные силы сторон, направленные на достижение определенного нового результата. В основе таких результатов – совместные деятельностные процессы на платформе (право-) (со-) творчества, в котором максимально задействуется вся совокупность, диалектический синтез интеллектуальных, духовных и иных сил (профессионализм, жизненный и юридический опыт, мудрость и смелость, умение предлагать нестандартные решения и др.).

¹ Выступление Председателя Государственной Думы Сергея Нарышкина на пленарном заседании Государственной Думы 14 марта. *Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации*. 14.03.2012. URL: <http://duma.gov.ru/news/6551/> (дата обращения: 09.04.2024).

² Владимир Плигин: Общество должно становиться соавтором законов. *RGRU*. 05.03.2014. URL: <https://rg.ru/2014/03/05/gosduma.html> (дата обращения: 09.04.2024).

³ Володин: Кабмин и Госдума должны обеспечить открытый диалог с гражданским обществом. *Парламентская газета*. 07.04.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-kabmin-i-gosduma-dolzhen-obespechit-otkrytyy-dialog-s-grazhdanskim-obshhestvom.html> (дата обращения: 09.04.2024).

Именно посредством совместного творчества можно достигать подлинного сведения интересов к единому согласованному результату, создавать что-то новое, сопричастность к которому и в то же время ответственность за содеянное будут чувствовать все участники этого процесса. Справедливо в этом смысле указывают на растущий интерес и значимость совместного творчества как инструмент мобилизации общественных ресурсов, активизации творческого решения проблем и формирования чувства непосредственной ответственности за общественные и государственные решения зарубежные исследователи К. Ansell, E. Sorensen и J. Torfing, анализируя проблему демократического качества сотворчества и сотворческих социально-властных механизмов [22]. Другими учеными отмечается необходимость равноправного партнерства власти и общества, доверия к народным инициативам (снизу) и поощрения таких инициатив сверху [23].

Каждый гражданин, участвуя в решении государственно-правовых задач, будь то голосование на референдуме, на электронном ресурсе Российской общественной инициативы за политико-правовое предложение, с которым он солидарен, направляя жалобы и обращения в органы власти, выражая свое критическое мнение о законопроектах или высказывая инициативы в плане совершенствования законов, совершая другие действия, влияющие на будущее право, принимает участие в правовых преобразованиях, в процессах совместного сотворения права. Представленные процессы являются естественным состоянием демократического государственно-правового развития, где у каждого есть право голоса, и этот голос (мнение) становится кирпичиком общего правового строения, есть право выбора и право активного участия в процессах, изменяющих правовую действительность.

Органы публичной власти в целях поддержания данных процессов не могут не обеспечивать благоприятную среду для правосотворческой деятельности, совместно с научными центрами, общественными институтами постоянно совершенствовать формы и механизмы, делающие более эффективными правовые сотворческие процессы. Такие усилия не будут напрасными, они позволят добиться наибольшего успеха в современном государственно-правовом развитии, опирающемся на согласованные с обществом правовые результаты – решения, принятые с учетом мнений, позиций и интеллектуального вклада всех субъектов гражданского общества и публичной власти. Именно поэтому категория правового сотворчества требует сегодня всестороннего научного теоретического и практико-ориентированного раскрытия и обоснования.

Одним из ярких примеров правового сотворчества можно назвать процесс подготовки и внесения 01.07.2020 в Конституцию РФ поправок, которые установили важнейшие приоритеты современной российской государственности. Среди них и ст. 75.1, которая гласит, что в России создаются условия в том числе «для взаимного доверия государства и общества», обеспечиваются «социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность», и ст. 114 (п. «е.1»), где появилось упоминание о задачах Правительства РФ по поддержке институтов гражданского общества, в частности, о том, что оно «обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики»⁴. Представленные поправки – по сути, плод правового сотворчества государственных и общественных структур, ведь они были одобрены весьма масштабным общенародным голосованием. И одновременно эти конституционные поправки – дополнительная лепта в развитие самой формы политического и правового сотворчества (основанного на партнерстве и сотрудничестве) публичной власти и гражданского общества на перспективу. Данной точки зрения придерживается и профессор Л. В. Сморгун, исследующий проблемы сотрудничества и сотворчества в сфере российской публичной власти и политической жизни, в частности, указывая, что «факт публичной дискуссии 2020 г. и принятие конституционных поправок свидетельствует о том, что конституция не формальный документ, она обладает большой легитимизирующей силой для политической и управленческой практики. Конституция создает правовую основу для развития структуры политических возможностей, обеспечивающих гражданское вовлечение в публичное управление» [24, с. 16].

Особое место здесь занимает механизм делиберативной демократии, ибо все больше усиливается мировой тренд на вовлечение граждан в процесс конституционных (соответственно – иных правовых) изменений на различных стадиях. Данный вектор признается наиболее значимым в современных сравнительных конституционных исследованиях (например, развитие инклюзивной парадигмы в конституционном праве с опорой на опыт Ирландии и Исландии [25; 26]). В современных конституционно-правовых исследованиях на отечественном опыте развивается инклюзивная и цифровая парадигма вовлечения граждан в процессы конституционных обсуждений и изменений (учитываются и современные цифровые технологии, например технология конституционного краудсорсинга) [27; 28, с. 50]. Зарубежные ученые также заявляют о необходимости существенного пересмотра

⁴ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. СПС КонсультантПлюс.

и совершенствования форм и методов участия народа в конституционных изменениях [29].

Вышеприведенные научные точки зрения и рассмотренные доктринальные основания вопросов развития современной политико-правовой реальности в связи с интеграцией усилий публичной власти и гражданского общества указывают на потребность активизации процессов коммуникации и правового сотворчества власти и общества в рамках правотворческой деятельности, активизацию практики названных процессов, что дополнительно ориентирует и на необходимость формирования более прочных и отчетливых научно-теоретических (концептуальных) и практико-ориентированных основ явления и категории *правовое сотворчество*.

Правовое же сотворчество в самом общем виде есть некая интеграция общественных и государственных сил для решения совместных дел. Согласно рабочей дефиниции, «под правовым сотворчеством следует понимать процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит обновление традиционной (с внесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)» [30, с. 109].

Заключение

Очевидно, что за счет присущих этой солидарной форме правотворчества внутренних потенций и ресурсов правотворческая деятельность будет способна осуществляться более интенсивно, находиться в постоянном контексте общественных потребностей и притязаний, проблем и тех подходов к их решению, которые выкристаллизовываются общественной системой как таковой. Эта «энергия» общества объективным образом будет перетекать в правотворческую систему, т. к. агенты общества (граждане, структуры гражданского общества) оказываются изначально включенными в правотворческую активность.

Литература / References

1. Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 60 с. [Tkachenko N. *Statistical analysis of federal legislation*. Moscow: Tsentr strategicheskikh razrabotok, 2017, 60. (In Russ.)]
2. Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М.: Наука, 2003. 528 с. [Reznik Yu. M. *Introduction to social theory: Social systemology*. Moscow: Nauka, 2003, 528. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjxynv>
3. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 448 с. [Blauberger I. V. *The problem of integrity and a systematic approach*. Moscow: Editorial URSS, 1997, 448. (In Russ.)]

Правотворческая система государства есть явление комплексное и состоящее из разных взаимосвязанных друг с другом элементов. Ее эффективное функционирование невозможно только за счет активности публично-властного аппарата, субъектов официальной государственной (муниципальной) власти. Для выстраивания конструктивной работы правотворческой системы в совокупности ее элементов необходимо также гражданское участие в работе системы правотворчества в государстве, поэтому целесообразно на базовом (принципиальном) уровне устанавливать каналы коммуникации (сотрудничества) власти и общества в правотворческой сфере, обеспечивая действие механизма *правового сотворчества* как правотворческой деятельности, осуществляемой на солидарной основе государственных и общественных структур. Этот механизм позволит вырабатывать социально обусловленные и социально адекватные, а также социально легитимные правотворческие результаты.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271 «Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как форма реализации социально-политической и правообразующей активности (общетеоретический и практико-ориентированный аспекты)», <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00271: Legal co-creation of public authorities and civil society as a form of socio-political and law-forming activity (general theoretical and practice-oriented aspects), <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

4. Лисеев И. К. Системная познавательная модель и современная наука. *Системный подход в современной науке*, ред. И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 69–80. [Liseev I. K. Systemic cognitive model and modern science. *A systematic approach in modern science*, eds. Liseev I. K., Sadovsky V. N. Moscow: Progress-Traditsiia, 2004, 69–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsldvh>
5. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 832 с. [Parsons T. *The social systems*. Moscow: Akad. proekt, 2002, 832. (In Russ.)]
6. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с. [Luhmann N. *Society as a social system*. Moscow: Logos, 2004, 232. (In Russ.)]
7. Алексеев С. С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. 264 с. [Alekseev S. S. *The structure of Soviet law*. Moscow: Iurid. lit., 1975, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sifyil>
8. Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права. *Советское государство и право*. 1974. № 8. С. 10–17. [Cherdantsev A. F. System-forming relations of law. *Soviet State and law*, 1974, (8): 10–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wrlygw>
9. Тункин Г. И. Системный подход в науке международного права. *Демократия и право развитого социалистического общества*: Всесоюз. науч. конф. (Москва, 21–23 ноября 1973 г.) М.: Моск. ун-т, 1975. С. 482–486. [Tunkin G. I. A systematic approach in the science of international law. *Democracy and the law of a developed socialist society*: Proc. All-Union. Sci. Conf., Moscow, 21–23 Nov 1973. Moscow: Moscow University, 1975, 482–486. (In Russ.)]
10. Сырых В. М. Метод правовой науки: Основные элементы, структура. М.: Юрид. лит., 1980. 176 с. [Syrykh V. M. *Method of legal science: Basic elements, and structure*. Moscow: Iurid. lit., 1980, 176. (In Russ.)]
11. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. 293 с. [Matuzov N. I. *Legal system and personality*. Saratov: Saratov University, 1987, 293. (In Russ.)]
12. Тиунова Л. Б. Системные связи правовой действительности. СПб.: СПбГУ, 1991. 136 с. [Tiunova L. B. *Systemic connections of legal reality*. St. Petersburg: SPbSU, 1991, 136. (In Russ.)]
13. Трофимов В. В. Структурно-функциональный анализ правообразования в системе межличностного взаимодействия как разновидность системных исследований правовых явлений. *Юристы-Правоведы*. 2010. № 1. С. 4–8. [Trofimov V. V. The structural-functional analysis of law-forming in the system of interpersonal interaction as a version of system researches of the legal phenomena. *Jurist-Pravoved*, 2010, (1): 4–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lairxp>
14. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов: СГАП, 2009. 307 с. [Trofimov V. V. *Legal education in modern society: Theoretical and methodological aspect*. Saratov: SSAL, 2009, 307. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrogul>
15. Трофимов В. В. Правотворческая система государства как категория и алгоритм политико-правового действия в условиях современных вызовов (постановка проблемы). *Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина)*, ред. В. В. Лазарев. М.: ИЗиСП; Норма; ИНФРА-М, 2022. С. 80–87. [Trofimov V. V. State law-making system as a category and algorithm of political and legal action in the context of modern challenges: A problem statement. *Law-making in the XXI century: Evolution of doctrine and practice (to the 90th birthday of A. S. Pigolkin)*, ed. Lazarev V. V. Moscow: IZiSP; Norma; INFRA-M, 2022, 80–87. (In Russ.)]
16. Дрейшев В. В. Правотворчество в советском государственном управлении. М.: Юрид. лит., 1977. 159 с. [Dreyshev V. V. *Lawmaking in the Soviet state administration*. Moscow: Iurid. lit., 1977, 159. (In Russ.)]
17. Трофимов В. В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2015. № 3. С. 6–21. [Trofimov V. V. Solidary and conflict types of communication and law: Natural connections. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2015, (3): 6–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uneavl>
18. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 2. С. 4–23. [Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, (2): 4–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.4.23>
19. Alsina V., Marti J. L. The birth of the Crowdlaw movement: Tech-based citizen participation, legitimacy and the quality of lawmaking. *Analyse & Kritik*, 2018, 40(2): 337–358. <https://doi.org/10.1515/aug-2018-0019>
20. Luckner K. Whose law is it anyway – How social media augments civil society participation in international law-making. In: Golia A. Jr., Kettemann M. C., Kunz R. *Digital transformations in public international law*. Baden-Baden: Nomos, 2022, 235–260. <http://dx.doi.org/10.5771/9783748931638-235>

21. Залоило М. В. Современные юридические технологии в правотворчестве. М.: ИНФРА-М, 2020. 184 с. [Zaloilo M. V. *Modern legal technologies in law-making*. Moscow: INFRA-M, 2020, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtejsu>
22. Ansell C., Sorensen E., Torfing J. The democratic quality of co-creation: A theoretical exploration. *Public Policy and Administration*, 2024, 39(2): 149–170. <https://doi.org/10.1177/09520767231170715>
23. Walker P., Shannon P. Participatory governance: Towards a strategic model. *Community Development Journal*, 2011, 46(2): 63–82. <http://dx.doi.org/10.1093/cdj/bsr011>
24. Сморгунув Л. В. Совместное управление и сотрудничество в системе публичной власти. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2022. № 1. С. 14–20. [Smorgunov L. V. Collaborative governance and cooperation in the system of public power. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2022, (1): 14–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lprvvv>
25. Васильева Т. А. Конституционные реформы в цифровую эпоху: опыт Исландии. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2019. № 3. С. 55–62. [Vasileva T. A. Constitutional reforms in the digital era: The Iceland's experience. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, (3): 55–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-55-62>
26. Васильева Т. А. Конституционное собрание в Ирландии: делиберативная демократия в действии. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. № 6. С. 46–71. [Vasilieva T. A. Ireland's convention on the constitution: Deliberative democracy in action. *Comparative Constitutional Review*, 2022, (6): 46–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2022-6-46-71>
27. Кравец И. А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе. *Сравнительное конституционное обозрение*. 2023. № 2. С. 93–123. [Kravets I. A. Digital citizenship and constitutional challenges in the information and algorithmic society. *Comparative Constitutional Review*, 2023, (2): 93–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2023-2-93-123>
28. Кравец И. А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте). *Государство и право*. 2023. № 12. С. 48–58. [Kravets I. A. Deliberative popular constitutionalism and constitutional changes: Forms, procedures and technologies in comparative constitutional theory and practice (on the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation in a comparative aspect). *State and Law*, 2023, (12): 48–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520029375-3>
29. Contiades X., Fotiadoc A. Introduction: Participatory constitutional change. In: Contiades X., Fotiadoc A. *Participatory constitutional change: The people as amenders of the constitution*. Abingdon: Routledge, 2016, 1–6. <https://doi.org/10.4324/9781315599489>
30. Трофимов В. В., Свиридов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2018. № 4. С. 106–114. [Trofimov V. V., Sviridov V. V. Legal co-creation: Concept definition and role in the Russian law-making. *Legal policy and legal life*, 2018, (4): 106–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncetaj>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/igsojs>

Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху

Жевлакович Сергей Степанович

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

Россия, Москва

eLibrary AuthorID: 321183

<https://orcid.org/0009-0008-0583-1248>

Сумина Алина Владимировна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 6840-9724

<https://orcid.org/0009-0006-8696-803X>

Лукинский Иван Сергеевич

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя,

Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1969-9889

<https://orcid.org/0000-0003-4486-5551>ivanlukinsky@yandex.ru

Аннотация: В современном обществе цифровые технологии стремительно проникают во все сферы жизни человека, а научно-технический прогресс в настоящий момент является ключевым фактором развития человечества в целом. Среди всего многообразия технологий искусственный интеллект выделяется как одна из самых передовых и быстро развивающихся областей. Внедрение данных технологий в здравоохранение, финансы и транспорт продемонстрировало его потенциал для повышения эффективности функционирования систем. Однако искусственный интеллект также создает значительные этические и правовые проблемы, в частности при создании и распространении виртуальных порнографических изображений несовершеннолетних. Цель – рассмотреть различные методы создания виртуальной детской порнографии с помощью технологий искусственного интеллекта, этические последствия и существующие правовые рамки, регулирующие эти вопросы. Существующие правовые рамки, включая международные конвенции и национальные законодательства, регулирующие вопросы детской порнографии, не всегда учитывают специфику виртуальных изображений. Опираясь на конкретные примеры и юридические прецеденты, подчеркивается настоятельная необходимость принятия надежных нормативных правовых мер для недопущения неправомерного использования технологий искусственного интеллекта и обеспечения реализации его потенциала на благо общества.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, виртуальная детская порнография, этические проблемы, правовые рамки, глубокое обучение, генеративные состязательные сети, меры регулирования, раскрытие и расследование преступлений

Цитирование: Жевлакович С. С., Лукинский И. С., Сумина А. В. Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 585–592. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-585-592>

Поступила в редакцию 17.09.2024. Принята после рецензирования 15.10.2024. Принята в печать 15.10.2024.

full article

AI-Generated Child Pornography: Legal Challenges in Digital Age

Sergey S. Zhevlakovich

Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

eLibrary AuthorID: 321183

<https://orcid.org/0009-0008-0583-1248>

Alina V. Sumina

Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

eLibrary Author SPIN: 6840-9724

<https://orcid.org/0009-0006-8696-803X>

Ivan S. Lukinsky

Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia

eLibrary Author SPIN: 1969-9889

<https://orcid.org/0000-0003-4486-5551>ivanlukinsky@yandex.ru

Abstract: As digital technologies penetrate all spheres of human life, scientific and technological progress becomes a global development factor. Artificial intelligence (AI) is an advanced and rapidly developing area that has already proved its efficiency in healthcare, finance, and transport. However, AI also poses significant ethical and legal challenges because it can be used to generate and distribute virtual child pornography. The article features methods of generating virtual child pornography through various AI tools, their ethical implications, and the existing legal frameworks that cover these issues. In fact, the existing international and national laws on child abuse fail to take into account AI-generated images. The authors studied cases and legal precedents to highlight the urgent need for robust regulatory legal measures to prevent the misuse of AI technologies, the potential of which should be realized for the benefit of society.

Keywords: artificial intelligence technologies, virtual child pornography, ethical issues, legal frameworks, deep learning, generative adversarial networks, regulatory measures, crime detection and investigation

Citation: Zhevlakovich S. S., Lukinsky I. S., Sumina A. V. AI-Generated Child Pornography: Legal Challenges of Digital Age. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 585–592. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-585-592>

Received 17 Sep 2024. Accepted after review 15 Oct 2024. Accepted for publication 15 Oct 2024.

Введение

В современном обществе цифровые технологии стремительно проникают во все сферы жизни человека, делая научно-технический прогресс важнейшим фактором общего развития человечества. Нейронные сети, новые итерации компьютеров и интеллектуальные системы оказывают значительное влияние на общество. Искусственный интеллект (ИИ) выступает одним из передовых, быстро развивающихся, перспективных, широко обсуждаемых и периодически вызывающих споры явлений [1, с. 3]. Во многом такой интерес к данному феномену связан с тем, что совершенствование современных цифровых, информационно-коммуникационных технологий все более нарастающими темпами превращается в одно из основных направлений развития цивилизации. В соответствии с законом Мура вычислительная мощность компьютерных систем увеличивается примерно вдвое каждые полтора-два года [2].

Результаты

Определения и сущность искусственного интеллекта

Нельзя не согласиться с исследователями D. Castro и J. New, которые справедливо указывают на то, что разные подходы к пониманию сущности и определению ИИ не позволяют в полном объеме осознать его потенциальный вред [3, с. 3]. В этой связи мы полагаем целесообразным осветить различные дефиниции представленного термина.

Словарь Merriam-Webster определяет ИИ как отрасль информатики, занимающуюся имитацией разумного поведения человека¹. Многие ученые в своих работах опираются именно на это определение [4; 5]. П. Г. Уинстон понимает под ИИ вычислительную машину, способную «делать такие вещи, которые у людей выглядят разумными» [6, с. 11]. R. E. Bellman выводит интерпретацию ИИ через понятие автоматизации действий, ассоциируемых нами

¹ Artificial Intelligence. *Merriam-Webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/artificial%20intelligence> (accessed 19 Jul 2024).

с человеческим мышлением, т. е. таких действий, как принятие решений, решение задач, обучение [7].

В свою очередь в Российской Федерации определение ИИ получило нормативное закрепление в Указе Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»². Под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»³.

Применение искусственного интеллекта

Проведя обширный анализ сущностных характеристик ИИ [8–13], нами было выявлено, что с помощью методов машинного и глубокого обучения⁴ ИИ способен самообучаться и самосовершенствоваться в выполнении определенных задач без явного вмешательства со стороны человека. Можно сказать, что благодаря глубокому обучению и тренировкам ИИ становится способен «творить» самостоятельно.

Данный функционал нашел свое отражение в различных сферах жизнедеятельности человека. В здравоохранении ИИ повышает точность диагностики и персонализирует планы лечения. В финансовой сфере он оптимизирует торговые стратегии и выявляет мошеннические действия. В транспортной сфере эти технологии улучшают планирование маршрутов и обеспечивают внедрение беспилотного вождения. Таким образом, ИИ – это быстро развивающаяся область цифровых технологий, которая вскоре будет вплетена во все основные сферы жизни человека, радикально меняя их содержание [14, с. 181].

Этические и юридические аспекты использования искусственного интеллекта

При этом, как справедливо замечали исследователи D. Castro и J. New, у данной технологической революции есть и негативная сторона. Как и любая другая эволюционная технология, ИИ привлек внимание и людей, использующих достижение науки и техники в преступных целях. Это становится возможным, если

нет нормативных правовых актов или правил, всесторонне регулирующих их применение.

А поскольку законодательное регулирование этих революционных процессов катастрофически отстает от темпов их развития и внедрения во все сферы жизни общества, технологии искусственного интеллекта (ТИИ) стали использоваться и в преступных целях. Вредоносные субъекты оперативно и успешно осваивают ТИИ для совершения преступлений самых разных категорий – от преступлений в сфере экономики до деяний против общественной безопасности и общественного порядка [15, с. 160].

Такая особенность ТИИ, связанная с возможностью их двойного применения, остро ставит вопрос о преодолении инерционных тенденций в нормативном регулировании процессов, связанных с их внедрением в жизнь социума, и об ускорении создания надежных правовых и технологических барьеров для попыток реализации криминальных вариантов использования технологии искусственного интеллекта.

Одним из видов противоправных действий, при котором широко используются ТИИ, стало изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (детской порнографии) [16]. В данном случае уместно такую продукцию называть – виртуальной детской порнографией, которая полностью создается системой компьютерных программ и алгоритмов без использования изображений насилия реальных детей.

Благодаря цифровым технологиям доступ к детской порнографии осуществляется в основном удаленным способом – посредством использования сети Интернет, через виртуальные средства, такие как сайты социальных сетей, сайты обмена файлами и фотографиями, мобильные приложения, а в последнее время и в режиме реального времени в чат-рулетках⁵, что вызывает наибольший интерес.

Приведем характерный пример [17]. Десятилетняя филиппинская девочка Свитти заходит в публичную чат-рулетку и включает веб-камеру. Она улыбается и общается с анонимными пользователями. И вскоре ей пишут сотни взрослых пользователей, предлагая за деньги совершить действия сексуального характера в прямом эфире.

² О развитии искусственного интеллекта в РФ. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 (ред. от 15.02.2024). СПС КонсультантПлюс.

³ Там же.

⁴ Машинное обучение – это подмножество ИИ, при котором применяются методы (например, глубокое обучение), позволяющие компьютерам использовать опыт для совершенствования в решении задач; Глубокое обучение – это разновидность машинного обучения на основе искусственных нейронных сетей. Процесс обучения называется глубоким, т. к. структура искусственных нейронных сетей состоит из нескольких входных, выходных и скрытых слоев. Каждый слой содержит единицы, преобразующие выходные данные в сведения, которые следующий слой может использовать для определенной задачи прогнозирования. Благодаря этой структуре компьютер может обучаться с помощью собственной обработки данных.

⁵ Чат-рулетка – это онлайн-чат на веб-сайте, который объединяет случайных пользователей с возможностью выбора собеседника для разговоров через веб-камеру. Посетители веб-сайта вступают в онлайн-чат (аудио- и видеочат) с другим посетителем. В любой момент каждый пользователь может покинуть текущий чат, установив другое случайное соединение.

Признаемся, что в реальности девочки Свитти не существует. Свитти – это сгенерированный компьютером виртуальный ребенок, созданный по инициативе организации по защите прав детей *Terre des Hommes* в рамках исследовательского проекта по разоблачению педофилов в сети Интернет⁶. За те два с половиной месяца, что Свитти была активна в Интернете, она помогла организации выявить более 20 тыс. человек, пытавшихся пообщаться с ней в сети, в том числе 1000 взрослых из 71 страны, которые были готовы заплатить виртуальному ребенку за действия сексуального характера по веб-камере.

Свитти была создана в 2013 г. с помощью компьютерной программы, которой управлял человек, и запрограммирована не только выглядеть внешне, как десятилетняя девочка, но и использовать тон, мимику, жесты и движения, характерные для реального ребенка. Компьютерная генерация, как и технология CGI, используемая в большинстве динамичных сцен в кинематографе, была передовой для того времени. В настоящее время эти технологии заменяются еще более совершенной ТИИ.

Так, особый тип ТИИ глубокого обучения, известный как DeepFakes, способен создавать реалистичные и практически неотличимые изображения людей (знаменитостей, обычных людей, детей) без какого-либо вмешательства или контроля со стороны человека. Эта технология хотя и применяется в сфере индустрии развлечений, в то же время ее использование порождает множество юридических и этических проблем, в том числе связанных с использованием данной технологии в криминальных целях – для мошеннических комбинаций, а также для производства порнографии.

Возможность быстро создавать, размещать в сети и распространять контент, изображающий насилие над детьми, становится серьезной проблемой для интернет-, медиа- и технологических компаний. Например, в 2018 г. технологические компании сообщили о более чем 45 млн изображений и видеороликов, демонстрирующих сюжеты жестокого обращения с детьми, которые размещены в свободном доступе в сети Интернет⁷ и созданы с помощью технологий ИИ⁸. А Национальный центр помощи пропавшим и эксплуатируемым детям сообщает, что ежегодно они просматривают 5 млн изображений и видеороликов, демонстрирующих виртуальные картины жестокого

обращения с детьми, что составляет 480769 изображений в неделю⁹.

При анализе и квалификации данного деяния одним из наиболее сложных элементов является решение вопроса о виновности лица, создавшего виртуальные изображения порнографического характера. При решении этого вопроса необходимо учитывать методы получения виртуальных изображений [18–21].

На сегодняшний день можно выделить три основных метода создания виртуальных изображений:

- 1) создание изображений с помощью компьютера, предполагающее взаимодействие человека и компьютера;
- 2) создание изображений с помощью ИИ, практически исключая непосредственное участие человека в производстве контента;
- 3) гибридный метод – создание изображений с помощью компьютера и ИИ, предполагающее взаимодействие человека, компьютера и ИИ.

Первый метод, основанный на взаимодействии человека и компьютера, предусматривает непосредственное участие в производстве контента людей, которые используют программные инструменты для ручного создания цифровых изображений и манипулирования ими. Указанный метод часто применяется в графическом дизайне, цифровом искусстве и трехмерном моделировании. Он позволяет создавать уникальный и персонализированный продукт. В то же время он, как правило, связан со значительными временными затратами и требует от создателя контента высокого уровня мастерства и опыта.

Второй метод, предполагающий компьютерную генерацию изображений только с помощью ИИ, основан на использовании передовых алгоритмов и нейронных сетей для автономной генерации виртуальных изображений. К этой категории относятся такие технологии, как deepfakes и генеративные состязательные сети (GAN), создающие высокореалистичные изображения без непосредственного вмешательства человека. Этот метод эффективен и позволяет добиться максимально реалистичных результатов. Между тем его использование сопровождается серьезными проблемами этического и юридического характера. Так, к этическим проблемам, на наш взгляд, возможно отнести:

- *обман и дезинформация*: сгенерированные ИИ изображения могут быть на 99 % неотличимы

⁶ Webcam Child Sex Tourism. Becoming Sweetie: A novel approach to stopping the global rise of Webcam Child Sex Tourism. *Terre des Hommes*. 2013, 113. URL: <https://cdn.icmec.org/wp-content/uploads/2020/07/Webcam-Child-Sex-Tourism-Terre-des-Hommes-2014.pdf> (accessed 19 Jul 2024).

⁷ Keller M. H., Gabriel J. X. Dance, The Internet is Overrun with Images of Child Sexual Abuse. What Went Wrong? *The New York Times*. 29 Sep 2019. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/09/28/us/child-sex-abuse.html> (accessed 19 Jul 2024).

⁸ ТИИ позволяют сгенерировать реалистичные изображения и видеоролики, содержащие жестокое обращение с детьми (включая сексуальное насилие – изнасилование младенцев и малышей, БДСМ-контент с участием подростков и др.). Злоумышленники легально загружают все необходимое для создания этих изображений, а затем генерируют их в автономном режиме без возможности отслеживания. Существуют различные инструменты для улучшения и редактирования подобных материалов.

⁹ Child sexual abuse material. *THORN*. URL: <https://www.thorn.org/child-pornography-and-abuse-statistics/> (accessed 19 Jul 2024).

от реальных, что приведет к непропорциональному использованию и распространению ложной информации;

- **конфиденциальность:** сгенерированные изображения могут нарушать неприкосновенность частной жизни, особенно если они используются для создания откровенного или клеветнического контента;
- **отсутствие согласия:** люди, изображенные в контенте, сгенерированном ИИ, как правило, не дают своего согласия на использование, размещение и распространение своего изображения (чаще всего люди даже не знают о том, что их фотографии или видеозаписи были использованы для генерации).

Злоумышленники, создающие реалистичный поддельный контент, берут на себя моральную ответственность и осознают потенциальный вред, который наносится таким контентом.

С юридической точки зрения следует рассматривать следующие аспекты:

- **диффамация и клевета:** создание и распространение ложных изображений может привести к судебным искам и разбирательствам;
- **регулирование:** отсутствие полноценной правовой базы, регулирующей создание и использование изображений, сгенерированных ИИ, приводит к проблемам в сфере правоприменения;
- **ответственность:** существующая правовая база не позволяет определять и разграничивать, какую будут нести юридическую ответственность за непропорциональное производство и использование контента, созданного с использованием ИИ, следующие субъекты:
 - разработчик ИИ;
 - пользователь, создавший контент с использованием ИИ;
 - владельцы платформы, на которой размещен контент.

Третий метод, гибридный, позволяет интегрировать творческие способности человека с возможностями компьютерных систем и возможностями ИИ. Этот метод предполагает доработку контента, созданного ИИ, человеком. Такой подход позволяет сбалансировать технологическую эффективность ИИ и творческий замысел человека, способствуя получению оригинальных и качественных результатов. В то же время при использовании в криминальных

целях этот метод может затруднять процесс раскрытия и расследования преступления в связи со сложностью определения создателя контента, хотя не настолько, как второй метод.

При создании виртуального изображения с использованием первого и третьего методов участие человека в производстве контента более или менее очевидно. Второй же метод отличается практически минимальным участием человека в производстве такого рода контента. Ввиду этого существенно осложняется решение вопроса о квалификации подобного деяния.

Тем не менее за рубежом создано уже немало прецедентов привлечения к ответственности производителей виртуальной порнографии. В Южной Корее приговорили к 2,5 годам лишения свободы взрослого мужчину, который создал около 360 сексуальных изображений при помощи технологий ИИ¹⁰. Власти Канады приговорили к 8 годам лишения свободы 61-летнего гражданина Канады за создание с помощью ИИ синтетических видеороликов с детской порнографией¹¹. Детский психиатр из Северной Каролины Дэвид Татум был приговорен к 40 годам тюремного заключения за производство, транспортировку и хранение детской виртуальной порнографии¹².

Однако практика в области противодействия данному виду правонарушений сталкивается с существенными трудностями. ИИ способен создавать абсолютно реалистичные изображения детской порнографии, и при этом не используется реальное событие насилия над реальным ребенком.

Учитывая существенную специфику технологии создания виртуальных версий детской порнографии, для эффективного противодействия этому виду преступлений требуется адекватное нормативное обеспечение. Интересным видится зарубежная практика регулирования этой деятельности.

Определение детской порнографии, содержащееся в параграфе 2256 раздела 18 Свода законов США¹³, не позволяет однозначно утверждать, что детская порнография, созданная ИИ, подпадает под действие этого закона. Для исправления данной ситуации исследователями предлагается идентифицировать продукт, созданный ИИ, с термином *сгенерированный компьютером*, который уже содержится в параграфе 2256 (8) Свода законов США. Если же продукт виртуальной детской порнографии, сгенерированный с помощью ИИ, нельзя считать подпадающим

¹⁰ Court jails man for using AI to make sexual images of minors for the first time. *The Korea Herald*. 25 Sep 2023. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20230925000652> (accessed 19 Jul 2024).

¹¹ Quebec man who created synthetic, AI-generated child pornography sentenced to prison. *CBC*. 26 Apr 2023. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/montreal/ai-child-abuse-images-1.6823808> (accessed 19 Jul 2024).

¹² Psychiatrist used AI to create child porn, sentenced to 40 years in prison. *Fox News*. 11 Nov 2023. URL: <https://www.foxnews.com/us/psychiatrist-used-ai-create-child-porn-sentenced-40-years-prison> (accessed 19 Jul 2024).

¹³ 18 U.S. Code § 2256 – Definitions for chapter. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2256#:~:text=such%20visual%20depiction%20has%20been,engaging%20in%20sexually%20explicit%20conduct> (accessed 19 Jul 2024).

под понятие *сгенерированный компьютером*, то в параграфе 2256 (8) Свода законов США предлагается внести поправку в виде дополнения новым понятием *сгенерированный ИИ*.

Очевидно, что поиски оптимальных вариантов аналогичной трансформации действующего законодательства весьма актуальны и в РФ. Действующее российское законодательство, к сожалению, не содержит оптимального инструментария для квалификации подобных противоправных деяний, осуществляемых на принципиально новой технологической основе.

Отождествляя виртуальную детскую порнографию с дипфейками, нельзя не согласиться с мнением И. Н. Архипцевой и соавторов о том, что такие деяния могут относиться к диспозициям и содержанию ст. 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» [22, с. 72]. При этом, по мнению Ильи Карпук, в случае изготовления детской порнографии при помощи ИИ возникает необычная правовая коллизия. Дело в том, что обычно по ст. 242.1 УК РФ злоумышленников привлекают к ответственности уже по факту распространения порнографических материалов. Если же было только изготовление, то тут возникает объект и субъект в виде участника преступления. В таких случаях злоумышленников дополнительно привлекают по более тяжелой квалификации – п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Так же он указывает на то, что при создании детской порнографии с применением ИИ формально нет субъекта и субъективной стороны преступления¹⁴. К тому же применительно к продукции виртуальной детской порнографии, созданной с помощью ИИ, дискуссионным представляется использование понятий *изготовление и несовершеннолетних*. Создает продукт в этой ситуации виртуальный исполнитель – ИИ. Его нельзя привлечь к ответственности. В данном контексте уместны слова В. И. Тищенко, которая справедливо обозначает виртуальность как что-то существующее по сути или вследствие, но не в самом деле или фактически [23, с. 61]. Изображение является исключительно виртуальным не только по форме, но и по происхождению, поскольку не является видеоизображением реального события и создается не на основе съемки реального события насилия над реальным ребенком. Определить возрастную принадлежность изображенного виртуального персонажа вообще не представляется

возможным. Так, злоумышленник может использовать промт¹⁵, состоящий из конструкции «девушка 20 лет с внешностью 14 летней девочки». В этой ситуации определить возраст получаемой виртуальной девушки не то что не представляется возможным, а в целом является чем-то нереальным.

Однако человек в данном событии все же присутствует, и он в этой ситуации выступает в качестве заказчика, распространителя и потребителя контента. И самое главное – сохраняется существенный вред, наносимый распространением подобной продукции обществу, его ценностям.

В современных условиях в мировом сообществе предельно обострилась борьба двух противоположных мировоззрений. С одной стороны – концепция общества, основанного на традиционных гуманистических ценностях. Сохранение подобного миропорядка отстаивают РФ и ее сторонники. С другой стороны – проповедники «нового миропорядка» (второе после Гитлера его издание), основанного на отрицании традиционных ценностей, традиционной морали, что в конечном счете ведет к деградации общества. И одна из сфер, где это противоборство приобретает наиболее опасные формы – это виртуальное пространство. В связи с этим ИИ может в процессе этого противоборства превратиться в оружие, сопоставимое по своей опасности с термоядерным оружием.

Поэтому на повестке дня стоит острейшая проблема реализации эффективных форм контроля за разработкой и использованием технологий ИИ как на государственном, так и на межгосударственном уровнях. Противодействие криминальным вариантам использования технологий ИИ, в том числе и в сфере детской порнографии – один из важнейших фронтов этого противоборства за судьбы мира.

Заключение

Эффективно противодействовать производству и распространению детской порнографии, создаваемой на новой технологической базе, без действенной законодательной основы представляется крайне затруднительно. Для приведения законодательства в соответствие с реалиями сегодняшнего дня требуется серьезная исследовательская работа и творческая дискуссия, в которой должны принять участие не только праведы и правоохранители, но и разработчики ТИИ.

¹⁴ Аморальная проблема: искусственный интеллект стали использовать для создания детской порнографии. *Известия* iz. 09.10.2023. URL: <https://iz.ru/1585283/dmitrii-bulgakov/amoralnaia-problema-iskusstvennyi-intellekt-stali-ispolzovat-dlia-sozdaniia-detskoj-pornografii> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁵ Промт – это точно сформулированный запрос или инструкция, предоставляемая модели ИИ, чтобы направить ее генерацию ответа. Она служит техническим заданием, которое определяет желаемый результат, предоставляя контекст, определяя задачу, устанавливая ограничения и определяя стиль или формат ответа. Подсказки обычно выражаются на естественном языке, что делает их понятными для языковых моделей и других систем ИИ, предназначенных для обработки и генерации человеческой речи. Четко формулируя требования и ожидания, подсказки позволяют пользователям эффективно доносить свои намерения до моделей ИИ, тем самым способствуя созданию точных и релевантных результатов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Жевлакович С. С., Сумина А. В., Лукинский И. С. Может ли искусственный разум воспитать разумного человека? *Юридическое образование и наука*. 2023. № 5. С. 3–13. [Zhevlakovich S. S., Sumina A. V., Lukinsky I. S. Is artificial intelligence able to raise a reasonable person? *Legal Education and Science*, 2023, (5): 3–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2023-5-3-13>
2. Лукинский И. С., Горшенева И. А., Сумина А. В. Использование искусственного интеллекта в качестве инструмента оптимизации научной деятельности: pro et contra. *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2023. № 1. С. 99–102. [Lukinsky I. S., Gorsheneva I. A., Sumina A. V. Artificial intelligence application as an optimization tool of research activity: Pro et contra. *Psychology and pedagogy of service activity*, 2023, (1): 99–102. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-99-102>
3. Castro D., New J. The promise of artificial intelligence. *Center for data innovation*, 2016, 44. URL: <https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (accessed 19 Jul 2024).
4. Jeong G. H. Artificial intelligence, machine learning, and deep learning in women's health nursing. *Korean Journal of Women Health Nursing*, 2020, 26(1): 5–9. <https://doi.org/10.4069/kjwhn.2020.03.11>
5. Yates S., Walker A., Van Meter K. *Artificial Intelligence*. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/344575855_Artificial_Intelligence (accessed 11 Aug 2024).
6. Уинстон П. Г. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1980. 520 с. [Winston P. H. *Artificial intelligence*. Moscow: Mir, 1980, 520. (In Russ.)]
7. Bellman R. E. *An introduction to artificial intelligence: Can computers think?* SF: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978, 146.
8. Xu Y., Liu X., Cao X. et al. Artificial intelligence: A powerful paradigm for scientific research. *The Innovation*, 2021, 2(4). <https://doi.org/10.1016/j.xinn.2021.100179>
9. Mahmood A., Wang J. L. Machine learning for high performance organic solar cells: Current scenario and future prospects. *Energy & environmental science*, 2021, 14(1): 90–105. <https://doi.org/10.1039/D0EE02838J>
10. Bughin J., Hazan E., Ramaswamy S., Allas T., Dahlstrom P., Henke N., Trench M. *Artificial intelligence: The next digital frontier?* McKinsey Global Institute, 2017, 80.
11. Poo M. Towards brain-inspired artificial intelligence. *National Science Review*, 2018, 5(6). <http://dx.doi.org/10.1093/nsr/nwy120>
12. Szegedy C., Zaremba W., Sutskever I., Bruna J., Erhan D., Goodfellow I., Fergus R. Intriguing properties of neural networks. *arXiv*, 2013. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1312.6199>
13. Кузьмин Д. И. Интеграция искусственного интеллекта в инновационные продукты. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. 144 с. [Kuzmin D. I. *Integrating artificial intelligence in innovative products*. Vladimir: RANEPА, 2023, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhxcgj>
14. Сумина А. В. Возможности искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. *Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: региональные аспекты: Всерос. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 27 октября 2023 г.) Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 179–181. [Sumina A. V. Artificial intelligence in crime detection, investigation, and prevention. *Relevant issues of law and law enforcement activity: Regional aspects*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 27 Oct 2023. Krasnodar: Krasnodar University MIA Russia, 2024, 179–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxcvqr>
15. Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика. *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2021. Т. 23. № 3. С. 153–165. [Dremlyuga R. I. Application of artificial intelligence for criminal purposes from criminal law perspective. *Pacific rim: Economics, politics, law*, 2021, 23(3): 153–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-3/153-165>
16. Chad M. S. Steel. Artificial intelligence and CSEM – A research agenda. *Child Protection and Practice*, 2024, 2. <https://doi.org/10.1016/j.chipro.2024.100043>

17. *Sweetie 2.0: Using artificial intelligence to fight webcam child sex tourism*, eds. Hof S., Georgieva I., Schermer B. W., Koops B.-J. T.M.C. Asser Press, 2019, 558. <http://dx.doi.org/10.1007/978-94-6265-288-0>
18. Wu S., Xiao S., Di Y., Di C. 3D film animation image acquisition and feature processing based on the latest virtual reconstruction technology. *Complexity*, 2021, (1): 1–11. <https://doi.org/10.1155/2021/2331306>
19. Zhihan Lv. Generative artificial intelligence in the metaverse era. *Cognitive Robotics*, 2023, 3: 208–217. <https://doi.org/10.1016/j.cogr.2023.06.001>
20. Brüns J. D., Meißner M. Do you create your content yourself? Using generative artificial intelligence for social media content creation diminishes perceived brand authenticity. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2024, 79. <https://doi.org/10.1016/j.jretconser.2024.103790>
21. Hua Y., Niu S., Cai J., Chilton L. B., Heuer H., Wohn D. Y. Generative AI in user-generated content. *Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems: Proc. Conf.*, Honolulu, 11–16 May 2024. NY: Association for Computing Machinery, 2024, 1–7. <https://doi.org/10.1145/3613905.3636315>
22. Архипцев И. Н., Александров А. Н., Максименко А. В., Озеров К. И. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? *Социально-политические науки*. 2021. Т. 11. № 1. С. 69–74. [Arhiptsev I. N., Aleksandrov A. N., Maksimenko A. V., Ozerov K. I. Pornographic deepfake: Fiction or virtual reality? *Sociopolitical Sciences*, 2021, 11(1): 69–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33693/2223-0093-2021-11-1-69-74>
23. Тищенко В. И. Феномен виртуальной реальности: эволюция термина. *Труды ИСА РАН*. 2023. Т. 73. № 4. С. 58–67. [Tishchenko V. I. The phenomenon of virtual reality: The evolution of the term. *Trudy ISA RAS*, 2023, 73(4): 58–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14357/20790279230407>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lqlrrb>

Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции

Сорокина Ольга Сергеевна

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

<https://orcid.org/0009-0007-2045-1027>

Sorokina_046@inbox.ru

Аннотация: Государственно-правовое регулирование оборота алкоголя характеризуется системным расширением ограничений и запретов в данной сфере. Цель – провести анализ изменений регулятивного и уголовного законодательства в части существенного ограничения оборота алкогольной продукции, что привело к значительному снижению потребления алкоголя на душу населения. В результате представлена динамика преступлений в сфере незаконного оборота алкоголя; дана оценка результатов деятельности государственных и правоохранительных органов в рамках Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения, действовавшей до 2019 г.; сформулирован прогноз возможности получения положительных результатов при реализации положений Концепции сокращения потребления алкоголя в России на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу. Несмотря на акцентирование внимания государства на здоровый образ жизни и формирование негативного отношения населения к потреблению алкоголя, т. е. работу по предупреждению алкоголизации населения, выдвинут тезис о необходимости дальнейшего усиления борьбы с незаконным оборотом алкоголя. В итоге ввиду разрозненности норм в уголовном законодательстве, нацеленных на противодействие незаконному обороту алкоголя, дана классификация преступных посягательств в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовный закон, незаконный оборот алкоголя, алкоголизация населения, преступность, суррогатный алкоголь, нелегальная алкогольная продукция

Цитирование: Сорокина О. С. Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 593–601. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-593-601>

Поступила в редакцию 16.06.2024. Принята после рецензирования 08.07.2024. Принята в печать 12.07.2024.

full article

Socio-Legal Conditions of Expanding Criminal Law against Illegal Alcohol Trafficking

Olga S. Sorokina

Southwest State University, Russia, Kursk

<https://orcid.org/0009-0007-2045-1027>

Sorokina_046@inbox.ru

Abstract: The legal regulation of alcohol turnover has a tendency for expansion. This research featured the recent tightening in regulatory and criminal legislation against illegal turnover of alcoholic beverages, which led to a significant decrease in alcohol consumption per capita. The author studied the dynamics of crimes in the field of illegal alcohol trafficking and assessed the efficiency of law enforcement agencies as part of state policy to reduce alcohol abuse and prevent social alcoholism, which was in effect until 2019. The article gives a forecast of the Program for Reducing Alcohol Consumption in Russia through 2030. The author believes that measures against alcohol trafficking should be strengthened further despite the current preventive state policy of healthy lifestyle and shaping negative public attitude to alcohol consumption. Criminal legislation aimed at countering illegal alcohol trafficking remains diverse and chaotic. The research resulted in a classification of crimes in this area.

Keywords: criminal law, illegal alcohol trafficking, alcohol involvement of population, crime, surrogate alcohol, illegal alcoholic beverages

Citation: Sorokina O. S. Socio-Legal Conditions of Expanding Criminal Law against Illegal Alcohol Trafficking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 593–601. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-593-601>

Received 16 Jun 2024. Accepted after review 8 Jul 2024. Accepted for publication 12 Jul 2024.

Введение

Государственное вмешательство в алкогольный бизнес характеризуется системным расширением, что связано, с одной стороны, с фискальными интересами, т.к. алкогольный рынок является важным элементом любого государства, а с другой – оборот нелегальной алкогольной продукции, в первую очередь суррогатного алкоголя, ставит под угрозу национальную безопасность, т.к. алкоголизация населения снижает производительность труда, ведет к утрате трудоспособности, увеличивает преступность. Ежегодно каждое четвертое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения¹. Указанная сфера является предметом исследования специалистов области истории [1; 2], социологии [3–5], экономики [6], права. Юристы же в большей степени концентрируют внимание на вопросах государственного регулирования оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции и социальных последствий [7–12]. Работы в области уголовного права преимущественно сводятся к исследованию особенностей конкретного состава преступления, затрагивающего сферу оборота алкоголя [13–19], что несомненно имеет важное прикладное значение. Но необходимо рассмотреть проблему уголовно-правового противодействия нелегальному обороту алкоголя комплексно с учетом системных изменений регулятивного законодательства.

Результаты

Становление современного регулятивного законодательства в сфере оборота алкоголя

Большая правотворческая работа была проведена в рамках реализации Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения, принятой в 2009 г. и рассчитанной на 10 лет. В результате существенно снижена доступность алкогольной продукции за счет введения ряда ограничений по ее розничной продаже, разработаны

и внедрены различные меры, нацеленные на воспрепятствование распространению нелегальной продукции (т.е. продукции без соответствующего разрешения и суррогатов), возросли цены на алкогольную продукцию за счет повышения акцизов, запрещена реклама алкоголя, активизирована пропаганда ЗОЖ. Концепция, получившая высокую оценку ВОЗ², удачно сочетала запретительные и поощрительные меры, нацеленные на снижение потребления алкоголя.

С 2009 г. введена в действие Единая государственная автоматизированная система учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС), которая постоянно дополняется, детализируется и улучшается. С 2017 г. ЕГАИС была «закольцована» с АИС «Налог-3», благодаря чему налоговые органы и Росалкогольрегулирование (с 2023 г. – Росалкогольтабакконтроль) получили возможность полного контроля алкогольной и спиртосодержащей продукции на предмет ее оборота и уплаты обязательных платежей. Причем начисление обязательных публичных платежей осуществляется по объему реализованных подакцизных товаров (п. 2.1. ст. 187 НК РФ).

С 2010 г. на алкогольную продукцию введены минимальные фиксированные цены. В 2011 г. введен запрет продажи этилового спирта в районах Крайнего Севера и приравненных регионах; введен федеральный закон «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе», запрещающий продажу данной продукции в ночное время, а именно с 23 до 8 часов. Однако в ряде регионов был отмечен рост продажи алкоголя на вынос, так называемых *наливаек*. Поэтому в 2020 г. на федеральном уровне было введено требование о необходимости наличия зала не менее 20 кв. м для предоставления услуг общественного питания и существенно ограничена возможность размещения таких мест в многоквартирных домах³.

¹ В 2023 г. 22,4 % преступлений совершены в состоянии алкогольного опьянения (Состояние преступности за январь-декабрь 2023 г. М., 2023. С. 5. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс1.pdf); В 2022 г. – 24,4 % (Состояние преступности за январь-декабрь 2022 г. М., 2022. С. 5. URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVs/student/risk_management/Состояние%20преступности%20в%20Росс.pdf (дата обращения: 16.05.2024)).

² Реализация алкогольной политики в странах содружества независимых государств: рабочее совещание «стран-первопроходцев». Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2020. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/335948/WHO-EURO-2020-1202-40948-55498-rus.pdf> (дата обращения: 16.05.2024).

³ О внесении изменений в ст. 16 ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». ФЗ № 145-ФЗ от 24.04.2020. СПС КонсультантПлюс.

С 2024 г. субъектам РФ предоставлено право расширять требования по продаже пива, пивных напитков, пуаре, сидра, медовухи в ресторанах, кафе, в том числе расположенных в многоквартирных домах⁴.

Многочисленные изменения были внесены в федеральный закон «О рекламе», поэтапно сужающие возможность рекламирования алкоголя. В настоящее время допускается реклама безалкогольной продукции производителей (марок), ориентированных на производство алкогольной продукции, поэтому, по мнению ученых, задача Концепции по ограничению скрытой рекламы алкогольной продукции в полном объеме не решена [20].

С 2021 г. акцизные марки заменены на федеральные специальные марки⁵, что было связано с «задвоенностью» акцизных марок ввиду использования недобросовестными предпринимателями слабых мест ЕГАИС. При «задвоенности» акцизных марок ЕГАИС подтверждала их наличие в системе, что приводило к потерям бюджета.

В 2023 г. введен реестр производителей пива, пивных напитков, пуаре, сидра, медовухи⁶; установлена временная возможность уничтожения без судебного решения конфискованных или изъятых этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (до 01.06.2025)⁷; увеличена цена федеральной специальной марки для алкогольной продукции⁸. На рассмотрении находится вопрос об оснащении производителями спиртосодержащей непищевой продукции технологическим оборудованием,

автоматическими средствами измерения и учета концентрации и объема безводного спирта в готовой продукции, объема готовой продукции⁹, а также установления обязанности внесения сведений в систему мониторинга о процентном содержании этилового спирта в готовой продукции на духах и туалетной воде¹⁰. Обсуждается вопрос распространения маркировки средствами идентификации на лосьоны¹¹. Данные изменения преследуют цель сокращения использования спиртосодержащей парфюмерно-косметической продукции в качестве алкогольного суррогата.

С 1 февраля по 1 августа 2023 г. был проведен эксперимент по внедрению системы, технически не допускающей возможность продажи незаконно введенной в оборот или просроченной продукции. Так, отдельные виды товаров (вода, молочная продукция, пиво, некоторые слабоалкогольные напитки, сигареты и др.) не могут быть проданы, если введены в оборот незаконно или являются просроченными посредством блокировки на кассе при продаже¹². В результате возможность продажи просроченной продукции была сведена к нулю: «С 1 апреля 2024 г. для пива и слабоалкогольных напитков (в кегах), и с 1 ноября 2024 г. (в потребительской упаковке) система мониторинга отслеживает просроченную или фальсифицированную, недоброкачественную или контрафактную продукцию и блокирует ее продажу»¹⁵. По мнению экспертов, «налоговые преступления в сфере оборота контрафактного алкоголя

⁴ П. 4.2 ст. 16 ФЗ № 6-ФЗ от 14.02.2024 «О внесении изменений в ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». СПС КонсультантПлюс.

⁵ О внесении изменений в ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 436-ФЗ от 22.12.2020. СПС КонсультантПлюс.

⁶ О внесении изменений в ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». ФЗ № 108-ФЗ от 03.04.2023; О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 624-ФЗ от 25.12.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁷ О внесении изменений в ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». ФЗ № 168-ФЗ от 28.04.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁸ О внесении изменения в постановление Правительства РФ № 2348 от 29.12.2020. Постановление Правительства РФ № 1364 от 21.08.2023. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Предложено дополнить соответствующими положениями п. 2 ст. 8 Закона № 171-ФЗ.

¹⁰ Предложено дополнить постановление Правительства РФ № 1957 от 31.12.2019 «Об утверждении Правил маркировки духов и туалетной воды средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении духов и туалетной воды».

¹¹ Итоговый доклад о результатах деятельности Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками в 2023 г. С. 14. URL: [https://fsrar.gov.ru/files/30953_ид%20сайт%20\(25.04.2024\).pdf](https://fsrar.gov.ru/files/30953_ид%20сайт%20(25.04.2024).pdf) (дата обращения: 30.04.2024).

¹² О проведении на территории РФ эксперимента по исключению технической возможности продажи пищевой, табачной и никотинсодержащей продукции в случае незаконного введения ее в оборот или истечения сроков годности. Постановление Правительства РФ № 74 от 24.01.2023. СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Об утверждении перечня случаев, при которых продажа товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, запрещена на основании информации, содержащейся в ГИС МТ, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, или отсутствия в указанной ГИС необходимой информации о таких товарах, и особенностей внедрения указанного запрета в отношении отдельных товаров, а также Правил применения запрета продажи товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, на основании информации, содержащейся в ГИС МТ, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, или отсутствия в указанной ГИС необходимой информации, в том числе правил получения информации из указанной ГИС. Постановление Правительства РФ № 1944 от 21.11.2023 (ред. от 06.03.2024). СПС КонсультантПлюс.

имеют единичный характер и проявляются в розничной торговле, а оптовый оборот контрафактной спиртосодержащей продукции является пережитком прошлого» [21, с. 98].

Алкоголизация населения: прошлое и настоящее

Стоит отметить, что к началу 1990-х гг. потребление только учтенной алкогольной продукции составляло 5,4 л абсолютного алкоголя (безводного спирта) в год, к 2008 г. оно возросло до 10 л¹⁴. По данным ЦНИИОИЗ: «За период реализации государством Концепции наблюдалось существенное снижение смертности от алкогольных отравлений (по сведениям Росстата с 2008–2020 гг. смертность от случайных отравлений снизилась на 60 %). Доля россиян, потреблявших водку за последние 30 дней, с 2008 г. по 2019 г. снизилась с 50,6 % до 35,7 %. В тот же период доля крепких алкогольных напитков в структуре розничных продаж алкогольной продукции снизилась с 51 % на 44 %»¹⁵. К 2023 г. показатель употребления этанола на душу населения составляет 8,9 л.

Минздрав России указал, что ранее действовавшая Концепция позволила добиться устойчивого снижения с 18 л в 2009 г. до 8,8 л в 2021 г. В рамках национального проекта «Демография» ведется мониторинг потребления алкоголя на душу населения, где учитывается не только зарегистрированный, но и незарегистрированный алкоголь и суррогаты. По данным ЦНИИОИЗ Минздрава России потребление алкоголя повысилось с 9,06 л в 2019 г. до 9,13 л в 2020 г. на человека, где причинами стали пандемия и не достаточный рост акцизов относительно инфляции¹⁶.

В декабре 2023 г. утверждена новая Концепция сокращения потребления алкоголя в России на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу¹⁷. Принципиальное отличие нового стратегического документа в том, что акцент сделан не на регуляторные правила, а на превентивные меры, заключающиеся в проведении мероприятий по профилактике заболеваний, вызванных

чрезмерным употреблением алкоголя, информировании общественности о вреде алкоголя и стимулировании здорового образа жизни. В качестве целевого индикатора к 2030 г. указан 7,8 л этилового спирта в год на душу населения¹⁸.

Тем не менее одной из задач Концепции названо: «Противодействие нелегальному производству и обороту алкогольной продукции, уходу от уплаты акцизов на алкогольную, спиртосодержащую продукцию и этиловый спирт»¹⁹. Несмотря на то что общая координирующая роль выполнения целевых показателей Концепции поручена Министерству здравоохранения РФ, полагаем, что реализация указанного пункта должна осуществляться контрольно-надзорными и правоохранительными органами (Росалкогольтабакнадзор и МВД РФ).

Виды правонарушений в сфере незаконного оборота алкоголя

Росстат и Росалкогольтабакконтроль выделяют 15 групп нарушений, связанных с незаконным производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Это правонарушения, касающиеся маркировки (подделка или ее отсутствие), фискальные правонарушения (как налоговые, так и таможенные), а также действия, связанные с незаконной деятельностью по производству и обороту отмеченной продукции (отсутствие лицензии или нарушение правил торговли)²⁰. Так, только в 2023 г. было выявлено более 66 тыс. подобных нарушений, из которых 69,9 % занимают нарушения правил торговли. Эти проверки осуществляют МВД РФ, Росалкогольтабакконтроль, Федеральная таможенная служба РФ. 4,4 % проведенных проверок завершились возбуждением уголовного дела²¹. «В 2023 г. ликвидировано 1037 нелегальных производств, изъято 163,5 млн литров этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, 951 единица автотранспорта, осуществлявшего перевозку нелегальной

¹⁴ О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ № 2128-р от 30.12.2009. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁵ По оценке экспертов ЦНИИОИЗ за последнее десятилетие россияне стали меньше употреблять алкоголь. *ЦНИИОИЗ*. 11.11.2021. URL: <https://mednet.ru/novosti/po-oczenke-ekspertov-cznioiz-za-poslednee-desyatiletie-rossiyane-stali-menshe-upotrebyat-alkogol> (дата обращения: 30.04.2024).

¹⁶ Мониторинг потребления алкоголя в РФ и субъектах РФ в 2020 г. *ЦНИИОИЗ*. 25.08.2021. URL: <https://mednet.ru/novosti/monitoring-potrebleniya-alkogolya-v-rossijskoj-federacii-i-subektax-rossijskoj-federacii-v-2020-g> (дата обращения: 30.04.2024).

¹⁷ Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и на дальнейшую перспективу. Распоряжение Правительства РФ № 3547-р от 11.12.2023. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁸ Приложение 1 Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу. Распоряжение Правительства РФ № 3547-р от 11.12.2023. *СПС КонсультантПлюс*.

¹⁹ Об утверждении Концепции сокращения потребления алкоголя в РФ на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу...

²⁰ См., например: Статистический сборник «Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2020–2022 гг.». URL: <https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828> (дата обращения: 19.05.2024).

²¹ Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. URL: https://fsrar.gov.ru/terminy_i_opredelenija (дата обращения: 30.04.2024).

продукции, 7947 единиц основного технологического оборудования»²².

Количество проверок по выявлению незаконного производства и оборота алкоголя и количество уголовных дел, возбужденных по результатам проверок, существенно изменилось (табл. 1).

Если в 2013 г. каждая десятая проверка завершалась возбужденным уголовным делом, то в 2023 г. лишь в 4,5 % проверок выявляются основания для возбуждения уголовного дела. Обращает внимание и то обстоятельство, что за исследуемый 10-летний период количество проверок сократилось приблизительно на 45–60 %, что связано с перманентным уточнением индикаторов риска нарушения требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции²³, прозрачностью поводов к осуществлению проверок и более внимательным отношением предпринимателей, работающих в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции, к правилам учета, хранения и производства названной продукции.

На нелегальном рынке алкоголя Росалкоголь-табакконтроль ранжирует продукцию на ту, которая выпущена в промышленных условиях и кустарно (подвалах, гаражах, ангарах и т.д.). Помимо этого,

нелегальная алкогольная продукция может быть *неучтенной* (т. е. без уплаты акцизов, налогов и т. п.), *суррогаты* алкогольной продукции медицинского или бытового назначения (настойки типа Боярышник, лосьоны, ароматизаторы, стеклоомывающие жидкости, жидкости для розжига костров и т.д.), *самогон*.

Законодательство, регулирующее оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, предусматривает следующие цели:

- 1) защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан;
- 2) защита экономических интересов России в части безопасности указанной продукции и объемов потребления;
- 3) контроль режима оборота исследуемой продукции²⁴.

По данным критериям практически невозможно выделить группы преступных посягательств в рассматриваемой сфере, т. к. уголовный закон выделяет иные группы родовых объектов.

Классификация преступлений в сфере незаконного производства и оборота алкоголя

Наиболее удачным делением преступлений в сфере незаконного производства и оборота алкоголя, на наш взгляд, является классификация, предложенная Э. Д. Шайдуллиной в диссертационном исследовании 2012 г. [22]. Это преступления, посягающие на экономическую деятельность (статьи 171, 171¹, 180 УК РФ); на здоровье населения (статьи 151¹, 234, 238 УК РФ); на порядок управления (ч. 3 ст. 325, статьи 327, 327¹ УК РФ) [17], т. е. эта классификация основана на родовом объекте. В целом поддерживая подобный подход, его следует лишь дополнить новыми преступными деликтами (принятыми после 2012 г.) и дать некоторые уточнения в связи с произошедшими изменениями уголовного законодательства.

Так, к первой группе необходимо добавить ст. 171³ УК РФ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства», являющуюся по сути специальным видом незаконного предпринимательства. В поддержку представленного тезиса свидетельствует указание в диспозиции ст. 171 УК РФ, что незаконное предпринимательство оценивается по данной норме, кроме случаев, предусмотренных ст. 171³ УК РФ. Следовательно, к первой

Табл. 1. Соотношение количества проверок и возбужденных уголовных дел

Tab. 1. The Correlation between the number of inspections and criminal cases initiated

| Год | Проверки | Уголовные дела |
|------|----------|----------------|
| 2013 | 55422 | 5608 |
| 2014 | 115525 | 4942 |
| 2015 | 92089 | 6247 |
| 2016 | 129647 | 7082 |
| 2017 | 130728 | 5770 |
| 2018 | 106906 | 7347 |
| 2019 | 97927 | 5416 |
| 2020 | 89560 | 4018 |
| 2021 | 86323 | 3693 |
| 2022 | 77684 | 4256 |
| 2023 | 63949 | 2897 |

²² Там же.

²³ В настоящее время действует Приказ Минфина России № 107н от 29.06.2023 «Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов РФ от 15.11.2021 № 176н».

²⁴ Ч. 1 ст. 1 ФЗ № 171-ФЗ от 22.11.1995 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (ред. от 23.03.2024). СПС КонсультантПлюс.

группе ст. 171 УК РФ относить не стоит ввиду того, что признаки этого состава преступления детализируются в специальном составе преступления, предусмотренном ст. 171³ УК РФ, где дополнительным криминообразующим признаком является деятельность в отношении этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции при отсутствии лицензии. Еще одним частным случаем незаконного предпринимательства выступает преступление, предусмотренное ст. 171⁴ УК РФ. Обозначенные нормы были введены в уголовный закон в 2017 г.²⁵

В ст. 171¹ УК РФ алкогольная продукция (вместе с никотиносодержащей) выведена в отдельные составы преступлений, предусмотренные частями 5, 6 ст. 171¹ УК РФ, поэтому только эти части следует относить к рассматриваемой группе.

Вторую группу следует дополнить ст. 234² УК РФ «Незаконный оборот метилового спирта (метанола), метанолсодержащих жидкостей».

В третьей группе необходимо сделать уточнение: подделка акцизных марок либо федеральных специальных марок для маркировки алкогольной продукции выделена в отдельный состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 327¹ УК РФ, их использование – в ч. 4 ст. 327¹ УК РФ, а особо квалифицированные составы, где предметом преступления выступает поддельная акцизная марка, предусмотрены в частях 5, 6 данной нормы. Предметом преступления, установленного ст. 327 УК РФ, не могут выступать официальные документы, имеющие отношение к алкогольной и спиртосодержащей продукции, поэтому указание на эту норму является излишним.

Отдельного внимания заслуживает ситуация с контрабандой алкоголя. 2014–2024 гг. ответственность за контрабанду указанной продукции была предусмотрена ст. 200² УК РФ. Ранее ответственность за контрабанду определялась ст. 188 УК РФ, но норма не была детализирована по видам товаров, что объясняется не отнесением Э. Д. Шайдуллиной данной статьи к группе посягательств в сфере незаконного оборота алкоголя [22, с. 8–9; 23]. Статья 200² УК РФ была уязвима в той части, где контрабанда признавалась только при незаконном пересечении алкогольной и табачной продукции границ Таможенного союза. В результате по ст. 200² УК РФ за весь период ее действия было осуждено около 471 человек (табл. 2²⁶). Несовершенство нормы было связано и с ограниченностью предмета контрабанды – алкогольная продукция.

Предметом контрабанды не мог быть этиловый спирт и спиртосодержащая продукция [24]. Этиловый спирт как стратегически важный товар – предмет специальной контрабанды (ст. 226¹ УК РФ). А. В. Федоров пишет: «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза спиртосодержащей продукции не образует состава преступлений, предусмотренных ст. 200² УК РФ и ст. 226¹ УК РФ, так как спиртосодержащая продукция не относится к предметам этих преступлений» [25, с. 17].

При этом, по экспертным оценкам, потери федерального бюджета на обязательных публичных платежах составляли порядка 121,6 млрд руб. ежегодно (95,14 млрд руб. от акцизов и 26,49 млрд руб. от НДС), из которых 70,3 млрд руб. – из-за контрабанды из стран ЕАЭС²⁷. В большинстве случаев оформлялись транзитные документы через Россию, но основная часть продукции пределы страны не покидала. Только в 2021 г. из общего количества табачных изделий и сырья было заявлено изделий общим весом более 17 тыс. т, тогда как территорию России покинуло 217 т. В 2022 г. при проведении выборочных проверочных мероприятий было выявлено 368 т алкогольной и спиртосодержащей продукции, следующих транзитом по России²⁸. В результате норма была декриминализована, а ответственность за контрабанду данной продукции перешла в ст. 226¹ УК РФ, предусматривающую ответственность за так называемую *специальную* контрабанду. Заслуживает поддержки и корректировка ст. 226¹ УК РФ в рамках одного законодательного

Табл. 2. Количество осужденных по ст. 200² УК РФ

Tab. 2. People convicted under Article 200² of the Criminal Code of the Russian Federation

| Год | Количество |
|------|------------|
| 2015 | 4 |
| 2016 | 16 |
| 2017 | 39 |
| 2018 | 31 |
| 2019 | 34 |
| 2020 | 63 |
| 2021 | 95 |
| 2022 | 105 |
| 2023 | 84 |

²⁵ О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ. ФЗ № 203-ФЗ от 26.07.2017. СПС КонсультантПлюс.

²⁶ Сост. по: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (отчеты о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ № 10-а). URL: <https://web.archive.org/web/20211019115127/http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.05.2024).

²⁷ Пояснительная записка к проекту ФЗ № 437637-8 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ». URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2024).

²⁸ Там же.

пакета: в ч. 1 определена ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и культурных ценностей, в ч. 1.1 установлена ответственность за незаконное перемещение через государственную границу товаров, представляющих опасность для жизни и здоровья людей (яды, радиоактивные вещества, оружие, военная техника и т.д.). Контрабанда алкогольной и спиртосодержащей продукции попадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226¹ УК РФ с санкцией до 5 лет лишения свободы. Отметим, что контрабанда по ст. 200² УК РФ предусматривала аналогичную санкцию, однако криминообразующий крупный размер был выше – 250 тыс. руб., тогда как в действующей редакции ст. 226¹ УК РФ для алкоголя – 100 тыс. руб.²⁹ Можно утверждать об усилении уголовной ответственности за контрабанду в сфере оборота алкоголя.

Следует ли контрабанду в сфере оборота алкоголя относить к преступлениям в исследуемой области? Полагаем, ответ должен быть положительным, т.к. перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ был дополнен кодом ТН ВЭД ЕАЭС 2208 (алкогольная продукция). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что алкогольная продукция была внесена в перечень 02.03.2023, но вступает в силу одновременно с декриминализацией ст. 200² УК РФ, тогда код 2207 (спирт этиловый неденатурированный с концентрацией спирта 80 об. % или более; этиловый спирт и прочие спиртовые настойки, денатурированные) изначально входил в данный перечень, что создавало дополнительные сложности для правоприменителя.

Заключение

Организационно-правовые меры, предпринятые государством в период действия Концепции по снижению злоупотребления алкоголем (2009 г.), позволили снизить масштабы потребления на душу населения практически вдвое. Введение ЕГАИС и последующая перманентная модернизация системы дала

возможность поставить под практически полный контроль оборот алкогольной продукции, поэтому нарушения в сфере оборота легальной алкогольной продукции, как правило, имеют административно-правовую природу, а количество совершаемых преступлений существенно сократилось. Тем не менее серьезной угрозой для здоровья населения остаются проблемы оборота контрафактного алкоголя и суррогатов, что отразилось на вносимых изменениях в уголовный закон. Учитывая, что преступные посягательства в сфере оборота алкоголя размещены в уголовном законе довольно хаотично, предложена уточненная классификация исходя из последних изменений законодательства. Преступления в сфере незаконного оборота алкоголя можно классифицировать на четыре группы:

- 1) преступления в сфере экономической деятельности (части 5, 6 ст. 171¹, статьи 171³, 171⁴, 180 УК РФ);
- 2) преступления против общественной безопасности (ст. 226¹ УК РФ);
- 3) преступления против здоровья населения (статьи 151¹, 234, 234², 238 УК РФ);
- 4) преступления против порядка управления (ч. 3 ст. 325, части 3, 4, 5, 6 ст. 327¹ УК РФ).

При одновременном уточнении регулятивных правил оборота алкоголя и спиртосодержащей продукции происходила детализация уголовно-правовых запретов, что в целом соответствует уголовно-правовой политике по формированию специальных составов преступлений в сферах особо «чувствительных» для защиты интересов личности, общества, государства.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Горюшкина Н. Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). Курск: КГТУ, 2009. 259 с. [Goryushkina N. E. *The history of state regulation of free alcohol turnover in post-reform Russia (based on materials from Kursk province)*. Kursk: KSTU, 2009, 259. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtybxi>
2. Горюшкина Н. Е. Соотношение норм публичного и частного права в алкогольном законодательстве России (1863–1894 гг.). *Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах*: 13 Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 27–28 февраля 2024 г.) Курск: Унив. кн. 2024. С. 308–311. [Goryushkina N. E. *Correlation of norms of public and private*

²⁹ Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226.1 УК РФ, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. руб. Постановление Правительства РФ № 923 от 13.09.2012. (ред. от 01.08.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

- law in alcohol legislation of Russia (1863–1894). *Modern approaches to the transformation of concepts of state regulation and management in socio-economic systems*: Proc. 13 Intern. Sci.-Prac. Conf., Kursk, 27–28 Feb 2024. Kursk: Univ. kn., 2024, 308–311. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47581/2024.FA-27.Gorushkina-01>
3. Исмаилова Л. М., Мамакова З. А. Социальная работа с лицами, страдающими алкоголизмом. *Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы*: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 15 августа 2017 г.) Уфа: ОМЕГА САЙНС, 2017. Ч. 1. С. 193–195. [Ismailova L. M., Mamakova Z. A. Social work with alcoholics. *Implementing innovative developments: Problems and prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 15 Aug 2017. Ufa: OMEGA SAINS, 2017, pt. 1, 193–195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcvmez>
 4. Наумов А. В., Овсянникова Е. Г., Сароянц Л. В. Влияние энергетических напитков на здоровье человека. *Прикаспийский вестник медицины и фармации*. 2023. Т. 4. № 2. С. 6–18. [Naumov A. V., Ovsyannikova E. G., Saroyants L. V. The impact of energy drinks on human health. *Caspian journal of medicine and pharmacy*, 2023, 4(2): 6–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29039/2712-8164-2023-6-18>
 5. Титова Т. А., Мингалиев А. Х. Питейные заведения как досуговая практика горожан. *Вестник антропологии*. 2023. № 1. С. 319–330. [Titova T. A., Mingaliev A. H. Drinking establishments as a leisure practice for city dwellers. *Herald of anthropology*, 2023, (1): 319–330. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/319-330>
 6. Солодун А. В. Анализ результатов внедрения системы государственного контроля за оборотом алкоголя (ЕГАИС) в алкогольную отрасль России. *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 57-6. С. 61–64. [Solodun A. V. Results of implementing the State Alcohol Control System (EGAIS) in Russian alcohol industry. *Tendentsii razvitiia nauki i obrazovaniia*, 2019, (57-6): 61–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18411/lj-12-2019-120>
 7. Шевелева С. В. Правовое регулирование социального принуждения. *Социальное и пенсионное право*. 2013. № 1. С. 2–4. [Sheveleva S. V. Legal regulation of social coercion. *Social and pension law*, 2013, (1): 2–4. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puwycv>
 8. Капустина А. В. Криминализация незаконных производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции: социально-правовая обусловленность. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2023. № 3. С. 223–232. [Kapustina A. V. Criminalization of illegal production and turnover of alcoholic and alcohol-containing products: Socio-legal conditionality. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn*, 2023, (3): 223–232. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1608-8794-2023-3-223-232>
 9. Метлин К. Н. Ответственность за преступления в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции. *Общественное и социальная психология*. 2023. № 4-3. С. 184–189. [Metlin K. N. Responsibility for crimes in the sphere of turnover of alcoholic and alcohol-containing products. *Obshchestvoznaniye i socialnaya psikhologiya*, 2023, (4-3): 184–189. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnhxdj>
 10. Субанова Н. В. Комментарий к Федеральному закону от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». Специально для системы ГАРАНТ, 2016. 291 с. [Subanova N. V. *Commentary to Federal Law no. 171-FZ of November 22, 1995: On State regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic, and alcohol-containing products and on restriction of consumption (drinking) of alcoholic products*. Specially for the GARANT system, 2016, 291. (In Russ.)]
 11. Колокольцев В. В. Проблемы государственного регулирования рынка алкогольной продукции. *Государство и бизнес в условиях глобализации и цифровой трансформации*, ред. И. В. Федосеева, Н. В. Васильева. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 73–78. [Kolokoltsev V. V. Problems of state regulation of alcohol market. *Government and business in the context of globalization and digital transformation*, eds. Fedoseeva I. V., Vasileva N. V. St. Petersburg: SpbSUE, 2019, 73–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncjwvr>
 12. Суменкова М. В. Дуализм экономических и демографических интересов государства в контексте регулирования алкогольного рынка: история и современность. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 161–167. [Sumenkova M. V. Dualism of economic and demographic interests of the state in the context of alcoholic market regulation: History and present. *Humanities and law studies*, 2020, (2): 161–167. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2020.2.22>
 13. Шевелева С. В., Сорокина О. С. Уголовная ответственность за незаконный оборот метанола под видом алкогольной продукции. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023. № 4. С. 130–138. [Sheveleva S. V., Sorokina O. S. Criminal liability for illegal trafficking of methanol under the guise of alcoholic beverages. *Legal Bulletin of the Kuban State University*, 2023, (4): 130–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31429/20785836-15-4-130-138>
 14. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности, отв. ред. О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: Юриспруденция, 2022. 304 с. [*Criminal law and criminal procedural means of ensuring economic security*, eds. Zaitsev O. A., Nudel S. L. Moscow: Jurisprudentsiia, 2022, 304. (In Russ.)]

15. Свиридов А. Е. Регулирование незаконного оборота метилового спирта в Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2024. № 4. С. 342–344. [Sviridov A. E. Regulation of illicit trafficking of methyl alcohol in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi*, 2024, (4): 342–344. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/chfiys>
16. Садовых К. В. Соотношение предмета общественных отношений и предмета состава преступления, предусмотренного статьей 171.3 УК РФ. *Научный компонент*. 2023. № 3. С. 29–32. [Sadovykh K. V. The ratio of the subject of public relations and the subject of the corpus delicti provided for in Article 171.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Nauchnyi komponent*, 2023, (3): 29–32. (In Russ.)] https://doi.org/10.51980/2686-939X_2023_3_29
17. Кучерук В. В. Введение уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним как мера пресечения злоупотребления алкоголем и совершения преступлений, особенно-сти квалификации. *Актуальные вопросы юриспруденции: научные исследования, инновации, практика: VII Всерос. науч.-практ. конф. (Симферополь, 10 ноября 2022 г.)* Симферополь: КФУ, 2022. С. 159–162. [Kucheruk V. V. Introduction of criminal liability for the sale of alcoholic beverages to minors as a measure to prevent alcohol abuse and commission of crimes, features of qualification. *Current issues of jurisprudence: Scientific research, innovation, practice: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf., Simferopol, 10 Nov 2022*. Simferopol: CFU, 2022, 159–162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ecicdt>
18. Токарева Е. Н. Контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий. *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2018. № 4. С. 47–51. [Tokareva E. N. Smuggling of alcoholic and tobacco products. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 2018, (4): 47–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrcevv>
19. Хаджаева М. Р. Основы правовой ответственности лиц за продажу алкоголя несовершеннолетним. *Российская наука в современном мире: XLIX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 15 октября 2022 г.)* М.: Актуальность. РФ, 2022. С. 283–284. [Khodjaeva M. R. Fundamentals of legal liability of persons for the sale of alcohol to minors. *Russian science in the modern world: Proc. XLIX Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 15 Oct 2022*. Moscow: Aktualnost. RF, 2022, 283–284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eviaxg>
20. Салагай О. О., Сошкина К. В., Брюн Е. А. и др. Научная оценка степени реализации госполитики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года. *Общественное здоровье*. 2021. Т. 1. № 2. С. 5–19. [Salagai O. O., Soshkina K. V., Brun E. A. et al. Scientific assessment of the degree of implementation of the state policy to reduce alcoholic products and prevent alcoholism among the population of the Russian Federation until 2020. *Public health*, 2021, 1(2): 5–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21045/2782-1676-2021-1-2-5-19>
21. Ильин А. Ю., Завьялов М. М. Контроль налоговых органов в сфере оборота контрафактной алкогольной продукции. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022. № 9. С. 98–106. [Ilyin A. Y., Zavyalov M. M. Control of tax authorities in the sphere of circulation of counterfeit alcoholic products. *Property Relations in the Russian Federation*, 2022, (9): 98–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2072-4098-2022-9252-98-106>
22. Шайдуллина Э. Д. Незаконное производство и оборот алкогольной продукции (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 34 с. [Shaidullina E. D. *Illegal production and trafficking of alcoholic beverages: Criminal law and criminological aspects*. Cand. Law Sci. Diss. Abstr. Nizhny Novgorod, 2012, 34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zondwh>
23. Шайдуллина Э. Д. Контрабанда алкогольной продукции (ст. 200.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации. *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 1. С. 26–29. [Shaidullina E. D. Smuggling of alcoholic beverages (Article 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminal law characteristics and qualification issues. *Bulletin of the Kazan law institute of MIA Russia*, 2016, (1): 26–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vntzvv>
24. Гравина А. А., Зайцев О. А., Жилкин М. Г. и др. Научно-практический комментарий к главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Контракт, 2020. 456 с. [Gravina A. A., Zaitsev O. A., Zhilkin M. G. et al. *Scientific and practical commentary on Chapter 22 "Crimes in the field of economic activity" of the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Kontrakt, 2020, 456. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktgnmn>
25. Федоров А. В. Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (научно-практический комментарий ст. 200.2 УК РФ). *Вестник Московской академии Следственного комитета РФ*. 2020. № 3. С. 17–37. [Fedorov A. V. Contraband of alcohol and (or) tobacco (scientific and practical commentary on Article 200.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation*, 2020, (3): 17–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ffyrjk>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/inpvnv>

Гражданское или административное: механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой на этапе возбуждения производства по делу

Галковская Наталья Георгиевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 5466-6937

<https://orcid.org/0000-0003-0377-1671>

ni13012003@mail.ru

Аннотация: С введением в действие Федерального закона № 451-ФЗ в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации появились новые институты в виде трансформационных процедур, которые предусматривают возможность перехода из гражданского судопроизводства в административное и наоборот. Цель – провести анализ использования трансформационных процедур на этапе возбуждения производства по делу и предложить пути их оптимизации. Предметом анализа выступают процессуальные последствия, которые наступают в результате трансформации одного вида судопроизводства в другой в порядке ст. 33.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 16.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации на этапе возбуждения производства по делу. Отдельное внимание уделяется порядку процессуального оформления изменения вида судопроизводства по причине отсутствия его регламентации в действующем процессуальном законодательстве. Методы, используемые в ходе исследования: формально-логический, сравнительный, анализ и синтез, прогнозирование. В результате автор не соглашается с установлением приоритета гражданского судопроизводства над административным в случае их конкуренции, поскольку такой подход ставит под сомнение оправданность решения о выделении административного судопроизводства в самостоятельную процессуальную форму защиты нарушенных или оспоренных прав. Обращается внимание на множество неурегулированных вопросов, возникающих при смене вида судопроизводства. Формулируется вывод о целесообразности решения вопроса о выборе вида судопроизводства преимущественно на этапе принятия заявления к производству суда. Своевременное исправление допущенной заявителем ошибки позволит избежать многих неблагоприятных процессуальных последствий, в том числе увеличения сроков рассмотрения дела, передачи дела по подсудности, обжалования судебного решения, повторного рассмотрения дела по существу и др.

Ключевые слова: доступность правосудия, виды судопроизводства, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, изменение вида судопроизводства, передача дела по подсудности

Цитирование: Галковская Н. Г. Гражданское или административное: механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой на этапе возбуждения производства по делу. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 4. С. 602–610. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-602-610>

Поступила в редакцию 24.07.2024. Принята после рецензирования 14.08.2024. Принята в печать 21.08.2024.

full article

Civil or Administrative: Transition from One Type of Proceedings to Another during Commencement Stage

Natalia G. Galkovskaya

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 5466-6937

<https://orcid.org/0000-0003-0377-1671>

ni13012003@mail.ru

Abstract: Federal Law 451-FZ has introduced new institutions represented by transformational procedures to the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. These procedures provide for the possibility of transition from civil proceedings to administrative and vice versa. The study featured the transformation procedures that arise at the stage of initiating proceedings on a case and their optimizations. One type of legal proceedings may transform into another at an early stage in accordance with Article 33.1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Article 16.1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. However, the protocol for procedural registration lacks strict regulations in the current procedural legislation. A number of standard research methods revealed the irrationality of the priority of civil proceedings over administrative proceedings as they compete. This approach questions the decision to allocate administrative proceedings into an independent procedural form of protection of violated or disputed rights. Many unresolved issues arise when changing the type of legal proceedings. The author believes that the type of legal proceedings should be defined at the stage of application. A timely correction of the error made by the applicant makes it possible to avoid many adverse procedural consequences, including time-intensive transfers, appeals, trial de novo, etc.

Keywords: accessibility of justice, types of legal procedures, civil procedure, administrative procedure, changing the type of legal procedure, case transfer by jurisdiction

Citation: Galkovskaya N. G. Civil or Administrative: Transition from One Type of Proceedings to Another during Commencement Stage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2024, 8(4): 602–610. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-602-610>

Received 24 Jul 2024. Accepted after review 14 Aug 2024. Accepted for publication 21 Aug 2024.

Введение

С введением в действие Федерального закона № 451-ФЗ¹ в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ)² и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ)³ появились новые институты в виде трансформационных процедур. Предусмотрена возможность перехода из гражданского судопроизводства в административное и наоборот, что урегулировано ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ.

Предпосылкой появления указанных норм в процессуальном законодательстве послужила конкуренция между двумя порядками рассмотрения гражданских и административных дел, остроту которой придало принятие в 2015 г. самостоятельного кодифицированного акта в виде КАС РФ. Обозначенные нововведения в первую очередь были направлены на устранение ошибок, которые нередко допускаются

заинтересованными лицами или судом при выборе надлежащего типа судопроизводства. Как полагают В. М. Жуйков и М. О. Долова, причинами таких ошибок является «отсутствие в законодательстве и правоприменительной практике полной определенности в критериях относимости дел к той или иной категории» [1, с. 125]. А. В. Юдин отмечает, что «нестабильность критериев видов судопроизводства... может создать неоправданные помехи для лица, желающего защиты своего права, однако затрудняющегося в правильном выборе вида судопроизводства» [2, с. 21].

Ситуация осложнялась тем, что до принятия упомянутого федерального закона неверный выбор процессуального порядка защиты прав приводил либо к отказу в принятии заявления на этапе возбуждения дела, либо к прекращению производства по делу на стадии судебного разбирательства как по нормам

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 451-ФЗ от 28.11.2018. *СПС КонсультантПлюс*.

² Гражданский процессуальный кодекс РФ № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

³ Кодекс административного судопроизводства РФ № 21-ФЗ от 08.03.2015 (ред. от 08.08.2024). *СПС КонсультантПлюс*.

ГПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 134, абз. 2 ст. 220 в прежней редакции), так и по нормам КАС РФ (п. 1 ч. 1 ст. 128, п. 1 ч. 1 ст. 194 в прежней редакции). Такие серьезные процессуальные последствия, которые препятствовали повторному обращению в суд, очевидно негативно сказывались на доступности правосудия, приводили к необходимости отмены судебных постановлений, направления дел на новое рассмотрение [3]. В доктрине небесспорно задавались вопросом: насколько оправданно возлагать ответственность за ошибку в выборе вида судопроизводства на лицо, обращающееся в суд? [4]. При этом А. В. Юдиным подчеркивалось, что «нормы о процессуальных особенностях рассмотрения дел в порядке отдельного вида судопроизводства адресованы прежде всего суду, а не участникам процесса» [2, с. 22]. Суд действительно играет ключевую роль в определении предмета судебной защиты, характера заявленных требований. Именно суд должен обеспечить рассмотрение дела в соответствии с установленными процессуальным законом процедурами.

Принимая во внимание все вышесказанное, новый трансформационный институт, появившийся в процессуальном законодательстве, рассматривался как один из способов снижения негативных процессуальных последствий, возникающих при выявлении ошибки в выборе типа судопроизводства. Поскольку теперь ошибки в определении надлежащего вида судопроизводства не являются причиной для отказа в принятии заявления или прекращения производства по делу в соответствии с положениями ГПК РФ и КАС РФ. Такое законодательное решение оценили как решение, которое «свидетельствует о попытках гармонизации гражданского и административного судопроизводства» [1, с. 121]. Многие авторы оценили усилия законодателя с позиции права на судебную защиту и доступности правосудия положительно [5; 6]. Другие, присоединяясь к первым, вместе с тем подчеркнули, что привнесенные новеллы только лишь отчасти решают имеющиеся проблемы [7; 8]. Третьи выражали некоторые мотивированные опасения относительно внедрения института перехода из одного вида судопроизводства в другой, называя такой шаг законодателя преждевременным [9].

В рамках настоящего исследования автор не ставит отдельной задачи по глубокой оценке имеющихся предпосылок, содержательной составляющей обозначенных изменений ГПК РФ и КАС РФ⁴. В контексте

работы поставлена цель – провести анализ процессуальных последствий, которые наступают в результате использования трансформационной процедуры, а также порядка ее процессуального оформления.

Законодателем выделяется несколько временных отрезков, когда у суда есть возможность изменить вид судопроизводства. Во-первых, этот вопрос может быть решен на этапе обращения в суд, т. е. еще до возбуждения производства по делу (части 1 и 2 ст. 33.1 ГПК РФ, части 1, 2, 3, 4 ст. 16.1 КАС РФ). Во-вторых, переход возможен при рассмотрении дела в суде первой инстанции, а именно в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или во время судебного разбирательства (ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ и ч. 5 ст. 16.1 КАС РФ). К тому же решение этого вопроса допускается при рассмотрении дела судами апелляционной или кассационной инстанции, что является третьим временным отрезком для реализации трансформационной процедуры. Несмотря на то что нормы ГПК РФ и КАС РФ прямо не предусматривают эту возможность, однако применительно к КАС РФ Верховный Суд РФ в Постановлениях Пленума от 11.06.2020 № 5⁵ (п. 25) и от 09.07.2020 № 17⁶ (п. 23) разъяснил, что такой переход допускается, в том числе в ходе апелляционной или кассационной проверки судебного акта.

Предмет настоящего исследования – только те процессуальные последствия, которые наступают по результатам использования трансформационных процедур на этапе возбуждения производства по делу⁷.

Результаты

Неоправданное закрепление приоритета за гражданским судопроизводством при конкуренции с административным

В ч. 1 ст. 33.1 ГПК РФ установлено правило на случай объединения в одном заявлении нескольких требований, подлежащих рассмотрению по правилам разных видов судопроизводств, но при этом взаимосвязь между ними не позволяет их разделить для рассмотрения в разных процессах. Законодатель в таком случае указывает на рассмотрение и разрешение всех соединенных требований по правилам гражданского судопроизводства. В ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ закреплено схожее правило.

Закрепление приоритета гражданской процессуальной формы судопроизводства над административной

⁴ Все эти вопросы являются предметом отдельных исследований автора.

⁵ О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 11.06.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁶ О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства РФ, регулирующих производство в суде кассационной инстанции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 09.07.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Процессуальные последствия перехода из одного вида судопроизводства в другой во время подготовки дела к судебному разбирательству самого судебного разбирательства, а также в судах вышестоящих инстанций, являлись предметом отдельных исследований автора.

при нераздельности заявленных требований ставит под сомнение оправданность решения законодателя о выделении административного судопроизводства в самостоятельную процессуальную форму защиты нарушенных или оспоренных прав, даже несмотря, как отмечает А. Ф. Воронов, на общность гражданского и административного судопроизводства и их близкородственную связь [10].

Стоит согласиться с мнением Р. О. Опалева, который называет такую позицию законодателя деструктивной и полагает, что это необоснованно ограничивает процессуальные права граждан и организаций [11]. По сути, заявитель лишается возможности использования предусмотренных нормами КАС РФ *процессуальных льгот* [12], в том числе специального порядка распределения бремени доказывания (ч. 2 ст. 62 КАС РФ), активной роли суда в процессе рассмотрения дела (ч. 4 ст. 14, ч. 2.1 ст. 59, ч. 1 ст. 63, части 4 и 6 ст. 69, ч. 2 ст. 77, ч. 12 ст. 226, ч. 1 ст. 306 КАС РФ и др.), возможности суда выходить за пределы требований и доводов сторон (ч. 3 ст. 62, ч. 1 ст. 178 КАС РФ) и пр.

Так, ст. 56 ГПК РФ устанавливает, что каждая сторона представляет доказательства в обоснование своих требований и возражений. По правилам, закрепленным в ст. 62, ст. 226 КАС РФ, на административного истца ложится лишь обязанность доказать факт нарушения своего права и обращение в суд за защитой в надлежащий срок, а все остальные обстоятельства, в том числе законность своих действий, надлежит доказывать административному ответчику, т.е. лицу, чьи действия (бездействие) оспариваются. Если в силу ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд не вправе выйти за пределы заявленных требований, то по правилам ч. 3 ст. 62, ст. 226 КАС РФ суд должен проверить законность оспариваемых действий в полном объеме, например, на предмет соответствия не только нормативным правовым актам, указанным административным истцом в заявлении, но и другим нормативным правовым актам, регулирующим данные отношения и имеющим большую юридическую силу. Таким образом, суд имеет возможность расширить рамки своего судебного исследования по сравнению с тем, как они обозначены в заявлении гражданина (организации) или в решении органа власти.

Как обоснованно отмечают В. В. Ярков и др., особая процессуальная форма с повышенной активной ролью суда необходима по причине неравного положения субъектов публично-правового спора. Поэтому, по его мнению, закрепление приоритета гражданского судопроизводства над административным при невозможности обособления друг от друга объединенных в одном судебном процессе требований частноправового и публично-правового характера выглядит по меньшей мере странно [13]. В этом убежден и Б. А. Иванян [14].

Разделяя похожую точку зрения, М. Б. Величко предлагает включить в ч. 1 ст. 4 КАС РФ положение о приоритете правил административного судопроизводства на тот случай, когда лицо обратилось в суд с требованиями о защите гражданских прав, пусть даже возникающих, изменяющихся или прекращающихся в административном порядке. Если же в заявлении соединено несколько требований, которые обусловлены административным порядком реализации прав, свобод, законных интересов и его правовыми последствиями, все требования должны рассматриваться по правилам специализированной процессуальной формы, т.е. в порядке административного судопроизводства [15].

Такую мысль разделяет и А. В. Петров, который считает, что если разрешение заявленных публичных требований связано не только с определением гражданских прав и обязанностей сторон, то требования в части признания оспариваемого акта незаконным должны рассматриваться именно в порядке административного вида судопроизводства [16].

Обозначенные позиции небезосновательно подтверждают наличие неких существенных противоречий в действующих правилах, устанавливающих приоритет за гражданским видом судопроизводства: факты, входящие в состав предмета *административного судопроизводства*, будут подлежать установлению в рамках гражданского. Даже при наличии возможности разделения заявленных требований суд, по справедливому замечанию Т. В. Сахновой, будет вынужден искусственно «расчленять» притязание [17]. Однозначно это приводит к снижению гарантий судебной защиты, негативно сказывается на ее эффективности.

Полагаем, что защита публичного права, даже если его защита одновременно сопряжена с защитой гражданских прав, должна производиться в рамках существующей на данный момент специализированной формы. В противном случае под вопросом стоит эффективность правовой защиты в условиях дифференциации процессуальных форм.

В заданных условиях этого можно добиться как минимум путем закрепления в ГПК РФ особых указаний по распределению обязанности по доказыванию, следуя примеру АПК РФ. В ст. 65 АПК РФ содержится одновременно как общее, так и специальное правило распределения обязанности по доказыванию. В силу общего правила каждое лицо, участвующее в деле, в равной степени обязано доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. За ним следует особое указание, возлагающее обязанность доказывать обстоятельства, послужившие основанием для принятия оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), на соответствующие органы или должностные лица. Необходимость такого специального указания

обусловлена тем, что по нормам АПК РФ одновременно рассматриваются как дела искового (раздел II) характера, так и публичного (раздел III). В разделе III АПК РФ применительно к конкретным категориям дел публичного производства (главы 23–26) дополнительно закреплены особенности их рассмотрения, в том числе за счет реализации арбитражным судом активных полномочий.

Еще до принятия КАС РФ в рамках главы 23 подраздела III ГПК РФ, устанавливали порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, аналогичным способом предусматривалось специфическое правило распределения бремени доказывания и содержалось указание на дополнительные полномочия суда. В этой связи с учетом того, что по нормам ГПК РФ допускается совместное рассмотрение требований не только гражданско-правового, но и административного характера, следует дополнить нормы кодекса соответствующими специальными правилами. В противном случае, в отсутствие таких особых правил продолжает действовать общее правило, предусмотренное ст. 56 ГПК РФ по доказыванию истцом (гражданином или организацией) незаконности оспариваемого акта.

Порядок процессуального оформления перехода к рассмотрению дела по правилам гражданского или административного судопроизводства на этапе возбуждения производства по делу

При невозможности раздельного рассмотрения совместно заявленных требований. В том случае, когда заявление предъявлено в суд по нормам ГПК РФ, но в нем содержится несколько взаимосвязанных требований, одни из которых подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, другие – в порядке административного, и обособленное рассмотрение этих требований не допускается, то в порядке ст. 133, ч. 1 ст. 33.1 ГПК РФ должно быть вынесено определение о принятии такого заявления по правилам гражданского судопроизводства.

В этой ситуации судье необходимо в своем определении изложить аргументированные соображения о недопустимости рассмотрения заявленных требований в разных судебных процессах путем их разделения. Руководствуясь пунктами 4, 5 ч. 1 ст. 225 ГПК РФ, помимо решения вопроса о принятии заявления к производству суда, в том же определении суду нужно мотивировать свое решение относительно перехода к рассмотрению всех заявленных требований по правилам одного вида (гражданского) судопроизводства, обосновав его ссылками на те нормативные правовые акты, которыми суд руководствовался.

В пример можно привести случай из судебной практики, когда при решении вопроса о принятии искового заявления суд, изучив природу заявленных требований, высказал обоснованные суждения о том, что снятие лица с регистрационного учета по месту жительства или по месту регистрации представляет собой последствия решения вопроса о наличии / отсутствии у такого лица прав на жилое помещение, в котором оно зарегистрировано. В силу чего соответствующие требования были правомерно рассмотрены судами в порядке гражданского судопроизводства и расценены как последствия требований об утрате заявителем права пользования самовольной постройкой⁸.

Указанный подход будет способствовать правильному пониманию значения корректного и нормативно верного определения процессуального порядка рассмотрения дела [18]. Как обоснованно отмечает А. В. Юдин, в таком случае речь идет в первую очередь не столько о формальном нарушении путем неправильного указания наименования вида судопроизводства, сколько о существенной ошибке, связанной с неправильным применением целого комплекса процессуальных норм [19].

Иная ситуация складывается, когда изначально по нормам КАС РФ было подано административное исковое заявление, и по результатам ознакомления с ним судья пришел к выводу, что в нем содержится несколько связанных между собой требований, которые подлежат рассмотрению по правилам разных судебных процедур, но при этом их раздельное рассмотрение невозможно. Как было указано ранее, законодатель на этот случай закрепил приоритет за нормами ГПК РФ, и это установлено в ч. 1 ст. 16.1 КАС РФ. По причине неправильного выбора вида судопроизводства незаконным будет отказ в принятии заявления (в части требований гражданско-правового характера), точно также как и незаконным окажется возвращение части заявленных требований. Таких оснований в статьях 128 и 129 КАС РФ не предусмотрено⁹.

Поскольку обязанность по определению надлежащего вида судопроизводства возложена на суд, то при невозможности рассмотрения всех заявленных требований в порядке административного судопроизводства суд переходит к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства. Об этом суд должен указать в определении о принятии заявления к производству суда по правилам ГПК РФ (ст. 133). Такое определение выносится, когда суд установит, что в поданном административном исковом заявлении указаны все сведения, предусмотренные нормами законодательства о гражданском судопроизводстве

⁸ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-5086/2024 от 12.03.2024. СПС КонсультантПлюс.

⁹ Это было возможным до принятия ФЗ № 451-ФЗ от 28.11.2018.

(ст. 131 ГПК РФ), и приобщены все необходимые документы (ст. 132 ГПК РФ). Но в случае несоответствия заявления указанным требованиям у суда имеются законные основания для оставления его без движения в порядке ст. 136 ГПК РФ¹⁰ либо для его возвращения в порядке ст. 135 ГПК РФ. При вынесении соответствующих определений суду целесообразно сопроводить их мотивированными суждениями относительно того, по какой причине он руководствуется нормами гражданского процессуального законодательства, тогда как заявление подавалось по нормам, установленным КАС РФ.

Отдельно хотелось бы остановиться на проверке соблюдения заявителем при обращении в суд правил подсудности. Действующим процессуальным законодательством не регламентирован порядок решения вопроса на тот случай, когда требования административного характера по нормам КАС РФ подсудны одному суду, а объединенные с ними требования гражданско-правового характера по нормам ГПК РФ подсудны другому суду как с точки зрения родовой, так и / или территориальной подсудности.

В большинстве случаев суды приходят к выводу, что для определения компетентного суда нужно руководствоваться нормами того кодекса, по правилам которого будет рассматриваться дело уже после применения коллизионных норм ст. 33.1 ГПК РФ и ст. 16.1 КАС РФ¹¹. Представленный подход используется и в случаях нарушения правил исключительной территориальной подсудности, которые определены в ст. 30 ГПК РФ, когда это обнаруживается при переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства¹².

Актуальную проблему, связанную с решением вопроса о родовой подсудности, поднимает М. С. Павлова. Автор акцентирует внимание на ситуации, когда соединенные требования административного и гражданско-правового характера подлежат рассмотрению в равноуровневых судах [20]. Проблема с определением надлежащего суда возникает в ситуации, когда разделить одновременно заявленные требования не представляется возможным. М. С. Павлова полагает, что в таком случае нужно по-отдельности определять родовую подсудность в отношении каждого заявленного требования. Если одно из заявленных требований будет подсудно вышестоящему по иерархии суду, нежели другие требования, то следует передавать дело в полном объеме в указанный суд.

Разделяя обеспокоенность автора относительно обозначенной ситуации, стоит констатировать, что положения статей 33.1 ГПК РФ и 16.1 КАС РФ действительно касаются лишь вопросов определения территориальной подсудности. Для разграничения родовой подсудности они не применимы. При этом определенное рациональное зерно в предложениях М. С. Павловой имеется. Тем более что похожие ситуации относительно родовой подсудности уже урегулированы нормами ГПК РФ. Допустим, это ч. 3 ст. 23 ГПК РФ, в которой разрешается вопрос с разграничением подсудности между мировыми судьями и районными судами в пользу последних. Также в ч. 1 ст. 33 ГПК РФ можно найти специальное правило, связанное с изменением подсудности уже после возбуждения производства по делу. А. Ф. Воронов и Е. В. Зайченко считают, что правило о неизменности подсудности дела, закрепленное в этой норме, очевидно, не распространяется на случаи, когда речь идет об изменении родовой подсудности [21].

При допущении раздельного рассмотрения совместно заявленных требований. Если заявитель объединил в одном заявлении несколько взаимосвязанных, но разных по своей правовой природе требований, а суд по результатам ознакомления пришел к выводу, что нет препятствий для их раздельного рассмотрения, то нужно руководствоваться ч. 2 ст. 33.1 ГПК РФ либо частями 2, 3, 4 ст. 16.1 КАС РФ. Здесь закреплен следующий алгоритм действий. Судья принимает требования, подлежащие рассмотрению в порядке гражданского (административного) судопроизводства. В свою очередь, судьба остальных требований будет зависеть от того, какому суду они подсудны.

Если все предъявленные требования, как подлежащие рассмотрению в порядке гражданского, так и административного судопроизводства, подсудны суду, в который обратился заявитель, то судом по отдельности решается вопрос об их принятии по правилам ГПК РФ и КАС РФ соответственно.

По этому поводу в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 28.06.2022 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ» даются дополнительные разъяснения. Судом могут быть вынесены определения в отношении соответствующей части требований об оставлении

¹⁰ См., напр.: Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88А-4235/2021 от 03.03.2021; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-20409/2022 от 18.10.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

¹¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-24160/2022 от 21.10.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

¹² Напр.: Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-55489/2023 от 12.12.2023; Апелляционное определение Московского городского суда по делу № М-8723/2022, 33-40153/2022 от 10.10.2022; Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-14424/2022 от 22.04.2022. *СПС КонсультантПлюс*.

заявления без движения, о возвращении заявления либо об отказе в принятии заявления при наличии к тому оснований, предусмотренных статьями 134, 135, 136 ГПК РФ или статьями 128, 129, 130 КАС РФ.

Если в заявлении указаны все необходимые сведения, обозначенные в нормах ГПК РФ и КАС РФ, то суд принимает к своему производству все заявленные требования, но по отдельности по нормам разных кодексов. В итоге заявителю не потребуются повторно обращаться в суд по правилам иного вида судопроизводства, поскольку суд, обнаружив ошибку в выборе вида судопроизводства, самостоятельно производит соответствующую переквалификацию, используя надлежащий *процессуальный инструментарий* [22].

Если одни из предъявленных требований, подлежащих рассмотрению по правилам иного кодекса, не подсудны данному суду, то он возвращает заявление в части таких требований на основании п. 2 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ или п. 2 ч. 1 ст. 129 КАС РФ¹⁵. Но это не будет препятствовать повторному обращению с теми же требованиями в суд в общем порядке и с соблюдением правил подсудности.

Верховный Суд РФ отдельно пояснил, как следует поступить суду в том случае, когда он ошибочно принял к своему производству все соединенные требования, в то время как одни из них подлежали рассмотрению в ином процессуальном порядке. Такие требования подлежат выделению в отдельное производство. Далее на основании засвидетельствованных судом копий заявления и соответствующих приложенных к нему документов в порядке, предусмотренном ГПК РФ (или КАС РФ), должны разрешаться вопросы, касающиеся дальнейшего хода производства. Если потребуются, то суду нужно решить вопрос о передаче дела по подсудности, либо при наличии оснований решить вопрос о приостановлении производства по делу и др.

Таким образом, нормами процессуального законодательства предусмотрено два варианта перехода к рассмотрению дела по правилам иного вида судопроизводства в отношении части заявленных требований. Первый случай рассчитан на ситуацию, когда суд обнаруживает допущенную заявителем ошибку в выборе вида судопроизводства непосредственно при ознакомлении с заявлением. Второй случай предполагает, что суд обнаруживает соответствующую ошибку (не только заявителя, но и самого суда) уже после возбуждения производства по делу и в целях ее устранения выделяет часть требований в отдельное производство для рассмотрения в порядке иного вида судопроизводства. Однако стоит учитывать, что после возбуждения производства по делу проверка

заявления на соответствие требованиям статей 131, 132 ГПК РФ или статей 125, 126 КАС РФ уже не производится. Обнаруженные недостатки подлежат устранению в ходе подготовки дела к производству, и при необходимости решается вопрос о передаче дела по подсудности, оставлении заявления без рассмотрения либо прекращении производства по делу и др.

Заключение

Когда на уровне законодательства предусмотрено несколько самостоятельных порядков рассмотрения дел, это неизбежно порождает проблему правильного выбора между ними. Вместе с тем это может приводить к созданию препятствий в судебной защите, а также к необходимости решения последствий неправильного выбора [23]. Одновременно с этим произвольный выбор вида судопроизводства недопустим ни со стороны лица, обращающегося в суд за судебной защитой прав, ни со стороны суда. «Соединение двух разных по содержанию споров, разных по характеру требований к различным субъектам в одном процессе нельзя оправдать преимуществами процессуальной экономии» [24, с. 47], ссылаясь на эффективную судебную защиту [25]. В противном случае это может привести к лишению сторон принадлежащих им процессуальных прав либо возложению дополнительных обязанностей и в целом дезавуирует ценность проведенного законодателем разделения гражданского и административного судопроизводства.

Поскольку проблемы разграничения дел гражданского и административного судопроизводства следует принять как данность [8], то на законодательном уровне нужно предусмотреть эффективный механизм решения возникающих коллизий. Из проведенного анализа видно, что на сегодняшний день законодательно еще на этапе принятия заявления к производству суда установлены разные варианты исправления допущенной заявителем ошибки относительно вида судопроизводства. Своевременный правильный выбор надлежащего вида судопроизводства и, как следствие, переход к рассмотрению дела по нужным правилам позволяют предотвратить наступление многих нежелательных процессуальных последствий, возникающих при постановке вопроса о переходе уже после возбуждения производства по делу (к примеру, о юридическом значении тех процессуальных действий, которые были совершены до смены вида судопроизводства, необходимости замены судьи (судей), решения вопроса о передаче дела по подсудности, отмены судебных актов, повторного рассмотрения дела и др.).

¹⁵ Складывается достаточно единообразная практика применения указанных положений ГПК РФ и КАС РФ. См., напр.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-16967/2023, М-558/2023 от 22.09.2023; Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции № 66а-1332/2022 от 22.12.2022.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Жуйков В. М., Долова М. О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства. *Журнал российского права*. 2019. № 8. С. 121–135. [Zhuykov V. M., Dolova M. O. Current problems of unification of procedural legislation. *Journal of Russian Law*, 2019, (8): 121–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.11>
2. Юдин А. В. Правильный выбор вида гражданского судопроизводства: самоцель или способ оптимизации судебной защиты прав лица? *Российский судья*. 2009. № 2. С. 21–23. [Yudin A. V. Right choice of a type of civil legal proceedings: End in itself or way of optimization of legal protection of person's rights? *Russian judge*, 2009, (2): 21–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kdnhnx>
3. Дьяконова М. О., Синецын С. А. Последствия ошибки в выборе надлежащего судопроизводства в практике судов общей юрисдикции. *Комментарий судебной практики*, ред. К. Б. Ярошенко. М.: Контракт, 2020. С. 67–76. [Diakonova M. O., Sinitsyn S. A. Consequences of an error in the choice of due jurisdiction in the practice of courts of general jurisdiction. *Commentary on judicial practice*, ed. Yaroshenko K. B. Moscow: Kontrakt, 2020, 67–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dldzbo>
4. Немцева В. Б. Гражданское или административное: последствия ошибки в выборе вида судопроизводства. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 10. С. 49–53. [Nemtseva V. B. Civil or administrative: Consequences of wrong choice of proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*, 2016, (10): 49–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtomll>
5. Зипунникова Ю. Н. Реализация права на судебную защиту в контексте законопроекта Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 г. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 12. С. 18–19. [Zipunnikova Yu. N. Exercising of the right to judicial protection against the background of the bill of the supreme court of the Russian Federation of October 3, 2017. *Arbitration and Civil Procedure*, 2017, (12): 18–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxfdkn>
6. Лещина Э. Л. Конкуренция процессуальных форм рассмотрения судами служебных дисциплинарных споров. *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 1. С. 49–59. [Leshchina E. L. Competition of procedural forms of court consideration of public service disciplinary disputes. *Actual problems of Russian law*, 2022, 17(1): 49–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.134.1.049-059>
7. Шеменева О. Н. Основные направления устранения проблем разграничения гражданского и административного судопроизводства. *Журнал административного судопроизводства*. 2020. № 2. С. 5–8. [Shemeneva O. N. Main areas of resolution of problems of civil and administrative proceedings. *Journal of the administrative proceedings*, 2020, (2): 5–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/epedhx>
8. Афанасьев С. Ф. О некоторых аспектах реализации института транзитивности судебных производств в современном цивилистическом процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 3. С. 8–12. [Afanasyev S. F. On some aspects of the implementation of the institution of transitivity of judicial proceedings in contemporary civil procedure. *Arbitration and Civil Procedure*, 2024, (3): 8–12. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2024-3-8-12>
9. Михайлова Е. В. Проблемы, связанные с отказом от использования института подведомственности. *Мировой судья*. 2021. № 8. С. 32–39. [Mikhaylova E. V. Problems related to the refusal from the use of the jurisdiction institution. *Magistrate judge*, 2021, (8): 32–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2021-8-32-39>
10. Воронов А. Ф. Постановление от 30 мая 1917 года «Положение о судах по административным делам» (или Первый кодекс административного судопроизводства России). *Вестник гражданского процесса*. 2022. Т. 12. № 6. С. 152–165. [Voronov A. F. Decree of 30 May 1917 "Regulations on administrative case courts" (or the First Code of administrative judicial procedure of Russia). *Herald of Civil Procedure*, 2022, 12(6): 152–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-6-152-165>
11. Опалев Р. О. Предмет судебной защиты в административном судопроизводстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 4. С. 18–22. [Opalev R. O. The subject of judicial protection in administrative proceedings. *Arbitration and Civil Procedure*, 2021, (4): 18–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2021-4-18-22>
12. Михайлова Е. В. О критериях разграничения административного и гражданского судопроизводства: вопросы теории и практики. *Администратор суда*. 2021. № 3. С. 30–35. [Mikhaylova E. V. On criteria for

- demarcation of administrative and civil proceedings: Issues of theory and practice. *Court's Administrator*, 2021, (3): 30–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/2072-3636-2021-3-30-35>
13. Ярков В. В., Абушенко Д. Б., Брановицкий К. Л. и др. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. М.: Статут, 2021. 460 с. [Yarkov V. V., Abushenko D. B., Branovitsky K. L. et al. *Relevant issues of civil and administrative proceedings*. Moscow: Statut, 2021, 460. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kxhdme>
 14. Иванян Б. А. Переход от правил административного судопроизводства к правилам гражданского судопроизводства (о новелле Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). *Актуальные проблемы правоповедения*. 2020. № 3. С. 42–47. [Ivanyan B. A. Transition from the rules of administrative proceedings to the rules of civil proceedings (on the new Version of Federal Law 451-FZ dated Nov.28, 2018: On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation). *Actual problems of jurisprudence*, 2020, (3): 42–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvvmyn>
 15. Величко М. Б. Соединение исковых требований в административном судопроизводстве. *Пробелы в российской законодательстве*. 2018. № 1. С. 138–143. [Velichko M. B. Connection of claims in administrative proceedings. *Gaps in Russian Legislation*, 2018, (1): 138–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrvssa>
 16. Петров А. В. Особенности рассмотрения заявления, содержащего несколько требований, одни из которых подлежат рассмотрению по правилам административного, а другие – по правилам гражданского судопроизводства. *10 лет судам общей юрисдикции Забайкальского края. Новеллы процессуального и судостроительного законодательства*: Нац. науч.-практ. конф. (Чита, 25 сентября 2019 г.) Чита: ЗабГУ, 2019. С. 52–56. [Petrov A. V. Considering applications with several requirements, some of which are subject to administrative proceedings and others refer to civil proceedings. *10th anniversary of the courts of general jurisdiction of the Trans-Baikal Territory. Novelties of procedural and judicial legislation*: Proc. Nat. Sci.-Prac. Conf., Chita, 25 Sep 2019. Chita: TbsU, 2019, 52–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fyhtxo>
 17. Сахнова Т. В. Административное судопроизводство: проблемы самоидентификации. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016. № 10. С. 45–48. [Sakhnova T. V. Administrative proceedings: Self-identity problems. *Arbitration and Civil Procedure*, 2016, (10): 45–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wtomkh>
 18. Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе. М.: Зерцало-М, 2022. 164 с. [Zhukova Yu. A. *Simplified proceedings in civil and arbitration proceedings*. Moscow: Zertsalo-M, 2022, 164. (In Russ.)]
 19. Юдин А. В. Концепция видов судопроизводств в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве. *Юрист Поволжья*. 2004. № 3-4. С. 54–56. [Yudin A. V. Types of legal proceedings in civil procedural and arbitration procedural law. *Jurist Povolzhia*, 2004, (3-4): 54–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwkvse>
 20. Павлова М. С. Проблемы разграничения подсудности и компетенции гражданских, арбитражных и административных дел. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 12. С. 23–27. [Pavlova M. S. Issues of demarcation of jurisdiction and competence of civil, arbitration and administrative cases. *Arbitration and Civil Procedure*, 2020, (12): 23–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2020-12-23-27>
 21. Воронов А. Ф., Зайченко Е. В. Передача дела по подсудности: общее и частное. *Вестник гражданского процесса*. 2023. Т. 13. № 3. С. 43–62. [Voronov A. F., Zaychenko E. V. Transfer of the case by jurisdiction: General and particular rules. *Herald of Civil Procedure*, 2023, 13(3): 43–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2023-13-3-43-62>
 22. Абушенко Д. Б. О праве должника на предъявление к цессионарию направленного к зачету встречного иска при наличии зачетоспособного требования к cedentu. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2023. № 12. С. 4–15. [Abushenko D. B. The debtor's right to assert a set-off counterclaim against the assignor in cases of enforceable claims. *The Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2023, (12): 4–15. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37239/2500-2643-2023-18-12-4-15>
 23. Юдин А. В. Режимы совместного и раздельного рассмотрения исковых требований в рамках гражданского и административного судопроизводства. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2015. № 8. С. 88–99. [Yudin A. V. Joint and separate consideration of claims arising from relationships governed by private law (civil proceedings) and public law (administrative proceedings). *The Herald of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, (8): 88–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uhvhvd>
 24. Катюкова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи. *Нотариус*. 2020. № 7. С. 45–48. [Katukova S. Yu., Nakhova E. A. On the judicial procedure for contestation of a writ of execution. *Notary*, 2020, (7): 45–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1813-1204-2020-7-45-48>
 25. Опалев Р. О. Право на эффективную судебную защиту в административном судопроизводстве. М.: Городец, 2023. 432 с. [Opalev R. O. *The right to effective judicial protection in administrative judicial proceedings*. Moscow: Gorodets, 2023, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owcjjw>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/iovize>

Новое направление развития искусственного интеллекта и технологии блокчейн как драйвер в достижении доверительного, доступного и действенного цифрового правосудия для уязвимых слоев населения в Уганде

Русакова Екатерина Петровна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5995-0005

<https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>rusakova-ep@rudn.ru

Чернышева Татьяна Анатольевна

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, Москва

Аннотация: Следствием развития технологий является глобальный процесс их интеграции в общество и государственные институты. Несмотря на то что изначальное развитие внедрения технологий произошло через общество, а если точнее – общественные коммуникации (посредством компьютеров, смартфонов, социальных сетей и т. д.), сейчас процесс интеграции продуктов технического прогресса все чаще можно увидеть на уровне государства. Их развитие неминуемо связано с обеспечением доступности государственных услуг не только своему населению, но также и тем, кто находится далеко за пределами границ этого государства. Безусловно, сегодняшний вектор развития дружественных отношений с рядом африканских стран позволяет углубить в Российской Федерации процессы взаимодействия, касающиеся развития новых информационных технологий не только на уровне государства, но и на уровне бизнеса. Данные коммуникации невозможны без надлежащего изучения и понимания работы инновационных институтов. В частности, важнейшим из них представляется институт цифрового правосудия, на платформе которого в перспективе можно будет разрешать как важнейшие проблемы африканского населения, так и крупные экономические споры. Цель – раскрыть правовые аспекты новых возможностей по разрешению споров в Уганде. Особое внимание уделяется перспективам и проблемам внедрения технологии блокчейн и искусственного интеллекта при разрешении споров в судебном порядке. Раскрываются вопросы развития эффективности правосудия для уязвимых слоев населения. В результате в работе исследуются новые пути разрешения самых распространенных споров о праве собственности на земельные участки в Уганде посредством внедрения алгоритмов блокчейн, а также раскрываются возможности применения искусственного интеллекта для оказания юридических услуг Pro Vopo.

Ключевые слова: цифровизация, судопроизводство, доказательства, заверение, блокчейн, Уганда, искусственный интеллект

Цитирование: Русакова Е. П., Чернышева Т. А. Новое направление развития искусственного интеллекта и технологии блокчейн как драйвер в достижении доверительного, доступного и действенного цифрового правосудия для уязвимых слоев населения в Уганде. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 611–621. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-611-621>

Поступила в редакцию 24.09.2024. Принята после рецензирования 16.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Artificial Intelligence and Blockchain in Improving Trust, Accessibility, and Efficiency of Digital Justice for Vulnerable Population in Uganda

Ekaterina P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5995-0005

<https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>

rusakova-ep@rudn.ru

Tatyana A. Chernysheva

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

Abstract: As global technologies develop, they integrate into social and state institutions. Mundane public communications were the first to embrace computers, smartphones, social networks, etc. These days, modern technologies facilitate the interaction between the state and its people. As a result, the state increases the internal and external availability of public services. The current friendly relations between the Russian Federation and some African countries may win from using new information technologies in politics and business. In this sense, modern communications require a better understanding of such innovative institutions as the so-called digital justice, which employs digital tools as a platform of justice administration. It has a good potential for resolving social issues of African population, as well as major economic disputes. The article describes the legal aspects of the new dispute resolution opportunities that digital justice offers the people of Uganda. It focuses on the prospects and problems of blockchain technology and artificial intelligence in settling disputes in court, especially in those aspects that concern the most vulnerable social strata. Blockchain algorithms prove effective in resolving land ownership disputes in Uganda while artificial intelligence may be used to provide *pro bono* legal services.

Keywords: digitalization, legal proceedings, evidence, assurance, blockchain, Uganda, artificial intelligence

Citation: Rusakova E. P., Chernysheva T. A. Artificial Intelligence and Blockchain in Improving Trust, Accessibility, and Efficiency of Digital Justice for Vulnerable Population in Uganda. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 611–621. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-611-621>

Received 24 Sep 2024. Accepted after review 16 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Правосудие является одним из важнейших институтов, обеспечивающих формирование доверительных отношений между обществом и государством. Суды, отправляя правосудие и разрешая споры между частными субъектами, государством и публичными органами, выступают единственным органом защиты прав и законных интересов сторон, к которому предъявляется высокая степень доверия как со стороны самих государственных институтов, так и со стороны населения, иностранных лиц.

По последним данным, в Уганде только 10 % населения не испытывают проблем, связанных с разрешением споров в суде¹. Доверительное отношение между гражданами Уганды и государством не сформировано, поскольку практически 90 % споров остаются неразрешенными, а это споры, возникающие из земельных правоотношений, из семейных правоотношений, в том числе требования о расторжении брака, дела о наследовании, о защите иных имущественных

интересов, домашнем насилии и даже уголовные дела. Такое положение предопределено, прежде всего, двумя факторами:

1. Большинство граждан населения убеждено в коррумпированности судей и должностных лиц судебных органов. В примере, приведенном в исследовании Roberta Okello, гражданка Уганды утверждала, что в споре о праве собственности на земельный участок часто проигрывают простые сельские граждане, т. к. привилегированные слои населения, незаконно оформив участки, могут оплатить судебное разбирательство [1, p. 16].

2. На рынке юридических услуг существует нехватка квалифицированных специалистов, адвокатов, которые способны оказать помощь уязвимым слоям населения государства [1, p. 18].

В качестве иных причин большого количества зарегистрированных, но неразрешенных споров высказывается мнение о сложности управления судебной

¹ Justice Needs in Uganda. *Hiil Innovating Justice*. 2016, 33. URL: <https://www.hiil.org/wp-content/uploads/2018/07/Uganda-JNST-Data-Report-2016.pdf> (accessed 25 Jul 2024).

системой, как правило, связанной с большой нагрузкой на судей и их аппарат, а также такого явления, характерного для сельского общества Уганды, как самосуд, в котором часто осуждаются невиновные, а виновные остаются безнаказанными.

Результаты

Внедрение цифровых технологий в судопроизводство Уганды

Учитывая общемировую тенденцию подрыва доверия к тем или иным государственным институтам со стороны населения стран, видится интересным опыт Уганды в выстраивании нового канала доверия к государству и его политике путем внедрения достижений цифровизации.

Заметим, что любой прогресс невозможен без точки роста, которая чаще всего в рамках трансформации государственных институтов и общества выступает в виде глобального события, вынуждающего к быстрому реагированию на изменение ситуации со стороны государства. Как правило, в рамках этих событий происходит выявление весьма нетипичных решений для трансформации важнейших процессов, которые, в свою очередь, направлены на достижение целей страны.

В 2019 г. данным глобальным событием для большинства стран мира, в том числе и для Уганды, стало распространение инфекции, вызываемой коронавирусом SARS-CoV-2 (COVID-19), а непосредственно целью государств – обезопасить свое население от гибели. При этом многими государствами были приняты ограничительные меры для сдерживания распространения COVID-19. Так работа большинства институтов была переведена в онлайн формат взаимодействия с гражданами [2; 3, с. 17; 4, с. 56; 5, с. 38–39; 6, с. 214]. Самому сильному и положительному влиянию подвергся институт судебной власти.

Стоит подчеркнуть, что само появление во многих государствах виртуальных (цифровых) судебных процессов, а в Китае и интернет-судов (3 интернет-суда: интернет-суд в Ханчжоу (18 августа 2017 г.), интернет-суд в Пекине (9 сентября 2018 г.) и интернет-суд в Гуанчжоу (28 сентября 2018 г.)) [7], произошло еще до момента распространения COVID-19.

Вместе с тем нельзя отрицать и то, что именно распространение коронавируса способствовало быстрому глобальному развитию цифровизации правосудия путем перенесения судебных разбирательств и / или его части не только в дистанционный (виртуальный) формат, но также и трансформировало процессы предоставления и верификации доказательств для обращения в суд с целью разрешения споров.

Нельзя не отметить, что во многом процесс перехода традиционного рассмотрения дел, а также процесс доказывания и представления доказательств в цифровой формат зависел как от экономических возможностей государства, так и от технической составляющей, что способствовало дроблению государств на группы: стремительно развивающих цифровое правосудие и страны в процессе развития цифрового правосудия.

Современные геополитические тенденции развития российско-африканских отношений раскрывают неизведанный континент с другого ракурса, в том числе и в контексте цифровой трансформации правосудия [8]. Например, большинство африканских государств давно интегрировали цифровой документооборот в свои суды [9, р. 391].

Заметим, что в Уганде цифровая трансформация тоже началась со специальных платформ. До 2021 г. регистрация дел в судах происходила с применением Системы управления судебными делами (CCAS), с которой в судах изменился подход к управлению делами, а именно: их регистрация, фиксация всех обстоятельств, относящихся к делу напрямую в файлах, отслеживание данных файлов, составление списка дел в зависимости от их природы, генерация статистики и мониторинг производительности.

Кроме того, отдельной программой по обеспечению хранения и предоставления информации по делу выступала система управления информацией (MIS) [10].

Еще в процессе внедрения находилась система электронного документооборота (СЭД) для оптимизации жизненного цикла обработки документов.

Все описанные выше системы работали в сетевой среде на отдельных платформах, некоторые из которых были подключены с использованием Интернета, что делало уязвимым процессы обработки важных документов и ценной информации.

Однако в октябре 2021 г. судебная система Уганды официально ввела в эксплуатацию разработанную в 2019–2021 гг. Информационную систему электронного управления судебными делами (ЕЕСMIS) – решение, созданное на продукте Synergy eCase².

Эта система отличается от предыдущей тем, что интегрирует все процессы взаимодействия и документооборота в одном месте, т.е. управление делами, начиная с регистрации и заканчивая распределением дел, слушанием и вынесением решения, а также предоставление аналитических функций проводятся на одной платформе, что значительно повышает мобильность работы суда.

Помимо этого, ЕЕСMIS способствует ведению независимого судопроизводства в Уганде путем

² Synergy's. Judiciary of Uganda commissions the electronic court case management information system. URL: <https://www.synsys.com/news/judiciary-of-uganda-commissions-the-electronic-court-case-management-information-system/> (accessed 18 Aug 2024).

минимизации взаимодействия между обществом и аппаратом суда.

Обозначим, что развитие цифровых процессов в Уганде не строится исключительно на внедрении систем, облегчающих взаимодействие сторон в суде. В большей степени уникальным представляется внедрение виртуального судебного процесса.

Изначально проведение виртуальных судебных заседаний касалось уголовного судопроизводства. В августе 2016 г. было запущено первое аудиовизуальное судопроизводство в уголовном составе Высокого суда в Кампале, поскольку для запуска данного процесса в иных судах региона было недостаточно финансирования.

При этом поначалу указанный вид взаимодействия относился к способам предоставления или получения доказательств с помощью электронных средств связи без физического присутствия лица в суде. И, несмотря на удобство, ключевой проблемой являлось то, что необходимо было проводить судебный процесс в зале уголовного состава Высокого суда.

Одним из самых известных дел, в котором судья был вынужден перенести процесс, являлось дело о взяточничестве в Муконо-Катоси, в котором глава Антикоррупционного суда судья Лоуренс Гидуду был вынужден передать свое дело в Кололо на одно заседание, т. к. некоторые свидетели находились в штате Миссисипи (США)³.

Однако после вспышки пандемии COVID-19 в Уганде данный вид проведения судебных разбирательств стал наиболее релевантным по причине уведомления о заболевании в соответствии с Законом об общественном здравоохранении⁴.

Тогда же представители судебной власти выступили с инициативой рационализировать свою работу, издав Циркуляр, в котором закреплялось, что в течение 32 дней, начиная с 20 марта 2020 г., судебные заседания по делам, в которых необходимо участие заключенных и подсудимых, должны проводиться с применением видео- и аудиоаппаратуры, при наличии у суда технических возможностей [9, p. 394].

Несмотря на то что данные положения относятся только к определенным разбирательствам со своим конкретным субъектным составом, сам Циркуляр имел общую направленность, что свидетельствовало

о допустимости распространения его положений на все судебные слушания [11], в том числе при рассмотрении гражданских дел.

Помимо указанного Циркуляра регулирование виртуального судебного процесса осуществляется посредством обращения к положениям Конституции Уганды [9], Закону о защите данных и конфиденциальности⁵, Закону о неправомерном использовании компьютеров⁶, Закону об электронных сделках⁷ и к Правилам судебной власти (видео-аудиосвязь)⁸.

Как было отмечено ранее, исходя из Конституции и Правил судебной власти (видео-аудиосвязь) следует, что применение видеосвязи не создает предпосылки для создания нового судебного органа, а фактически является способом получения доказательств, что ведет к применению положений ст. 28(3)(g) Конституции Уганды, которая предусматривает право обвиняемого участвовать в процессе допроса свидетелей и обеспечения их явки, а следовательно, для обеспечения справедливого судебного разбирательства.

В то же время существуют и определенные проблемы при использовании названного виртуального механизма. Так, в случае проблем со слухом у обвиняемого или у свидетеля в соответствии с Правилами по делам ветеранов онлайн-инструмент для слуха может быть применим только для осуществления ограниченного перечня действий, а именно в процессе вынесения решений или постановлений, а также рассмотрения заявлений [9, p. 394].

Однако при обращении к положениям Конституции, а именно к принципу справедливого судебного разбирательства, можно сделать вывод о возможности расширения данного перечня, распространив его на все действия в рамках онлайн-формата [9, p. 395].

Обращаем внимание на то, что виртуальные слушания возможны только в определенных ситуациях. Циркуляр предусматривает следующие случаи:

- 1) когда свидетель проживает за пределами Уганды;
- 2) когда дело касается преступлений сексуального или насильственного характера;
- 3) по соображениям безопасности;
- 4) когда необходимо обеспечить безопасность свидетелей;
- 5) по немоци или состоянию здоровья (в контексте восприятия данного положения стоит учитывать

³ Unwanted witness. Uganda's judicial system: Virtual courts are here but no laws to regulate them. URL: <https://www.unwantedwitness.org/ugandas-judicial-system-virtual-courts-are-here-but-no-laws-to-regulate-them/> (accessed 18 Aug 2024).

⁴ The Public Health Act Cap 281, sec 10. URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC096450/> (accessed 18 Aug 2024).

⁵ Data Protection and Privacy Act, 2019. URL: <https://library.health.go.ug/leadership-and-governance/laws-and-regulations/data-protection-and-privacy-act-2019-0> (accessed 18 Aug 2024).

⁶ Computer Misuse Act, 2011. URL: <https://ulii.org/akn/ug/act/2011/2/eng@2011-02-14> (accessed 18 Aug 2024).

⁷ Electronic Transactions Act, 2011. URL: https://classic.austlii.edu.au/au/legis/wa/consol_act/eta2011256/ (accessed 18 Aug 2024).

⁸ The Judicature (Visual-Audio Link) Rules. Statutory Instrument No 26 of 2016. URL: <https://judiciary.go.ug/files/downloads/judicature-visual-audio-link-rules-si-no-26-of-2016a.pdf> (accessed 18 Aug 2024).

исключительно физическое и психическое состояние субъекта, показания которого необходимы для достижения истины в судебном разбирательстве);

б) по любой другой причине, которую Суд сочтет уважительной для того, чтобы свидетель смог давать показания посредством видео-конференц-связи [9, р. 396].

Приведенный перечень является не исчерпывающим, следовательно, его применение в действительности можно распространить и на разбирательства гражданско-правового характера.

Циркуляр направлен именно на возможность защиты уязвимых слоев населения Уганды не только в контексте обеспечения безопасности их здоровья, но и в контексте обеспечения доступного правосудия и равенства между различными классами общества в государстве, поскольку он обеспечивает свободный доступ не только к выбору процесса, но еще и к формированию и предоставлению доказательственной базы.

Однако круг свидетелей, которые могут быть допущены до виртуального слушания, ограничен: к таким свидетелям относятся лица, находящиеся за пределами государства, те, кто находится в опасности (необходимость защиты), а также те, кто не может присутствовать на заседании по состоянию здоровья. Этот перечень можно расширить по аналогии со ст. 155.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁹, где в качестве субъектов, имеющих право участвовать в судебном заседании с применением видео-конференц-связи, к тому же выступают эксперты, специалисты и переводчики. Так в судебном процессе Уганды смогут участвовать и женщины из сельских поселений, которые владеют национальным языком и не владеют английским языком.

Вместе с тем в случаях ведения уголовного процесса с применением цифровых средств связи нужно внести изменения в правила Уганды по аналогии со ст. 241.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁰, согласно которой необходимо обеспечить обязательное участие защитника (адвоката) при участии подсудимого в онлайн слушании.

Стоит уделить особое внимание идентификации личности участников процесса в виртуальном слушании. В случае если в судебном заседании принимает участие лицо, которое уже находится под стражей, то идентификацию личности может обеспечить администрация места содержания под стражей, администрация места или органа, исполняющего наказание.

Дополнительные гарантии справедливости рассмотрения дела в случае применения виртуального

слушания также можно обеспечить путем предоставления возможности беспрепятственного конфиденциального общения между подсудимым, находящимся под стражей, и его защитником (адвокатом).

В долгосрочной перспективе следует не только распространить данный инструмент виртуального слушания на все суды высшей инстанции Уганды, но и перевести полностью весь судебный процесс на специализированную платформу.

Дополнительно отметим, что видится необходимым внесение изменений в Закон по делам ветеранов, а также принятие полноценного Закона, регулирующего процесс виртуального судебного разбирательства как для уголовного процесса, так и для гражданского процесса, что будет способствовать еще большему углублению взаимных доверительных отношений между населением Уганды и государством, поскольку усмотрение судьи – основной инструмент обеспечения действенного правосудия.

Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта и блокчейн в судебную деятельность в Уганде на основе зарубежного опыта

Решение проблемы в обеспечении доступного и действенного правосудия Постоянный секретарь судебной системы Уганды Пиус Бигерман видит во внедрении в судебные процессы искусственного интеллекта (ИИ), переняв опыт в этом вопросе у Танзании¹¹.

Подчеркнем, что законодательное регулирование ИИ в Уганде на данный момент отсутствует, однако государственный сектор довольно часто обращается к различным проектам с ИИ. Так в Уганде применяются технологии ИИ для безопасной и надежной передачи электроэнергии (инициатива находится в ведении Uganda Electricity Transmission Company Limited (UETCL) [12, р. 6], государственного агентства, отвечающего за разработку, эксплуатацию и обслуживание высоковольтных линий электропередачи (выше 33 кВ)), предоставления государственных услуг (Управление инвестиций Уганды (UIA), Управление доходов Уганды (URA), Национальное метеорологическое управление Уганды (UNMA), Uganda Electricity Transmission Company Limited (UETCL), Uganda Electricity Distribution Company Limited (UEDCL) и Управление столицы Кампалы (KCCA)) [12, р. 9], Национальное метеорологическое управление Уганды (UNMA), использует технологию ИИ для предоставления точных прогнозов погоды и моделирования, сбора доходов [12, р. 7–8] и т. д.

⁹ Гражданский процессуальный кодекс РФ № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 08.08.2024). СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 29.05.2024). СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Uganda's judiciary eyes Artificial Intelligence (AI) in administration of justice. *Newvision*. 14 Jun 2024. URL: https://www.newvision.co.ug/category/news/ugandas-judiciary-eyes-artificial-intelligence-NV_190136 (accessed 16 Aug 2024).

В итоге, учитывая применимость предиктивного кодирования в иных государственных структурах, считается действительно допустимым внедрение ИИ в судебные процессы Уганды и использование таких технологий при составлении обращений и рассмотрении юридических документов, а также в качестве ассистента при анализе доказательств и разрешении типичных правовых вопросов.

Обратим внимание, что в заявлении о намерении внедрения ИИ упоминается, что работа ИИ будет выстраиваться в большей мере по модели ее внедрения в Великобритании [13, с. 105–108].

Основываясь на этой модели внедрения трансформаций, следует, что ключевая цель внедрения ИИ исходит из необходимости разгрузки судей при отправлении правосудия. Так внедрять предиктивное кодирование планируется в систему анализа доказательств.

Особенностью современного процессуального прочтения теорий доказательств является то, что в центре любой теории предстает сам человек, защищающий свои интересы в судебном процессе путем опровержения или подтверждения фактов, влияющих на разрешение спора. При этом ключевая роль суждений отводится исключительно судье, который призван установить обстоятельства дела [14, р. 657]. Кроме того, такое прочтение о роли и сути теорий доказательств исходит от истоков формирования процессуального права.

Вместе с тем ни один из ученых не подвергает сомнению саму сущность человеческого начала в анализе и формировании доказательственной базы, которые лежат в основе сделанных выводов по существу конкретного судебного разбирательства. Например, стоит уделить внимание мнению Ш.-Л. Монтестье, который описал судей через механизм с человеческим разумом [15, с. 163–164]. Данный механизм, по мнению ученого, дает возможность не только определить предмет доказывания, но и произвести беспристрастную оценку представленных суду доказательств.

Таким образом, в прочтении ученого судьей может выступать только человек, наделенный исключительными качествами (как интеллектуальными, так и личностными), позволяющими производить надлежащее и справедливое усмотрение в каждом конкретном деле.

Однако в Уганде, как и во многих других странах, перегрузка судебной системы неминуемо ведет к деструктивности осуществления как канцелярских, так и правовых функций судьи и его аппарата.

То есть перегрузка негативно сказывается на обеспечении справедливости и качестве разрешения споров.

Предиктивное кодирование определенных процессов в должной мере способно обеспечить надлежащую оценку доказательств для уменьшения нагрузки судов [16, с. 96]. Так, заявленная Великобританией модель рассмотрения ИИ доказательств с точки зрения их анализа и оценки была проведена в деле *Pyrrho Investments Ltd против MWB Property Ltd*. В этом деле судья, применив ИИ (электронную дедупликацию данных), смог снизить объем доказательственной базы в 5,6 раз (с 17,6 млн до 3,1 млн файлов)¹².

Заметим, что для применения ИИ при оценке доказательств стороны должны высказать свое намерение (ходатайствовать) и подписать протокол раскрытия информации.

Однако становится затруднительным задействование ИИ в случае, когда только одна сторона настаивает на применении данного кодирования к раскрытию и оценке доказательств [17, с. 183; 18, с. 20]. Описывая этот случай, О. Н. Шерстобоев и И. В. Михеева обращаются к прецеденту Соединенных Штатов Америки в деле *EORHB, Inc. против HOA Holdings, LLC*, в котором судья изначально настаивал на оценке и анализе доказательств через инструмент предиктивного кодирования, но стороны изменили подход судьи своими ходатайствами¹⁵. В указанном прецеденте одна из сторон обратилась к технологии ИИ, а другая доверила свои доказательства оценке с применением человеческих ресурсов (традиционный способ).

В ходе представленных ходатайств не было сомнений в надежности применения как традиционного способа, так и ИИ для оценки доказательств. Ключевым фактором отказа второй стороны в данном случае являлся финансовый фактор, выражающийся в несопоставимости объема, продолжительности и стоимости работ специалистов по сравнению с использованием программных комплексов.

В 2020 г. позиция по обоснованию необходимости применения ИИ для оценки и анализа представленных в суде доказательств также отразилась в Верховном суде Великобритании, однако для случаев, при которых судье для оценки представлены более 50 тыс. различных документов [17, с. 185].

Тем не менее все же не стоит рассматривать предиктивное кодирование в качестве панацеи для достижения эффективного правосудия [19, с. 61]. Поскольку этот механизм нуждается в непрерывном контроле, поскольку сам ИИ только находится на стадии развития, намеренные технические сбои все же могут

¹² *Pyrrho Investments Limited v. MWB Property Limited*. [2016] EWHC 256 (Ch). 16 Feb 2016. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Ch/2016/256.pdf> (accessed 14 Aug 2024).

¹⁵ *EORHB, Inc. v. HOA Holdings, LLC*, No. 7409-VCL, 2013 WL 1960621 (Del. Ch. 6 May 2013). URL: https://www.wilsonelsner.com/writable/files/Legal_Analysis/389292-v1-eorhb-v-hoa-holdings-no-7409-vcl-2013-esi-update.pdf (accessed 14 Aug 2024).

привести к неточностям данных. В результате видится необходимость в применении данного механизма в системе с иными продуктами технического прогресса.

ИИ активно применяется судами в Китае при оценке доказательств, формировании анализа возможности уплаты денежных средств, а также в процессе заполнения процессуальных документов. Китай обращается не только к предиктивному кодированию, но еще в анализе задействованы блокчейн система и облачные данные [20, с. 122]. Так, ИИ сопоставляет представленные доказательства и процессуальные документы по аналогичным делам, которые уже разрешены. При обнаружении недостающей информации ИИ автоматически запрашивает их через личный кабинет истца [21, с. 312–315]. Ключевым фактором в текущем механизме служит блокчейн система, которая держится на трех фундаментальных основах:

1. Технологическая основа, при которой к блокчейну применяются различные криптографические шифры для защиты передачи данных и доступа к ним, а также обеспечивается надежное и невозможное для подделки хранение информации.

2. Тип доказательств, т. к. все объекты представляют собой электронные доказательства, что отличает их от традиционных документальных и вещественных доказательств.

3. Сама платформа, на которой происходит процесс кодирования информации [20, с. 123].

Таким образом, доказательства не просто сохраняются, но к тому же их изменение фиксируется и сразу отражается для суда и сторон.

Вместе с тем такой подход обеспечивает прозрачность судебного разбирательства для сторон, поскольку делает доступным всю информацию, полученную при разрешении спора. Высказывается мнение, что технологии блокчейн способны обеспечить подлинную независимость судей [22, с. 156].

Кроме того, применение технологий распределенного реестра не просто сокращает время на обработку данных, но также выступает регулятором хронологических событий за счет выстраивания хэш-функциями единой цепочки событий через информацию, предоставленную сторонами в ходе процесса, что значительно сокращает время анализа для судьи перед принятием справедливого решения [23, р. 190].

Транспарентность системы позволяет обеспечить беспрепятственный обмен доказательствами между судами иностранных государств [24].

Однако ключевым преимуществом будет выступать архив данных, который способен ускорить судебный процесс.

Отметим и то, что возможность возникновения проблем при применении блокчейн для судебной системы в первую очередь состоит в том, что система до конца не регламентирована.

С точки зрения технической составляющей, системе необходима поддержка, т. к. разные блокчейн системы могут быть просто несопоставимы друг с другом [25].

Невозможность обеспечения непрерывного доступа к системе также может в будущем сказаться на процессе предоставления доказательств суду в нужный момент.

Проблема повышения эффективности правосудия и доверия к нему со стороны населения Уганды в условиях цифровизации

При все при этом самым сложным в процессе внедрения в судебную систему ИИ и блокчейн в Уганде будет являться поиск их финансирования.

Заметим, что упомянутые в начале работы споры о праве собственности на земельные участки выступают преобладающими в общем объеме нагрузки судов Уганды, а решения по таким спорам лишили многих граждан источника средств к существованию¹⁴.

Указанная проблема в большинстве случаев сопряжена со свидетельством о праве собственности (Свидетельство). Положение Закона о регистрации прав собственности было смягчено в пользу привлечения иностранных инвестиций. По этой причине в Уганде возможна выдача нескольких титулов на одну и ту же собственность (земельный участок)¹⁵. Такой шаг в сторону привлечения иностранных активов в страну позволил всем заинтересованным лицам лишать земельных участков население без компенсации.

Решение представленной проблемы Правительство Уганды видит во внедрении технологий блокчейн в процесс регистрации недвижимости в стране, что позволит систематизировать право собственности как для самих граждан, так и для иностранных инвесторов. Данный проект планирует возглавить Bitland Uganda в партнерстве с Bitland Global, разрабатывающее приложение земельного кадастра на основе технологий распределенного реестра, которое поддерживает защищенные от несанкционированного доступа, неизменяемые записи¹⁶.

В данном случае обнаруживается, что при объединении технологий блокчейн и ИИ для формирования доказательственной базы с целью быстрого,

¹⁴ Ktaadvocates. Transforming Uganda's Land Registries with the use of Blockchain Technology. URL: <https://www.ktaadvocates.com/transforming-ugandas-land-registries-with-the-use-of-blockchain-technology/> (accessed 17 Aug 2024).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

доверительного и справедливого правосудия обращение к опыту Китая будет наиболее релевантным.

Но стоит обозначить, что и в Китае в настоящее время не принят специализированный акт. Все возникающие вопросы при использовании технологии блокчейн и ИИ для формирования доказательственной базы судьи разрешают на основании «Регламента по ряду вопросов при рассмотрении дел интернет-судами»¹⁷ от 2018 г.

Аналогичная проблема законодательного регулирования имеется и в РФ, где не было выработано единого законодательного блока регулирования ИИ. Однако в 2020 г. были предприняты первые попытки регулирования предиктивного кодирования путем издания Распоряжения Правительства РФ № 2129-р от 19 августа 2020 г. об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.¹⁸

Регулирование ИИ на европейском континенте происходит в рамках положений Регламента 2018/1724 Европейского парламента от 2 октября 2018 г. и Регламента 2020/1784 Совета Европы от 25 ноября 2020 г.¹⁹

Однако в большинстве европейских стран переходный период законодательного регулирования также связан с поэтапным внедрением и распространением предиктивного кодирования в судах (например – Франция) [26, с. 38].

Ошибочно не отметить на сегодняшний день функционирование ИИ в качестве механизма по использованию его для ответов на частые правовые вопросы населения в Уганде (чаще всего сельских граждан). Так предиктивное кодирование встроено в приложение Justice Bot Uganda²⁰, что обеспечивает защиту и правовое просвещение всего населения государства. Оно оснащено тремя модулями:

1. Бесплатно предоставляет упрощенную информацию о юридических процессах путем того, что

ИИ в чате задает людям ряд вопросов об их споре и предоставляет им информацию о результатах рассмотрения схожих дел, что позволяет им лучше понять свою ситуацию.

2. Рекомендует опытных специалистов в области юриспруденции, таких как юристы, адвокаты и землеустроители, для решения конкретных вопросов (Pro Bono).

3. Содействует в получении юридических документов и шаблонов²¹.

Данный аналогичный проект уже был введен и придуман в Канаде. Однако трек по предоставлению юридической помощи в Уганде является самостоятельным. Консультирование по правовым вопросам проводят юристы Уганды.

Фактически проект был впервые представлен в качестве странички внутри мессенджера Facebook²², поэтому стоит учитывать уязвимость информации, которая обращается в переписках и чатах в указанном мессенджере. Сейчас же на этой страничке встроено чат с ИИ, который именуется Линдой²³.

Как утверждают создатели сервиса бесплатной правовой помощи Justice Bot Uganda, Линда может ответить практически на любой вопрос, но основными направлениями деятельности являются коммерческое право, гражданский процесс, уголовный процесс, иммиграционные процедуры и экологическое право²⁴.

В случае возникновения вопросов, связанных с проведением комплексной проверки перед покупкой земли, составлением договоров купли-продажи, передачей права собственности, переговорами или иной схожей по сложности задачей, привлекаются уже действующие адвокаты и эксперты, которые сотрудничают с данным проектом.

Однако, несмотря на развитие правовой просвещенности общества помощи гражданам своего населения Pro bono, нельзя игнорировать основной минус этого проекта, который заключается в языке, на котором ИИ дает ответы на правовые вопросы.

¹⁷ 最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定: 2018年9月6日最高人民法院审判委员会第1747次会议通过。(Регламент Верховного народного суда КНР по ряду вопросов, касающихся рассмотрения дел интернет-судами: 1747-я сессия Арбитражной комиссии Верховного народного суда 6 сентября 2018 г.). URL: <https://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-116981.htm> (accessed 5 Aug 2024).

¹⁸ Об утверждении концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. Распоряжение Правительства РФ № 2129-р от 19.08.2020. СПС КонсультантПлюс.

¹⁹ Цифровизация судебного процесса: опыт Евросоюза. Хабр. 01.11.2022. URL: <https://habr.com/ru/company/digitalrightscenter/blog/696846/> (дата обращения: 17.08.2024).

²⁰ Justicebotuganda. Providing legal procedure information in simplified manner and connecting people with legal service providers. URL: <https://www.justicebotuganda.com/focus-area/business-low> (accessed 19 Aug 2024).

²¹ Here's JusticeBot: Uganda's Artificially Intelligent legal adviser. Dignited. 13 May 2019. URL: <https://www.dignited.com/46784/heres-justicebot-ugandas-artificially-intelligent-legal-adviser/> (accessed 19 Aug 2024).

²² Компания Meta Platforms, владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.

²³ AI for Justice Delivery Revolutionizes Uganda's Legal System. Cryptopolitan. 27 Jan 2024. URL: <https://www.cryptopolitan.com/ai-for-justice-delivery-ugandas-legal-system/?ysclid=m0og61cxc961214404> (accessed 19 Aug 2024).

²⁴ Justicebotuganda...

Линда общается исключительно на английском языке, и хотя авторы проекта заявляют о простоте и доступности информации, представленной этим предиктивным кодированием, следует отметить, что не все жители сельских поселений владеют английским языком²⁵. Поэтому видится необходимым внедрение в ИИ возможности ответа на языке коренных жителей государства.

Но, несмотря на названный пробел в оказании правовой помощи уязвимым слоям населения Уганды, важно подчеркнуть, что проект Justice Bot Uganda дает действенную и необходимую помощь населению страны. Также видится возможность его применения и иностранным инвесторам, которые планируют или в настоящее время уже занимаются развитием своего бизнеса в данном регионе для обращения первичных консультаций.

Заключение

При внедрении ИИ в судебный процесс для достижения действенного и справедливого правосудия в Уганде необходимо прежде заполнить свой пробел в законодательном регулировании путем принятия регламентов или концепций, направленных на устранение недоверия к цифровым механизмам Индустрии 4.0.

Еще необходимо поэтапное, а в некоторых случаях и тестовое планирование и внедрение технологий ИИ и алгоритмов блокчейн для ускорения судебного разбирательства и привлечения новых инвестиций, но уже по причине простоты, удобства и транспарентности судебных тяжб. Возможность поэтапного внедрения существует и на конечных этапах формирования предиктивным кодированием судебного акта.

В простых и типичных спорах при принятии акта на основании уже проделанной работы с оценкой доказательств ИИ может быть принято решение, которое

в дальнейшем проверяется и подписывается в окончательной форме судьей. Это станет прозрачным, последовательным и дешевым способом разгрузки судебной системы Уганды.

Данный регион активно развивает свои цифровые процессы, в первую очередь для обеспечения доверительного и действенного правосудия в отношении своего населения, что также в скором времени приведет к привлечению больших инвестиций и со стороны иностранных государств за счет создания нового шлюза цифровых и правовых возможностей Уганды.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01022 «Разработка теоретических моделей и методов разрешения споров сквозь призму цифровизации в странах Африки», <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01022: Developing theoretical models and methods of dispute resolution by digital means in Africa, <https://rscf.ru/project/24-28-01022/>

Литература / References

1. Okello R. *Rural women's legal empowerment through digital technology: A case study from Northern Uganda*. Thesis for: Master in development studies—human rights, gender and conflict studies. The Hague, 2021, 38. <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.26809.24168>
2. Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2024. Т. 8. № 2. С. 231–240. [Abrosimova E. A. Contractual responsibility of marketplaces. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(2): 231–240. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-2-231-240>
3. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса. *Журнал российского права*. 2020. № 7. С. 5–26. [Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of a coronavirus pandemic. *Journal of Russian Law*, 2020, (7): 5–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.077>
4. Трощинский П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования. *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1. С. 44–58. [Troshchinsky P. V. Digital China before

²⁵ Ibid.

- and during the coronavirus period: Specifics of normative legal regulation. *Law and digital economy*, 2021, (1): 44–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/2618-8198.2021.11.1.044-058>
5. Трезубов Е. С. Видео-конференц-связь в судах: вынужденная трансформация в условиях пандемии. *Администратор суда*. 2020. № 2. С. 38–43. [Trezubov E. S. Videoconferencing in courts: A forced transformation in the conditions of the pandemic. *Court administrator*, 2020, (2): 38–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ntgigb>
 6. Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса. *Вестник гражданского процесса*. 2022. Т. 12. № 5. С. 204–227. [Trezubov E. S. Trends of the digitalization of civil procedure. *Herald of Civil Procedure*, 2022, 12(5): 204–227. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-5-204-227>
 7. Rusakova E. P. The application of artificial intelligence in the civil proceedings of the People's Republic of China: Theoretical and legal analysis. *RUDN Journal of Law*, 2023, 17(2): 468–480. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-468-480>
 8. Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024. № 3. С. 57–83. [Frolova E. E., Berman A. M. Expression of the parties' will in the context of digital transformation: Current trends in law enforcement. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2024, (3): 57–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.3.57.83>
 9. Nanima R. D. A right to a fair trial in Uganda's Judicature (Visual-Audio Link) Rules: Embracing the challenges in the era of Covid-19. *Commonwealth Law Bulletin*, 2020, 46(3): 391–414. <https://doi.org/10.1080/03050718.2020.1804419>
 10. Kitoogo F. E., Bitwayiki C. e-Justice implementation at a national scale: The Ugandan case. *E-Infrastructures and E-Services on developing countries: Proc. Conf.*, Maputo, 3–4 Dec 2009. Springer, 2010, 44–49. https://doi.org/10.1007/978-3-642-12701-4_5
 11. Nanima R. D. A right to a fair trial in Uganda's Judicature (Visual-Audio Link) Rules: Embracing the challenges in the era of covid-19. *Commonwealth Law Bulletin*, 46(3): 391–414. <https://doi.org/10.1080/03050718.2020.1804419>
 12. Aupal W. K., Oleja C. Adoption of ICTs for service delivery improvement by local governments in Uganda: Communication tools. *Global Journal of Management and Business Research*, 2017, 17(2).
 13. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с. [Dworkin R. *Taking rights seriously*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvxxkzt>
 14. Hart H. L. A. Discretion. *Harvard Law Review*, 2013, 127(2): 652–665. URL: <https://harvardlawreview.org/print/vol-127/discretion/> (accessed 25 Jul 2024).
 15. Монтескье Ш.-Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. СПб.: Л. Ф. Пантелеева, 1900. 800 с. [Montesquieu Ch.-L. *On the spirit of laws, or on the relationship in which laws should be to the device of each government, to mores, climate, religion, trade*, etc. St. Petersburg: L. F. Panteleev, 1900, 800. (In Russ.)]
 16. Незнамов А. В. Искусственный интеллект, единообразие судебной практики и творческий характер судебной деятельности. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 90–106. [Neznamov A. V. Artificial intelligence, uniformity of judicial practice and the creative nature of judicial activity. *Herald of Civil Procedure*, 2024, 14(2): 90–106. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-90-106>
 17. Шерстобоев О. Н., Михеева И. В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки*. 2024. Т. 28. № 1. С. 178–195. [Sherstoboev O. N., Mikhееva I. V. Information technologies in judicial process: Opportunities of artificial intelligence in evidence system. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Law*, 2024, 28(1): 178–195. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-1-178-195>
 18. Розе М. А. Доступность правосудия в условиях его цифровизации. *Российское правосудие*. 2024. № 3. С. 14–26. [Roze M. A. Accessibility of justice in the context of its digitalization. *Russian Justice*, 2024, (3): 14–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2024.3.14-26>
 19. Курочкин С. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 42–74. [Kurochkin S. A. Artificial intelligence in civil procedure. *Herald of Civil Procedure*, 2024, 14(2): 42–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74>
 20. Русакова Е. П., Чернышева Т. А. К вопросу использования блокчейн-депозитария в формировании доказательственной базы в интернет-судах Китая. *Пробелы в российском законодательстве*. 2022. Т. 15. № 6. С. 120–125. [Rusakova E. P., Chernysheva T. A. To the question of the use of blockchain depository in the formation of the evidence base in the internet courts of China. *Gaps in Russian Legislation*, 2022, 15(6): 120–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/khkuwv>

21. Жмакин Г. Н. Искусственный интеллект в судебном процессе. *Вестник гражданского процесса*. 2024. Т. 14. № 2. С. 301–318. [Zhmakin G. N. Artificial intelligence in litigation. *Herald of Civil Procedure*, 2024, 14(2): 301–318. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2024-14-2-301-318>
22. Курочкин С. А. Цифровые технологии и эффективность правосудия. *Lex Russica*. 2022. Т. 75. № 10. С. 152–163. [Kurochkin S. A. Digital Technologies and Justice Efficiency. *Lex Russica*, 2022, 75(10): 152–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.191.10.152-163>
23. Rusakova E. P., Frolova E. E. Procedural standards for civil proceedings in China's internet courts. *New Technology for inclusive and sustainable growth*, eds. Inshakova A. O., Inshakova E. I. Springer, 2022, 187–192. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9808-8_20
24. 赵蕾, 梁巧怡. 司法区块链存证的分歧、共识与前路. *北京政法职业学院学报*, 2022, (2): 42–50. [Zhao L., Qiaoyi L. Divergence, consensus and future of electronic evidence preservation based on judicial blockchain. *Journal of Beijing College of Politics and Law*, 2022, (2): 42–50. (In Chin.)] URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=BZGX202202008&dbcode=CJFD&dbname=CJFD2022&v=0HoJeH_5NENDb4dSLAxnr0v8YgIxtuWoaO11CST-Eugqqyw5FD_-NIMKfmdhAb (accessed 15 Aug 2024).
25. 宋相岑. 区块链电子证据真实性的问题与对策. *柳州职业技术学院学报*, 2022, (4): 36–40. [Song X. On problems and countermeasures of the authenticity of blockchain electronic evidence. *Journal of Liuzhou Vocational & Technical College*, 2022, (4): 36–40. (In Chin.)] URL: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?filename=LZJB202204007&dbcode=CJFD&dbname=CJFDTEMP&v=riCXCOpyzA08aOLGvQj4E2UuOHR2u5mObWcWYxW5PgwP-NRlaryuGlCleTd2WuP> (accessed 9 Aug 2024).
26. Курочкин С. А. О перспективах применения искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном судопроизводстве. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2023. № 2. С. 37–42. [Kurochkin S. A. On prospects of application of artificial intelligence in civil and arbitration proceedings. *Arbitrazh and Civil Procedure*, 2023, (2): 37–42. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/1812-383X-2023-1-37-42>

рецензия на книгу

<https://elibrary.ru/cspkef>

Рецензия на книгу: Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов, отв. ред. Ю. В. Ким. М.: Юрайт, 2024. 394 с.

Комарова Валентина Викторовна

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 7249-8150

<https://orcid.org/0000-0002-5344-3003>

vvalentinak@ya.ru

Аннотация: В рецензии представлен отзыв видного российского правоведа-конституционалиста, доктора юридических наук, профессора В. В. Комаровой об учебном пособии для юридических вузов «Конституционное правосудие», подготовленном авторским коллективом под руководством доктора юридических наук, профессора кафедры государственного и административного права юридического института Кемеровского государственного университета Ю. В. Кима. Рецензент положительно оценивает пособие: оно отвечает предъявляемым требованиям и может быть рекомендовано для опубликования и использования в учебном процессе в юридических вузах.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционализм, конституционность, конституционный контроль, конституционные права и свободы личности, учебный процесс

Цитирование: Комарова В. В. Рецензия на книгу: Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов, отв. ред. Ю. В. Ким. М.: Юрайт, 2024. 394 с. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 4. С. 622–624. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-622-624>

Поступила в редакцию 23.09.2024. Принята после рецензирования 15.10.2024. Принята в печать 15.10.2024.

book review

Constitutional Justice for Universities by Yu. V. Kim (Moscow: Yurait, 2024): A Book Review

Valentina V. Komarova

Kutaġin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 7249-8150

<https://orcid.org/0000-0002-5344-3003>

vvalentinak@ya.ru

Abstract: Constitutional Justice for Universities is a coursebook for law schools published by a team of authors and edited by Professor Yu. V. Kim, Doctor of Law, Department of State and Administrative Law, Kemerovo State University. Professor V. V. Komarova, Doctor of Law and a specialist in constitutional law, gives it a positive peer review: the coursebook meets the highest academic standards and qualifies for university curriculum.

Keywords: constitutional justice, constitutionalism, constitutionality, constitutional control, constitutional rights and freedoms, education

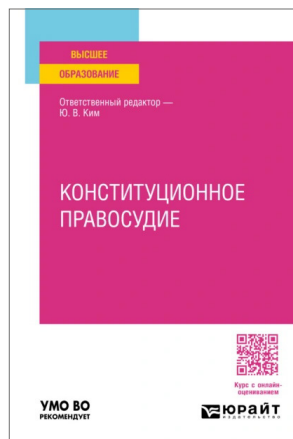
Citation: Komarova V. V. Constitutional Justice for Universities by Yu. V. Kim (Moscow: Yurait, 2024): A Book Review. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(4): 622–624. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-4-622-624>

Received 23 Sep 2024. Accepted after review 15 Oct 2024. Accepted for publication 15 Oct 2024.

Введение

Представленное на рецензирование учебное пособие [1] предназначено для обеспечения учебного процесса, реализуемого на основе рабочих

программ дисциплин «Конституционное правосудие», «Конституционное правосудие и правозащитная деятельность», разработанных в соответствии



Конституционное правосудие:
учебное пособие для вузов,
отв. ред. Ю. В. Ким. М.:
Юрайт, 2024. 394 с.

с федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования по направлениям подготовки «Судебная и прокурорская деятельность» (специалитет) (приказ Минобрнауки России № 1058 от 18.08.2020¹), «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специалитет) (приказ Минобрнауки России № 1138 от 31.08.2020²), «Юриспруденция» (бакалавриат) (приказ Минобрнауки России № 1011 от 13.08.2020³), «Юриспруденция» (магистратура) (приказ Минобрнауки России № 1451 от 25.11.2020⁴), образовательными программами и учебными планами.

При составлении учебного пособия использован опыт аналогичных учебно-методических разработок, получивших признание [2–4], а также значительный объем специальной и нормативно-правовой литературы.

Содержание и характеристика учебного пособия

Основной целью учебного курса является овладение студентами знаниями о сущности и ценностях конституционализма, системе конституционного контроля и механизме обеспечения конституционности, роли, функциях и значении органов конституционного правосудия в охране конституции, конституционного строя, конституционных прав и свобод личности.

В соответствии с обозначенной целью построена система курса, включающая пять разделов:

- Раздел I. Теоретические и правовые основы конституционного правосудия

- Раздел II. Организация конституционного правосудия
- Раздел III. Общие правила конституционного судопроизводства
- Раздел IV. Особенности производства в Конституционном Суде Российской Федерации по отдельным категориям дел
- Раздел V. Конституционное правосудие в отдельных зарубежных странах

Структурно и содержательно учебное пособие ориентировано на раскрытие предмета дисциплины, лаконично сформулированного следующим образом: генезис, эволюция и современное состояние отечественной и зарубежных моделей конституционного контроля и конституционного правосудия, правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда, а также практика конституционного судопроизводства в России и в отдельных зарубежных странах.

Понятие *конституционное правосудие* в настоящем учебном пособии интерпретируется в нескольких значениях, что продиктовано многофакторным характером воздействия этого института на параметры государственности и системообразующим значением его для развития правовой системы общества. Системообразующее начало проявляется в многоаспектном представлении института конституционного правосудия в структуре государственности, что обеспечивает ее функционирование именно как правового явления.

Достоинством учебного пособия является то, что оно составлено на основе обобщения объемного теоретического и нормативного материала, адекватно передающего многогранный характер отечественной модели конституционного контроля.

Авторам пособия удалось с необходимой степенью информативности сочетать доктринальный, историко-правовой, сравнительно-правовой, нормативный и учебно-методический материал при раскрытии основных тем учебного курса. Это делает пособие монографичным и вызывающим научный интерес, а также привлекательным и удобным для реализации учебно-познавательных задач. Поэтому многие положения, освещающие систему судебного конституционного контроля и практику конституционного судопроизводства как в России, так и в отдельных зарубежных

¹ Об утверждении ФГОС высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность. Приказ Минобрнауки России № 1058 от 18.08.2020 (ред. от 27.02.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

² Об утверждении ФГОС высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности. Приказ Минобрнауки России № 1138 от 31.08.2020 (ред. от 27.02.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

³ Об утверждении ФГОС высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Приказ Минобрнауки России № 1011 от 13.08.2020 (ред. от 27.02.2023). *СПС КонсультантПлюс*.

⁴ Об утверждении ФГОС высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция. Приказ Минобрнауки России № 1451 от 25.11.2020. *СПС КонсультантПлюс*.

странах, привлекательны и в научно-исследовательском, и дидактическом аспектах.

В частности, теоретической новизной характеризуются положения, которые существенно шире, чем это сложилось в специальной литературе, представляющие круг субъектов-носителей функций судебного конституционного контроля в России. Таковыми в соответствии с действующим законодательством являются и суды общей, и суды арбитражной юрисдикции. Одновременно они выступают в качестве необходимых передаточных звеньев в механизме судебного конституционного контроля, что проявляется в характере взаимодействия последних с Конституционным Судом, в восполнении судами общей юрисдикции субфедерального уровня выпадающей функции конституционного нормоконтроля на уровне субъектов Российской Федерации (в контексте упразднения ст. 27 Федерального конституционного закона «О судебной системе РФ»). С существенным расширением состава субъектов обращения в Конституционный Суд (ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») в несколько ином ракурсе видится и сам механизм судебного конституционного контроля, неотъемлемыми звеньями которого, наряду с Прокуратурой РФ и Уполномоченным по правам человека РФ, становятся иные органы публичной власти и должностные лица, а также потенциально неограниченный перечень юридических лиц и общероссийских организаций. В новом свете, особенно после расширения в 2020 г. полномочий Президента РФ по обращению с запросами в Конституционный Суд (пункты «а», «б», «в» ч. 51 ст. 125 Конституции РФ), проявляются функции по конституционному контролю главы государства и его место в механизме судебного конституционного контроля. При этом авторами пособия справедливо подмечено, что закрепленное за Президентом РФ полномочие по отмене постановлений и распоряжений Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ и федеральным законам

конкурирует с нормоконтрольными прерогативами Конституционного Суда (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ).

Интересным и полезным в познавательном плане видится подбор зарубежных органов конституционного правосудия, статус и правоприменительная практика которых изложены в актуализированном, ранее не освещавшемся в отечественной литературе контексте (США, Австрия, Испания, Португалия, Франция).

Заключение

Пособие включает удачную подборку учебных заданий (вопросов для самоконтроля, тестов, аналитических и ситуационных заданий), предполагающих основательное погружение в действующее конституционное законодательство и изучение богатой правоприменительной практики. Оригинальные контрольно-измерительные материалы, способствуя закреплению полученных знаний обучающимися, позволяют одновременно выполнять процедуры оценивания знаний, умений, навыков на соответствующих этапах формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Следует отметить структурную выверенность учебного материала, четкость и ясность изложения.

Изложенное позволяет рассматривать рецензируемое учебное пособие «Конституционное правосудие» как отвечающее предъявляемым требованиям. Настоящее пособие может быть рекомендовано для опубликования и использования в учебном процессе в юридических вузах.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов, отв. ред. Ю. В. Ким. М.: Юрайт, 2024. 394 с. [*Constitutional justice: A textbook for universities*, ed. Kim Yu. V. Moscow: Iurait, 2024, 394. (In Russ.)]
2. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебное-конституционное право и процесс. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2012. 591 с. [Vitruk N. V. *Judicial and constitutional law and process*. 4th ed. Moscow: Norma, 2012, 591. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsovhx>
3. Будаев А. М., Васильев С. А., Дорошенко Е. Н. и др. Конституционный судебный процесс. М.: Норма, 2017. 352 с. [Budaev A. M., Vasiliev S. A., Doroshenko E. N. et al. *Constitutional judicial process*. Moscow: Norma, 2017, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuwgga>
4. Белых М. Л., Белых С. В., Головкова А. Ю. и др. Конституционный судебный процесс. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023. 392 с. [Belykh M. L., Belykh S. V., Golovkova A. Yu. et al. *Constitutional judicial process*. 4th ed. Moscow: Norma, 2023, 392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycxvnf>

Указатель статей, изданных за 2024 г. в журнале
«Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки»

| | Стр. | № |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|---|
| КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ | | |
| <i>Варич Л. А., Желонкина Е. С., Морозова И. С.</i> Особенности проявления нейродинамических и когнитивно-личностных показателей иностранных студентов в процессе адаптации к условиям обучения в вузе | 1 | 1 |
| <i>Гумовская Г. Н., Луканичева М. А.</i> Особенности репрезентации эмоциогенных ситуаций во время пандемии в произведениях Джо Хилла (на материале романа «Пожарный») | 322 | 3 |
| <i>Кабахидзе Е. Л.</i> Язык как ключ к реальности: от философии имени к дискурсу | 21 | 1 |
| <i>Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А., Шот Ю. С.</i> Диалогический дискурс в медицинской практике: когнитивно-речевые проявления и специфика организации | 458 | 4 |
| <i>Каменева В. А., Рабкина Н. В., Румянцева А. А.</i> Сравнительный анализ средств лексической когезии устных текстов, созданных подростками с ВПС после оперативного вмешательства и их условно здоровыми сверстниками | 33 | 1 |
| <i>Кузина Е. В., Корнеева А. В.</i> Психосемантический анализ восприятия концепта <i>судьба</i> | 329 | 3 |
| <i>Лебедева С. О.</i> Особенности функционирования когнитивных процессов в период после перенесенного инсульта | 283 | 3 |
| <i>Лицкевич Е. Ю.</i> Проявления речевых компетенций у русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва в условиях естественного тувинско-русского билингвизма | 41 | 1 |
| <i>Немолочная Н. В.</i> Нейрокогнитивные предикторы академической успешности обучения в образовательном учреждении интернатного типа | 437 | 4 |
| <i>Самоходкин Е. В., Тимохович А. Н.</i> Особенности функционирования когнитивных процессов студентов в ситуациях прослушивания различных музыкальных жанров | 9 | 1 |
| <i>Федорцева И. А., Тубалова И. В.</i> Особенности метода ассоциативного эксперимента и его роль в когнитивных исследованиях | 466 | 4 |
| <i>Филь Т. А., Мозолева Н. В., Сапина Е. А.</i> Теоретический обзор методов исследования когнитивных функций и психоэмоциональных состояний спортсменов | 295 | 3 |
| <i>Чуриков И. Ю.</i> Проявления психофизиологических, когнитивных и регуляторных процессов студентов высшего и профессионального образования | 445 | 4 |
| <i>Эльзон А. А., Тимохович А. Н.</i> Исследование влияния социальных медиа на протекание когнитивных процессов и проявления эмоциональных состояний преподавателей вуза | 310 | 3 |
| ПЕДАГОГИКА | | |
| <i>Азади Р., Валипур А.</i> Анализ влияния просодических единиц и интонационных моделей персидского языка у иранских студентов на выражение ИК-7 в русском языке | 49 | 1 |
| <i>Арлашева Л. В., Казин Э. М., Абаскалова Н. П., Губанова М. И.</i> Педагогическая модель совершенствования здоровьесберегающей компетентности педагога основного общего образования | 57 | 1 |
| <i>Белова Е. Н., Синьковская И. Г., Лукина А. К., Квитковская С. И.</i> Образ будущего молодежи как основание ее демографического поведения: междисциплинарный подход | 479 | 4 |
| <i>Гавришев А. А.</i> Разработка способа расчета стоимости монтажа инженерных ограждений при изучении дисциплин инженерно-технической защиты | 69 | 1 |
| <i>Гейнце Л. А.</i> Научно-методическое сопровождение как инструмент профессионально-личностного развития педагогов в системе дополнительного профессионального образования | 75 | 1 |
| <i>Головко О. Н., Данько Ю. В.</i> Совершенствование профессиональных компетенций преподавателя иностранного языка в условиях непрерывного педагогического образования | 89 | 1 |

| | Стр. | № |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|---|
| Губанова М. И., Приходько Е. В. Активизация образовательной деятельности обучающихся педагогического колледжа: методы и формы организации | 489 | 4 |
| Игумнова О. В. Структура и профориентационный потенциал учебного пособия «Legal English: Law, Crime and Punishment» (X–XI классы) | 109 | 1 |
| Камбалина П. А. Теоретические аспекты патриотического воспитания курсантов в образовательных организациях ФСИН России | 346 | 3 |
| Картавцева А. П., Григорьева Н. В., Зябрева С. Э., Погромская А. И. Особенности вовлеченности студенческой молодежи из различных регионов Российской Федерации в волонтерскую деятельность | 502 | 4 |
| Кропотова М. Ю. Программно-методическое обеспечение готовности будущих педагогов к инновационной деятельности на разных уровнях образования | 355 | 3 |
| Лицкевич Е. Ю. Ведущий вид дисграфии и его особенности у учащихся начальных классов в условиях естественного тувинско-русского билингвизма | 338 | 3 |
| Печерина О. В. Реализация принципа преемственности в организации физкультурной деятельности школьников | 365 | 3 |
| Позднякова Е. В. Диадное учебное исследование с математическим контекстом как средство диагностики уровня сформированности метапредметных умений школьников | 525 | 4 |
| Попович О. Ю. Внедрение искусственного интеллекта на занятиях по развитию речи с китайскими студентами | 539 | 4 |
| Сунгатуллина З. Ф. Эффективность электронного учебного курса в обучении английскому языку в университете | 373 | 3 |
| Черных Н. С., Осипова С. И. Сущность и структура компетентности самоменеджмента обучающегося вуза | 100 | 1 |
| Шукурова И. В., Орехова Е. Ю., Денеко М. В. Развитие критического мышления студентов неязыковых направлений при изучении иностранного языка | 513 | 4 |
| ПРАВО | | |
| Абросимова Е. А. К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов | 231 | 2 |
| Амиров К. С. Российская национальная правовая система: советский и постсоветский этапы. Сравнительный анализ | 558 | 4 |
| Бахтеев Д. В., Цветкова А. Д. Модели интеграции современных технологий в правоохранительную деятельность | 222 | 2 |
| Винниченко Д. О. Правовые традиции и ценности как предмет конституционно-правового исследования | 384 | 3 |
| Гаврилов Е. О. Дискуссионные аспекты и перспективы внедрения электронного правосудия | 546 | 4 |
| Галковская Н. Г. Гражданское или административное: механизм перехода из одного вида судопроизводства в другой на этапе возбуждения производства по делу | 602 | 4 |
| Гарбуз Г. С. Непосредственное и опосредованное как парные криминалистические категории | 410 | 3 |
| Гончаров В. В. Многообразие форм общественного контроля в России как его принцип | 119 | 1 |
| Даньшин А. В. Институт народных заседателей в Китайской Народной Республике: история становления и современные инновации | 136 | 1 |
| Жевлакович С. С., Лукинский И. С., Сумина А. В. Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху | 585 | 4 |
| Калюжный А. Н. Алгоритмы разрешения следственных ситуаций предварительного этапа расследования преступлений против свободы личности | 419 | 3 |
| Канакова А. Е. Человек есть цифровая личность, или у человека есть цифровая личность? | 126 | 1 |

| | Стр. | № |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|---|
| Ким Ю. В. Имеет ли политическая история смысл: к вопросу о превратностях эволюции государства и учения о нем | 394 | 3 |
| Курносов А. А. Особенности рассмотрения запроса третейского суда о содействии в получении доказательств | 241 | 2 |
| Липчанская М. А., Шиндина А. В. Концепция развития местного самоуправления в условиях цифровой трансформации управления | 159 | 2 |
| Лонская С. В. Формирование профессиональной судебной корпорации в России (XVIII–XXI вв.) | 195 | 2 |
| Мартемьянов А. В. Советские концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ как выражение исправительно-трудовой политики | 568 | 4 |
| Минникес И. В. Записки, резолюции и штаты в системе нормативных правовых актов Российской империи в начале XIX века | 205 | 2 |
| Моторина И. С. Преимущества примирительных процедур для сторон в судебном процессе | 253 | 2 |
| Розе М. А. Направления совершенствования государственной судебной политики в области судебных расходов в контексте доступности правосудия | 148 | 1 |
| Русакова Е. П., Чернышева Т. А. Новое направление развития искусственного интеллекта и технологии блокчейн как драйвер в достижении доверительного, доступного и действенного цифрового правосудия для уязвимых слоев населения в Уганде | 611 | 4 |
| Рябусова А. В. Общетеоретические аспекты правового регулирования определений суда первой инстанции: понятие и классификация | 428 | 3 |
| Сорокина О. С. Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции | 593 | 4 |
| Терехова Л. А. Современные тенденции определения подведомственности споров | 263 | 2 |
| Трезубов Е. С., Колмогоров С. А. Критерии соответствия первичного встречного обеспечения его каузе | 271 | 2 |
| Трофимов В. В. Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как вектор развития российской правотворческой системы | 576 | 4 |
| Филиппова Н. А. Правовая природа публичной власти: доктрина и закон | 167 | 2 |
| Фомичева О. А. Демократизм как базовый принцип в организации законотворческого процесса федеральной территории в России | 177 | 2 |
| Чечелев С. В. Становление и развитие институтов прямой демократии в США: историко-правовой аспект | 214 | 2 |
| Шугрина Е. С. Перераспределение полномочий по решению вопросов местного значения в материалах правоприменительной практики | 187 | 2 |
| РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ | | |
| Комарова В. В. Рецензия на книгу: Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов, отв. ред. Ю. В. Ким. М.: Юрайт, 2024. 394 с. | 622 | 4 |

**Index of articles published in 2024 in the journal
"Bulletin of Kemerovo State University. Humanities and Social Sciences"**

| | Pages | Issue |
|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|-------|
| COGNITIVE SCIENCES | | |
| Churikov I. Yu. Psychophysiological, Cognitive, and Regulatory Processes in University and College Students | 445 | 4 |
| Elzon A. A., Timokhovich A. N. Effect of Social Media on Cognitive Processes and Emotional States in University Teaching Staff | 310 | 3 |
| Fedortseva I. A., Tubalova I. V. Association Experiment and Its Role in Cognitive Studies | 466 | 4 |
| Fil T. A., Mozolevskaya N. V., Sapina E. A. Cognitive Functions and Psycho-Emotional States in Athletes: Review of Assessment Methods | 295 | 3 |
| Gumovskaya G. N., Lukanicheva M. A. Emotive Situations in Pandemic Environment in Joe Hill's <i>Fireman</i> | 322 | 3 |
| Kabakhidze E. L. Language as Key to Reality: From Philosophy of Name to Discourse | 21 | 1 |
| Kameneva V. A., Potapova N. V., Rumyantseva A. A., Shot Yu. S. Dialogic Discourse in Medical Practice: Cognitive, Verbal, and Structural Features | 458 | 4 |
| Kameneva V. A., Rabkina N. V., Rumyantseva A. A. Means of Lexical Cohesion in Oral Speech: Teenagers Operated for Congenital Heart Disease vs. Apparently Healthy Peers | 33 | 1 |
| Kuzina E. V., Korneeva A. V. Concept of Fate: Psychosemantic Analysis | 329 | 3 |
| Lebedeva S. O. Cognitive Processes in Post-Stroke Period | 283 | 3 |
| Litskevich E. Yu. Speech Competencies in Russian-Speaking Monolinguals of the Tyva Republic in the Context of Tuvan-Russian Bilingualism | 41 | 1 |
| Nemolochnaya N. V. Neurocognitive Predictors of Academic Performance in a Residential Educational Institution | 437 | 4 |
| Samokhodkin E. V., Timokhovich A. N. Cognitive Processes in Students Exposed to Different Musical Genres | 9 | 1 |
| Varich L. A., Zhelonkina E. S., Morozova I. S. Neurodynamic, Cognitive, and Personal Characteristics of Foreign Students during Adaptation to University Environment | 1 | 1 |
| LAW | | |
| Abrosimova E. A. Contractual Responsibility of Marketplaces | 231 | 2 |
| Amirov K. S. Russian National Legal System: Comparative Analysis of Soviet and Post-Soviet Stages | 558 | 4 |
| Bakhteev D. V., Tsvetkova A. D. Models of Integrating Modern Technologies into Law Enforcement Activities | 222 | 2 |
| Chechelev S. V. Legal History of Direct Democracy Institutions in the USA | 214 | 2 |
| Danshin A. V. Institute of People's Assessors in the People's Republic of China: History and Modern Innovations | 136 | 1 |
| Filippova N. A. Legal Nature of Public Authority: Doctrine and Law | 167 | 2 |
| Fomicheva O. A. Democratism as a Basic Principle for Legislative Processes on Russia's Federal Territories | 177 | 2 |
| Galkovskaya N. G. Civil or Administrative: Transition from One Type of Proceedings to Another during Commencement Stage | 602 | 4 |
| Garbouz G. S. The Direct and The Indirect as Paired Forensic Categories | 410 | 3 |
| Gavrilov E. O. Discussion on Prospects for E-Justice | 546 | 4 |
| Goncharov V. V. Diversity Principle of Public Control in Russia | 119 | 1 |
| Kaliuzhnyi A. N. Preliminary Investigation of Crimes Against Personal Liberty: Algorithms for Resolving Investigative Issues | 419 | 3 |

| | Pages | Issue |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------|--------------|
| Kanakova A. E. Man Equals Digital Personality vs. Man Has Digital Personality | 126 | 1 |
| Kim Yu. V. Does Political History Make Sense? Evolution of State and Its Studies | 394 | 3 |
| Kurnosov A. A. Subpoena of Evidence from Arbitration Court | 241 | 2 |
| Lipchanskaya M. A., Shindina A. V. Concept of Local Government Development during Digital Management Transformation | 159 | 2 |
| Lonskaya S. V. Development of Professional Judicial Corporation in Russia in XVIII–XXI centuries | 195 | 2 |
| Martemyanov A. V. Soviet Concentration and Forced Labor Camps as Correctional Labor Policy | 568 | 4 |
| Minnikes I. V. Notes, Resolutions, and States in the System of Normative Legal Acts of the Russian Empire in the Early XIX Century | 205 | 2 |
| Motorina I. S. Benefits of Conciliation Procedures in Legal Practice | 253 | 2 |
| Roze M. A. Directions for Improving State Judicial Policy in Legal Costs in the Context of Justice Accessibility | 148 | 1 |
| Rusakova E. P., Chernysheva T. A. Artificial Intelligence and Blockchain in Improving Trust, Accessibility, and Efficiency of Digital Justice for Vulnerable Population in Uganda | 611 | 4 |
| Ryabusova A. V. Legal Regulation of Ruling Made at Court of First Instance: General Theory, Concept, and Classification | 428 | 3 |
| Shugrina E. S. Reauthorization of Local Issues in Law Enforcement Practice | 187 | 2 |
| Sorokina O. S. Socio-Legal Conditions of Expanding Criminal Law against Illegal Alcohol Trafficking | 593 | 4 |
| Terekhova L. A. Modern Trends in Determining the Jurisdiction of Disputes | 263 | 2 |
| Trezubov E. S., Kolmogorov S. A. Primary Undertaking in Damages and its Cause: Criteria for Compliance | 271 | 2 |
| Trofimov V. V. Legal Co-Creation of Public Authorities and Civil Society as Trajectory of Russian Law-Making System | 576 | 4 |
| Vinnichenko D. O. Legal Traditions and Values as a Subject of Constitutional and Legal Research: Methodological Aspects | 384 | 3 |
| Zhevlakovich S. S., Lukinsky I. S., Sumina A. V. AI-Generated Child Pornography: Legal Challenges in Digital Age | 585 | 4 |
| PEDAGOGY | | |
| Arlasheva L. V., Kazin E. M., Abaskalova N. P., Gubanova M. I. Pedagogical Model for Improving the Health-Saving Competence of a Basic General Education Teacher | 57 | 1 |
| Azadi R., Valipour A. Effect of Persian Prosodic Units and Intonation Patterns on Intonation Pattern No. 7 in Iranian Students of Russian | 49 | 1 |
| Belova E. N., Sinkovskaya I. G., Lukina A. K., Kvitkovskaya S. I. Future Envisaged by Young Population as Predictor of Demographic Behavior: Interdisciplinary Approach | 479 | 4 |
| Chernykh N. S., Osipova S. I. Self-Management Competence in University Students: Essence and Structure | 100 | 1 |
| Gavrishev A. A. Calculating Costs of Engineering Obstacle Installations as Part of Engineering and Technical Protection Disciplines | 69 | 1 |
| Geintse L. A. Scientific and Methodological Support of Teachers as a Tool for Developing Professional and Personal Competencies in Advanced Professional Education | 75 | 1 |
| Golovko O. N., Danko Yu. V. Improving Professional Competencies of Foreign Language Teachers in the Context of Continuous Teacher Education | 89 | 1 |
| Gubanova M. I., Prikhodko E. V. Facilitating Academic Activity at Teachers' Training College: Methods and Forms | 489 | 4 |

| | Pages | Issue |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|--------------|--------------|
| Igumnova O. V. Structure and Career Guidance Potential of Legal English: Law, Crime, and Punishment for High-School Students | 109 | 1 |
| Kambalina P. A. Patriotic Education in Russian Military Schools under Federal Penitentiary Service: Theoretical Aspects | 346 | 3 |
| Kartavtseva A. P., Grigoreva N. V., Zyabreva S. E., Pogromskaya A. I. Engaging Students from Different Regions of the Russian Federation in Volunteering Activities | 502 | 4 |
| Kropotova M. Yu. Raising Readiness for Innovative Activities in Future Teachers at Different Levels of Education | 355 | 3 |
| Litskevich E. Yu. Predominant Dysgraphia in Primary-School Students in Natural Tuvan-Russian Bilingual Environment | 338 | 3 |
| Pecherina O. V. Continuity Principle in Physical Education at School | 365 | 3 |
| Popovich O. Y. Artificial Intelligence in Oral Language Development Classes with Chinese Students | 539 | 4 |
| Pozdnyakova E. V. Mathematical Research Task in Pairs as a Means of Assessing Meta-Subject Skills in Schoolchildren | 525 | 4 |
| Shukurova I. V., Orekhova E. Yu., Deneko M. V. Developing Critical Thinking in Non-Linguistic Students as Part of Foreign Language Acquisition | 513 | 4 |
| Sungatullina Z. F. E-Learning Course of English in University Curriculum | 373 | 3 |
| BOOK REVIEWS | | |
| Komarova V. V. Constitutional Justice for Universities by Yu. V. Kim (Moscow: Yurait, 2024): A Book Review | 622 | 4 |

Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки =
Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences

Контакты для сотрудничества

Морозова Ирина Станиславовна, главный редактор,
КемГУ; ishmorozova@yandex.ru

Трезубов Егор Сергеевич, зам. главного редактора
по направлению «Право», КемГУ; egortrezubov@mail.ru

Федькина Анна Петровна, ответственный секретарь,
КемГУ; j.juredu@yandex.ru

Contacts for co-operation:

Irina S. Morozova, Editor-in-Chief, Kemerovo State
University; ishmorozova@yandex.ru

Egor S. Trezubov, Deputy Editor-in-Chief in the direction
of Law, Kemerovo State University; egortrezubov@mail.ru

Anna P. Fedkina, Executive Secretary,
Kemerovo State University; j.juredu@yandex.ru

Литературный редактор, корректор –
Анна Петровна Федькина.
Литературный редактор (английский язык) –
Надежда Владимировна Рабкина.
Верстка и дизайн – Наталья Викторовна Митько.

Literary editor, proof-reader – Anna P. Fedkina.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 05.11.2024.

Дата выхода в свет 14.11.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А4.

Усл. печ. л. – 23,25. Уч.-изд. л. – 21.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

vestnik-hss.kemstu.ru

